

КРУПСКАЯ

ЖЕНЩИНА!
УЧИСЬ ГРАМОТЕ!

ЭХ, МАМАНЯ! БЫЛА
БЫ ТЫ ГРАМОТНОЙ,
ПОМОГЛА БЫ МНЕ!

Леонид
Млечин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Когда большевики взяли власть и В. И. Ленин возглавил Советскую Россию, Надежда Константиновна Крупская стала одним из руководителей мощной идеологической структуры государства. Но держалась всегда в тени своего великого мужа. Она в буквальном смысле посвятила ему свою жизнь. То, что Крупская сделала для Ленина, — подвиг. С этим согласятся те, кто сам испытал муки, страдания, видя, что делает неизлечимая болезнь с близким, дорогим человеком. Ленин ушел из жизни рано, оставил ее одну перед вихрями жестокого времени. На глазах Крупской были уничтожены почти все соратники вождя революции, которые были и ее друзьями. В своей новой книге писатель Л. М. Млечин рассказывает о том, что сблизило Крупскую и Ленина, на чем основывались их отношения, почему Крупская вызывала антипатию у И. В. Сталина, какова ее роль в строительстве нового, социалистического государства.

знак информационной продукции 16+

- [Л. М. Млечин](#)
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ЗНАКОМСТВО С ИЛЬИЧОМ](#)
 - [НЕВЕСТА-ЗАОЧНИЦА](#)
 - [ДЕДУШКА С БИОГРАФИЕЙ](#)
 - [ПОЧЕМУ У НИХ НЕ БЫЛО ДЕТЕЙ?](#)
 - [ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ПРОБА СИЛ](#)
 - [КАМО ПРИНОСИТ АРБУЗ](#)
 - [ГАЛСТУКИ И РЕФОРМЫ](#)
 - [ДРУГ И ТОВАРИЩ — ПРОВОКАТОР](#)
 - [МИРОВАЯ ВОЙНА](#)
 - [ИМПЕРАТОРСКИЙ ПОЕЗД. РОКОВОЙ МАРШРУТ](#)
 - [НЕМЕЦКИЕ ДЕНЬГИ](#)
 - [ВАГОН В СПЕЦПОЕЗДЕ](#)
 - [ЗИМНИЙ ВЗЯТ!](#)
 - [СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ТОВАРИЩ МИНИСТРА](#)
 - [НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ](#)

- [НЕНУЖНЫЕ ФАКУЛЬТЕТЫ](#)
 - [ВЕЛИКИЙ СОБЛАЗНИТЕЛЬ](#)
 - [МУЖ ИЛИ РАБОТА](#)
 - [ГЛАВНЫЙ ИДЕОЛОГ](#)
 - [СОРАТНИКИ СТАРЕЮТ И БОЛЕЮТ](#)
 - [ПЕРВЫЕ СИМПТОМЫ](#)
 - [НЕПОНЯТНАЯ БОЛЕЗНЬ](#)
 - [ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ](#)
 - [РОЛЬ ИМПЕРАТРИЦЫ НЕ ДЛЯ НЕЕ](#)
 - [ЖИЗНЬ В ГОРКАХ](#)
 - [У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОГО МУЖА](#)
 - [ПОСЛЕДНИЙ ГОД ВМЕСТЕ](#)
 - [СМЕРТЬ НА РУКАХ У ЖЕНЫ](#)
 - [ПУЛЯ ОКАЗАЛАСЬ СМЕРТЕЛЬНОЙ](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [ОЧЕРЕДЬ К МАВЗОЛЕЮ](#)
 - [«СЕМЕРКА» ДЕЙСТВУЕТ](#)
 - [СРАЖЕНИЕ ЗА ГОРОД ЛЕНИНА](#)
 - [МЕЖДУ ДРУЗЬЯМИ И ПАРТИЕЙ](#)
 - [«БАРМАЛЕЙ» И «МУХА-ЦОКОТУХА»](#)
 - [ЛУНАЧАРСКИЙ УХОДИТ](#)
 - [НАРКОМПРОС СДАЕТ ПОЗИЦИИ](#)
 - [ЦК ПЕРЕУСТРАИВАЕТ ШКОЛУ](#)
 - [ВЫСТРЕЛ В КРЕМЛЕ](#)
 - [НОВЫЙ НАРКОМ](#)
 - [СМЕРТЬ НАКАНУНЕ СЪЕЗДА](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. К. КРУПСКОЙ](#)
 - [ЛИТЕРАТУРА](#)
-

Л. М. Млечин
Крупская

ОТ АВТОРА

Н. Крупская

Вечером 16 апреля 1917 года особый поезд, проделавший большой путь через половину разорванной войной Европы, прибыл на Финляндский вокзал в Петрограде. А это были пасхальные дни. Газеты не выходили, заводы не работали. Но вокзал был заполнен. Революционный город устроил пассажирам поезда торжественную встречу. С наибольшим почетом принимали одного из них.

Надежда Константиновна Крупская вспоминала, что ее муж этого совершенно не ожидал. Накануне, 15 апреля, из города Торнео он телеграфировал сестрам, чтобы не забыли встретить и заодно оповестили товарищей по партии: «Приезжаем понедельник ночью. Сообщите “Правде”».

Владимир Ильич Ленин вовсе не предполагал, что его так уж ждут. Вообще не знал, как его примут. Он не был на родине десять лет. Все эти годы на чужбине он оставался всего лишь лидером небольшой эмигрантской группы. Плохо представлял себе, что творится в России после Февральской революции. Потому они с женой были потрясены приемом.

«Встречать его пришли тысячи рабочих и работниц, — рассказывала Крупская. — Вся площадь перед Финляндским вокзалом была залита народом. Площадь освещалась движущимися лучами прожекторов. На перроне стоял, выстроившись вдоль всей платформы, почетный караул».

Дорога из Швейцарии в Россию заняла не один день. Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская помнили, как после поражения первой революции покидали Россию тайно, опасаясь ареста и потому стараясь не привлекать к себе внимание. И возвращаясь, волновались, размышляя над тем, что их ожидает в стране, которую они давно не видели.

«Остались в памяти глубокие сумерки, — вспоминал один из попутчиков. — Первая ночь в трудной дороге. Пассажиры достаточно за день наговорились, напелись, теперь укладывались спать. Владимир Ильич, засунув руки в карманы, подолгу и сосредоточенно смотрел в окно. Вместе с ним была его жена».

На Финляндском вокзале, увидев, как его встречают, Владимир Ильич внезапно осознал, что он, много лет томившийся в эмиграции, — народный вождь, чье слово важно для огромного числа людей. Значит, есть кому воплотить в жизнь идеи, которые он вынашивал почти два десятилетия. И в этот день решилась судьба России.

С вокзала они с Надеждой Константиновной поехали в бывший особняк балерины Кшесинской, где расположился большевистский ЦК. Товарищи по партии, с нетерпением ожидавшие вождя, устроили ужин. Из запломбированного поезда Ленин вышел голодный. Его младшая сестра Мария Ильинична Ульянова вспоминала: «Помню, с какой жадностью он накинулся на курицу, которую ему подали, когда он вернулся».

Ленин впервые открыто выступал в России перед товарищами по партии. Некоторые из них его никогда не видели. Они слушали его с надеждой. Крупская внимательно наблюдала за реакцией большевистских лидеров на слова ее мужа, хотела понять, кто за Владимира Ильича, а кто сомневается в его лидерстве. Ночевать поехали к его старшей сестре Анне Ильиничне Ульяновой — в ее квартиру на Широкой улице, дом 53.

Своего жилья человек, который через несколько месяцев возглавит правительство России, не имел. У него не было ни имущества — они

вернулись из Швейцарии налегке, — ни денег, стремительно терявших ценность. Но рядом с ним находилась жена, друг, соратник — Надежда Константиновна, на которую он мог во всём положиться. Она останется рядом с ним до самого его смертного часа.

А ему нужны были абсолютные единомышленники. До приезда Ленина в Петроград его соратники в большевистском руководстве были настроены вполне миролюбиво в отношении Временного правительства, управлявшего страной после отречения императора. И не приняли ленинского призыва немедленно брать власть.

Восьмого апреля 1917 года главный орган большевиков газета «Правда» писала, откликаясь на требование Владимира Ильича — вся власть Советам: «Схема т. Ленина представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в социалистическую».

Даже в его собственной, тогда еще малочисленной партии мало кто знал Ленина. В мае 1917 года «Солдатская правда» поместила статью Крупской «Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии». Надежда Константиновна впервые рассказывала о Ленине тем, кто не имел о нем никакого представления. Кто лучше ее мог это сделать?..

Владимир Ильич вернулся в Россию весной 1917-го немолодым и нездоровым. Один из встречавших его на вокзале вспоминал: «Когда я увидел вышедшего из вагона Ленина, у меня невольно пронеслось: “Как он постарел!” В приехавшем Ленине не было уже ничего от того молодого, живого Ленина, которого я когда-то видел в скромной квартире в Женеве и в 1905 году в Петербурге. Это был бледный изношенный человек с печатью явной усталости».

Да и Крупская не могла похвастаться богатырским здоровьем. Незадолго до возвращения в Россию, в середине февраля 1917 года, Ленин писал сестре из Швейцарии, благодарил за присланные деньги и жаловался: «Работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая... Мы живем по-старому, очень тихо. Надя частенько прихварывает».

А ведь годы до возвращения в Россию из эмиграции прошли для Ленина и Крупской сравнительно спокойно и комфортно. Они занимались в основном литературным трудом, старались побольше отдыхать, гулять на природе, дышать горным воздухом. Исходили из того, что на успех больше рассчитывать не приходится, новой революции им не дожидаться и, видимо, остаток жизни придется провести в эмиграции.

В октябре 1917-го Владимир Ильич смело взял на себя управление огромной страной, погрузившейся в хаос и вынужденной вести войну. И одна только Надежда Константиновна всегда и во всём поддерживала его и никогда не сомневалась в его правоте. Только она понимала, насколько хрупок его организм и какую непосильную ношу он взвалил на себя. И потому он уйдет из жизни первым, очень рано. Оставит ее одну, беззащитную перед вихрями жестокого времени.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БОЕВАЯ ПОДРУГА

ЗНАКОМСТВО С ИЛЬИЧОМ

Надежда Константиновна Крупская родилась 14 (по новому стилю 26) февраля 1869 года в Санкт-Петербурге. Как и многие революционеры того времени, по сословной принадлежности — дворянка. Ее родители были сиротами. Оба учились на казенный кошт.

Константин Игнатьевич Крупский помимо Константиновского кадетского корпуса окончил в 1837 году Михайловское артиллерийское училище, был выпущен подпоручиком и определен в расквартированный в царстве Польском, в городе Кельце (неподалеку от Варшавы), Смоленский полк 7-й пехотной дивизии. Там же служил и его старший брат Александр Игнатьевич Крупский.

Мать — Елизавета Васильевна, дочь горного инженера Василия Ивановича Тистрова, поступила в Павловский военно-сиротский институт благородных девиц.

Дочь рассказывала о матери: «Очень хорошая ученица, она имела пониженный балл за поведение, зато была любимицей класса. Стащить форшмак у классной дамы и накормить им голодных подруг, устроить бомбардировку двери “мочалки” (начальницы), не моргнув, выдержать крики и выговоры классной дамы-немки, не отвечать урока, потому что другие девочки не выучили его, взять на себя вину других — на это она была первой мастерицей».

В 1858 году Елизавета Васильевна получила звание домашней учительницы. Нашла место гувернантки троих детей помещика Русанова в Виленской губернии. Полк, где служил молодой офицер Крупский, располагался совсем рядом. Русанов устраивал званые вечера, на одном из них встретились поручик Крупский и очень красивая Елизавета Васильевна и полюбили друг друга. Надежда — их единственная дочь.

Елизавета Васильевна явно была одаренным человеком, но не имела возможности реализоваться. Она сочинила для пятилетней дочери книжку в стихах под названием «Детский день». Ее издали в Варшаве на русском и польском языках. Это описание жизни девочки Нади. Начинается оно так:

Солнце чуть в окно заглянет,
Надя вмиг с постельки встанет,
Не лежит напрасно в ней.
А оденется скорей.

Отец Надежды Константиновны служил в генерал-губернаторстве, потому что после раздела Речи Посполитой к Российской империи отошла значительная часть ее территории и населения. Поляки не смирились с разделом, одно восстание следовало за другим. В российском обществе поляков воспринимали как «бунтарский народ» и упрекали за «неблагодарность» (см.: Вопросы истории. 2007. № 7).

Константин Крупский изучал польский язык и сочувствовал польским повстанцам во время национально-освободительного восстания 1863–1864 годов, когда в России многие возненавидели поляков. Для Крупского, который придерживался народнически-социалистических взглядов, и его семьи генерал от инфантерии граф Михаил Николаевич Муравьев, отличившийся при подавлении польского восстания, был «вешателем».

— Мы жили в Польше, — вспоминала много позже Надежда Константиновна, — и это много дало мне в понимании национального вопроса. Национальное угнетение Польши царизмом нельзя было не чувствовать.

Строевая карьера Крупского не прельщала. Он поехал учиться в только что открытую Военно-юридическую академию. После ее окончания в 1870 году получил назначение в небольшой польский город Груец (Гроец) уездным начальником. Место было так себе, незавидное. Но Крупский старался проявить себя. Построил в городе больницу. Поклонник левых идей, он живо интересовался тем, что происходит в мире. Первый интернационал, объединивший социалистические партии, попросил провести статистическую перепись производителей сельскохозяйственной продукции. Константин Игнатьевич откликнулся. Это дорого обошлось уездному начальнику.

«Мой отец был революционер, — вспоминала Надежда Константиновна. — С ранней молодости примыкал к революционному движению, имел тесную связь с организацией “Земля и воля” 60-х годов, примыкал к движению русского офицерства, стоявшего во время Польского восстания на стороне поляков. Потом кончил Военную юридическую академию, поехал служить в Польшу, боролся с угнетением поляков и евреев, имел связь с I Интернационалом и проводил в жизнь постановление Лондонской конференции I Интернационала о работе среди сельскохозяйственных рабочих. Отец собирал сведения о быте рабочих, о непорядках на фабрике и куда-то отсылал».

В 1872 году Крупского уволили «за превышение власти» и отдали под

суд. Варшавская судебная палата запретила ему занимать государственные должности. Семья осталась без средств к существованию. Константин Игнатьевич искал работу, но безуспешно. Жили очень скудно. Помогал старший брат — Александр Игнатьевич.

Пока Константин Крупский находился под следствием, ему даже воспрещалось жить в столице. Так что мать одна повезла дочь в Петербург учиться. Двоюродный брат Елизаветы Васильевны, профессор-филолог, подготовил Надю к гимназии.

Крупский не смирился с обвинительным приговором. Апеллировал к Сенату. Тяжба длилась долго. Через восемь лет он добился справедливости. 28 апреля 1880 года Уголовный кассационный департамент Правительствующего сената отменил приговор и оправдал Константина Игнатьевича. Но тем временем у Нади, которая не смогла освоиться в гимназии, произошел нервный срыв. Ей исполнилось всего 11 лет. Отец забрал ее из казенной гимназии и отправил в деревню отдыхать и приходить в себя.

«Константин Александрович Варгунин, бумажный фабрикант, пригласил отца быть фабричным инспектором в городе Угличе на бумажной фабрике, — вспоминала Надежда Константиновна. — Отец отдал меня в гимназию Оболенской, где руководство было из людей, примыкавших к “Земле и воле” шестидесятых годов и где училось много детей тогдашних ее участников».

Частная гимназия княгини Александры Алексеевны Оболенской готовила девочек к поступлению в высшие учебные заведения. Директором служил Александр Яковлевич Герд, известный педагог, которого приглашали преподавать наследнику престола и великим князьям. У него в гимназии царила доброжелательная атмосфера.

«Никто на нас не кричал, — вспоминала Надежда Константиновна, — дети держали себя свободно, были дружны между собой, и я со многими подружилась. Учиться было очень интересно».

В этой гимназии учились будущая актриса Вера Федоровна Комиссаржевская, дочери председателя Совета министров Петра Аркадьевича Столыпина Александра и Ольга, Ариадна Владимировна Тыркова, которая станет членом ЦК кадетской партии...

Как и ее мать, способностями природа Надежду Крупскую не обделила. У нее были актерские данные, она прекрасно читала стихи и хотела стать актрисой. Любила рисовать — карандашом. Писала портреты, пейзажи. А потом перестала рисовать и даже не хотела вспоминать о былом увлечении.

Реабилитация отца пришла слишком поздно. Крупский заболел туберкулезом — неизлечимой тогда болезнью. Работать уже не мог. Получал небольшую пенсию. Прожил он недолго. Константин Игнатьевич скончался от туберкулеза легких 23 февраля 1883 года. Ему было всего 44 года.

После смерти отца Надежда Крупская с матерью бедствовали. Девочке только-только исполнилось 14 лет. В том же году ушел из жизни и брат отца Александр Игнатьевич, который, пока мог, помогал им. Его вдова, Эмма Александровна, осталась с пятнадцатилетней дочерью Еленой и шестилетним сыном Александром.

Две семьи зарабатывали, как умели. Елизавета Васильевна преподавала ученикам иностранные языки, Эмма Александровна — музыку и пение. Они сдавали внаем комнаты, брали переписку — пишущие машинки еще не появились, и всё, включая официальные документы, писалось от руки.

Впоследствии, став женой вождя, Надежда Константиновна не забывала родных, выручала их из беды. Через много лет, 17 декабря 1919 года, она, уже живя в Кремле, получила телеграмму от Татьяны Филипповны Крупской, жены двоюродного брата, с отчаянным призывом о помощи: «Надюша, Владимир Ильич, муж лежит в госпитале в Эстонии, сообщил бежавший коммунист, обмен пленными возможен, выручайте, дорогие. Жду ответа, послала заказное письмо».

Эстония к тому времени уже отделилась от России. Надежда Константиновна передала записку мужу: «С Григорием я говорила, но обмен пленными зависит, вероятно, не от него, скажи кому надо, чтобы выменяли Шуру на эстонца».

Григорий — это Григорий Евсеевич Зиновьев, старый друг ленинской семьи, а в ту пору хозяин Ленинграда и всего Северо-Запада. Крупская приписала имя-отчество своего родственника: «Александр Александрович, имя жены его: Татьяна Крупская, адрес: Мариенбург Петроградской губернии. Мариенбургская ул., дом 4».

Ленин обратился к человеку, чью надежность и исполнительность высоко ценил, — к Эфраиму Марковичу Склянскому, заместителю Троцкого в Реввоенсовете Республики и Наркомате по военным и морским делам: «т. Склянский! Это — родственник моей жены. Кому и как дать телеграмму (составьте проект)».

Советская власть пустила в ход все рычаги, и 5 марта 1920 года родственника Надежды Константиновны Александра Крупского освободили. Ленин написал торговому уполномоченному РСФСР в

Эстонию Исидору Эммануиловичу Гуковскому, недавнему наркному финансов: «Благодарю за Крупского, его отправьте в Гатчину».

Сын двоюродного брата Надежды Константиновны — Михаил Александрович Крупский по рекомендации Ленина поступил в инженерное училище, на флоте дослужился до вице-адмирала. А племянница Крупской работала в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Но мы забежали вперед.

В 1886 году Надежда Константиновна окончила семилетнюю гимназию Оболенской с золотой медалью. Проучившись еще год, получила диплом домашней наставницы. Занималась с девочками, которые жили в пансионе при гимназии. Преподавала математику в Петербургском профессиональном женском училище Пospеловой. Давала уроки арифметики и алгебры, что ей очень нравилось.

В сентябре 1889 года Крупская поступила на историко-филологическое отделение Высших женских курсов (Бестужевских).

Курсы именовались Бестужевскими, потому что прежде ими руководил граф Бестужев-Рюмин. Они просуществовали полтора десятка лет. Однако консервативные чиновники не принимали саму идею высшего образования для женщин. В 1886 году совещание — с участием представителей Министерства внутренних дел и под председательством министра народного просвещения графа Ивана Давыдовича Делянова — приняло решение: «Необходимо пресечь дальнейшее скопление в больших городах девиц, ищущих не столько знаний, сколько превратно понимаемой ими свободы».

Император Александр III по предложению министра закрыл женские курсы. Но вовсе лишить женщин права учиться не решились. В 1889 году император позволил возобновить прием на Петербургские высшие женские курсы. Правда, теперь это было частное учебное заведение и никаких прав выпускникам не давало. Открыли два отделения — историко-филологическое и физико-математическое. Надежда Константиновна поступила на курсы, как только они открылись. Учившихся там девушек по традиции именовали «бестужевками».

Крупская, мечтавшая учиться, слушала лекции и на физико-математическом отделении, но ей довольно быстро стало скучно. Через полгода, в январе 1890 года, она ушла. Вместо Бестужевских курсов Надежда Константиновна посещала марксистские кружки, знакомилась с людьми, увлеченными левыми идеями.

Двадцать девятого августа 1891 года она начала преподавать — бесплатно — в 1-й мужской вечерней воскресной школе для взрослых в

селе Смоленском за Невской заставой (Смоленские классы). Таких школ было две — для мужчин и для женщин. Три раза в неделю вечером приходили рабочие с Невской заставы, а в воскресенье занятия проводились после обедни. Школа существовала на деньги Николая Александровича Варгунина, брата того самого Варгунина, у которого когда-то на бумажной фабрике недолго работал ее отец. Николай Варгунин и дал Надежде Константиновне записку к заведующей школой — Ольге Петровне Поморской.

Крупская преподавала русский язык и литературу. А также читала лекции по географии Европы и России, которые превратились в рассказы о социальном положении рабочих. Давала своим ученикам книги, чтобы они приучались читать. Близким ее другом была учительница той же Смоленской школы Лидия Михайловна Книпович, бывшая народоволка. В первую русскую революцию она станет секретарем Одесского комитета большевиков. В той же школе работала и Зинаида Павловна Невзорова-Кржижановская. После революции она станет заместителем Крупской в Наркомате просвещения.

Для заработка Крупская устроилась переписчиком счетного отдела Управления казенных железных дорог. Надежда с матерью жили на Старом Невском в скромной квартире: две комнаты и кухня. На письменном столе Надежды стоял портрет отца. «Помню ее всегда в черном или коричневом, гладко сшитом платье или в черной кофточке, — вспоминала ее подруга. — Наряды она не любила».

Крупская состояла в подпольном петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». В конце февраля 1894 года на квартире инженера-энергетика Роберта Эдуардовича Классона, тоже увлекшегося марксизмом, произошла историческая встреча — Надежда Константиновна познакомилась с Владимиром Ильичом Ульяновым, больше известным под псевдонимом Ленин. Инженер Классон после революции участвовал в разработке первого плана электрификации страны (ГОЭЛРО).

Ленин сразу понравился девушке, что называется, произвел впечатление. Ничего удивительного — хорошо воспитанный, широко образованный, из интеллигентной семьи молодой человек. Красиво и увлекательно говорит, неплохо поет. И когда говорит, у самого глаза загораются.

Зимой 1895 года Владимир Ильич заболел гриппом, который дал неприятное осложнение — воспаление легких. Крупская навещала больного, познакомилась с его мамой, которая многое определяла в жизни сына.

В ночь с 8 на 9 декабря 1895 года Ленина арестовали. Единомышленники поручили Крупской общаться с ним, по возможности навещать его в заключении, посылать ему книги. На следующий год началась стачка текстильщиков. Ее организаторы учились в той самой школе, в которой преподавала Надежда Константиновна. Вот тогда полиция обратила внимание на дочь коллежского асессора Крупскую, участвующую «в преступной пропаганде среди рабочих». В ночь на 12 августа 1896 года в ее доме провели обыск. Надежду Константиновну арестовали.

Второго сентября 1896 года ее допросили подполковник отдельного корпуса жандармов Филатов и товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда В. И. Носович. Сохранились показания Крупской. Она все отрицала: «Я не признаю себя виновной в принадлежности к какому-либо преступному сообществу и, в частности, к “Союзу борьбы за освобождение рабочего класса”. Я около пяти лет состою учительницей воскресной школы по Шлиссельбурге кому тракту».

Десятого сентября 1896 года ее отпустили под негласный надзор полиции. А 28 октября опять арестовали. Теперь они с Лениным сидели в одном доме предварительного заключения, переписывались.

«Осенью 1896 года, — вспоминал его младший брат Дмитрий Ульянов, — я приехал в Питер на пару дней. Ходил на свидание к Владимиру Ильичу в дом предварительного заключения. Свидание было за двойной решеткой. Между решетками стоял или ходил надзиратель, который запрещал говорить на иностранных языках и следил, чтобы никаких передач не было. Я в первый раз нюхнул тюрьмы».

Двенадцатого марта 1897 года Крупская неожиданно оказалась на свободе. Дело в том, что в Трубецком бастионе Петропавловской крепости сидела народоволка и слушательница Высших женских курсов Мария Ветрова, арестованная по делу о подпольной типографии. Протестуя против тюремных нравов, Ветрова облила себя керосином из лампы и подожгла. Ходили слухи, что ее изнасиловал жандарм. Ей было 27 лет. Надежду Константиновну Крупскую, как и некоторых других женщин, находившихся в предварительном заключении, после этого громкого дела выпустили на поруки. Вердикта суда она ожидала дома.

Тем временем решила судьба Владимира Ильича. Ульянова-Ленина приговорили в 1897 году к ссылке в Иркутскую губернию. Но он попросил у властей «ввиду слабости здоровья — место ссылки в пределах Енисейской губернии, желательно в Красноярском или Минусинском округах»

Товарищи упрекали Ленина: «Моральный кодекс революционера не

позволяет просить власти о смягчении наказания или других послаблениях». Но, судя по всему, этот принцип воспринимался более как эталон, нежели как жизненное кредо.

Власть пошла молодому человеку навстречу. Вместо холодного и необжитого Туруханского края, куда позднее угодил административно-ссылный Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин), Ленин отправился в село Шушенское Минусинского края; местный климат ссыльные считали просто-таки благодатным.

НЕВЕСТА-ЗАОЧНИЦА

Надежда Константиновна Крупская была, говоря современным языком, «заочница», то есть женщина на воле, которой зэки пишут обширные и жалостливые послания. Сидевшие в тюрьмах революционеры просили товарищей подобрать им «невесту», то есть девушку, которой бы разрешались свидания с ними.

Из тюрьмы и Ленин передал через сестру Марию Ильиничну просьбу, чтобы к нему пришла «невеста». «Я не думала, мне надо пойти или кому другому, — вспоминала Надежда Константиновна. — Пошла я, и оказалось, что это было правильно».

Ленин стал называть ее невестой. Обычно заочникам обещают, выйдя на свободу, жениться на них. Но Крупская сама оказалась под судом. В конце декабря 1897 года ей объявили приговор: три года ссылки в Уфимской губернии. А Ленин из Шушенского звал ее к себе. Как же это организовать? Вступить в брак.

Крупская написала, что готова приехать: «Ну что ж, женой так женой». Обратилась к министру внутренних дел с просьбой изменить ей место ссылки. «Мне дали три года Уфимской губернии, — рассказывала Крупская, — я перепросилась в село Шушенское Минусинского уезда, где жил Владимир Ильич, для чего объявилась его невестой».

И Ленин отправил такое же прошение. Ответа ждали долго.

Крупская писала Марии Ильиничне Ульяновой: «Относительно моего отъезда... Ничего я, Маня дорогая, не знаю... Я всё надеялась, что приговор будет объявлен 4-го марта, и тогда бы мы выехали 10-го вечером. Но приговор отложили до 11-го марта... Завтра пойду опять в департамент. Так мне не хочется, чтобы моя поездка откладывалась».

Боялась, что если всё затянется, снег начнет таять и дороги станут непроезжими. Но ответ пришел положительный. Царская власть решила не мешать людям, пусть даже и осужденным, вступить в брак. В середине апреля 1898 года Надежда Константиновна отправилась в дальний путь — в село Шушенское к жениху. 7 мая 1898 года добралась до места, которое станет историческим. Ленин в тот день ушел на охоту. Цель ссылки состояла лишь в изоляции осужденного. Иных ограничений не предполагалось. Владимиру Ильичу не запрещали владеть оружием, так что он увлекся охотой.

Но выяснилось, что регистрация брака — непременно условие, при

котором Крупской разрешат остаться в Шушенском. 10 мая 1898 года возмущенный Ленин писал матери: «Надежде Константиновне, как ты знаешь, поставили трагикомическое условие: если не вступит немедленно (sic) в брак, то назад в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начинаем “хлопоты” (главным образом прошения о выдаче документов, без которых нельзя венчать), чтобы успеть обвенчаться до поста...»

Десятого июля 1898 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна обвенчались. Обручальные кольца для венчания им выковал из медного пятака ссыльный финн Оскар Александрович Энгберг, который когда-то был учеником ювелира. Но колец они не носили. «Пришлось венчаться, проделать эту комедию», — рассказывала Крупская. Зато теперь она стала получать положенное ссыльным казенное пособие.

Они, верно, намеревались заключить что-то вроде фиктивного брака, дабы облегчить себе жизнь, а соединились навсегда. Административно-ссыльная Крупская приехала к Ленину с матерью, Елизаветой Васильевной, набожной женщиной, воспитанницей Института благородных девиц. Надежда Константиновна с матерью никогда не расставалась. Теща зятю попалась золотая. Она-то и наладила молодым быт.

Не будь тещи, не видать Ленину домашнего уюта. Умение вести хозяйство не входило в число достоинств Надежды Константиновны...

«Летом некого было найти в помощь по хозяйству, — вспоминала Крупская. — Случалось, я опрокидывала ухватом суп с клецками, которые рассыпались по исподу. Потом привыкла. В октябре появилась помощница, тринадцатилетняя Паша, худущая, с острыми локтями, прибравшая к рукам всё хозяйство».

После смерти Ленина в Москве открыли посвященный ему музей. «Надежда Константиновна просматривала экспозиции залов, давала ценные советы, указания, рекомендации, — вспоминала Антонина Андреевна Федорова, лектор Центрального музея Ленина. — Будучи уже больной, она ходила с нами по залам музея, слушала наши объяснения экскурсантам, а затем обсуждала вместе с нами, что особенно важно не упустить при раскрытии образа Ленина, чего следует избегать». Экскурсоводы этого не понимали, а Надежда Константиновна отстаивала свое право на память о муже, внутренне протестуя против догматической сталинской историографии.

В одном из залов музея экспонировалось пальто Владимира Ильича (очень небольшое по размеру, посетители поражались, каким же невысоким был вождь мирового пролетариата). Кто-то из лекторов

удивился:

— Надежда Константиновна, а почему же на пальто разные пуговицы, кто же их пришил?

Крупская рассмеялась:

— Ну, если разные, то это, наверное, я пришила.

Брак Ленина и Крупской не назовешь ранним. Обоим было под тридцать. Нет оснований сомневаться, что Владимир Ильич стал для Надежды Константиновны первым мужчиной.

Девушкой Крупская была вполне симпатичной. По словам ее подруг, «у Нади была белая, тонкая кожа, а румянец, разливавшийся от щек на уши, на подбородок, на лоб, был нежно-розовый. Дома она не закалывала волосы в прическу, и ее длинная пышная коса спускалась ниже пояса. Глаза Крупской были серовато-зеленоватые, она сама говорила, что цвет глаз и волос у нее “петербургский”... Но у нее не было ни тщеславия, ни самолюбия. В ее девичьей жизни не нашлось места для любовной игры».

В юности она вращалась в кругу радикально настроенных молодых людей, снабжавших ее нелегальной литературой. Они вместе читали труды Карла Маркса, другие запрещенные сочинения, жарко спорили. Дальше разговоров дело не шло. В те времена добрачные интимные отношения у женщин решительно осуждались.

О мужском опыте Владимира Ильича известно мало, хотя молодому мужчине из дворянской семьи определенные развлечения и шалости вполне дозволялись. Был бы интерес...

Биограф Ленина, эмигрант, рассказывал такую историю: «Некая дама приехала в Женеву со специальной целью познакомиться с Лениным. У нее от Александры Михайловны Калмыковой (та давала деньги на издание “Искры”) было письмо к Ленину. Она была уверена, что будет им принята с должным вниманием и почтением.

После свидания дама жаловалась всем, что Ленин принял ее с “невероятной грубостью”, почти “выгнал” ее. Когда Ленину передали о ее сетованиях, он пришел в величайшее раздражение:

— Эта дура сидела у меня два часа, отняла меня от работы, своими расспросами и разговорами довела до головной боли. И она еще жалуется! Неужели она думала, что я за ней буду ухаживать? Ухажерством я занимался, когда был гимназистом, но на это теперь нет ни времени, ни охоты».

Да было ли это ухажерство и в гимназические годы? Интересовался ли молодой Ульянов девушками, влюблялся ли? Был ли способен к страсти, к нежности?

После его смерти Надежда Константиновна не без некоторой обиды писала: «Владимира Ильича изображают каким-то аскетом, добродетельным филистером-семьянином. Как-то искажается его образ. Не такой он был. Он был человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Любил он жизнь во всей многогранности, жадно впитывал ее в себя».

Крупская не без удовольствия рассказывала, как они познакомились, как Владимир Ильич был ласков, внимателен и даже галантен. Он и романс мог пропеть: «Я вас люблю, люблю безмерно...»

Но, похоже, в жизни революционера Ленина женщины играли незначительную роль. Молодожены сняли новую квартиру, но спали в разных комнатах. Необычно для только что вступивших в брак молодых людей. Не рассматривали ли они первоначально свой союз как чисто деловой, как создание революционной ячейки в борьбе против самодержавия? Но Крупская эту версию отвергала.

«Мы ведь молодожены были, — вспоминала Надежда Константиновна. — Крепко любили друг друга. Первое время для нас ничего не существовало. То, что не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти». Но она же и заметила: «Никогда не мог бы он полюбить женщину, с которой бы он расходился во взглядах, которая не была бы товарищем по работе».

Владимир Ильич как человек просвещенный смотрел на брак иными глазами, чем большинство мужчин его времени. Не только в России, но и в других европейских странах в ту пору женщина была совершенно несамостоятельна и почти что бесправна в браке.

Даже имущество женщины принадлежало ее мужу. Традиция эта была настолько важна, что когда в 1868 году в передовой Англии размышляли, не наделить ли замужнюю женщину правом чем-то владеть, лондонская газета «Таймс» решительно возразила: это разрушит брак как таковой, потому что брак основан на том, что «у одного есть власть, а другая ему подчиняется». Если жена станет финансово независимой, она «практически освободится из-под мужниного контроля, пойдет туда, куда ей хочется, и станет делать то, что ей нравится».

Женщинам не считали нужным давать образование. Не брали на работу, кроме как служанкой или гувернанткой. И это для того, чтобы оставить за мужчиной роль кормильца семьи, а за женщиной — зависимого, подчиненного существа. Феминистки утверждали, что мужчины используют экономическую власть, дабы покупать женщину и заставлять ее обслуживать их на кухне и в постели. Психологи уверяли, что зависимость — потаенная мечта женщины. Дескать, женщины генетически

устроены так, чтобы искать мужчину, который обеспечит ее жизнь и жизнь потомства.

Марксисты же выступали за равноправие полов. Ленин доказывал это своим примером. Он рассматривал брак с Надеждой Константиновной как союз равноправных партнеров.

Теще понравилось, что зять попался непьющий и даже некурящий. Но Владимир Ильич в личном общении был не прост. Природа наделила его фантастической целеустремленностью и железной волей, но хрупкой нервной системой, отмечают историки. От нервных срывов сыпь выступала по телу. Он был очень вспыльчивым, раздражительным, легко впадал в ярость. Быстро уставал и нуждался в отдыхе.

«Все, кто знал Владимира Ильича, — рассказывал его брат Дмитрий, — помнят, как менялось у него настроение. То веселый, смеющийся заразительно, как ребенок, увлекающий собеседника быстрым бегом своей мысли, хохочущий без конца, до слез. То мрачно сдержанный, строгий, ушедший в себя, сосредоточенный, властный, бросающий короткие, резкие фразы, углубленный в разрешение какой-то трудной, важной задачи».

Ленин умел приятно улыбаться и располагал к себе собеседников, вспоминали русские эмигранты, но от его заливистого смеха становилось не по себе.

«У Ленина глаза были карие, в них всегда скользила мысль, — вспоминала революционерка Александра Михайловна Коллонтай. — Часто играл лукаво-насмешливый огонек. Казалось, что он читает твою мысль, что от него ничего не скроешь. Но “ласковыми” глаза Ленина я не видела, даже когда он смеялся».

Он мучился бессонницей, его одолевали головные боли. Утро у него всегда было плохим. Бросалась в глаза его маниакальная забота о чистоте, ботинки он начищал до блеска, не выносил грязи и пятен.

В Шушенском они прожили год и восемь месяцев. Здесь лето жаркое, а зима холодная — до минус сорока градусов. Ленин устроил себе каток и катался на коньках. Крупская писала о муже: «Я помогала ему в работе чем и как могла». Она была первым слушателем и читателем всего им написанного. Помогла перевести с английского языка книгу Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». Вдвоем всего за две недели они перевели с немецкого книгу видного социал-демократа Карла Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика». Своим четким почерком Надежда Константиновна переписывала и рассылала то, что опубликовать было невозможно.

Крупская сообщала из Шушенского свекрови: «Английским языком занимаюсь, читаю, письма пишу, в Володину работу суюсь, гулять хожу, пуговицы пришиваю... Живем мы теперь совсем хозяйственно: обложились навозом, окна вставили, удивительную фортку устроили, сад около дома насадили и забором его огородили».

В Шушенском в 1899 году она и сама написала брошюру «Женщина-работница» — о положении трудящихся женщин в России. Она знала, как им помочь: «Только полная победа рабочих, стремящихся к замене теперешнего строя социалистическим, окончательно освободит женщину». Брошюру отпечатали в 1901 году в Мюнхене без указания имени настоящего автора (на обложке напечатано «автор — Н. Саблина», этой фамилией Крупская иногда пользовалась — в юности она бывала в дачном месте Саблино под Петербургом) и тайно доставляли в Россию.

Здесь брошюру переиздали в нелегальной типографии. Экземпляры попали в полицию. Петербургский комитет по делам печати обнаружил в брошюре признаки преступления, предусмотренного статьей 128 уголовного кодекса: «Оказание дерзостного неуважения верховной власти или порицание установленного основными государственными законами образа правления».

Возбудили уголовное дело против неустановленного автора. Но прекратили по амнистии в связи с 300-летием дома Романовых. Преступную брошюру уничтожили «посредством разрывания на мелкие части».

В первую программу Российской социал-демократической рабочей партии (1903 год) записали важные для революционерок требования: освобождение женщин от работы до и после родов, создание яслей на предприятиях для грудных детей, введение перерывов для кормящих матерей, запрет на работу детей до шестнадцати лет, обязательное образование всех детей обоего пола, снабжение неимущих детей пищей, одеждой и учебниками за счет государства.

Двадцать девятого января 1900 года срок ссылки Ленина истек. Через Минусинск они с Надеждой Константиновной добрались до Ачинска, где сели на поезд и доехали до Уфы. Там Крупской осталось отбывать еще год — под гласным надзором полиции. Она вела занятия в рабочих кружках. Давала частные уроки, чтобы заработать на жизнь. Поселилась в доме 78 на углу улиц Тюремной и Жандармской. Этот адрес был поводом для шуток.

Десятого марта 1900 года потомственный дворянин Владимир Ильич Ульянов обратился с прошением к директору Департамента полиции: «Окончив в настоящем году срок гласного надзора, я вынужден был

избрать себе для жительства из немногих разрешенных мне городов город Псков, ибо только там я нашел возможным продолжить свой стаж, числясь в сословии присяжных поверенных. В других городах я бы не имел никакой возможности приписаться к какому-либо присяжному поверенному и быть принятым в сословие местным окружным судом, а это равнялось бы для меня потере всякой надежды на адвокатскую карьеру.

Будучи вынужденным поселиться в городе Пскове, я позволяю себе повторить ходатайство моей жены и моей тещи о разрешении моей жене, Надежде Константиновне Ульяновой (урожденной Крупской), отбывать оставшуюся еще ей треть назначенного ей срока гласного надзора не в Уфимской губернии, а в городе Пскове».

Ленин ссылался и на то, что в Уфе его жена не может найти себе работу — преподавательскую: «Следовательно, мне придется содержать ее из своего заработка, а я могу рассчитывать теперь на самый скудный заработок (да и то не сразу, а через некоторое время) вследствие почти полной потери мною всех прежних связей и трудности начать самостоятельную юридическую практику... Необходимость содержать в другом городе жену и тещу ставит меня в безвыходное положение и заставляет заключать неоплатные долги. Наконец, я в течение уже многих лет страдаю катаром кишок, который еще усилился вследствие жизни в Сибири, и теперь я крайне нуждаюсь в правильной семейной жизни.

На основании изложенного я имею честь покорнейше просить разрешить моей жене, Надежде Ульяновой, отбывать оставшийся ей срок гласного надзора не в Уфимской губернии, а вместе с мужем в городе Пскове».

Департамент полиции ответил отказом. Жизнь в Пскове, откуда недалеко до обеих столиц, трудно было рассматривать как ссылку. Но Ленину и в Пскове одному было неинтересно. Он поехал в Санкт-Петербург, хотя въезд в столицу ему запретили.

«На другой день утром, — вспоминал его брат, — когда Владимир Ильич вышел из квартиры, где ночевал, его внезапно схватили. Как он рассказывал, “один за правую руку, другой — за левую, да так взяли, что не двинешься”. Отвели в градоначальство — и в камеру. Сидеть было очень скверно. “Инсекты не дают покоя ни днем, ни ночью, — рассказывал Владимир Ильич, — и вообще грязь невозможная, а кроме того, ночью шум. Ругань; как раз около камеры усаживаются каждую ночь в карты играть городовые, шпики”».

Ленина продержали за решеткой десять дней, с 21 по 31 мая 1900 года. Полицейский забрал у него заграничный паспорт. Но Ленин строгим

голосом пригрозил, что станет жаловаться, и тот паспорт вернул. Святые времена...

Владимир Ильич собрался за границу. В середине июня заехал к жене попрощаться. Они провели вместе две недели. Когда Ленин уехал, они стали переписываться, используя тайнопись, которую Крупская вполне освоила.

«Я помогал Надежде Константиновне посылать Ленину нелегальные письма, — вспоминал один рабочий-переплетчик. — Делалось это так: Крупская писала письма тушью на плотной бумаге, я устраивал у книг двойные переплеты, вкладывая туда плотную бумагу, замазывал клейстером и посылал Ленину. Он об этом был предупрежден — опускал переплеты в горячую воду, клейстер растворялся, тушь не смывалась. Он мог прочесть письма».

Не зная, что такое безделье, Надежда Константиновна занялась изучением одновременно французского, немецкого и польского языков. Писала статьи на педагогические темы: «Тип хорошего учителя», «Общественная сторона педагогических вопросов», «Школа и жизнь».

Она скучала без мужа, считала дни до отъезда. Писала младшей сестре Ленина Марии Ильиничне: «Я о весне мечтаю, нет-нет и возвращаюсь к мысли: полтора месяца, а там... там я вовсе поглупею от радости, особенно когда допутешествую до Володи».

Одиннадцатого марта 1901 года истек срок ее ссылки. На следующий день она получила паспорт для заграничной поездки. 13 марта они с Елизаветой Васильевной отправились в далекое путешествие через Москву и Петербург. Надежда Константиновна не мыслила себе жизни без мужа.

ДЕДУШКА С БИОГРАФИЕЙ

Сегодня многие не сомневаются в том, что Ленин совершил Октябрьскую революцию, вверг страну в хаос и разруху, потому что ненавидел Россию. Говорят, что в нем было слишком мало русской крови, потому ему не хватало патриотизма.

Сам Владимир Ильич на редкость мало рассказывал о своей семье. В 1922 году, отвечая на вопросы анкеты, написал: «...отец — директор народных училищ», а о деде с отцовской стороны ответил совсем коротко: «Не знаю». Надежде Константиновне он рассказывал так же мало. Да она и не проявляла особого интереса к его предкам.

Уже после его смерти поклонники Владимира Ильича принялись восстанавливать его генеалогическое древо. Сюрпризом оказались архивные документы относительно его деда с материнской стороны.

Десятого июля 1820 года Израиль Бланк (родившийся в Житомире) принял православие в Сампсониевской церкви столицы. Восприемниками стали: действительный статский советник граф Александр Иванович Апраксин и жена действительного статского советника сенатора Дмитрия Осиповича Баранова Варвара Александровна (все документы приведены в книге Михаила Гиршевича Штейна «Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима». Санкт-Петербург, 1997). Переход в православие в Российской империи был важным событием, представители высшей знати считали для себя почетной обязанностью стать крестными родителями.

Израиль Бланк получил новое имя и отчество — Александр Дмитриевич, поступил в Медико-хирургическую академию на казенный кошт. Дипломированный доктор служил в столице полицейским врачом, затем в Морском ведомстве и, наконец, переехал в Пермь инспектором врачебной управы. Получил чин надворного советника, что давало право на потомственное дворянство. Перед выходом на пенсию приобрел имение — деревню Янасалы (Кокушкино) в Казанской губернии и был внесен в 3-ю часть губернской дворянской родословной книги.

В 1829 году Александр Бланк женился на Анне Иоганновне (Ивановне) Гроссшопф. Ее отец, немец, переехал в Россию в конце XVIII века и занимался экспортом хлеба. Ее мать — Анна Беата (Анна Карловна) Эстедт, предки которой прибыли из Швеции.

У четы Бланк появились на свет сын Дмитрий, затем пять дочерей.

Четвертой (22 февраля 1835) родилась Мария, будущая мать Ленина. Александр Бланк увидел рождение внука — будущего вождя мировой революции. И в том же, 1870 году, скончался на семьдесят первом году жизни.

Четырнадцатого ноября 1924 года секретариат ЦК одобрил предложение Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт): поручить «т. Елизаровой исследование истории семьи Ульяновых».

Сестра Владимира Ильича Анна Ильинична Елизарова-Ульянова отнеслась к делу серьезно. Среди прочего изучила документы о деде-еврее, отправила их в только что созданный Институт Ленина. 28 декабря 1932 года Анна Ильинична обратилась к Сталину: «Исследование о происхождении деда показало, что он происходит из бедной еврейской семьи, был, как говорится в документе о его крещении, сыном житомирского мещанина Бланка... Очень жалею, что факт нашего происхождения не был известен при жизни Владимира Ильича.

Вряд ли правильно скрывать от масс этот факт, который вследствие уважения, которым пользуется среди них Владимир Ильич, может сослужить большую службу в борьбе с антисемитизмом, а повредить ничему не может. У нас ведь не может быть никакой причины скрывать этот факт, а он является лишним подтверждением данных об исключительных способностях семитического племени, что разделялось всегда Ильичом, и о выгоде для потомства смешения племен... Ильич высоко ставил всегда евреев».

В разговоре с Максимом Горьким Ленин, не подозревавший о малой толике еврейской крови, бежавшей в его жилах, заметил: «Умников мало у нас. Мы — народ по преимуществу талантливый, но ленивого ума. Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови».

В этих словах в наше время находят нарочитое пренебрежение русским народом и ставят это Ленину в вину. Но надо знать ленинскую манеру выражаться — резкую и безжалостно-язвительную даже в отношении близких и соратников. Он легко обижал и отдельных людей, и целые партии, сословия и народы.

К тому же Владимир Ильич понимал патриотизм в том смысле, который сформулировал университетский профессор Максим Максимович Ковалевский, депутат Первой Государственной думы: «Он относился к нашим слабостям и недостаткам с той горячностью, с тем необузданным желанием вырвать их с корнем, какого не вызывали в нем общественные недуги и недостатки других стран и народов».

В 1931 году текст горьковского очерка о Ленине был переделан, и резкая фраза исчезла. Не по инициативе сестер или вдовы. Как раз в то время Наркомат просвещения готовил инструктивно-методическое письмо об интернациональном воспитании в школе. Тезисы принесли заместителю наркома Крупской. Она их одобрила:

— Владимир Ильич всей душой ненавидел великодержавный шовинизм. А ведь есть еще среди учителей немало национально ограниченных людей, шовинистов и антисемитов. Вот с ними и надо вести решительную борьбу...

Сестре Ленина Сталин ответил: «Молчать абсолютно». Хотя еще недавно говорил на партийном съезде:

— Если такая сила, как великорусский шовинизм, расцветет пышным цветом и пойдет гулять, никакого доверия со стороны угнетенных народов не будет, никакого сотрудничества в едином союзе мы не построим и никакого Союза Республик у нас не будет.

В 1929 году установили строго соблюдавшееся правило: «Никакие работы по биографии Ленина не могут выходить без ведома и согласия Института Ленина». Документы о происхождении Александра Бланка из архивов изъяли и передали на секретное хранение в ЦК партии.

В начале 1934 года Анна Ульянова-Елизарова, не понимавшая, что происходит, вновь обратилась к Сталину: «Я не знаю, какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замолчания этого факта». Генеральный секретарь не снизошел до объяснений с сестрой покойного вождя. В следующем году Анна Ильинична умерла.

Сталин не желал делиться Лениным ни с его сестрами, ни с вдовой. В августе 1934 года ему отправили на юг, где он отдыхал, редакционную статью, написанную для центрального партийного журнала «Большевик». Вождя текст не устроил. Он считал, что без него не справятся: «Вопрос о статье с изображением роли Ленина в развитии марксистской мысли отложить до моего приезда».

Но исторические изыскания продолжались. Вместо дедушки-еврея появилась бабушка-калмычка — стараниями неутомимой писательницы Мариэтты Сергеевны Шагинян, написавшей роман о Ленине. Она решила, опираясь на одно не очень достоверное исследование, что бабушка Ленина по отцовской линии, Анна Алексеевна Смирнова, вышедшая замуж за Николая Васильевича Ульянова, — калмычка. В скуластом лице Ленина многие находили татарские черты.

Сталин остался крайне недоволен этой книгой. 5 августа 1938 года появилось разгромное постановление политбюро ЦК: «Первая книга

романа Мариэтты Шагинян о жизни семьи Ульяновых, а также о детстве и юности Ленина является политически вредным, идеологически враждебным произведением».

Вину за эту «грубую политическую ошибку» возложили на вдову Ленина, причем самым оскорбительным образом.

«Считать поведение Крупской, — диктовал Сталин, — тем более недопустимым и бестактным, что товарищ Крупская сделала это без ведома и согласия ЦК ВКП(б), за спиной ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепартийное дело составления произведений о Ленине — в частное и семейное дело и выступая в роли монопольного истолкователя обстоятельств общественной и личной жизни и работы Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда никаких прав не давал».

Почему роман Мариэтты Шагинян вызвал такое неприятие у Сталина? Ответ можно найти в постановлении президиума Союза советских писателей, которому поручили разобраться с автором: «Шагинян дает искаженное представление о национальном лице Ленина, величайшего пролетарского революционера, гения человечества, выдвинутого русским народом и являющегося его национальной гордостью».

Иначе говоря, вождь России может быть только стопроцентным русским. Говорить о том, что у Ленина нашлись нерусские предки, категорически запрещалось. Сталинское постановление о Шагинян отменили только 11 октября 1956 года, после XX съезда. Тогда новый состав президиума ЦК решил: «Предоставить право издательствам самостоятельно решать вопрос об издании научных работ и художественных произведений о В. И. Ленине... Воспоминания о В. И. Ленине в виде книг и брошюр, выпуск научных биографий В. И. Ленина издавать с ведома Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС».

Кстати, предположение Мариэтты Сергеевны о родственниках-калмыках не подтвердилось. Отец Владимира Ильича — русский человек. Дедушка вождя, Николай Васильевич Ульянов, был крепостным крестьянином, помещик отпустил его на оброк. Николай Васильевич женился на Анне Алексеевне Смирновой, которая была на 19 лет его моложе.

Так что к родственникам со стороны отца у тех, кто озабочен чистотой крови, претензий нет. Все претензии — к матери Ленина, Марии Александровне Ульяновой. Писатель Владимир Солоухин писал, что не случайно Мария Александровна «натаскивала своих детей на революционную деятельность, на ненависть к Российской империи и — в дальнейшем — на уничтожение ее».

Для Солоухина причина ненависти Марии Александровны к России очевидна: «В том случае, если Анна Ивановна Гроссшопф была шведкой, в матери Ленина по пятьдесят процентов еврейской и шведской крови. Если же Анна Ивановна была шведкой еврейской, то Мария Александровна, получается, чистокровная, стопроцентная еврейка».

В реальности бабушка Ленина, Анна Гроссшопф, имела немецкие и шведские корни. Хотя какое это на самом деле имеет значение?

Сам Владимир Ильич не подозревал о своих нерусских предках. В старой России еще не занимались расовыми изысканиями, не вычисляли процент «чужой» крови. Значение имели религиозные различия. Принявшего православие считали русским человеком.

У Ленина были прогерманские настроения, но скорее не политического свойства. Врачи, инженеры, коммерсанты ценились в основном немецкие — таковы были тогдашние российские традиции. В феврале 1922 года Владимир Ильич писал своему заместителю в правительстве Льву Борисовичу Каменеву: «По-моему, надо не только проповедовать: “учись у немцев, паршивая российская коммунистическая обломовщина!”, но и брать у учителя немцев. Иначе — одни слова».

С одним можно согласиться: мать Владимир Ильич очень любил.

«Находясь в ссылке, — вспоминал один из эмигрантов, — а затем за границей в качестве эмигранта, он писал матери нежные (столь не похожие на него) письма. И в разговоре со мной в Брюсселе, коснувшись своей семьи, он, ко всему и вся относившийся под углом “наплевать”, сразу изменился, заговорив о матери.

Его такое некрасивое и вульгарное лицо стало каким-то одухотворенным, взгляд его неприятных глаз вдруг стал мягким и теплым, каким-то ушедшим глубоко в себя, и он полушепотом сказал мне:

— Мама... знаете, это просто святое.

Этот культ матери наложил на всю семью какой-то тяжелый отпечаток».

Отец Ленина, Илья Николаевич Ульянов, умер 12 января 1886 года. Владимиру тогда не было и шестнадцати лет. Его старший брат Александр родился 31 марта 1866 года в Нижнем Новгороде, где Илья Николаевич преподавал математику. Это потом его перевели директором народных училищ в Симбирск.

В семье Ульяновых все хотели учиться. Александр поступил на естественный факультет Петербургского университета. Старшая дочь, Анна, — на Высшие женские Бестужевские курсы, как и Надежда Крупская.

Александр Ильич Ульянов вместе с другими студентами-социалистами вступил в тайный кружок. Он был сторонником индивидуального террора и участвовал в заговоре с целью убить Александра III. Они собирались сделать это 1 марта 1887 года, когда царь выезжал в Казанский собор. Но заговор провалился. Тех, кто собирался метать бомбы, арестовали прямо на Невском проспекте, остальных взяли дома.

В заговоре, кстати, участвовал Бронислав Пилсудский, брат Юзефа, будущего создателя независимой Польши. Особое присутствие Сената рассмотрело дело 15 апреля 1887 года. Бронислав Пилсудский получил 15 лет каторги. Юзеф Пилсудский в общем ни в чем не был виноват, но его на пять лет отправили в административную ссылку в Сибирь. Этот опыт сказался на отношении первого президента Польши к России.

Пятерых террористов приговорили к смертной казни. В том числе юного Александра Ильича Ульянова. Он отказался просить о помиловании, хотя знал, что это единственная возможность сохранить жизнь. Его повесили в Шлиссельбургской крепости 8 мая 1887 года.

«Несчастливая мать держалась бодро, — вспоминал хорошо знавший ленинскую семью революционер. — Она имела мужество попросить о последнем свидании. И это ужасное свидание состоялось накануне казни. Оно продолжалось всего полчаса. Она сделала еще одну попытку сломать упорство сына. Он остался тверд до последней минуты.

Она ушла со свидания без слез, без жалоб. И в ту ночь она сразу вся поседела. Долгое заболевание, почти безумие овладело ею. Анна Ильинична ухаживала за матерью как за своим ребенком... Она оправилась. Но пережитое наложило на всю ее жизнь свою тяжелую руку и совершенно изменило всю ее природу. Она вся ушла в свое горе.

Холодная и суровая по внешности, но на самом деле глубоко нежная по душе, Анна Ильинична с этой минуты стала нянькой или, вернее, матерью своей матери... Несмотря на все попытки Анны Ильиничны внести свет и уют в жизнь семьи, всеми, бывавшими у Ульяновых, владел не рассеивавшийся ни на одну минуту гнет какого-то могильного чувства, которое всех давило».

Казнь старшего брата, вне всякого сомнения, тяжело сказалась на психике Владимира Ильича. Он старался ни в чем не походить на Александра. Твердо решил, что он-то обязательно добьется успеха. И ничто ему не мешает. Владимир Ульянов прекрасно учился. Словесность ему преподавал (и читал его первые сочинения) директор симбирской гимназии Федор Михайлович Керенский, отец будущего главы Временного правительства. Владимир Ильич решил поступать в Казанский

университет.

Мать пыталась изменить его судьбу. В 1889 году купила хутор неподалеку от Самары в надежде, что Володя займется сельским хозяйством. «Я начал было, — рассказывал Ленин жене, — да вижу — нельзя, отношения с крестьянами ненормальными становятся».

Владимира Ильича учили играть на рояле. У него был хороший слух, музыка давалась ему легко. Но он бросил занятия, потому что считал, что на рояле играют только девочки, для мальчиков это неподходящее дело. А петь любил.

«Владимир Ильич часто пел под рояль с Ольгой Ильиничной, которая хорошо играла, имела голос и умела петь, — рассказывал младший из братьев, Дмитрий. — О ней мало известно. Между тем в годы детства и юношества это был самый близкий, лучший товарищ Владимира Ильича. Она была моложе брата на полтора года. Восемнадцать лет она владела немецким, французским, английским и шведским языками. Она читала массу книг. Про Ольгу Ильиничну можно сказать, что она не работала только тогда, когда спала».

Но Ольга Ульянова, которая собиралась стать учительницей, в мае 1891 года умерла в Петербурге от брюшного тифа. Смерть не только старшего брата, но и любимой сестры тоже не прошла даром. Потери делали Ленина менее эмоциональным, менее чувствительным к чужим страданиям.

ПОЧЕМУ У НИХ НЕ БЫЛО ДЕТЕЙ?

Ленин жил в Мюнхене. Когда приехала теща, быт наладился. А Крупская на многие годы стала его верным помощником. В апреле 1901 года приняла на себя обязанности секретаря редакции партийной газеты «Искра», избавив мужа от раздражавшей его обширной переписки. Этим искусством — с ее точностью, аккуратностью, исполнительностью — она овладела в совершенстве. Из получаемых ею писем из России эмигранты узнавали о том, что происходит на родине.

Как секретарь «Искры» она написала 30 тысяч конспиративных писем. Помнила адреса и имена тех, с кем переписывалась. Как говорил один из социал-демократов, «мы хорошо знали, что “политику” делает сам Ильич, но громоздкую, трудную работу по шифровке и расшифровке переписки ведет Надежда Константиновна».

В конце марта 1902 года через Кёльн и Льеж они перебрались в Лондон. Здесь Владимир Ильич смог работать в Британском музее — лучшей, наверное, научной библиотеке в Европе. Читать по-английски супруги умели. Но разговорный язык им пришлось изучать.

«Она хорошо владела немецким, французским и английским языками, — вспоминала подруга Крупской Зинаида Невзорова-Кржижановская. — Когда это понадобилось по ее обширной переписке как секретаря “Искры”, “Вперед” и “Пролетариат”, она изучила языки польский и еврейский (идиш)».

Весной 1903 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна вернулись в Женеву. Всю дорогу Ленин проболел. Устроились в пригороде Женевы, сняли двухэтажный домик, в котором прожили до 17 июня 1904 года. 34-летний Ленин чувствовал себя плохо. У него мучительно болела голова. Одолевала бессонница. И он не мог справиться со своими нервами. Как вспоминала Мария Ильинична, брат «порой чувствовал себя из-за этого совершенно неспособным».

До 1917 года оставалось еще больше десяти лет. Ленин — совсем еще молодой человек — уже с трудом справлялся с бременем дел, которые сам на себя возложил.

«С Лениным я впервые познакомилась весной 1903 года, когда он приехал в Берн прочитать три лекции по аграрному вопросу, — вспоминала Злата Ионовна Лилина, жена его верного соратника Григория Зиновьева. — Юлий Мартов в одной из статей в “Искре”, не помню, по какому поводу,

назвал Ленина “змеем-искусителем”. И мне горячо захотелось познакомиться с Лениным — “змеем-искусителем”, с Лениным, о котором все говорят и пишут, с Лениным, который занимает умы всех, и друзей, и врагов. Представляла я его себе почему-то крупным мужчиной, вроде Плеханова».

Выступал Ленин в одном из бернских кафе. Публика собралась заблаговременно. Когда появилась Злата Лилина, зал был уже полон. На вопрос кого-то из товарищей, почему она пришла так поздно, шутливо ответила:

— Змей-искуситель без меня не начнет.

— А вы в этом уверены? — поинтересовался небольшой широкоплечий человечек со сверлящими глазами и с улыбкой во всё лицо.

— Уверена, — задорно ответила Лилина.

— Тогда прикажете начинать? Я докладчик.

Злата Лилина обмерла. Владимир Ильич часто потом со смехом напоминал ей о первой встрече... Шутил он большей частью с чужими людьми, с теми, кому не следовало знать о его состоянии. От своих он ничего не скрывал. Жаловался сестре: «Нервы мои истрепаны до чертиков».

Тяжело приходилось и Крупской. Ленин сообщал матери: «Надя утомляется немного». На самом деле она чувствовала себя очень плохо. В июне 1903 года Анна Ильинична Ульянова писала брату Дмитрию: «Я слышала, что Рыбочка совсем исхудала и устала». «Рыбочка» — один из партийных псевдонимов Крупской.

Дмитрий Ильич Ульянов в 1893 году поступил в Московский университет на медицинский факультет и стал врачом. Летом 1903 года он приехал в Женеву навестить старшего брата с семьей. Встретила его одна Елизавета Васильевна, потому что каждое воскресенье Ленин и Крупская уходили или уезжали за город на целый день.

«Уже стемнело, когда Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, усталые, вернулись с прогулки, — рассказывал Дмитрий Ульянов. — У меня осталось впечатление, что Надежда Константиновна не очень охотно участвовала в воскресных прогулках и делала это исключительно для Владимира Ильича. В следующее воскресенье мы отправились с Владимиром Ильичом вдвоем. А Надежда Константиновна, по-видимому, была очень рада, что взамен ее нашелся другой компаньон и она могла на весь день зарываться в свои бумаги и книги».

Похоже, Дмитрию Ильичу отказала проницательность. Надежда Крупская любила гулять с мужем и с удовольствием делала это все годы

совместной жизни. Но когда приехал Дмитрий, — редкий гость, — любезно предоставила братьям возможность побыть вдвоем.

Дмитрий Ульянов пришел к выводу, что брат устроился вполне комфортно: «Они занимали втроем целый домик, который был построен по английскому типу — внизу комнаты две побольше, наверху три маленькие комнатки. Владимир Ильич занимал одну из них, Надежда Константиновна — другую, а третья была предоставлена мне».

Дмитрий Ильич пожелал, как в прежние времена, сыграть с братом в шахматы. Удивился, что у Владимира Ильича не оказалось дома доски. Пошли в кофейню, где и расположились за шахматной доской. Расставили фигуры. Дмитрий Ульянов заказал кружку баварского пива. Ленин предпочел черный кофе. Одну партию они играли четыре с лишним часа.

«У Владимира Ильича, — рассказывал его брат, — было прекрасное правило, которого он сам всегда придерживался и строго требовал того же от партнера: обратно ходов не брать, взялся за фигуру — ею и ходи... Играя со слабейшими игроками, чтобы уравновесить силы, давал вперед ту или иную фигуру. Когда же партнер из самолюбия отказывался, Владимир Ильич обычно заявлял:

— Какой же интерес для меня играть, когда нет надобности думать, бороться, выкручиваться.

У него главный интерес состоял в упорной борьбе, в том, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения».

После революции Владимир Ильич потерял интерес к шахматам. Объяснял, что игра его утомляет. Глава советского правительства предпочитал активный отдых — городки, прогулки, охоту. Но и до революции иногда устраивал себе дни отдыха. Они с женой и тещей уезжали за город на несколько недель, на месяц. Останавливались в пансионе, чтобы Надежда Константиновна и ее мать отдохнули от домашнего хозяйства.

Надежда Крупская стала самостоятельной фигурой среди социал-демократов. Написала для II съезда партии «Доклад организации “Искры”». Поехала на съезд в Брюссель с мандатом от редакции «Искры».

Съезд открылся 17 июля 1903 года. Восемь дней социал-демократы совещались в Брюсселе, потом перебрались в Лондон. 10 августа съезд закрылся. Партия раскололась. Не договорились по ключевым организационным вопросам. Социал-демократы, близкие к немецким однопартийцам, считали целесообразным широко открыть двери партии для всех, кто жаждет социальной справедливости. Они остались в меньшинстве. Лидером меньшевиков стал Юлий Осипович Мартов.

Бескомпромиссные борцы против царизма, желавшие превратить партию в боевой отряд, объединились вокруг Ленина.

«В самодержавной стране, — говорил Владимир Ильич, — чем более мы сузим состав членов такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет “выявить” такую организацию».

Крупская, естественно, поддерживала позицию мужа.

«Надежда Константиновна, — писал Михаил Николаевич Покровский, будущий коллега Крупской по Наркомату просвещения, — была секретарем редакции “Искры”, вся переписка этой газеты, издававшейся за границей, с Россией шла через ее руки. Она была в этом деле не секретарем Владимира Ильича, а его форменным “замом”... Она делала то самое, что делают теперь настоящие, хорошие “замы”, — разгружала Ленина от всей текущей работы... Когда большевики сложились уже в партию, после 1903 года, Надежда Константиновна стала секретарем партии».

Крупская ушла из «Искры», которую теперь редактировали меньшевики. Работала в заграничном отделе ЦК, добиваясь поддержки ленинской линии местными комитетами партии. После II съезда и раскола партии Владимир Ильич поехал по Швейцарии, где обосновалось множество русских эмигрантов, с докладом о разногласиях с меньшевиками.

«Нечего и говорить, — вспоминал один из эмигрантов, — что Ленин был очень интересным собеседником в небольших собраниях, когда он не стоял на кафедре и не распускал себя, прибегая даже к недостойным приемам оскорблений своего противника: перед вами был умный, с большой эрудицией, широко образованный человек, отличающийся большой находчивостью. Он не стеснялся в споре быть не только дерзким и грубым, но и позволять себе резкие личные выпады по адресу противника, доходя часто даже до форменной ругани. Ленин был особенно груб и беспощаден со слабыми противниками...»

Оратору платили гонорар. На собранные им деньги решили издавать свою, большевистскую, газету «Вперед». Крупская стала секретарем новой редакции.

Ленин нервничал невероятно. Несмотря на врожденный бойцовский темперамент, внутрипартийные баталии не проходили для него даром. После раскола, писала Мария Ульянова, «на почве нервного расстройства у него обнаружилось какое-то нервное заболевание, заболевание кончиков

нервов, выразившееся в сыпи, которая очень беспокоила Владимира Ильича. Эта болезнь скоро прошла, но нервное равновесие установилось не скоро».

На старого большевика Михаила Степановича Ольминского, будущего председателя Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б), Владимир Ильич произвел «впечатление человека, почти потерявшего трудоспособность вследствие нервности».

«Зима 1903–1904 годов была чрезвычайно тяжелая, — вспоминала Надежда Константиновна. — Нервы истрепались вконец. Хотелось уйти подальше от людей, забыть на время все дела и тревоги. Горы выручили. Смена впечатлений, горный воздух, одиночество, здоровая усталость и здоровый сон целительно повлияли на Владимира Ильича».

Двенадцатого апреля 1905 года в Лондоне открылся III съезд партии. Крупская была делегатом с совещательным голосом. Меньшевики не приехали, собрались отдельно. Новый, большевистский ЦК утвердил Ленина представителем ЦК. Теперь можно было немного отдохнуть.

«Безделье и безлюдье для меня лучше всего», — признавался Ленин в письме матери. Поразительные слова для человека, которому после 1917 года предстояло руководить огромной страной. Он много гулял и ел. Наставлял жену и тещу:

— Надо доедать всё, а то хозяева решат, что дают слишком много, и будут давать меньше.

«Ленин, у которого никогда не было своих детей, горячо любил детей, — вспоминала Злата Лилина. — Мне Надежда Константиновна рассказывала, как Ильич привязался в ссылке к мальчику одного из товарищей и как тяжело ему было, когда отец отказался отдать мальчика Лениным, когда они должны были уехать из ссылки.

Мне пришлось наблюдать любовь Владимира Ильича к моему сынишке — Степе. Когда Степа родился, Владимир Ильич к нему долго присматривался и всё спрашивал, почему он плачет. Когда Степа начал подрастать, ходить и говорить, между ним и Владимиром Ильичом установилась горячая привязанность. Владимир Ильич бурно, весело, с увлечением играл со Степой. Он никогда не уставал лазить под кровать и диван за мячом Степы. Он носил Степу на плечах, бегал с ним взапуски и исполнял все повеления Степы. Иногда Владимир Ильич и Степа переворачивали всё вверх дном в комнате».

Когда становилось особенно уж шумно, Злата Лилина пыталась утихомирить сынишку, но Ленин неизменно вступался за мальчика:

— Не мешайте, мы играем.

Однажды они гуляли с Владимиром Ильичом. Степа бежал впереди. Вдруг Ленин произнес:

— Эх, жаль, что у нас нет такого Степы...

Степу, которого так любил Ленин, Сталин в 1937 году расстреляет. Как и его отца, Григория Евсеевича Зиновьева, давнего друга и соратника Владимира Ильича.

Крупская признавалась:

— Я так хотела когда-то ребеночка иметь....

Уже в пожилые годы в разговоре с близким человеком делилась:

— Если бы ты знала, как я мечтаю помянуть внука...

А почему, собственно, у них не было детей? Обычных в нашу эпоху анализов им не делали, так что точный ответ невозможен. Через два года после свадьбы, 6 апреля 1900 года, Ленин посетовал в письме матери: «Надя, должно быть, лежит: доктор нашел (как она писала с неделю тому назад), что ее болезнь (женская) требует упорного лечения».

Женские болезни опасны осложнением — бесплодием. Один из историков обнаружил запись, сделанную неким уфимским доктором Федотовым после осмотра Крупской: «Генитальный инфантилизм». Проверить этот диагноз не представляется возможным.

ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ПРОБА СИЛ

Девятого февраля 1904 года началась Русско-японская война. В тот день вблизи корейского порта Чемульпо (ныне Инчхон) в Желтом море произошел бой русского крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с японской эскадрой. Заблокированные на рейде порта, русские моряки не пожелали сдаться. «Кореец» взорвали, «Варяг» затопили.

Империю затрясло из-за того, что интересы России и Японии столкнулись в Китае — тогда куда более далеко от России, чем нынче.

Китай ослаб и не мог сопротивляться соседним державам. Ему пришлось предоставить России в аренду на 20 лет две незамерзающие гавани — Порт-Артур (Люйшунь) и Дальний (Далянь) — и разрешить протянуть в эти порты железнодорожные ветки Транссибирской магистрали. Через территорию Срединной империи прошла Китайско-Восточная железная дорога. Движение поездов началось в июле 1903 года.

Обычно границы на реках проводятся по главному фарватеру. Царское правительство заставило Китай согласиться на границу по урезу воды вдоль китайского берега, в результате река Уссури со всеми островами оказалась российской. Со временем это станет причиной кровавых споров. Остров Даманский, на котором в 1969 году развернутся настоящие бои между советскими пограничниками и китайскими солдатами, кстати говоря, появился лишь в 1915 году: река подмыла китайский берег и часть его стала островом...

Император Николай II рассчитывал на большее. 16 февраля 1903 года военный министр генерал от инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин записал в дневнике: «У нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи».

Но и Япония строила такие же планы в отношении Китая и Кореи. В первую войну с Китаем осенью 1894 года японцам понадобилось всего полтора месяца, чтобы одержать победу. Китайское правительство вынуждено было подписать унижительный договор с Токио, выплатить большую контрибуцию и пойти на территориальные уступки.

Японская армия не была сильнее русской. Но до театра военных действий японцам было куда ближе. Сражение на дальнем пограничье оказалось непосильным для Российской империи. Каждое поражение воспринималось особенно болезненно, потому что XX век начинался со страха перед «желтой опасностью» и отступать перед японцами казалось

невероятным унижением.

Общество возмущалось неумелым военным командованием. Но вот что бросается в глаза: в Маньчжурии сражались практически все будущие вожди Белого движения!

Создатель белой армии Михаил Васильевич Алексеев был генерал-квартирмейстером 3-й Маньчжурской армии и тщетно пытался наладить управление войсками, что оказалось самым слабым местом российских вооруженных сил.

Первый командующий белой армии Лавр Георгиевич Корнилов, тогда начальник штаба 1-й стрелковой бригады, продемонстрировал хладнокровие и мужество под Мукденом, где российская армия потерпела поражение. Антон Иванович Деникин написал рапорт с просьбой отправить его на передовую. Его назначили начальником штаба дивизии, но он несколько раз сам поднимал солдат в атаку.

Адмирал Александр Васильевич Колчак участвовал в обороне Порт-Артура, командовал миноносцем. И генерал Михаил Гордеевич Дроздовский, и барон Петр Николаевич Врангель, последний командующий белой армией, воевали с японцами. Генерал Сергей Леонидович Марков получил пять орденов! Но, как это случится и в Гражданскую войну, личная храбрость и героизм не спасли их от поражения.

Неудачный ход боевых действий показал, что не только армия, вся Россия нуждается в модернизации. Но власть не спешила с реформами. И нетерпение охватило общество! Боевые действия в далекой Маньчжурии едва не разрушили Российскую империю. Неудачная война с Японией стала катализатором революционных настроений.

— Вот японская война, — говорил академик Александр Михайлович Панченко. — Читал в мемуарах графа Игнатьева такой эпизод: сидят два генерала. Один спрашивает: «Батюшка, а где это Япония-то находится?» Второй отвечает: «На островах». — «Ты сам-то, батюшка, не знаешь! Какая ж империя может находиться на островах?» Что нас понесло туда? За каждую проигранную и несправедливую войну русским приходится страшно платить. Война с Японией. Чем мы заплатили? Страшной революцией.

Смута втягивала в себя всю страну. Сразу возникла тема иностранных денег: вот на что делается революция! Тайное сотрудничество японцам предложил вышедший на свободу лидер польских националистов Юзеф Пилсудский. В марте 1904 года он встретился с ними в Лондоне. В июле прибыл в Японию. Обещал разведывательную информацию, саботаж и диверсии внутри России. В обмен просил не только денег, но и поддержать

идею восстановления независимой Польши.

Тринадцатого ноября 1904 года люди Пилсудского провели демонстрацию протеста против призыва поляков на войну с Японией. Устроили несколько диверсий на железных дорогах. На японские деньги Пилсудский купил оружие. Организовал подпольную военную школу. Боевики учились от месяца до полутора. Численность его боевой организации составила 840 человек. У Российской империи появились серьезные враги.

«Я борюсь только потому, что в сортире, каковым является наша жизнь, я не могу жить, — писал Юзеф Пилсудский. — Это оскорбляет меня как человека с нерабским достоинством. А без борьбы, причем борьбы жестокой, я даже не борец, а просто скот, которого бьют палкой или нагайкой. Я поклялся себе, что или сделаю свое, или погибну...»

Юзеф Пилсудский добьется своего: после Первой мировой войны на политической карте Европы появится независимая Польша. А он станет ее президентом.

Первая русская революция позвала эмигрантов в Россию.

Мария Ильинична Ульянова жила с братом и его женой в Женеве. Помогала ему и Надежде Константиновне разбирать почту. Переписка, которую вела Крупская, стала очень интенсивной. Она исключительно серьезно относилась к своим обязанностям, которые многим казались скучными. 22 июля 1905 года распекала Лидию Александровну Фотиеву, секретаря Петербургского комитета партии, которая тяготилась своими функциями: «Вы готовы сбросить работу на первую подвернувшуюся девицу, совершенно к этому делу непригодную. Почему? Потому что работа, которую Вы сейчас ведете, не дает удовлетворения... Простите, что ругаюсь, но, ей-богу, досадно!»

Революция сделала эмиграцию ненужной. 26 сентября 1905 года Крупская констатировала: «Пришли русские бесцензурные газеты. Неизвестно, как дальше быть: закрывать лавочку или годить». В первых числах ноября 1905 года Ленин поехал в Россию. Крупская осталась «на хозяйстве», но вскоре последовала за ним. 18 ноября 1905 года — через Швецию и Финляндию — прибыла на родину. Они с мужем переезжали с места на место, останавливались то у знакомых, то в меблированных комнатах, регистрируясь под чужими фамилиями.

Революция стала полной неожиданностью для императорского дома. Самодержец был поглощен личной драмой.

Тридцатого июля 1904 года в Петергофе, в самый разгар Русско-японской войны, царица Александра Федоровна, которую близкие

называли Аликс, родила наследника.

«Незабвенный великий для нас день, в который так явно посетила нас милость Божия, — записал в дневнике Николай II. — У Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем... Нет слов, чтобы уметь достаточно благодарить Бога за ниспосланное Им утешение в эту годину трудных испытаний!»

Великий князь Константин Константинович пометил в дневнике: «Удивительно крупный ребенок — грудь колесом и вообще имеет богатырский вид». Вес 4660 граммов, рост 58 сантиметров. Золотистые волосы, голубые глаза.

«Цесаревич был прелестным ребенком, — вспоминал швейцарец Пьер Жильяр, преподававший французский язык наследнику русского престола, — с милыми кудряшками и огромными серо-голубыми глазами, обрамленными густыми, загнутыми ресницами. У него был вид здорового, цветущего ребенка, а когда он улыбался, на пухлых щечках появлялись очаровательные ямочки».

Германский кайзер Вильгельм II телеграфировал Николаю II: «Дорогой Ники, как мило, что ты предложил мне быть крестным отцом твоего мальчика! Хорошо то, чего долго ждут, — говорит немецкая поговорка, пусть так и будет с этим дорогим малюткой! Пусть он вырастет храбрым солдатом, мудрым и сильным государственным деятелем, пусть благословение Божие всегда хранит его тело и душу. Пусть он всю жизнь будет тем же солнечным лучиком для вас обоих, как сейчас, во время испытаний!»

«А на сороковой день после рождения, — пишет профессор Аркадий Иванович Танаков, автор книги, посвященной медицинской истории династии Романовых, — у Алексея из пупочной ранки произошло сильное кровотечение — первый симптом гемофилии, наследственного заболевания английской королевской династии.

Гемофилия характеризуется кровоточивостью и обусловленным генетически определенным дефектом образования ряда факторов свертывания крови... В большинстве случаев кровотечения возникают через полчаса-час после травмы. При тяжелых нарушениях свертывания крови кровотечение может возникнуть без видимой причины».

«За одну ночь государь состарился на десять лет, — вспоминал дворцовый комендант Владимир Николаевич Воейков. — Он не мог перенести мысли, что его единственный сын, его любимый Алексей обречен на преждевременную смерть или же на прозябание инвалида. Для царственных родителей жизнь потеряла смысл. Мы боялись улыбаться в их

присутствии. Мы вели себя во дворце как в доме, в котором кто-то умер».

«Лечивший цесаревича доктор сказал мне, — писал Пьер Жильяр, — что малейшая царапина может привести к смерти мальчика, поскольку его кровь не сворачивается, как у нормальных людей. Более того, стенки его вен и артерий столь тонки, что любой удар может спровоцировать их разрыв и вызвать обильное кровотечение... Падение, носовое кровотечение, простой порез — пустяки для обычного ребенка — могли закончиться для него самым фатальным образом».

От этого страшного недуга, от гемофилии, скончались брат императрицы Александры Федоровны Фридрих, ее дядя Леопольд и четырехлетний племянник Генрих. Несчастливая мать думала только об одном — как сохранить единственного сына, продолжателя династии, наследника русского престола.

«Смерть следовала за ним по пятам, готовая поймать в свои когтистые лапы, — вспоминал Пьер Жильяр. — Но мать должна бороться! И любой ценой спасти его! За советом обращались ко всем врачам, но каждый раз лечение оказывалось бесполезным. Когда несчастная мать поняла, что люди бессильны ей помочь, она обратилась к Богу. Только он может сотворить чудо! Поэтому она должна заслужить его вмешательство. Она и по натуре-то была набожна, а теперь окунулась в православие со всем пылом».

«Я много раз видел императрицу на православных церковных службах, на которых паства должна стоять от начала до конца, — писал начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал-лейтенант Александр Александрович Мосолов. — Она стояла совершенно прямо и неподвижно — “как свеча”, по словам одного крестьянина, видевшего ее в то время. Ее лицо совершенно преображалось, и было ясно, что молитвы для нее — не простая формальность...»

Императорская семья постепенно привыкла жить в изоляции от двора, в своей скорлупе... Все мысли были о больном сыне.

«Каждый раз, — вспоминал Пьер Жильяр, — когда царица видела его румянец, или слышала веселый смех, или наблюдала за его шалостями, ее сердце преисполнялось надеждой, и она говорила:

— Бог услышал меня. Он наконец сжалился надо мной.

Затем болезнь вновь ввергала ребенка в пучину боли и страданий и подводила к границе жизни и смерти. Молитвы не приносили спасения. Чудо не совершалось. Отчаяние наполняло сердце царицы. Казалось, весь мир ополчился на нее».

Застигнутый революцией врасплох император пошел на уступки.

Согласился дать конституцию и провести выборы в Государственную думу.

Шестнадцатого октября 1905 года Николай II писал преданному ему генералу Дмитрию Федоровичу Трепову: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось всё большее число людей и в конце концов случилось неизбежное! Тем не менее, по совести я предпочитаю даровать всё сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки придти к тому же».

В первую революцию возникли новые органы власти — Советы. Прежде всего в столице. В октябре 1905 года председателем Петербургского совета рабочих депутатов избрали адвоката-меньшевика Петра Алексеевича Хрусталева (настоящее имя — Георгий Степанович Носарь). Хрусталев-Носарь начал революционную деятельность, еще будучи студентом Петербургского университета вместе с эсером-боевиком Борисом Викторовичем Савинковым.

«Роль Хрусталева-Носаря, — вспоминал художник Юрий Павлович Анненков, — была в той революции значительной, и его прозвали даже “вторым премьером”. Как известно, премьером тогда был граф Сергей Юльевич Витте. Мне запомнился посвященный им обоим шуточный куплет, бывший популярным среди петербургской публики:

Премьером стал у Росса
Богатый инвентарь:
Один премьер — без носа,
Другой премьер — Носарь.

У графа Витте нос был скомканный и в профиль был незаметен, как у гоголевского майора Ковалева».

Но вскоре в Петербургском совете главной фигурой стал Лев Троцкий. Видный партийный публицист Анатолий Васильевич Луначарский, будущий начальник Крупской в Наркомате просвещения, вспоминал, как кто-то сказал в присутствии Ленина:

— Звезда Хрусталева закатывается, и сейчас сильный человек в Совете — Троцкий.

Ленин, который в работе Петросовета участия не принимал, как будто омрачился на мгновение, а потом сказал:

— Что ж, Троцкий заслужил это своей неустанной и яркой работой.

После ареста в ноябре Хрусталева-Носаря председателем Петросовета избрали Троцкого. Впрочем, скоро арестовали и самого Льва Давидовича. Ни допросы, ни камера его не испугали. На суде он вел себя очень смело.

«Популярность Троцкого среди петербургского пролетариата, — продолжал Луначарский, — ко времени ареста была очень велика. Я должен сказать, что Троцкий из всех социал-демократических вождей 1905–1906 гг., несомненно, показал себя, несмотря на свою молодость, наиболее подготовленным. Меньше всего на нем было печати некоторой эмигрантской узости, которая, как я уже сказал, мешала в то время даже Ленину; он больше других чувствовал, что такое государственная борьба. И вышел он из революции с наибольшим приобретением в смысле популярности: ни Ленин, ни Мартов не выиграли в сущности ничего. Троцкий же с тех пор стал в первый ряд».

Троцкий сидел в «Крестах», в Петропавловской крепости. Тюремный режим был либеральным. В камере он много писал, адвокаты выносили его рукописи на волю. В 1907 году его приговорили к вечному поселению в Сибири. По дороге Лев Давидович бежал. Четыре года прожил в Вене, где с октября 1908 года издавал газету «Правда» — это название перейдет потом к главному печатному органу большевиков.

Его предшественника Петра Хрусталева-Носаря сослали в Сибирь. Он тоже бежал из ссылки, но интерес к революционной деятельности утратил. После Февральской революции перебрался на Украину. Власти большевиков не принял. Летом 1919 года его расстреляли в родном городе Переяславле. Обстоятельства смерти Хрусталева-Носаря описал в ноябре 1935 года в письме, отправленном в Институт Маркса-Энгельса-Ленина, сотрудник политотдела свиноводхоза «Социалистический реконструктор»: «Хрусталева-Носарь вел подпольную работу, организуя кулаков на селе против комитетов бедноты — их разбивали, убивали... Приехал его младший брат из белой армии и начал вести контрреволюционную работу. Безусловно, нельзя было давать возможность открыто охаивать советскую власть и партию. Комитет партии решил уничтожить врага диктатуры пролетариата, и такое решение было вынесено революционным комитетом под председательством Крадожена Ивана Ивановича.

Волкова и брата Хрусталева, Носаря Евгения, офицера белой армии, я сам лично расстрелял и бросил в Днепр. Хрусталева-Носарь расстрелян отрядом черниговцев, фамилии командира не помню...»

Во время первой русской революции начальник Петербургского охранного отделения генерал-лейтенант отдельного корпуса жандармов Александр Васильевич Герасимов докладывал министру внутренних дел

Петру Николаевичу Дурново о тревожной ситуации в столице.

— Так что же, по-вашему, надо сделать? — спросил министр.

— Если бы мне разрешили закрыть типографии, печатающие революционные издания, и арестовать семьсот — восемьсот человек, ручаюсь, я успокоил бы Петербург.

— Ну конечно, — ответил Дурново. — Если пол-Петербурга арестовать, то еще лучше будет.

На самом деле первая русская революция завершилась компромиссом между властью и обществом. А вооруженное подполье было подавлено. Не проявивший себя в первую революцию, но обогатившийся ценным опытом Ленин уехал в эмиграцию разрабатывать методы захвата и удержания власти.

КАМО ПРИНОСИТ АРБУЗ

Во время первой революции Крупская в Санкт-Петербурге встречалась с партийцами в столовой Технологического института. Туда однажды явился с огромным арбузом революционер Симон Аршакович Тер-Петросян, больше известный под псевдонимом Камо.

«Камо, — рассказывала Надежда Константиновна, — смущенно улыбаясь, сказал, что тетка прислала мне арбуз. Камо не раз снабжал нас всякими лакомствами кавказского приготовления, неизменно прибавляя, что это прислала тетка».

Симон Аршакович Тер-Петросян был земляком Сталина. Он тоже родился в городе Гори Тифлисской губернии. В семь лет мальчика отдали в армянскую школу, где ему пришлось очень трудно, потому что в семье говорили по-грузински. В 11 лет его определили в городское училище. Там Симона заставляли учить русский язык, которого он не знал и знать не хотел.

Необузданная натура проявилась очень рано. В 16 лет Тер-Петросяна исключили из училища за богохульство на уроке Закона Божия. Больше он учиться не захотел и уехал в Тифлис, где встретил своего земляка Иосифа Джугашвили, который был на два года старше и уже познакомился с марксистскими идеями.

Тер-Петросян так и не научился хорошо говорить по-русски. Слово «кому» он произносил как «камо». Покровительствовавший ему Сталин так его и называл — Камо. Прозвище закрепилось. В 19 лет Камо присоединился к социал-демократам.

В подпольной работе пригодились его находчивость, смелость, мгновенная реакция, умение ладить с людьми плюс природный авантюризм. Он распространял нелегальную литературу, создавал подпольную типографию. В ноябре 1903 года его арестовали, через девять месяцев выпустили. В декабре 1905 года, во время первой русской революции, в схватке с казаками он был ранен и вновь арестован. Просидел два с половиной месяца в тюрьме. Выдал себя за другого и вышел на свободу.

Боевиков Камо большевики использовали для «мокрых дел» — они ликвидировали выявленных осведомителей охранного отделения полиции. Затем Камо поручили доставить в Россию купленное за границей оружие.

Закупкой оружия занимался Максим Максимович Литвинов (Макс

Валлах), будущий главный советский дипломат — нарком иностранных дел. Он родился в 1876 году в Белостоке, окончил реальное училище и поступил на военную службу. В раннем возрасте увлекся социал-демократическими идеями. В 22 года вступил в партию и уже в 1901 году был арестован вместе со всем составом Киевского комитета Российской социал-демократической рабочей партии. Его ждала ссылка, но летом 1902 года вместе с еще одиннадцатью заключенными он бежал из киевской тюрьмы — Лукьяновского замка.

Границы были тогда прозрачными. Как и многие другие социал-демократы, Литвинов перебрался в Швейцарию, где сразу сделал выбор, определивший всю его дальнейшую жизнь — примкнул к Ленину. Владимир Ильич поручил ему финансовые дела. Литвинов стал кассиром партии, и очень скупым. Он завоевал доверие Ленина, вскоре ему поручили более увлекательное, но не в пример опасное дело — транспортировку нелегальной литературы, а затем и оружия в Россию.

Максим Максимович отличался завидным мужеством и хладнокровием. Он несколько раз тайно приезжал в Россию. Царская полиция от своей заграничной агентуры заранее узнавала, что он приедет. За ним устанавливали наружное наблюдение, но он умело уходил от слежки.

В 1906 году Литвинов открыл липовую контору в Париже и, выдавая себя за офицера эквадорской армии, стал заказывать оружие — патроны в Германии, винтовки в Италии, пулеметы в Дании, револьверы в Бельгии. Предпочитал браунинги калибра 7,65 миллиметра. В закупках оружия ему помогал болгарин Борис Спиридонович Стомоняков, который потом будет работать у него в Наркомате иностранных дел.

Приобрести оружие оказалось не таким уж сложным делом. Но как доставить оружие на Кавказ, где томились без дела боевые группы социал-демократов? Литвинов пытался действовать через болгар, уговаривал их:

— Оружие предназначено для армян, которые готовят восстание против нашего общего врага — турок.

Болгары ненавидели турок и согласились оказать содействие. Максиму Максимовичу помогли и боевики из Внутренней македонской революционной организации, это одна из первых террористических групп в Европе. 500 маузеров, 500 карабинов, девять пулеметов, три миллиона патронов и тонну динамита доставили в Варну, где стояла зафрахтованная им яхта «Зора». В ночь на 29 ноября 1906 года оружие погрузили на борт. К экипажу присоединилась группа боевиков под руководством Камо. Утром 29 ноября яхта под болгарским флагом снялась с якоря. Но 1 декабря во

время шторма села на мель у берегов Румынии. Груз попал в руки румынских властей.

Неудача не повредила репутации Камо. Ему доверили другую важнейшую миссию — обеспечить большевиков деньгами. Социал-демократы не считали это грабежом, а называли «экспроприацией». Большевистским боевикам удалось провести несколько удачных «эксов» и захватить много денег.

В ноябре 1906 года Камо с товарищами ограбили почтовый поезд в Чиатури. Взяли двадцать одну тысячу рублей. Мало. Тогда Камо организовал свое самое знаменитое ограбление — в Тифлисе в июне 1907 года.

Тринадцатого июня тифлисская контора Государственного банка получила из Санкт-Петербурга 375 тысяч рублей пятисотрублевыми ассигнациями. Камо переоделся в офицера, его вооруженная группа рассыпалась по всей Эриванской площади. Боевики были вооружены бомбами, изготовленными под руководством самого Камо. Когда готовили взрывчатку, у него в руках взорвался капсюль и повредил глаз.

Около одиннадцати утра на площадь выехали два экипажа: в первом сидел кассир Государственного банка Курдюмов, который вез деньги, во втором — четыре вооруженных солдата. Сопровождал их эскорт из пятидесяти казаков.

По команде Камо его люди взяли за оружие. В казаков полетели бомбы. Кассир Курдюмов взрывом был выброшен из фаэтона. Испуганные лошади понесли, но Камо бросил им под копыта еще одну бомбу. Фаэтон опрокинулся, Камо схватил деньги и исчез. В перестрелке три человека были убиты, около полусотни ранены. Боевики захватили несколько сотен тысяч рублей — огромные в те времена деньги. Покупательная способность царского довоенного рубля была очень большой.

Тифлисский «экс» — своего рода шедевр политического терроризма начала XX века. Меры, принятые полицией, не дали никакого результата. Деньги спрятали под диваном директора Тифлисской обсерватории, где по странному стечению обстоятельств в качестве наблюдателя недолго трудился Сталин.

Большевикам очень нужны были деньги. Содержание партии стоило немалых средств. Пожалуй, тогда только Владимир Ильич и Надежда Константиновна не очень нуждались. Продажа отцовского имения позволяла вести в эмиграции достойный образ жизни.

Но воспользоваться украденными деньгами оказалось не просто. Деньги были в крупных, пятисотрублевых купюрах; их номера сразу же

сообщили всем российским банкам. Расплачиваться этими купюрами было невозможно. Тогда их решили обменять за границей; благо в те времена рубль был свободно конвертируемой валютой. Большевики думали, что иностранные банкиры окажутся менее бдительными, чем отечественные, предупрежденные полицией.

Деньги вывезли в Париж. Поменять их поручили Литвинову. Обмен должен был произойти 8 января 1908 года сразу в нескольких городах. Сам Максим Максимович отправился в банк вместе со своей помощницей Фанни Ямпольской. Владимир Ильич и Надежда Константиновна с волнением ожидали исхода операции в Женеве.

«Я приехала к ним из России, — вспоминала Злата Лилина. — На вокзале меня встретила Надежда Константиновна и повела к себе домой. Меня ввели в маленькую швейцарскую квартирку из двух комнаток и кухни. Одну комнату, побольше, занимали Владимир Ильич и Надежда Константиновна, во второй комнате жила мать Надежды Константиновны. Надежда Константиновна и мать ее хозяйничали, сами стряпали. Обедали все вместе в кухне. Владимир Ильич проводил большую часть дня в библиотеке и в редакции большевистской газеты “Пролетарий”. Впоследствии, когда мы — Зиновьев и я — обзавелись квартиркой, тов. Ленин проводил время у нас за чтением газет».

Большевики недооценили царскую полицию, которая обратилась за помощью к европейским коллегам. Литвинова арестовали. Деньги, которые у него были с собой, конфисковали, но в причастности к ограблению его обвинить не могли. К тому же за российского единомышленника вступились весьма влиятельные французские социалисты. Его освободили и даже дали возможность немного поработать в Париже, чтобы он накопил денег на билет до Лондона. Литвинов перебрался в Англию, где прожил десять лет и женился.

Считается, что Максим Литвинов не стал жертвой массовых репрессий и умер в своей постели, потому что Сталин до конца жизни сохранял благожелательное отношение к боевому соратнику: экспроприациями на Кавказе руководил он сам.

Поскольку украденные в Тифлисе деньги обменять не удалось, Ленин распорядился остаток суммы просто сжечь, чтобы уничтожить следы. Так что кровавые труды Камо пропали даром. А его самого арестовали в Германии по доносу провокатора — одного из многих агентов охранного отделения полиции среди большевиков. Причем у Камо при обыске нашли чемодан с взрывчаткой и оружием.

Немецкие социал-демократы бросились на его защиту, подобрали ему

умелого адвоката. Один из видных большевиков, Леонид Борисович Красин, который учил Камо обращаться со взрывчаткой, через адвоката посоветовал ему сыграть душевнобольного. Дабы избежать выдачи в Россию, где его ждала смертная казнь, Камо симулировал буйное умопомешательство. Однажды даже пытался повеситься в тюремной камере, но надзиратели вовремя вытащили его из петли. В другой раз вскрыл себе вены. И опять же надзиратели успели вызвать врача.

Немецкие врачи сочли, что он болен. Но его всё равно передали российским властям. Военный суд в Тифлисе отправил Камо на новую экспертизу. По настоянию врачей его перевели в психиатрическую больницу, откуда он бежал.

Камо переправили за границу, чтобы сбить полицию со следа. Но он стремился назад. Его душа жаждала бури. Он перебрался в Болгарию, потом в Константинополь, где хотел сесть на пароход, идущий в Батум. Его задержали турецкие власти, но отпустили. Он уехал в Афины и оттуда все-таки добрался до Кавказа.

В сентябре 1912 года Камо и его люди попытались ограбить почту на Коджарском шоссе. Это был настоящий бой. Погибли семь казаков и почти все его люди. Его самого арестовали, судили и приговорили к смертной казни. Но Камо повезло: он попал под амнистию, объявленную по случаю трехсотлетия дома Романовых. Смертную казнь заменили двадцатилетней каторгой.

В предреволюционные годы большевики добывали деньги, не стесняясь в средствах.

Важнейшую роль в финансировании партии сыграл Леонид Красин, остроумный и разносторонне одаренный человек. Он занимался не только нелегальной покупкой оружия и изготовлением взрывчатки. Он же, в частности, убедил миллионера и мецената Савву Тимофеевича Морозова и владельца мебельной фабрики на Пресне Николая Павловича Шмита пожертвовать большевикам огромные по тем временам деньги.

Николай Шмит в ночь на 13 февраля 1907 года скончался в Бутырской тюрьме, куда угодил за поддержку революционеров. Младший брат покойного Алексей Павлович отказался от своей доли наследства. Всеми деньгами распоряжались сестры Шмита Екатерина и Елизавета. Большевики вступили в борьбу за наследство. Она была долгой и аморальной, с использованием фиктивных браков.

Владимира Ильича и Надежду Константиновну эти методы несколько не смущали. Ленин позаботился о том, чтобы двое надежных большевиков посватались к сестрам Шмит. Один из них, Виктор Константинович

Таратута, уговорил жену Елизавету сразу же отдать большевикам все свои деньги.

Ленин высоко оценил его поступок:

— Виктор хороший человек, потому что он ни перед чем не остановится. Скажи, ты смог бы бегать за богатой девушкой из буржуазного сословия ради ее денег? Нет? Я бы тоже не стал, не смог бы перебороть себя, а Виктор смог... Вот почему он незаменимый человек.

По предложению Ленина Таратуту избрали кандидатом в члены ЦК. После революции его сделали председателем правления Русского для внешней торговли банка.

Вторая сестра, Екатерина Павловна Шмит, не хотела отдавать большевикам все деньги, потому что у нее были обязательства перед рабочими сгоревшей мебельной фабрики. Но большевики все-таки выбрали из нее сначала треть ее доли наследства, а потом и остальное. Деньги чем дальше, тем более становились важным инструментом для партии.

Леонид Красин пытался наладить производство фальшивых банкнот. Даже раздобыл подходящую бумагу, но дальше дело не пошло. Ленин благословил не только Камо, но и других отчаянных парней на создание боевых дружин и «боевые выступления для захвата денежных средств». Ленин и произнес знаменитую фразу «грабь награбленное!» О чем, став главой правительства, сожалел. Не о том, что по его поручению совершались ограбления, а о том, что он высказался так откровенно.

После Октябрьской революции писатель Владимир Галактионович Короленко упрекал большевиков за то, что они подтолкнули народ к «устройству социальной справедливости через индивидуальный грабеж (ваше: грабь награбленное)».

Один из предреволюционных соратников Ленина оставил любопытные записи разговоров с Владимиром Ильичом. Будущий глава советского правительства рассуждал так:

— Партия — не пансион для благородных девиц. Нельзя к оценке партийных работников подходить с узенькой меркой мещанской морали. Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он мерзавец...

В 1907 году на V съезде партии Ленин подтвердил свою точку зрения — разборчивость не для революционеров:

— Бебель сказал: если нужно для дела, хоть с чертовой бабушкой войдем в сношения. Бебель-то прав, товарищи: если нужно для дела, тогда можно и с чертовой бабушкой.

Август Бебель — один из создателей социал-демократической партии

Германии.

Когда при Ленине подымался вопрос о том, что такой-то большевик ведет себя недопустимым образом, он иронически замечал:

— У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится...

Настоящим преступлением Владимир Ильич считал только выступления против советской власти. Снисходителен был Ленин не только к таким «слабостям», как пьянство, разврат, но и к уголовщине. Не только в «идейных» экспроприаторах, но и в обыкновенных уголовных преступниках он видел революционный элемент. Среди ближайших соратников Ленина эта тенденция принимала порой весьма курьезные формы. Так, Александр Алексеевич Богданов — один из образованнейших писателей-большевиков — говорил:

— Кричат против экспроприаторов, против грабителей, против уголовных... А придет время восстания, и они будут с нами. На баррикаде взломщик-рецидивист будет полезнее Плеханова.

В определенном смысле так и получилось.

Большевик Гавриил Иванович Мясников, который своими руками убил великого князя Михаила Александровича в Перми, вспоминал: «Хулиганы, воры, бандиты перерождались и делались одержимыми, нетерпеливыми, готовыми на все мыслимые жертвы революционерами».

А что же Камо? Как и другие революционеры, он вышел на свободу после Февральской революции. Казалось бы, наступило его время. Его деятельная натура жаждала приключений. Но у него всё складывалось как-то неудачно.

Осенью 1919 года его командировали в Грузию для организации терактов в республике, которая объявила себя самостоятельной. Полпредом в Грузии был Сергей Миронович Киров, он писал в Москву: где же Камо? Камо приехал, но его быстро арестовали и выслали. Камо перебрался в Баку — Азербайджан тоже был самостоятельным. И опять развернуться не успел. Красная армия вошла и в Грузию, и в Азербайджан.

Камо приехал к Ленину. Владимир Ильич предложил ему поучиться в восстановленной Троцким Академии Генерального штаба. Камо отказался, учиться он никогда не любил. Тогда Ленин отправил его к заместителю председателя Реввоенсовета Эфраиму Склянскому, рекомендовал Камо «как человека совершенно исключительной отваги, насчет взрывов и смелых налетов особенно».

Склянский дал возможность Камо сформировать диверсионный отряд. Камо среди прочего готовил и боевиков-камикадзе. Женщин, которых он

набирал себе в отряд, спрашивал: можешь привязать к животу бомбу, пройти в штаб белых и взорвать себя вместе с ними? Но диверсанты Камо не понадобились. Гражданская война окончилась.

Теперь Камо рвался за границу, обещал добить там убежавших врагов советской власти, а эсера Бориса Савинкова доставить живым. Но от услуг Камо, опасаясь его авантюризма, в разведке вежливо отказались. Он вернулся в Грузию, где не знал, чем заняться. Осенью 1921 года его отправили инспектировать советские внешнеторговые учреждения в Персии. Поставили начальником Закавказского таможенного округа — бороться с контрабандой. Чтобы порадовать высокой должностью, назначили заместителем наркома внешней торговли Закавказской Федерации.

Но в мирной жизни Камо не мог себя найти. Заполняя анкету, на вопрос: какие специальности знаете — ответил: революционер. Подвергались ли репрессиям за партийную работу? — Арестован шесть раз, бежал три раза, приговорен четыре раза к смертной казни с заменой двадцатью годами каторжных работ.

Это была опасная жизнь, но Камо хотел жить опасно. Такова была его натура. А теперь ему оставалось только вспоминать боевое прошлое. Может быть, он слишком много рассказывал о том, что его боевой работой руководил сам Коба (Сталин)... Однажды поздно вечером Камо возвращался домой на велосипеде. Неожиданно навстречу выскочила машина. Камо повернул не в ту сторону и оказался под колесами. Водитель отвез его в больницу, но медицина была бессильна. Через несколько часов Камо умер. Это произошло еще при жизни Ленина — 14 июля 1922 года.

Смерть породила массу слухов, потому что в Тифлисе в те годы был всего десяток автомобилей. И как странно, что один из них сбил Камо. Подозревали, что его убрал Сталин. Но нет никаких фактов, подтверждающих эту версию. Уже после похорон тогдашний помощник Сталина Амаяк Назаретян писал первому секретарю Закавказского крайкома Серго Орджоникидзе: «Как дурацки погиб Камо. Как ждали его!»

Судя по всему, в Москве Камо подыскивали какую-то крупную должность. И до сих пор неизвестно, в какой степени Сталин руководил действиями Камо. Разговоры среди старых революционеров ходили разные. В апреле 1918 года лидер меньшевиков Юлий Мартов, избранный депутатом Моссовета и членом ВЦИК, был привлечен к суду революционного трибунала за то, что в газете «Вперед» обвинил Сталина в участии в экспроприациях.

Ссора большевиков с меньшевиками еще до революции произошла в

немалой степени из-за того, что меньшевики были принципиальными противниками терактов и не давали Максиму Литвинову денег из кассы ЦК на оружие и боевиков. Меньшевики оказались правы, потому что действия боевых групп, как и следовало ожидать, выродились в обыкновенный бандитизм.

Юлий Мартов возмущался тем, что за слова (!) его отдали под трибунал.

— Если политический деятель чувствует себя оклеветанным, он имеет возможность обратиться к третейскому суду, — говорил Мартов. — В положении о трибунале указывается, что его суду подлежат лица, оскорбившие народ или задевающие общественную жизнь. В лице Сталина народ нисколько не был оскорблен.

Мартов ходатайствовал о вызове свидетелей, которые подтвердили бы причастность Сталина к ограблениям и убийствам.

— Обвинения Мартова — результат тех форм политической борьбы, которые усвоили все противники советской власти, — пренебрежительно заметил Сталин.

Мартов ему ответил:

— Обвинение в клевете я отбрасываю.

Сидевшие в зале горячо аплодировали Мартову. Председатель трибунала приказал очистить зал от публики и объявил перерыв. Отложил заседание на неделю, чтобы вызвать свидетелей. Но Мартов так и не дождался ни ответа на свои обвинения, ни вызова свидетелей. Зато в большевистской печати ему досталось.

«Бесконечно тяжело и больно было смотреть на гражданина Мартова, когда на суде он отчаянно защищался, изворачивался, не имея с собой никаких документов и доказательств, — писали «Известия». — В день суда всё время вертелась в голове одна мысль: таланты гр. Мартова достойны лучшего применения. В переживаемый нами решительный для рабочего класса момент они могли быть неизмеримо лучше использованы, чем для охаивания пролетарской партии, обливающейся кровью в неравной борьбе с хищниками всех стран...

Нужно обладать гениальными способностями, чтобы суметь доказать в течение какого угодно срока, что кавказские большевики — это большевики “анархистского толка”, удалые экспроприаторы... Как это нехорошо и недостойно честного политического борца и идейного противника, каковым представлялся нам гр. Мартов. Да, сегодняшний Мартов так не похож на прежнего Мартова-борца, Мартова-циммервальдиста. Ведь Мартов был среди тех немногих социалистов,

имена которых по справедливости тихою радостью будут светить человечеству и навсегда останутся памятными рабочему Интернационалу...

Трудно было ожидать от того же Мартова, чтобы он из фракционной ненависти мог так бесцеремонно бросать комья грязи не только в личность политического противника с целью очернить, “убить” его, но и в целую партию. Пишущему эти строки, как одному из молодых и скромных тружеников кавказского большевизма, только и остается с негодованием отбросить эти грязные обвинения, возведенные гр. Мартовым на кавказских большевиков и на тов. И. Джугашвили-Сталина, которым кавказские большевики вправе гордиться».

Вскоре Мартову пришлось навсегда покинуть Россию.

Сталин позаботился о том, чтобы даже воспоминания о возможной причастности генсека к этим уголовным операциям исчезли. У Камо чекисты забрали весь архив еще до его гибели.

ГАЛСТУКИ И РЕФОРМЫ

В конце 1908 года Ленин и Крупская перебрались в Париж. Надежда Константиновна объясняла этот переезд следующим образом: «Приводились различные доводы. 1) Можно будет принять участие во французском движении, 2) Париж большой город — там будет меньше слежки. Последний аргумент убедил Ильича».

С ними поехала и Мария Ульянова. Летом 1909 года Владимир Ильич писал из Парижа брату Дмитрию — спрашивал его мнение как врача:

«Доктора нашли у Мани воспаление отростка слепой кишки (аппендицит, — кажись, так?). Спросил очень хорошего здешнего хирурга. Советует операцию. Говорят все, что безопасно и излечивает радикально. Этот хирург (Dr. Duboucher) всеми восхваляется. Недавно сделал операцию (ту же) жене приятеля — превосходно; чайная ложка крови; через восемь дней вставать начала. Лечебница хорошая.

Припадок сейчас несильный. Повышения температуры нет. Боли не очень сильные. Прошу тебя немедленно мне ответить: я склоняюсь к операции, но без твоего совета боюсь решить. Отвечай немедленно».

Операцию сестре сделали, и благополучно.

В Париже они поселились в квартире из двух комнат на улице Мари-Роз, в доме 4. В меньшей комнате, в которой жила мать Надежды Константиновны, стоял большой простой стол, застланный газетами, вспоминала одна из эмигранток. Это было рабочее место Надежды Константиновны. На столике были разложены «орудия производства» для секретной переписки, известные под общим названием «химия»: бутылочки со всякого рода растворами, кисточки, клей. Она готовила сотни конвертов, в которых переправляла в Россию социал-демократическую литературу.

Жили скромно. Кое-какие деньги Елизавете Васильевне Крупской оставила ее покойная тетка. Иногда Ленину платили за лекции. Надежда Константиновна зарабатывала тем, что давала уроки или надписывала конверты для рассылки объявлений. В общем, хватало. Летом 1910 года Ленин, Крупская и ее мать отдыхали на берегу Бискайского залива (Франция). Оттуда Ленин ездил в Копенгаген на VIII конгресс Второго интернационала.

Григорий Евсеевич Зиновьев, будущий хозяин Ленинграда и председатель Исполкома Коминтерна, годы эмиграции провел вместе с

Лениным и Крупской. Более близкого человека у них не было. В феврале 1911 года Ленин написал записку одному из виднейших немецких социал-демократов, Карлу Каутскому:

«Многоуважаемый товарищ по партии!

Настоящим очень рекомендую Вам моего друга, члена редакции “Рабочей газеты” (большевистского органа) и редакции Центрального органа товарища Зиновьева.

С наилучшими пожеланиями Ваш Н. Ленин (В. Ульянов)».

После Октябрьской революции Зиновьев наслаждался своим высоким положением, но в минуту откровенности признался художнику Анненкову, что скучает по Парижу.

«Осенью двадцать третьего года, — писал Анненков, — мне случилось ехать в Москву с Григорием Зиновьевым в его личном вагоне. Глаза Зиновьева были печальны, жесты — редкие и ленивые. Он мечтательно говорил о Париже, о лиловых вечерах, о весеннем цветении бульварных каштанов, о Латинском квартале, о библиотеке Святой Женевиевы, о шуме улиц, и опять — о каштанах весны».

Зиновьев говорил о тоске, овладевшей им при мысли, что Париж теперь для него недоступен. В Петербурге Зиновьев жил в гостинице «Астория», перед которой на площади — Исаакиевский собор, похожий на парижский Пантеон. Вспоминая о Париже, рассказывал, как Ленин по вечерам «бегал на перекресток» за последним выпуском вечерних газет, а ранним утром — в булочную за горячими подковками.

— Его супружница, — добавил Григорий Евсеевич, — предпочитала, между нами говоря, бриоши, но старик был немного скуповат...

Художника поразила фраза ленинского соратника:

— Революция, Интернационал — всё это, конечно, великие события. Но я разревусь, если они коснутся Парижа!

«Летом 1911 года провели мы все вместе в деревушке под Парижем, в Лонжюмо, где была устроена большевистская партийная школа, — вспоминала Злата Лилина. — Владимир Ильич работал шесть дней в неделю, не давая себе ни минуты отдыха. Но зато один день в неделю, но никогда не в воскресенье, когда, по его словам, проходу не было от гуляющих, отдыхал полностью. Мы тогда садились все четверо: Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Зиновьев и я — на велосипеды и уезжали с 6 часов вечера до 10–11 часов вечера за город.

Условие, которое Владимир Ильич при этом ставил, — ни слова о политике. В первый раз, когда мы поехали, мне казалось странным, о чем же мы будем говорить, если нельзя говорить о политике. Оказалось, что с

В. И. можно говорить о многом, не касаясь политики. В. И. был прекрасным велосипедистом. В дороге он внимательно следил за Надеждой Константиновной и мною и частенько брал нас на буксир за своим велосипедом».

Так что Ленин был в неплохой физической форме, прогулки и катание на велосипедах пошли ему на пользу.

Писатель Илья Григорьевич Эренбург когда-то без тени почтения описал свои впечатления от Ленина в эмиграции: «Юнцом наивным и восторженным прямо из Бутырской тюрьмы попал я в Париж. Утром приехал, а вечером сидел уж на собрании в маленьком кафе “Avenue d’Orléanes”. Приземистый лысый человек за кружкой пива, с лукавыми глазами на красном лице, похожий на добродушного бюргера, держал речь.

Сорок унылых эмигрантов, с печатью на лице нужды, безделья, скуки, слушали его, бережно потягивая гренадин. “Козни каприйцев”, легкомыслие “впередовцев” тож “отзовистов”, соглашательство “троцкистов” тож “правдовцев”, “уральские мандаты”, “цека, цека, ока” — вещал оратор, и вряд ли кто-либо, попавший на это собрание не из Бутырок, а просто из Москвы, понял бы сии речи...»

Эмигрантский мир сужает кругозор. Вести из России Владимир Ильич и Надежда Константиновна получали самые прискорбные. Царскому режиму удалось раздавить революцию. Провели закон о военно-полевых судах. Судили упрощенным порядком — без прокуроров, защитников и вызова свидетелей. Приговор выносился в течение сорока восьми часов и приводился в исполнение немедленно. Прощения о помиловании не рассматривались. Депутат Третьей думы Федор Измайлович Родичев окрестил виселицу столыпинским галстуком.

Председатель Совета министров Российской империи в 1906–1911 годах Петр Аркадьевич Столыпин ныне включен в почетный список выдающихся государственных мужей. К месту и не к месту цитируют его знаменитые слова: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!» Из всего наследства Столыпина поминают лишь усердие его жандармов. Не без внутреннего одобрения пишут о том, как он железной рукой подавлял народное возмущение, организованные им военно-полевые суды, столыпинские вагоны (арестантские) и столыпинские галстуки.

На Столыпина сильно подействовала попытка покушения на его жизнь: в августе 1906 года террористы взорвали его дачу на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге. Пострадало больше ста человек, ожидавших приема, была тяжело ранена его дочь.

Столыпин многим нравится твердостью, граничащей с жестокостью.

Но ее не надо переоценивать. В царские времена в Государственную думу избиралось предостаточно оппозиционеров, в том числе радикально настроенных. Столыпину, главе правительства, приходилось убеждать депутатов в своей правоте. Это удавалось отнюдь не всегда. И Дума, и Государственный совет (что-то вроде нынешнего Совета Федерации) проваливали столыпинские законопроекты.

И заметим: его жесткая внутренняя политика принесла лишь временное успокоение. Военно-полевые суды породили возмущение и ненависть. А к чему привело изменение избирательного закона в попытке иметь удобный парламент — без смутьянов? Четвертая дума, избранная по столыпинскому закону, покончила с монархией в России.

Его историческая заслуга — не столыпинские галстуки, не ограничение права выбирать и быть избранным, а аграрная реформа в крестьянской стране. Накормить страну, считал он, сможет только сам крестьянин, если он получит землю в собственность и право эффективно ею распоряжаться.

Выпускник физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета Петр Аркадьевич Столыпин сделал изрядную административную карьеру. Первая русская революция застала его на посту саратовского губернатора. Усердие и энергия губернатора обратили на себя внимание императора. В апреле 1906 года он вызвал Столыпина в столицу и назначил министром внутренних дел. А в июле распустил Первую Государственную думу и заодно сменил главу правительства — этот пост занял Столыпин.

Еще будучи саратовским губернатором, Столыпин предложил способ остановить революцию: «Благодарной почвой для пропаганды я считаю не столько малоземелье, сколько бедность народную: полуголодный, не имеющий сбережений, безграмотный крестьянин охотно слушал посулы агитаторов. Коренное разрешение вопроса заключается в создании класса мелких собственников — этой основной ячейки государства, — являющихся по природе своей органическими противниками всяких разрушительных теорий».

С чего он начал? Убедил императора подписать указ от 5 октября 1906 года, который дал крестьянину свободу распоряжаться собой и право беспрепятственно получать паспорт. Хочешь — оставайся в деревне, хочешь — ищи работу в городе. Указ запретил местным начальникам сажать крестьян под арест или штрафовать — только через суд. Столыпин не на словах — делом добивался создания правового государства. Советская власть заберет назад все права, данные тогда крестьянину,

загонит в колхозы, запретит выдавать паспорта и будет сажать без суда...

Итак, сформулировал Столыпин, для успеха страны нужны личная свобода и экономическая независимость. Тогда тоже надо было догонять ушедших вперед европейцев. По количеству удобной земли на душу населения Россия превосходила Францию и Германию. Отставание же от европейских стран: в три с лишним раза в производстве на душу населения и пятикратное в урожайности — объяснялось не результатом дурных климатических условий или нехваткой земли. Мешали отсталая агротехника, низкий уровень производительности труда и главное — общинное землепользование.

«Община прирезала землю одним и отрезала у других — в соответствии с числом душ мужского пола, — отмечает профессор доктор исторических наук Нина Львовна Рогалина, автор трудов об аграрных реформах в России. — Община приспособливала землю к семье, в то время как семья должна была приспособливать землю к требованиям производства. Средний уровень урожайности общинных земель был на треть ниже частновладельческих...»

Общинное хозяйство не подталкивало к усердию, не стимулировало добиваться большего. Надо быть как все. Зачем стараться? Это емко сформулировал известный экономист-аграрник Лев Николаевич Литошенко: «Крестьянин не только был беден, но и не хотел быть богатым»...

Тогда столкнулись две точки зрения. Одна — крестьянину не хватает земли. Решение? Поделить земли, принадлежащие крупным землевладельцам, помещикам. Этот лозунг так или иначе поддерживали все крупные политические партии, надеясь привлечь на свою сторону крестьянское население.

Но простые подсчеты показывали, что «земли всем не хватит», отмечает профессор Рогалина. Даже если раздать все помещичьи земли, размер крестьянских наделов практически не увеличится. А если иметь в виду прирост населения, то эта прибавка и вовсе быстро сойдет на нет. Зато увеличение урожайности с сорока до шестидесяти пудов на десятину (по расчетам ученых-агрономов, весьма скромное) было бы равносильно расширению площади крестьянского землепользования в полтора раза!

Идея Столыпина: помочь крестьянину стать самостоятельным, то есть получить землю в частную собственность. Создать условия, которые помогут трудолюбивому и предприимчивому человеку преуспеть. Когда крестьянин превратится в реального хозяина своей земли, тогда он захочет и сможет проявить личную инициативу и добиться успеха.

— Правительство, — говорил Столыпин, — желает видеть крестьянина богатым, достаточным, а где достаток — там и просвещение, там и настоящая свобода. Для этого надо освободить крестьянина от кабалы отживающего общинного строя, дать ему власть над землей... Отсутствие у крестьянина своей земли подрывает его уважение ко всякой чужой собственности.

Идеи Петра Аркадьевича общество встретило в штыки.

Лев Николаевич Толстой решительно высказался против частной собственности на землю. «Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею», — писал он реформатору 23 октября 1907 года.

«Вы считаете злом то, что я считаю благом для России, — уверенно ответил великому писателю Столыпин. — Мне кажется, что отсутствие собственности на землю у крестьян и создает всё наше неустройство... Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обихаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своей землей. Оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств...»

Цель Столыпина состояла в том, чтобы предоставить крестьянину свободу самому решать, чем ему заниматься, и наделить правами, которых его никто не лишит. Но ничего не давать даром! Не воспитывать иждивенчество. Глава правительства категорически возражал против идеи социалистов — отобрать землю у тех, кто ею владеет, и раздать бесплатно:

— Если признавать возможность отчуждения земли у того, у кого ее много, чтобы дать тому, у кого ее мало, надо знать, к чему это приведет... Никто не будет прилагать свой труд к земле, зная, что плоды его трудов могут быть через несколько лет отчуждены... Это приведет к такому социальному перевороту, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история.

Столыпин как в воду глядел! После революции большевики отменили все законы, забрали землю у крупных владельцев, и это стало началом полного беззакония. А в конце концов лишили права на землю самих крестьян, загнав их в колхозы, что именуют вторым крепостничеством.

Крестьянский банк выдавал ссуды на покупку земли под ее залог. Опасались, что землю скупят кулаки и спекулянты. Но за годы реформы землю через банк приобрел почти миллион крестьян. Землю приобретал тот, кто сам на ней работал.

Реформа дала толчок подъему сельского хозяйства.

«Урожайность хуторских и отрубных хозяйств была значительно

выше, чем в среднем по России, — констатирует профессор Рогалина. — В 1913 году Ставрополье вышло на первое место по чистому сбору продовольственных хлебов на душу населения, обогнав Кубань, имевшую лучшие природные условия, но не затронутую реформой... Распахать бескрайние степи, основать села и хутора, вывести замечательные сорта пшеницы и породы скота могли только самые сильные, предприимчивые и трудолюбивые крестьяне, которые получили землю благодаря Столыпинской реформе».

Успешно началась программа переселения за Уральский хребет, где пустовали огромные территории.

«За годы реформы в Сибирь и на Дальний Восток переселились от трех до четырех миллионов человек, — отмечает профессор Рогалина. — Темпы роста посевных площадей в Сибири были в пять раз, а в Западной Сибири в восемь раз выше, чем в Европейской России. Сибирь превратилась в важнейший земледельческий район страны и давала больше хлеба, чем Украина и Северный Кавказ».

Пятнадцатого марта 1910 года на заседании Государственного совета Петр Столыпин рассказал о достижениях первых трех лет реформы.

— При такой же успешной работе, — с надеждой говорил председатель Совета министров, — еще шесть-семь таких трехлетних периодов, и общины в России почти уже не будет...

Но этого исторического времени России не было дано.

Судьба Российской империи решилась в городском театре Киева. Давали оперу Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». Парадный спектакль, который играли специально для прибывшего в город императора, начался поздно вечером.

«В Киевском военном округе назначены были в 1911 году большие маневры, на которых государь пожелал присутствовать, — вспоминал военный министр Владимир Александрович Сухомлинов, — а вместе с тем быть и на открытии памятника императору Александру II. Маневры происходили вблизи Киева, мы ежедневно выезжали туда на автомобилях. Государь пребывал в отличном расположении духа. Погода была прекрасная, ход маневров успешный...»

В четыре часа дня император и его многочисленная свита поехали еще и на ипподром. Скачки закончились только в восемь вечера. А к девяти стали съезжаться в театр. Автомобиль председателя Совета министров Петра Аркадьевича Столыпина остановился у бокового подъезда. Вместе с ним приехал его заместитель в правительстве министр финансов Владимир Николаевич Коковцов.

«На мой вопрос, — вспоминал Коковцов, — почему Столыпин предпочитает закрытый автомобиль открытому — в такую чудную погоду, он сказал, что его пугают готовящимся покушением на него, чему он не верит, но должен подчиниться этому требованию...»

Кто мог в ту минуту предположить, что из театра Коковцов уйдет новым главой правительства России. А Столыпина, тяжело раненного и потерявшего сознание, вынесут на руках. И жить ему останется всего несколько дней...

Страх перед революционерами-террористами был тогда всеобщим. И киевский губернатор Алексей Федорович Гирс вздохнул с облегчением, когда все гости уже собрались в театре. «За театр можно быть спокойным, — думал он, — публика, которую предложено было допустить туда, была строго профильтрована».

Полицейские предварительно осмотрели зрительный зал и все помещения театра. Вскрыли пол и даже проверили хрустальную люстру на прочность — не попытаются ли террористы обрушить ее на высокопоставленных зрителей...

Во втором антракте, как только занавес опустился и царская ложа опустела, министр финансов подошел к Столыпину. Глава правительства стоял, опершись на балюстраду оркестра. Коковцов объяснил, что прямо из театра едет на вокзал и желал бы проститься.

— Я от души завидую вам, что вы уезжаете, — признался Петр Аркадьевич, — мне здесь очень тяжело ничего не делать и чувствовать себя целый день каким-то издерганным, разбитым...

Коковцов ушел, оставив Столыпина беседовать с министром императорского двора бароном Владимиром Борисовичем Фредериксом и военным министром Сухомлиновым.

Зал опустел, публика хлынула в фойе. Вместе с остальными зрителями вышел и адъютант председателя Совета министров капитан Есаулов, который должен был его охранять. В его обязанность входило ни на минуту не оставлять Столыпина одного. Но в антракте капитан преспокойно ушел. Что может случиться? В театре — 15 жандармских офицеров и 92 агента дворцовой охраны и Киевского охранного отделения!

«Когда мы разговаривали, — вспоминал Сухомлинов, — государя уже не было в генерал-губернаторской ложе, он ушел курить. В тот момент, когда я повернулся к кулисам, мне послышалось, точно кто-то ударил в ладоши...»

«Раздались два глухих выстрела, точно от хлопушки, — рассказывал Коковцов. — Я сразу не сообразил, в чем дело...»

«Мы слышали крики и треск, — вспоминал начальник Киевского охранного отделения подполковник Николай Николаевич Кулябко. — Первое впечатление, что рухнул театр от перегрузки. Под этим впечатлением я бросился в зрительный зал».

Быстрее Кулябко в зал вбежал заведующий агентурой дворцовой охраны жандармский полковник Александр Иванович Спиридович. Он прямо по стульям добрался до царской ложи и выхватил саблю из ножен.

Только генерал-лейтенант Павел Григорьевич Курлов, командир корпуса жандармов и заместитель Столыпина по Министерству внутренних дел, сразу понял, что это за звук: «Раздался выстрел из браунинга, столь характерный по своему звуку. Я бросился в зал, встретив у прохода какого-то офицера, который выбежал с обнаженной шашкой, крича, что убили Столыпина. Проникнуть в зал не мог, так как в проходе публика избивала какого-то человека. Издали я видел опускавшегося на кресло Столыпина и стоявшего около царской ложи с обнаженной саблей полковника Спиридовича».

«Петр Аркадьевич как будто не сразу понял, что случилось, — вспоминал киевский губернатор Гирс. — Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны под грудной клеткой уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: “Все кончено!”».

Петр Аркадьевич сделал несколько шагов.

— Я ранен, — сказал он.

Он стал бледнеть и опустился в кресло.

«Раздались крики о помощи, — вспоминал Коковцов. — Я побежал к Столыпину. Все окружающие помогли ему сесть. Поднялась страшная суматоха. Столыпина понесли на кресле к проходу...»

Генерал Курлов приказал командиру эскадрона жандармов очистить проезд от публики и выделить взвод, чтобы сопровождать карету скорой медицинской помощи, вызванную для Столыпина. Когда главу правительства укладывали в карету, он уже впал в беспамятство.

«Зал моментально заполнился публикой, — вспоминал Коковцов. — Государь и вся царская семья появились в ложе. Взвился занавес, раздались звуки гимна, исполненного всею театральною труппою. Громовым “ура!” встретила растерявшаяся публика конец гимна. Государь, бледный и взволнованный, стоял один у самого края ложи и кланялся публике. Затем быстро начался разъезд. Я узнал, что царская семья выехала благополучно,

Столыпин отвезен в клинику доктора Маковского, а преступник задержан и подвергается уже допросу в одном из нижних помещений театра».

Возле клиники Маковского собралась огромная толпа. Приехал министр финансов Коковцов. Как заместитель Столыпина, он автоматически вступил в права председателя Совета министров. Приказал губернатору удалить из лечебницы публику, поставить полицейскую охрану снаружи и внутри.

«Врачи были в сборе, — вспоминал Коковцов, — тотчас приступили к осмотру раненого и заявили, что пуля нащупывается близко к поверхности и к вынугию ее будет приступлено не позже следующего утра. Столыпин был в полном сознании, видимо, сильно страдал, но удерживал стоны и казался бодрым...»

На следующий день было назначено молебствие в Михайловском соборе об исцелении Петра Аркадьевича. Никто из царской семьи не приехал, и даже из ближайшей свиты государя никто не явился. Столыпин был ранен в руку и в грудь. Ранение в руку оказалось легким. А вторая пуля попала в печень. Операция не помогла. Вечером 18 сентября 1911 года — по новому стилю — сознание покинуло его и он скончался.

После смерти Петра Аркадьевича аграрная реформа еще продолжалась. Заявления о выходе из общины к 1915 году подали более шести миллионов крестьянских дворов — это две трети общинных хозяйств. Не хватало землемеров, чтобы всё оформить! Столыпинскую реформу один японский ученый назвал «русской агротехнологической революцией». Ее остановила Первая мировая война.

«Если бы Столыпин был жив, — считал начальник Петербургского охранного отделения генерал Александр Васильевич Герасимов, — если бы он стоял по-прежнему у кормила правительственной власти, то войны бы не допустил. Он всегда расценивал войну как величайшее несчастье из всех, какие только могут постигнуть Россию. Он считал, что Россия начинает внутренне укрепляться, что только теперь, после проведения земельной реформы, складывается тот класс, который способен стать прочной опорой порядка. Еще 10–15 лет, говорил он, и нам будут не страшны все революции...»

Герасимов приводил в пример решительные действия главы правительства, когда в октябре 1908 года Австро-Венгерская империя аннексировала Боснию и Герцеговину. В Санкт-Петербурге и либералы, и консерваторы требовали выступить «на защиту братьев-славян» и объявить войну Австрии.

После поездки в Царское Село Столыпин сказал генералу Герасимову:

— Сегодня мне удалось спасти Россию от гибели. Царь сообщил мне о своем решении дать согласие на мобилизацию трех военных округов против Австрии. С большим трудом убедил его величество, что этот шаг неизбежно повлечет за собой войну с Германией и что эта война грозит самому существованию и династии, и империи...

Тогда война была предотвращена. В 1914 году Столыпина уже не было... Добил реформу и перечеркнул все успешные начинания Столыпина 1917 год, революция.

В советские времена принято было считать дореволюционную Россию безнадежно отсталым государством, которое Ленин вывел на столбовую дорожку развития. Современные исследования опровергают эти заблуждения. Историки и экономисты смотрят на старую Россию иным, более трезвым взглядом. Российская экономика была на подъеме и располагала большим потенциалом развития.

Двенадцатого июля 1914 года Совет съездов представителей промышленности и торговли представил правительству анализ состояния отечественной экономики: «В сельском хозяйстве, в самой системе землепользования начался громадный переворот... В промышленности начался сильный подъем... Условием экономического успеха должно стать предоставление широкого поприща личной инициативе и отсутствие ограничений, тормозящих частные начинания в области торговли и промышленности».

«Россия накануне Первой мировой войны была одной из основных экономических держав, — пишет известный американский ученый Пол Грегори, изучающий экономическую историю нашей страны. — Она стояла на четвертом месте среди пяти крупнейших промышленно развитых стран. Российская империя выпускала почти такой же объем промышленной продукции, как и Австро-Венгрия, и была крупнейшим производителем сельскохозяйственных товаров в Европе»

Темпы экономических и социальных перемен в дореволюционной России сравнимы с европейскими, хотя отставали от американских. Рост национального дохода — как в Германии и Швеции. Очень успешно развивалось сельское хозяйство — можно говорить о настоящем буме. Сегодня как никогда ясно, что было потеряно в результате революции, Гражданской войны, ленинских экспериментов. Как выразился один публицист, «Столыпин готовил для русских крестьян экономическую будущность американских фермеров, а злая мачеха-история принесла им колхозное рабство».

До революции наша страна была крупнейшим экспортером зерновых.

При большевиках страна с трудом будет кормить собственное население, а затем начнет и закупать зерно за границей. Решение заменить рыночную экономику планово-административной оказалось губительным.

Старая Россия при условии проведения таких же модернизационных проектов, какие затеял Столыпин, добилась бы неизмеримо большего. И сколько десятков миллионов людей остались бы живы! Население страны в 1900 году составило 128 миллионов человек, в 1908-м — 160 миллионов. По прогнозам, в 1920 году в России должно было жить 200 миллионов.

Все долгосрочные цели развития России могли быть достигнуты на путях развития стабильной рыночной экономики. Если даже очень осторожно экстраполировать показатели дореволюционного экономического роста в гипотетическое будущее, то очевидно, что Россию отделяло всего лишь несколько десятилетий от превращения в процветающую во всех отношениях экономику...

Если бы аграрную реформу довели до конца, крестьянство превратилось бы в хозяев своей земли и вторую революцию просто некому было бы поддержать. Но... не сбылось.

ДРУГ И ТОВАРИЩ — ПРОВОКАТОР

Тридцатого апреля 1906 года Крупская прибыла в Стокгольм на IV объединительный съезд партии. Ее мандат не приняли, и она присутствовала с совещательным голосом. Это был съезд компромиссов между большевиками и меньшевиками, что Ленина не устроило.

Он обосновался на даче в соседней Финляндии, в Куоккале. Финляндия пользовалась определенной автономией, и царской полиции там не очень боялись. Крупская ездила в Петербург за новостями. Уставала. На Новый год даже не поехала к Ленину. Встретила Новый год одна. А он веселился в Куоккале.

На V съезд партии в Лондон (30 апреля — 19 мая 1907 года) Надежда Константиновна не поехала. Объяснила это тем, что не на кого оставить секретарскую работу. Год они прожили в Финляндии. А в декабре, видя, как царская полиция вылавливает подпольщиков, решили вернуться в безопасную Швейцарию. 25 декабря 1907 года прибыли в Женеву. Настроение было крайне плохое. Перспектив никаких. Ленин признался Крупской:

— У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехал.

Первая эмиграция продолжалась почти пять лет, вторая — почти десять.

В феврале 1908 года стали выпускать газету «Пролетарий». Крупская вернулась к своим всегдашним обязанностям. В декабре они перевели газету в Париж и сами туда переехали. Развлечение — поездки на велосипедах. В местечке Лонжюмо под Парижем устроили трехмесячную школу для партийного актива. Крупская учила большевиков методам шифрованной переписки. Это искусство давалось непросто.

В сентябре 1911 года Крупской писал из России член организационной комиссии по подготовке VI (Пражской) партийной конференции Исаак Израилевич Шварц, рабочий-литейщик из Николаева:

«Дорогая Надежда Константиновна!

Письмо я получил. Шифр же не разобрал, удалось точно одно число 15, а все остальные не разобрал. Догадываюсь, что в Питер надо было к этому числу. Явку же, повторяю, не разобрал. Буду стараться, может, получится».

Общение с местными организациями большевиков требовало настойчивости и терпения. В октябре 1911 года Крупская обратилась к

екатеринбургским социал-демократам: «Ужасно досадно, что мое письмо к вам пропало. Екатеринбургской резолюции мы так и не получили. По какому адресу вы его выслали? Вышлите еще раз по тому адресу, по которому прислали последнее письмо».

Царская полиция установила источник подрывной литературы, проникавшей в Россию. В циркуляре Департамента полиции от 9 февраля 1912 года напротив фамилии Крупская значилось: «Арестовать». Ее заслуги перед революционным движением отмечала не только полиция, но и товарищи. После VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП (январь 1912) Крупская стала исполнять обязанности секретаря Заграничного бюро ЦК.

Девятого июня 1912 года Ленин и Крупская переехали в польский Краков (тогда город входил в состав Австро-Венгерской империи), отсюда Россия казалась ближе. Сначала жили в отеле «Виктория», потом сняли квартиру. Крупская всё так же вела переписку с товарищами по партии. С присущей ей аккуратностью посылала им нужные книги и журналы. Часто, как она выражалась, «писала химией» — если что-то хотели удержать в тайне.

К революционной работе она привлекла и мать. В августе 1912 года Ленин делегировал одного из социал-демократов по кличке Кацап (Андрея Александровича Полякова) в Вену на конференцию организаций РСДРП. К письму Елизавета Васильевна Крупская от себя приписала:

«Уважаемый товарищ Кацап!

В настоящем письме есть сообщение для Вас химией. Нагрейте это письмо осторожно под лампой.

С социал-демократическим приветом».

В Краков перебрались и Зиновьев с Лилиной. Вначале поселились с Лениным и Крупской в одной квартире. По две комнаты на семью и общая кухня.

«Владимир Ильич вставал обыкновенно часов в девять утра и занимался до получения почты, — описывала распорядок дня Злата Лилина. — Почта приходила в полдень. К чтению почты собирались мы все вместе. Здесь обсуждались все дела, связанные с известиями из России, распределялись статьи для очередного номера “Правды”, и затем мы обедали (обед неизменно состоял из супа и рубленых котлет) и расходились по комнатам. Владимир Ильич отдыхал и занимался, не выходя из своей комнаты, до девяти часов вечера. В девять часов В. И. самолично собирал для отсылки в Россию статьи. Он всегда был готов первым и сам относил почту на вокзал. В. И. просматривал все статьи, отправлявшиеся из Кракова

в “Правду”.

Летом, два лета подряд, жили мы под Краковом, в деревне Поронино. Туда выезжали в мае и возвращались в сентябре. И там у Лениных — неизменных две комнатки и кухня в крестьянской избе. И там неугомонная, усидчивая работа в течение семи дней в неделю. Прогулкою служило хождение на почту и к нам — мы жили около почты. Иногда — более продолжительная прогулка в лес, по грибы, очень редко — всего два раза в лето — в горы. Зимой В. И. успевал два-три раза в неделю ходить на каток.

Владимир Ильич был неугомонным. Он мог просиживать часы и дни, не отрываясь от работы. Чего не выносил — это шума. Когда Ленин работал, кругом царил абсолютная тишина. Мы все знали эту особенность Ильича и всячески оберегали его покой».

Григорий Иванович Петровский, который после революции станет одним из руководителей Советской Украины, вспоминал Краковское совещание членов ЦК и депутатов-большевиков IV Государственной думы: «Надежда Константиновна в ходе дискуссии по разным вопросам не соглашалась с мнением Владимира Ильича. Возражать Владимиру Ильичу было очень трудно. Но Надежда Константиновна подмечала “погрешности” в его речи. Когда Надежда Константиновна выступала со своими замечаниями, Владимир Ильич посмеивался и затылок чесывал. Весь его вид говорил, что и ему иногда попадает».

В Кракове большевики в складчину встретили Новый, 1913 год. Собрались в кафе, выпили, закусили, спели любимые русские песни. Захотели потанцевать. Петровский отплясывал с Надеждой Константиновной вальс и польку.

«В те времена еще безоговорочно соблюдалось право на политическое убежище, — с грустной иронией писала уже после революции вынужденная бежать от большевиков княжна Зинаида Алексеевна Шаховская. — Ни Франция, ни Англия, ни Швейцария не думали о выдаче или хотя бы о высылке врагов царского режима. Охранка и не помышляла о политических похищениях, вошедших в обычай при Советах. Те, кто занят за рубежом организацией государственного переворота в России, — совершенно спокойно курсируют через границы и смеются над жандармами. Тирания царизма в свете всех прочих, более поздних тираний выглядит вполне безобидной».

Сохранился короткий обмен мнениями на обороте одной листовки, оказавшейся в руках у Ленина в ноябре 1916 года. Он черкнул записку жене: «Мы попали на собрание Социалистического общества трезвенников, где кроме других вопросов будет дискуссия». Крупской

присутствующие не понравились: «Тут ископаемая публика. Предлагаю сбежать в заднюю дверь, надо иметь гражданское мужество выбраться как-нибудь из этой грязной истории».

Ленин был не прочь остаться: «Возможно, дискуссия уже была? Итак, не хочешь ждать?» Крупская настояла на своем: «Не хочу!»

Побывавшая в это время у них в гостях подруга Надежды Константиновны рассказывала, что вид «у Владимира Ильича был плохой, его мучили головные боли и бессонница». Очень сильно на него подействовала история с Романом Малиновским, чье имя гремело в большевистской среде. Выяснилось, что Малиновский, член ЦК и руководитель фракции большевиков в Государственной думе, по совместительству — агент охранного отделения полиции.

Роман Вацлавович Малиновский родился в обедневшей дворянской семье. Жизнь у него была трудная. Когда царская власть разрешила профсоюзы, организаторская жилка сделала его, работавшего тогда токарем, секретарем крупнейшего в России союза металлистов. В 1910 году его арестовали в Москве за попытку создать нелегальную типографию. И умело завербовали.

Заподозрила Малиновского секретарь думской фракции большевиков Елена Федоровна Розмирович. Когда ее арестовали, выяснилось, что жандармы знают о ней очень много. Поразмыслив, она пришла к выводу, что некоторые факты были известны только Малиновскому. Роману Вацлавовичу не доверял и первый муж Розмирович — социал-демократ Александр Антонович Трояновский, будущий дипломат, полпред в Японии и Соединенных Штатах (и отец не менее известного дипломата Олега Трояновского).

Розмирович назвала Малиновского провокатором. Ленин категорически отверг любые подозрения в адрес Романа Вацлавовича, которым очень дорожил. Розмирович и Трояновского он, напротив, невысоко ставил. Ленин решил, что между Еленой Розмирович и Романом Малиновским произошло нечто личное, а Трояновский просто ревнует жену.

В провокаторство Малиновского не верили почти все видные большевики. Михаил Иванович Калинин вообще в те годы склонен был считать провокатором самого Ленина, а Малиновскому, напротив, доверял.

Роман Вацлавович неуклонно проводил ленинскую линию. В ноябре 1913 года депутаты-большевики вышли из состава объединенной фракции социал-демократов, образовали собственную — «Российская социал-демократическая рабочая фракция». Ее возглавил Малиновский. И наотрез

отказывался от объединения с меньшевиками.

А в мае 1914 года Малиновский внезапно для всех подал заявление об уходе из Думы. Потом стало известно, что этого потребовал новый товарищ (заместитель) министра внутренних дел Владимир Федорович Джунковский. Во-первых, он опасался скандала, который мог бы разразиться в случае разоблачения депутата-агента. Во-вторых, считал, что Малиновский, произнося в Думе крамольные речи, приносит больше пользы большевикам, чем полиции.

Роман Вацлавович получил годовой оклад и уехал за границу. Ленин был ошеломлен и разочарован. Назвал уход Малиновского «политическим самоубийством» и был склонен побыстрее забыть об этом деле. Но эмиграция шумела. Пришлось Ленину в 1914 году провести партийное расследование.

Прямых улик против Малиновского не нашлось. Осуждать товарища на основе слухов не хотелось. Ленин до последнего не верил в его сотрудничество с полицией. Возможно, вступившись за бывшего депутата и члена ЦК, Владимир Ильич косвенно защищал себя и партию от скандала.

Григорий Евсеевич Зиновьев, на даче которого шло расследование, вспоминал: «В яркой, сильной, местами просто потрясающей форме (и казалось, абсолютно искренней) Малиновский нарисовал нам картину своей жизни... Он жертва, он несчастен, над ним тяготеет трагическое прошлое. Отсюда и невозможность нести то бремя политической ответственности, которое пало на него... Мы поверили. Может быть, он чего-нибудь недоговаривает, но ходит около правды, — примерно так формулировал впечатление Ильич».

Началась война, и Малиновского призвали в армию. Когда появилось сообщение, что он убит в бою, Ленин и Зиновьев написали вполне благожелательный некролог. Оказалось, рановато похоронили. Унтер-офицер Малиновский был ранен, попал в плен. Ленин и Зиновьев с ним переписывались, посылали ему в лагерь посылки.

Один из русских эмигрантов вспоминал, как в начале 1915 года в Берне встретил Крупскую. Короткий разговор касался сбора книг среди русской колонии для отправки их в лагерь военнопленных. Надежда Константиновна сообщила, что Владимир Ильич получил письмо от Малиновского, который находился в лагере интернированных в Германии, и что их надо поддержать.

Эмигранты образовали Бернскую комиссию интеллектуальной помощи военнопленным при Комитете заграничных организаций РСДРП.

Надежда Константиновна переписывалась с пленными, с характерной для нее пунктуальностью вела учет всей работы с ними. Время от времени сообщала членам комиссии адрес очередного лагеря, куда следовало направлять книги. Приняла участие в подготовке журнала «В плену».

В ноябре 1916 года Ленин писал Малиновскому: «Мы живем теперь опять в Цюрихе; здесь лучше библиотеки. А Надюша к тому же получила здесь небольшой приработок, в котором мы очень нуждались. Надя всё прихварывает от своей базедовой болезни».

А после Февральской революции Чрезвычайная следственная комиссия, назначенная Временным правительством, обнаружила в полицейских архивах документы, подтверждавшие, что Малиновский был полицейским агентом по кличке «Портной». Он раскрыл полиции все партийные секреты, в которые его посвящали, за что получал фантастически большие по дореволюционным временам деньги.

Публикация этих документов летом 1917 года потрясла Ленина и Крупскую. После возвращения в Россию Надежде Константиновне, как и другим видным большевикам, пришлось дать показания Чрезвычайной следственной комиссии относительно Малиновского.

После подписания мира с немцами, в октябре 1918 года, Роман Малиновский вместе с другими освобожденными военнопленными вернулся в Россию. Он, возможно, полагал, что старые товарищи его простят и даже выдвинут на руководящую работу — ведь он большевик со стажем, состоял членом ЦК. Надеялся оправдаться столь же легко, как и в 1914 году.

Малиновский ошибся. Когда подтвердилось, что он всё-таки был провокатором, возмущенный Ленин сказал Зиновьеву:

— Экий негодяй! Надул-таки нас. Предатель! Расстрелять его мало!

Дело поручили революционному трибуналу ВЦИК, заседавшему в Кремле. Следственную комиссию возглавила Елена Федоровна Розмирович, теперь уже жена члена коллегии Наркомата юстиции и председателя ревтрибунала Николая Владимировича Крыленко. Так что процесс был почти что семейным делом. Особенно если учесть, что большевик Крыленко когда-то писал депутату Думы Малиновскому речи.

Судебное заседание началось 5 ноября 1918 года. Крыленко не очень глубоко вник в дело и особенно в движущие мотивы обвиняемого. Но исход был известен заранее. Тем более что Ленин свое отношение к обвиняемому уже выразил. Малиновского приговорили к смертной казни и расстреляли.

Со временем Розмирович и Крыленко расстались. Вероятно, это ее и

спасло. Николая Крыленко Сталин расстрелял. А Елена Федоровна работала директором Государственной библиотеки им. Ленина и благополучно пережила эпоху репрессий.

МИРОВАЯ ВОЙНА

«Хотя давно уже пахло войной, — вспоминала Крупская, — но когда война была объявлена, это как-то ошарашило всех». Для них с Лениным это означало конец размеренной жизни в Европе.

Как раз в 1914 году Крупская вместе с другими известными большевичками, Инессой Федоровной Арманд и Людмилой Николаевной Сталь, начали выпускать партийный журнал для женщин — «Работница». Надежда Константиновна писала в передовой статье: «Журнал будет стремиться разъяснять малосознательным работницам их интересы, указывать на общность их интересов с интересами всего рабочего класса».

И в один день все рухнуло!

Двадцать восьмого июня 1914 года в эрцгерцога Франца Фердинанда, племянника императора Австро-Венгрии и наследника престола, в Сараево стрелял девятнадцатилетний боснийский серб Гаврило Принцип. После этого развитие событий стремительно привело Европу к глобальному международному вооруженному конфликту, изменившему всё мироустройство. 1 августа войну России объявила Германия, а 6 августа Австро-Венгрия. Не видя возможности избежать кровопролития, Николай II сказал министру иностранных дел Сергею Дмитриевичу Сазонову:

— Это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей. Как не остановиться перед таким решением?

Император колебался.

— Я сидел против него, — вспоминал министр, — внимательно следя за выражением его бледного лица, на котором я мог читать ужасную внутреннюю борьбу, которая происходила в нем в эти минуты. Наконец, государь, как бы с трудом выговаривая слова, сказал мне: «Вы правы. Нам ничего другого не остается делать, как ожидать нападения. Передайте начальнику Генерального штаба мое приказание о мобилизации».

В Зимнем дворце император Николай II обратился к депутатам Государственной думы и членам Государственного совета. Устроил прием в честь офицеров Петербургского гарнизона. После молебна дал клятву не заключать мира до тех пор, пока хоть один вражеский солдат остается на земле России. Указом от 31 августа 1914 года Петербург переименован в Петроград — на русский манер.

После объявления войны Владимира Ильича арестовала австро-венгерская полиция. Подданные враждебных государств считались

нежелательными иностранцами. Они подлежали интернированию или высылке.

Заведующий заграничной агентурой в Париже статский советник Александр Александрович Красильников 29 августа 1914 года поспешил доложить в Департамент полиции об аресте Ленина и других большевиков австрийскими властями: «На ходатайство об освобождении заключенных был дан ответ, что они могут быть освобождены, но при условии внесения за каждое содержащееся в тюрьме лицо по три кроны в день за всё время содержания их под стражей и проездную стоимость за перевозку их в Швейцарию.

На удовлетворение указанных требований необходимо не менее 3–4 тысяч франков, о чем Ленину удалось каким-то образом довести до сведения партийных лиц, живущих в Париже, но попытки добыть требуемую сумму в данное время, когда деньги так трудно добываются, не увенчались успехом».

Ленина держали в Новом Тарге, а заграничная агентура считала, что он в Кракове. Заместитель министра внутренних дел Джунковский обратился к командующему Юго-Западным фронтом генералу Алексееву с просьбой после взятия города арестовать Ленина и «препроводить в распоряжение Петроградского градоначальника».

Если бы Владимир Ильич попал тогда в руки жандармов, то всю войну провел бы не в комфортной загранице, а за решеткой. Конечно, после Февральской революции ему бы не пришлось возвращаться на родину с помощью немецких властей, что повредило его репутации... Но несколько лет в тюрьме могли бы самым бедственным образом сказаться на состоянии его здоровья.

Спасая мужа, Крупская была во все колокола. За Ленина вступились австрийские социал-демократы. Депутат парламента Виктор Адлер уверил министра иностранных дел, что Ленин — злейший враг русского правительства.

Владимира Ильича отпустили. Но оставаться в воюющей стране не представлялось возможным. В середине августа Ленин и Крупская перебрались в соседнюю Швейцарию, оставшуюся нейтральной.

Самым неприятным для них сюрпризом было то, что когда началась война, ей решительно все радовались. Солидарность пролетариата, в которую они верили, оказалась мифом. В Германии, где было так развито рабочее движение, ни одна сколько-нибудь влиятельная сила не возразила против начала мировой войны. Даже влиятельная партия немецких социал-демократов, считавшихся противниками военных конфликтов.

Ленин и Крупская с изумлением и возмущением читали произнесенную 4 августа 1914 года в рейхстаге речь депутата Гуго Гаазе от социал-демократической фракции.

— Империалистическая политика, — говорил он, — привела к роковым для Европы последствиям. Ответственность падает на тех, кто проводил эту политику. Нашей вины здесь нет. Мы стоим перед неумолимым фактом войны. Нам грозят ужасы вражеского нашествия. В случае победы русского деспотизма, запятнавшего себя кровью лучших сынов своей страны, наш свободный народ может потерять многое, если не всё. Мы должны подкрепить делами наши слова о том, что в минуту опасности мы не бросим нашу родину на произвол судьбы. При этом наши действия не противоречат принципам Интернационала, всегда признававшего право каждого народа на национальную независимость и на самозащиту. Мы надеемся, что жестокие страдания военного времени вызовут у миллионов людей отвращение к войне и они проникнутся идеями социализма и мира. Руководствуясь этими принципами, мы голосуем за военные кредиты...

К общим проблемам добавились семейные. Теща Ленина умерла в начале 1915 года, когда они жили в Берне. Русские эмигранты обратили внимание: Надежда Константиновна выглядела в те месяцы усталой, бледной, озабоченной. Она тяжело переживала смерть матери. Елизавета Васильевна всю жизнь посвятила дочери. После смерти матери у Надежды Константиновны обострилась базедова болезнь, и они с Владимиром Ильичом решили отправиться в горы.

Прах Елизаветы Васильевны сожгли в крематории, Ленин и Крупская захоронили урну на бернском кладбище. В 1969 году советское правительство организовало перенос урны в Ленинград, чтобы Елизавета Васильевна упокоилась рядом с могилой ее мужа — Константином Игнатьевичем Крупским.

«Владимир Ильич, — вспоминала Лилина, — был всегда необычайно внимателен к “бабушке” — матери Надежды Константиновны, и в особенности к самой Надежде Константиновне; когда она заболела, Владимир Ильич сам топил печку, помогал бабушке по хозяйству и старался, насколько возможно, избавить жену от забот и хлопот по дому».

Когда Елизавета Васильевна умерла, они стали обедать не дома, а в столовой. А Ленин-то с юности страдал желудком. В принципе болел он в молодости не так уж часто. В Самаре в 1892 году заразился брюшным тифом, но всё обошлось. На следующий год подхватил малярию — и тоже без последствий. Юность вождя прошла в благополучных условиях. Мать и

сестры о нем заботились. Он ничем не был перегружен, лето проводил на природе. А вот в Петербурге, где жил один, «заработал» катар желудка.

«Он не любил нарушения правильного образа жизни, — свидетельствует его сестра Мария Ильинична, — и в дальнейшем, особенно в заграничный период его жизни, распорядок во времени питания был введен самый строгий. Обедать и ужинать садились в точно назначенный час, не допуская в этом никакой оттяжки».

Усаживаясь за стол, Владимир Ильич озабоченно спрашивал:

— Мне можно это есть?

Хотя в еде был неприхотлив. Уже после революции Крупская как-то похвасталась своему секретарю в Наркомате просвещения Вере Соломоновне Дридзо, что способна приготовить 12 сортов яичницы. Та очень заинтересовалась. Оказалось, что это одна и та же яичница, только с разными добавками — луком, помидорами и так далее...

После смерти тещи Владимир Ильич и Надежда Константиновна почувствовали себя совершенно неустроенными. Ели вегетарианский суп из готовых кубиков «Магги», которые существовали уже и тогда, котлеты или жареное мясо с овощами. Теперь им отчаянно не хватало денег.

Встревоженный Зиновьев обратился к Крупской:

«Милая Надежда Константиновна!

Необходимо во что бы то ни стало что-нибудь предпринять, чтобы Вы с Ильичом устроились получше. Оба Вы хвораете и оба нисколько не думаете о себе. Устроились Вы ужасно плохо, плохо питаетесь. Пока была жива бабушка (мать Крупской. — Л. М.), Вы устраивались лучше ради нее. Но с тех пор, как она умерла, всё пошло невозможным образом... Нечего чрезмерно скромничать: мы хорошо знаем, что Вы с Ильичом — самое драгоценное из нашего “партийного имущества”. Проклятая война, ведь когда-нибудь кончится, работы будет столько, сколько никогда не было — берегите силы».

В Берне, а затем в Цюрихе они жили уже не в двух, а в одной комнате и обходились без кухни. Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, умерла годом позже, 12 июля 1916 года. Проводить ее в последний путь эмигрант Ленин не мог.

Вести из России приходили нерадостные. Социал-демократы или находились в неволе, или отошли от революционной деятельности. Оставшиеся верными своей цели вели бесконечные споры друг с другом. 27 февраля 1915 года Иосиф Виссарионович Сталин писал Ленину, Зиновьеву и Крупской из Туруханского края, где отбывал ссылку. Стил — развязный, от которого впоследствии он откажется, но презрительное

отношение к оппонентам сохранится навсегда:

«Мой привет Вам, дорогой Ильич, горячий-горячий привет! Привет Зиновьеву, привет Надежде Константиновне! Как живете, как здоровье? Я живу, как раньше, хлеб жую, доживаю половину срока. Скучновато, да ничего не поделаешь. А как Ваши дела-делишки? У Вас-то, должно быть, веселее...

Читал я недавно статьи Кропоткина — старый дурак, совсем из ума выжил. Читал также статейку Плеханова в “Речи” — старая неисправимая болтунья-баба. Эхма... А ликвидаторы с их депутатами-агентами вольно-экономического общества? Бить их некому, черт меня дери! Неужели так и останутся они безнаказанными?! Обрадуйте нас и сообщите, что в скором времени появится орган, где их будут хлестать по роже, да порядком, да без устали».

Не раз, наверное, Сталин с раздражением размышлял о том, что, пока он томится в туруханской ссылке, Ленин с Крупской, да и остальные большевики-эмигранты прохлаждаются за границей — в комфорте и уюте. Настанет время, когда генеральный секретарь презрительно скажет, что его оппоненты, побывавшие в эмиграции, «на самом деле партии не знали, от партии стояли далеко и очень напоминали людей, которых следовало бы назвать чужестранцами в партии».

В марте 1915 года Крупская участвовала в Берне в Международной женской социалистической конференции. С лета 1915 года она — секретарь Центральных эмигрантских касс Швейцарии. Помогала революционерам, оставшимся на чужбине без копейки. Подготовила брошюру «Народное образование и демократия». Владимир Ильич отослал рукопись Максиму Горькому, попросил издать. В феврале 1916 года Ленин с Крупской переехали в Цюрих.

Здесь 22 марта Владимир Ильич в помещении социал-демократического клуба прочитал лекцию на тему «Война и два Интернационала». Секретный агент царской полиции доложил в Петроград: «Было собрано 35 франков на выпуск следующего номера газеты “Социал-демократ”. Присутствовало около трехсот человек».

А в России Дмитрия Ильича Ульянова мобилизовали в 1914 году в армию. Отправили военным врачом в Крым — старшим ординатором Севастопольского крепостного временного госпиталя № 2. Здесь он женился. Многие завидовали его устроенной жизни, а ему было скучновато.

В мае 1916 года Дмитрий Ульянов писал сестре Марии Ильиничне:
«Дорогая Маня!

От прочей России Крым отличается только тем, что здесь сильнейшие ветры и пыль. Единственно — море, но теперь купальный сезон раньше как через месяц не начнется».

Маня, Маняша — как звали Марию Ильиничну домашние — окончила двухгодичные Высшие женские курсы в Москве. Уехала учиться на химико-физический факультет Нового брюссельского университета. Проучилась год. Вернулась. Как и старшие братья, увлеклась революционными идеями. Маняша — «с высоким лбом и неподвижным взглядом умных черных глаз исподлобья, была молчалива, внимательна и серьезна», такой ее запомнили. Замкнутая, трудно сходилась с людьми. Не имея собственной семьи, полностью посвятила себя Владимиру Ильичу.

В 1916 году Ленин и Крупская несколько воспрянули духом. Ленин увидел: не одни они с Надеждой Константиновной верят в возможность преобразования общества, в победу социализма. В 1914 году европейская молодежь считала насилие спасением от одряхлевших оков старого мира. Но после первых двух лет войны воодушевление и восторг испарились. Ход мировой войны стал подавать большевикам некую надежду. Но Ленин и Крупская вовсе не рассчитывали, что перемены — и какие! — произойдут очень скоро.

Пока что их собственная жизнь протекала весьма непросто. В июле 1916 года Ленин писал Инессе Арманд: «Надя шлет привет Вам и всем. Лечение ее идет, кажись, ничего, хотя здесь хуже, чем в Зёренберге». Они с Крупской обосновались в горном местечке Флумс в надежде снять обострение ее базедовой болезни.

В сентябре 1916 года Владимир Ильич пожаловался секретарю Русского бюро ЦК Александру Гавриловичу Шляпникову: «О себе лично скажу, что заработок нужен... Дороговизна дьявольская, а жить нечем».

Просил устроить переводы, одолжить денег у Максима Горького. В Цюрих Ленин и Крупская приехали в начале 1916 года, сняли комнату у сапожника на Шпигельгассе, в доме 14. В начале 1917 года Ленин поделился с сестрой: «Дороговизна совсем отчаянная, а работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая».

ИМПЕРАТОРСКИЙ ПОЕЗД. РОКОВОЙ МАРШРУТ

Пожалуй, всё началось в тот февральский день 1917 года, когда находившийся в Царском Селе Николай II сказал дворцовому коменданту Владимиру Николаевичу Воейкову, генерал-майору свиты его величества:

— Я решил в среду ехать в Ставку.

В разгар Первой мировой войны император принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего и делил время между Царским Селом, где оставались императрица и дети, и Ставкой, расположенной в Могилеве. Два месяца, после убийства Григория Распутина в декабре 1916 года, император провел с семьей.

Генерал Воейков считал, что момент, не подходящий для отъезда. Спросил, почему император принял такое решение, когда на фронте относительно спокойно, тогда как в столице спокойствия мало и его присутствие в Петрограде было бы весьма важно.

Император ответил, что в Ставке его ждет начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев и желает обсудить какие-то вопросы. Что касается положения в столице, то министр внутренних дел Протопопов уверил императора, что нет оснований ожидать чего-нибудь особенного.

Дворцовый комендант по телефону уточнил у министра Протопопова:

— Александр Дмитриевич, государь решил в среду ехать в Ставку. Как ваше мнение? Всё ли спокойно, и не является ли этот отъезд несвоевременным?

Протопопов, по обыкновению изъяснявшийся на английском языке, ответил, что он напрасно волнуется, так как всё вполне благополучно.

А между тем председатель Государственной думы Михаил Владимирович Родзянко просил императора об аудиенции: «В тот страшный час, который переживает родина, я считаю своим верноподданнейшим долгом как председателя Государственной думы доложить Вам по всей полноте об угрожающей Российскому государству опасности».

Император его принял, но отверг совет не распускать Думу и сформировать «министерство доверия», которое бы пользовалось поддержкой всего общества.

Родзянко тщетно призывал императора: «Час, решающий судьбу Вашу

и родины, настал. Завтра может быть уже поздно».

В два часа дня 22 февраля 1917 года императорский поезд отбыл из Царского Села в Ставку. Пройдет всего несколько дней, и поезд Николая II будет метаться по стране. Но ему уже не будет места. Нигде.

На следующий день после отъезда императора, 23 февраля, в столице начались забастовки, выстроились длинные очереди за хлебом. Городская дума обсуждала вопрос о введении хлебных карточек. Но мысли императора были заняты другим: его дети заразились корью.

«Мой ангел, любовь моя! — писала императрица Николаю. — Ну вот — у Ольги и Алексея корь. У Ольги всё лицо покрыто сыпью и глаза болят. Алексей лежит в темноте. Только что получили твою телеграмму, что прибыл благополучно — слава Богу. Представляю себе твое ужасное одиночество. Ах, любовь моя, как печально без тебя — как одиноко, как я жажду твоей любви, твоих поцелуев, бесценное сокровище мое, думаю о тебе без конца!»

В те дни семейные заботы одолевали Николая больше, чем положение в стране: «Перед завтраком принесли мне от имени бельгийского короля военный крест. Погода была неприятная — метель. Погулял недолго в садике. Читал и писал. Вчера Ольга и Алексей заболели корью, а сегодня Татьяна последовала их примеру».

Удивительно, что для императора его жена, а не полиция, не охранное отделение и не Министерство внутренних дел — главный источник информации о положении дел в столице. Императрица сообщала мужу: «На Васильевском острове и на Невском были беспорядки, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разбили Филиппова и против них вызвали казаков. Всё это я узнала неофициально».

Но занятая лечением детей, императрица плохо представляла себе, что именно происходит в Петрограде. Да и не могла она поверить, что начинается революция: «Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать. Было бы очень холодно, они, вероятно, остались бы дома. Но всё это пройдет и успокоится, если только Дума будет вести себя прилично — печатают речи, хуже некуда».

Вечером 25 февраля раздраженный император телеграфировал командующему столичным военным округом генерал-лейтенанту Сергею Семеновичу Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией».

Генерал Хабалов рад был бы исполнить приказ императора, но не знал, как это сделать. Стрелять в толпу, требующую хлеба, он не хотел, понимал, что добром это не кончится. Да и войска стали выходить из подчинения. В воскресенье рота запасного батальона Павловского полка повернула оружие против своих и открыла огонь по войскам, присланным подавить мятежников.

«В 10 часов пошел к обедне, — записал в дневнике Николай II. — Доклад кончился вовремя. Завтракало много народа и все наличные иностранцы. Написал Аликс и поехал по Бобруйскому шоссе к часовне, где погулял. Погода была ясная и морозная. После чая читал и принял сенатора Трегубова до обеда. Вечером поиграл в домино».

В Могилеве командование одной из крупнейших воюющих армий в Европе не понимало, что происходит. Почему разваливается страна? Продовольствия не хватало во всех воюющих странах, но режимы рухнули только в империях — России, Австро-Венгрии и Германии. Вертикаль власти имела столь малую опору, что при сильном волнении просто не могла удержаться.

Подавляющее большинство солдат были вчерашними крестьянами. Отрыв от земли, хозяйства и семьи был невыносим. И невыносима была механизация войны — пулеметы, дальнобойные артиллерийские орудия и особенно самолеты. Невидимая смерть.

Солдаты жаловались: «Мы уже не в силах стоять против такой механической и машинной бойни, мы уже потеряли свое здоровье, испортили нашу кровь, во сне снится, что летит снаряд или аэроплан, и вскакиваешь, кричишь».

Все военные годы в обществе копилась агрессия. Одна из уральских газет писала: «Присмотритесь к улице нашего дня, и вам станет жутко. У нее хищное, злобное лицо. В каждом обыденном практическом движении человека из толпы — кем бы он ни был — вы увидите напряженный инстинкт зверя. Никогда еще закон борьбы за существование не имел столь обильных и ярких проявлений в человеческом обществе».

Массовое дезертирство свидетельствовало о том, что крестьянин не справлялся с напряжением войны. Повоевали — и хватит, пора по домам, там хозяйство и семья. Кто будет пахать? Жены в письмах жаловались на дороговизну. Невыносимо было сознавать, что жены остались там одни — перед соблазнами. Особенно солдат возмущали разговоры о том, что пленных немцев и австрийцев используют на работах в деревне и они сходятся с солдатками.

Среди фронтовиков распространилась ненависть к тылу, к буржуям,

торговцам, вообще обладателям материальных благ. «Бить их всех подряд, — говорили фронтовики. — Солдат страдал, солдат умирал, солдат должен забрать всю власть до последней копейки и разделить промежду себя поровну!»

Первая мировая война высвободила разрушительные инстинкты человека. Тонкий слой культуры смыло. Все сдерживающие факторы — законы, традиции, запреты — исчезли. С фронта вернулся человек, который все проблемы привык решать силой.

Тревожные телеграммы в Ставку слал председатель Государственной думы М. В. Родзянко: «В столице анархия. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно».

Император не реагировал, и Родзянко телеграфировал командующему Северным фронтом генералу Николаю Владимировичу Рузскому: «Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно беспомощна восстановить нарушенный порядок. России грозит уничтожение и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена. Считаю единственным и необходимым выходом из создавшегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения».

Генерал Рузский переслал телеграмму председателя Государственной думы императору, причем до того, как поинтересовались его мнением, обозначил свою позицию — он против применения силы: «Дерзаю всеподданнейше доложить Вашему Величеству о крайней необходимости принять срочные меры, которые могли бы успокоить население, влить в него доверие и бодрость духа, веру в себя и в свое будущее... Позволяю себе думать, что при существующих условиях репрессивные меры могут скорее обострить положение, чем дать необходимое, длительное удовлетворение».

Император не любил Родзянко, который докучал ему докладами о тяжелом положении в стране. Но вести из столицы всё же встревожили его: «В Петрограде начались беспорядки, к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Царское Село поскорее и в час ночи перебрался в поезд».

В этот день императрица отслужила панихиду по убитому Распутину и

побывала на его могиле неподалеку от Царскосельского парка. А император неожиданно принял решение вернуться в столицу. Он испугался за семью, за жену и больных детей. Но что мешало ему привезти детей к себе, в безопасную Ставку? Он совершил вторую ошибку! Пять дней назад он напрасно покинул Петроград, где начались волнения. Теперь, бросив Ставку, он выпустил из рук рычаги управления огромной армией, которая могла бы остановить революцию.

Николай сел в поезд, который станет его последним прибежищем. В салоне, окруженный льстивыми царедворцами (все потом разбегутся!) и конвоем из солдат бравого вида (пальцем не пошевелят, чтобы защитить императора!), он испытывал чувство полной безопасности.

«Очень тревожные сообщения из Петрограда, — записала в дневнике мать Николая, вдовствующая императрица Мария Федоровна, которая в отличие от сына пыталась понять, почему начались беспорядки. — Ужасно! Говорят, что Ники едет обратно. Должно быть, это серьезно. Безднадежность! В середине войны! Плохие руководители или плохие советники?»

Историки поражаются: на что же потратил император два с лишним десятилетия своей власти? Почему в его окружении, в правительстве, в военном руководстве оказались все сплошь ничтожные, бесполезные, а то и просто трусливые личности, бросившие его в февральские дни 1917-го? Смешно укорять его в неумении разбираться в людях. Такова была закосневшая система управления, неспособная меняться.

«Лег спать в 3 часа, — пометил в дневнике Николай II, — так как долго говорил с генералом Ивановым, которого посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Ушли из Могилева в пять часов утра. Погода была морозная, солнечная».

Генерал от артиллерии Николай Иудович Иванов с марта 1916 года состоял при Ставке. Император отправил его в Петроград с приказом навести порядок, дал в помощь Георгиевский батальон. Но генерал Иванов даже не добрался до столицы — восставшие солдаты и железнодорожники не пропустили.

Сев в поезд, император лишился всякой возможности влиять на происходящее. Последний утвержденный им Совет министров подал в отставку. Россия осталась без царя, который сидел в своем вагоне, без Думы, которую он же распустил, и без правительства. Но природа не терпит пустоты. Вакуум заполнили депутаты Государственной думы.

Родзянко возглавил Временный комитет членов Государственной думы. Преображенский полк и гарнизон Петропавловской крепости

сообщили, что предоставляют себя в распоряжение депутатов, которые уговаривали Родзянко:

— Берите власть, Михаил Владимирович. Никакого в этом нет бунта. Берите как верноподданный... Берите, потому что держава Российская не может быть без власти...

Поздно вечером выпустили воззвание: «Временный комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванных мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Созная всю ответственность принятого им решения, комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием».

Родзянко уведомил генерала Алексеева и командующих фронтами: «Временный комитет членов Государственной думы сообщает Вашему Высокопревосходительству, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета министров правительственная власть перешла в настоящее время к Временному комитету Государственной думы».

Революция, которая начиналась как дворцовый (политический) переворот, совершилась! Она произошла без революционеров — это опровергает все мифы о заговоре и чьей-то злой воле. Никто не управлял событиями. Все были застигнуты врасплох, даже революционные партии!

«Весь день 28 февраля был торжеством Государственной думы как таковой, — вспоминал министр иностранных дел Временного правительства Павел Николаевич Милюков. — К Таврическому дворцу шли уже в полном составе полки, перешедшие на сторону Государственной думы...

К вечеру мы уже почувствовали, что мы не одни во дворце — и вообще больше не хозяева дворца. В другом конце дворца уже собирался другой претендент на власть, Совет рабочих депутатов, а к концу дня пришлось добавить “и солдатских депутатов”. Солдаты явились последними, но они были настоящими хозяевами момента. Появились радикальные барышни и начали угощать солдат чаем и бутербродами...»

Все ждали перемен, но Февральская революция стала полной неожиданностью абсолютно для всех. Никто не мог предположить, что российская монархия рухнет всего за неделю. В два часа ночи императорский поезд остановился на станции Малые Вишеры. До столицы оставалось всего 200 верст. Но восставшие солдаты заявили, что не пропустят императорский поезд. Только теперь император осознал, как

далеко зашло дело: он не может встретиться с женой и детьми. Но он еще не осознал, что теперь жизнь страны определяют другие люди, а в его распоряжении остался только этот поезд.

«Ночью повернули с Малой Вишеры назад, так как Любань и Тосно оказались занятыми восставшими, — записал в дневнике Николай II. — Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского Села не удалось. А мысли и чувства всё время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам Господь!»

Императорский поезд повернул на Псков, потому что там находился штаб Северного фронта. Николай искал защиты у армии. Но командующий фронтом генерал Рузский ворчал, что время безнадежно упущено и уступками дело не спасешь:

— Теперь уже трудно что-либо сделать. Давно настаивали на реформах, которые вся страна требовала. Не слушались... Теперь придется, быть может, сдаваться на милость победителей.

До беседы с генералом Рузским Николай колебался между желанием усмирить восставших и пониманием, что в чем-то придется уступить. Приехав в Псков, он узнал, что революция побеждает и уже недостаточно позволить сформировать правительство, которое будет отвечать не перед императором, а перед Государственной думой.

«Утром пришел Рузский, — записал в дневнике император, — и прочел свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение».

Николай сел в Могилеве в поезд самодержцем, который повелевал огромной страной, а вышел из него в Пскове безвластным человеком. Николай был Верховным главнокомандующим, но его собственные генералы хотели, чтобы он ушел. Командующих фронтами и начальника штаба Алексеева запросили по телеграфу: что они думают об отречении императора в пользу цесаревича Алексея?

В половине третьего генерал Рузский принес императору семь телеграмм. Командующие поддержали идею отречения от престола. Это так подействовало на Николая, что он телеграфировал председателю Думы: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына, с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего великого князя Михаила

Александровича».

Журналисты говорили потом генералу Рузскому:

— Свободная Россия вам обязана предотвращением ужасного кровопролития, которое готовил царь.

— Если уж говорить об услуге, оказанной мною революции, — самодовольно ответил генерал, — то она даже больше той. Я убедил его отречься от престола.

Рузского императрица Александра Федоровна назовет потом Иудой. В 1918 году бывшего генерала убьют революционные солдаты.

Двадцать седьмого февраля 1917 года был избран Временный комитет Государственной думы. Председателю Военно-промышленного комитета Александру Ивановичу Гучкову и депутату Государственной думы Василию Витальевичу Шульгину поручили ехать в Псков и встретиться с императором.

Из Таврического дворца они вдвоем на автомобиле отправились на квартиру Александра Ивановича. Здесь Гучков набросал текст манифеста об отречении императора. Потом заглянули в Военное министерство и по прямому проводу сообщили в Псков, что приезжают. В три часа дня они уехали из Петрограда на экстренном поезде — паровоз и один вагон, Гучкова и Шульгина сопровождали пять солдат с красными бантами на шинелях.

Ночью Николай II подписал манифест об отречении от престола. Пометил в дневнике: «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман!»

Считая, что больному неизлечимой гемофилией сыну не быть императором, Николай несколько изменил свою волю: «Не желая расставаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского».

Великий князь Александр Михайлович, двоюродный дядя Николая II, вспоминал: «Мой адъютант разбудил меня на рассвете. Он подал мне отпечатанный лист. Это был манифест государя об отречении. Ники отказался расстаться с сыном и отрекся в пользу Михаила. Я сидел в постели и перечитывал этот документ. Вероятно, Ники потерял рассудок. С каких пор самодержец может отречься от данной ему Богом власти из-за того, что в столице недостаток хлеба и частичные беспорядки? Измена Петроградского гарнизона? Но ведь в его распоряжении находилась пятнадцатимиллионная армия. Всё это казалось совершенно невероятным».

И в самом деле, почему же царская власть не защищалась? В

Петрограде сопротивлялись только жандармы и полицейские, да еще несколько офицеров из самокатного батальона. Александр Исаевич Солженицын упрекал Николая II за то, что он не дал приказа стрелять в восставшую толпу, потому что боялся кровопролития. А можно было объявить мятежный город вне закона, писал Солженицын. Иначе говоря, утопить его в крови...

«Окажись рядом рота пулеметчиков, по-настоящему преданных царю, — вспоминал глава Временного правительства Александр Федорович Керенский, — она могла бы уничтожить всю Думу вместе с левыми и правыми. Единственная причина, по которой это не случилось, заключалась в том, что в целой Российской империи не нашлось такой роты».

Начальник Главного артиллерийского управления генерал-лейтенант Алексей Алексеевич Маниковский, когда до крушения царского режима оставались считанные недели, писал одному из сослуживцев: «Где тот истинный “диктатор”, по которому стосковалась Земля Русская... Вся Россия исстрадалась от того сумбура, какой идет сейчас у нас в тылу... Так дальше продолжаться не должно... Мне приходится иметь дело с тысячами лиц самого разнообразного положения, и ото всех я слышу только одно — порицание властей предрежающих. Наш вопль: дайте нам если не диктатора, то хотя бы хорошую ПАЛКУ... Палка, палка нужна до зареза!!»

И как же поступил сей поклонник диктатуры и палки? В марте 1917 года принял новое назначение от Временного правительства. При Керенском, который был военным министром по совместительству, Маниковский фактически управлял министерством. После Октября служил в Красной армии начальником Главного архивного управления, потом занимался армейским снабжением. Во время служебной командировки в 1920 году его сбросили с поезда и он погиб.

В феврале 1917-го войска и казаки вовсе не желали защищать императора. Даже юнкерские училища не поднялись... Никто из высших чинов государственного аппарата не рискнул своей жизнью. Первыми предали царя, как водится, те, кто больше всех драл глотку во славе — монархисты Пуришкевич и Шульгин. И православная церковь не поддержала самодержца всероссийского.

Принято считать, что последний русский император был нерешительным и легко поддавался влиянию. Вот и императрица когда-то писала ему: «Не надо говорить — у меня крошечная воля. Ты просто чуть-чуть слаб и не доверяешь себе... и немножко склонен верить чужим советам».

В реальности император никогда не делал то, чего делать не хотел. И быстро избавлялся от людей, которые пытались навязать ему какие-то советы, были слишком настойчивы. Так почему же он так легко отказался от трона? Он вдруг увидел, что решительно все вокруг желают, чтобы он ушел! Не столько революции хотело большинство общества, сколько избавления от опостылевшего режима. В этот решающий час Николай II чувствовал себя совершенно одиноким, не выдержал и капитулировал.

«Кто бы ни похвалялся, что предвидел всё, что произошло, сказал бы явную неправду, — вспоминал недавний председатель Совета министров Владимир Коковцов. — Едва ли я ошибусь, если скажу, что все ждали просто дворцового переворота, отстранения в той или иной форме императрицы, думали, что явится на смену новый порядок управления, но жизнь сохранит если не все свои прежние формы, то все ее устои».

Видеть Николая II на троне хотела тогда только императрица: «Как унизили тебя, послав этих двух скотов... Любимый, душа души моей, моя крошка, — ах, как мое сердце обливается кровью за тебя! Я вполне понимаю твой поступок, о мой герой!.. Мы в совершенстве знаем друг друга, нам не нужно слов, и, клянусь жизнью, мы увидим тебя снова на твоём престоле, вознесенным обратно твоим народом и войсками во славу твоего царства».

Императорский поезд подошел к Могилеву вечером 3 марта. Николай телеграфировал брату, называя его императором: «Петроград. Его императорскому величеству Михаилу Второму. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники».

Телеграмма опоздала. В квартире князя Михаила Сергеевича Путятина члены правительства и Временного комитета Думы устроили встречу с великим князем Михаилом Александровичем.

Только Милюков доказывал, что для укрепления нового порядка нужна сильная власть, которая опирается на символ власти, привычный для масс. Таким символом служит монархия. Временное правительство без опоры на этот символ не доживет до открытия Учредительного собрания. Потонет в океане народных волнений. Стране грозит полная анархия.

Все остальные уговаривали Михаила отказаться от трона. Великий князь попросил несколько минут для размышлений и твердо сказал:

— При настоящих условиях я не считаю возможным принять престол.
— И добавил: — Мне очень тяжело... Меня мучает, что я не смог

посоветоваться со своими, ведь брат отрекся за себя, а я, выходит, что отрекаюсь за всех.

В шесть часов вечера великий князь Михаил Александрович подписал акт об отказе от восприятия верховной власти: «Прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

Говорили, что Михаил был безвольным и несамостоятельным человеком.

«По натуре он действительно был мягок, хотя и вспыльчив, — вспоминал его адъютант. — Он действительно не любил (главным образом из деликатности) настаивать на своем мнении и из этого же чувства такта стеснялся и противоречить. Но в тех поступках, которые он считал исполнением своего нравственного долга, он проявлял обычно настойчивость, меня поражавшую».

Великий князь Михаил Александрович больше ценил семейное счастье, чем власть и положение. Гвардейский офицер, автолюбитель и поклонник аэропланов, он влюбился в дочь московского адвоката, которая была дважды разведена.

Николай II категорически запретил ему жениться. Но Михаил 17 октября 1912 года в Вене в сербской православной церкви тайно обвенчался с любимой женщиной. Император запретил Михаилу возвращаться в Россию, уволил его со службы и лишил всех званий. Михаил жил на юге Франции, в Англии, потом ему разрешили вернуться. Михаил был назначен командиром сформированной на Кавказе Дикой дивизии, которая отличилась в войну. Его жена получила титул графини Брасовой. В тот мартовский день великий князь думал о жене и детях...

«Спал долго и крепко, — пометил в дневнике Николай II. — Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыли в Могилев. Все чины штаба были на платформе.

Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через шесть месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!»

Упомянутая бывшим императором четыреххвостка — понятие тех лет, означавшее всеобщие, прямые, тайные и равные выборы, которых давно

добивалось русское общество.

«Я в полном отчаянии! — писала вдовствующая императрица Мария Федоровна. — Подумать только, стоило ли жить, чтобы когда-нибудь пережить такой кошмар! В 12 часов прибыла в Ставку, в Могилев, в страшную стужу и ураган. Дорогой Ники встретил меня на станции. Горестное свидание!.. Ники рассказал обо всех трагических событиях, случившихся за два дня. Бедняга Ники открыл мне свое бедное кровоточащее сердце, и мы оба плакали...»

Отрекшийся от власти император плохо представлял себе положение в стране и собственную будущность. Он наивно полагал, что будет предоставлен самому себе и вместе с семьей поселится в Ливадии или в худшем случае уедет за границу.

Шестого марта Священный синод Русской православной церкви отменил богослужебное поминовение царской власти. Общее собрание Екатеринбургской духовной консистории отправило приветственную телеграмму Родзянко: «Екатеринбургское духовенство восторженно приветствует в лице Вашем свободную Россию. Готовое все силы свои отдать на содействие новому правительству в его устремлениях обновить на началах свободы государственный и социальный строй нашей родины, возносит горячие молитвы Господу Богу, да укрепит Он Всемогущий державу Российскую в мире и да умудрит Временное правительство в руководительстве страной на пути победы и благоденствия...»

— Сейчас Николай II в моих руках, — заявил Керенский. — Я не хочу, не позволю себе омрачить русскую революцию. Маратом русской революции я никогда не буду. В самом непродолжительном времени Николай II под моим личным наблюдением будет отвезен в гавань и оттуда на пароходе отправится в Англию.

Британский посол Джордж Бьюкенен сообщил Временному правительству, что король Георг готов принять Николая и Александру на британской территории. Но Керенский не позволил им уехать, испугавшись Советов. Да и английское правительство передумало, чтобы не провоцировать левых у себя в стране.

«Последний день в Могилеве, — записал Николай в дневнике. — В 10 часов подписал прощальный приказ по армиям. В 10.30 пошел в дом дежурства, где простился со всеми чинами штаба и управлений. Дома простился с офицерами и казаками конвоя и Сводного полка — сердце у меня чуть не разорвалось!»

Несколько раз в те дни был момент, когда казалось, что ход событий можно повернуть в другую сторону. Но все эти возможности были

упущены, и, наконец, события приобретали характер неостановимый, как сход снежной лавины.

Временное правительство принимало законы, давно назревшие и совершенно необходимые. Но то, что последовало потом... Вскоре многие вспоминали царский режим как время счастливое и прекрасное.

«В 12 часов приехал к мама в вагон, — записал в дневнике Николай, — позавтракал с ней и ее свитой и остался сидеть с ней до 4.30. В 4.45 уехал из Могилева, трогательная толпа провожала. Четыре члена Думы сопутствуют в моем поезде. Поехал на Оршу и Витебск. Погода морозная и ветреная. Тяжело, больно и тоскливо».

Это последнее путешествие Николая в его поезде. Но и здесь он уже не хозяин. Фактически он под арестом. За ним присматривают депутаты Думы. Поезд прибыл в Царское Село утром. Ни на кого не глядя, Николай прошел по перрону и сел в автомобиль.

«В поезде с государем ехало много лиц, — вспоминал начальник охраны Александровского дворца полковник Кобылинский. — Когда государь вышел из вагона, эти лица посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо, проникнутые чувством страха, что их узнают».

У въезда во дворец дежурный офицер скомандовал:

— Открыть ворота бывшему царю.

«Скоро и благополучно прибыл в Царское Село, — записал Николай II. — Но, Боже, какая разница, на улице и кругом дворца, внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики! Пошел вверх и там увидел душку Аликс и дорогих детей. Она выглядела бодрой и здоровой, а они все лежали в темной комнате. Но самочувствие у всех хорошее, кроме Марии, у которой корь недавно началась. Погулял с Валею Долгоруковым и поработал с ним в садике, так как дальше выходить нельзя!»

В 1920 году бывший председатель Думы Родзянко уехал из России, жил в Сербии, очень бедно. Правые эмигранты его ненавидели. Иногда он задавал себе вопрос: — «А может быть, действительно я не все сделал, чтобы предотвратить гибель России?»

История нашей страны развивается по спирали. Правящая элита держится за власть обеими руками, не позволяя самых необходимых перемен. В какой-то момент перемены всё-таки начинаются и тут же превращаются в неконтролируемую стихию, которая всё сносит.

Приходит новая власть и опять всё пытается заморозить. Так было при царе — и кончилось кровавой Гражданской войной, так было при советской власти — и кончилось распадом государства и кровавыми конфликтами.

Сложись история иначе, Россия была бы и сегодня процветающей конституционной монархией. И внук или, скорее, правнук Николая II принимал бы послов, поздравлял страну с Новым годом и открывал заседания Государственной думы.

Царская Россия, откликаясь на веления времени, менялась. Но слишком медленно. Революции можно было бы избежать, если бы власть позволила обществу нормально развиваться, поняла необходимость модернизации.

Ведь даже императрица признавалась Николаю II: «Меня всегда огорчает, как мало производится здесь. Всё привозится из-за границы. Дай Бог, чтобы по окончании этой ужасной войны фабрики смогли бы сами обрабатывать кожу и меха; такая огромная страна и зависит от других».

А художник Мстислав Владимирович Фармаковский писал из Парижа весной 1907 года: «Россия делает завоевания за границей, разумеется, не официальная Россия в мундирах, а та, которая ропщет и хочет жить по-своему: русская литература уже завоевала себе место, русская музыка теперь расчищает себе дорогу, и перед ней робко жмутся разные Делибы, даже Массне и Сен-Санс неприятно поводят плечами; русская живопись только начинает появляться за границей и уже заставила многих подумать о наступающей своеобразной силе. И как ни бедственно положение России политической, всё-таки чувствуешь гордость при слове: я — русский!»

НЕМЕЦКИЕ ДЕНЬГИ

Обвинения большевиков в сотрудничестве с немецким генштабом Ленин и Крупская слышали весной 1917 года. В советские времена на эту тему было наложено табу. Но зато после перестройки, когда страна открылась, в Россию из эмигрантских запасников хлынул поток антибольшевистской литературы. И девственное в смысле знания собственной истории российское общество было потрясено: «Оказывается, Октябрьскую революцию большевики совершили на немецкие деньги... Всеми действиями Ленина руководил кайзеровский генеральный штаб. Германия с помощью большевиков разрушила Российскую империю, чтобы спастись от поражения в Первой мировой... И позорный Брестский мир с немцами Ленин и Троцкий тоже подписали, выполняя приказ Берлина...»

Ленин и Крупская были не первыми, кого обвиняли в шпионаже и измене. В начале мая 1915 года развернулось немецкое наступление. Германские войска прорвали фронт, русские войска отступали. В мае оставили Галицию. Летом немцы взяли Польшу. Царская армия потеряла убитыми и ранеными почти полтора миллиона человек, в плен попало около миллиона. В конце июля на заседании правительства военный министр Алексей Андреевич Поливанов информировал правительство:

— Отступление не прекращается. Линия фронта меняется чуть ли не каждый час. Деморализация, сдача в плен, дезертирство принимают грандиозные размеры. Ставка, по-видимому, окончательно растерялась, и ее распоряжения принимают какой-то истерический характер... Сплошная картина разгрома и растерянности. Уповаю на пространства непроходимые, на грязь непролазную и на милость угодника Николая Мирликийского, покровителя Святой Руси.

Все искали виновных. Чем хуже было положение на фронте, тем чаще звучало: «Предательство»!» Дело усугублялось тем, что в военную контрразведку после начала войны мобилизовали жандармов, которые искать шпионов обучены не были, зато привыкли выявлять врагов государства.

Первой жертвой стали обрусевшие немцы, давно обосновавшиеся в России. Понятие «пятая колонна» еще не появилось, но русских немцев подозревали в тайной работе на Германию. Образовался Особый комитет по борьбе с немецким засильем. Видные политики меняли немецкие фамилии на чисто русские. Обер-прокурор Святейшего синода Владимир

Карлович Саблер превратился в Десятовского.

Но поиск внутренних врагов был уже неостановим. Осенью 1915 года в измене обвинили бывшего военного министра Владимира Александровича Сухомлинова. После этого уже кого угодно можно было заподозрить в предательстве. Через год обвинение в измене предъявили царской семье, правительству и генералитету в целом.

Первого ноября 1916 года в Государственной думе депутат от партии кадетов Павел Милюков заявил, что правительство намерено заключить сепаратный мир с Германией. Каждый пункт обвинений царскому правительству Милюков заканчивал словами: «Что это — глупость или измена?» Как выразился один из депутатов, «при каждом повторении этой фразы точно электрический ток проходил по нервам всех присутствующих».

Однопартийны устроили Павлу Николаевичу овацию. Он стал героем. Гордо говорил о себе: «Я послужил оружием истории».

А были основания для подозрений? В Германии Россию считали слабым звеном, поэтому действительно предлагали Петрограду сепаратный мир. Датский король Христиан X выразил желание стать посредником в мирных переговорах. Но Николай II отказался...

Разговоры о германофильстве императрицы Александры Федоровны, намеки на прямое предательство двора были следствием самодержавной системы управления, когда любое назначение на высшие посты определялось монаршей волей. А подозревали всегда худшее. После отречения императора, в марте 1917-го, епископ Енисейский и Красноярский Никон (Бессонов) уверенно говорил:

— Монарх и его супруга изменяли своему же народу. Большого, ужаснейшего позора ни одна страна никогда не переживала. Нет, нет — не надо нам больше никакого монарха.

Последний начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор Константин Иванович Глобачев писал, уже будучи в эмиграции: «Многие задают вопрос: правда ли, что Германия принимала участие в подготовке Февральской революции 1917 года. Я утверждаю: для Германии русская революция явилась неожиданным счастливым сюрпризом. Русская Февральская революция была созданием русских рук».

Сепаратные переговоры с немцами первыми предложили не большевики, а военный министр во Временном правительстве Керенского тридцатилетний генерал-майор Александр Иванович Верховский, недавний командующий Московским военным округом. 19 октября 1917 года генерал Верховский предупредил Кабинет министров:

— Народ не понимает, за что воюет, за что его заставляют нести голод, лишения, идти на смерть.

На следующий день на заседании комиссий по обороне и иностранным делам Предпарламента (Временный совет Российской республики — представительный орган всех российских партий до созыва Учредительного собрания) генерал Верховский рассказал о бедственном положении армии:

— Воевать мы не можем... Единственная возможность — самим немедленно возбудить вопрос о заключении мира. При всей нашей слабости мы связываем на фронте 150 неприятельских дивизий. Так что эта истощающая война нужна только союзникам.

Военного министра обвинили в измене. Глава Временного правительства Керенский отстранил его от должности. 24 октября 1917 года в Предпарламенте он говорил о большевиках:

— Они содействуют правящим классам Германии, открывают фронт русского государства перед бронированным кулаком Вильгельма и его друзей. Я квалифицирую такие действия русской политической партии, как предательство и измену Российскому государству.

Так ведь и Керенский сам на подозрении! Англичане рассекретили меморандум Министерства иностранных дел Великобритании от 23 октября 1917 года: «До нас доходят слухи о том, что Керенский находится на жалованье у Германии и что он и его правительство делают всё, чтобы ослабить и дезорганизовать Россию, приведя ее к положению, когда никакой другой курс, кроме сепаратного мира, будет невозможен...»

После революции в различных банках на счетах Керенского обнаружили 1 174 734 рубля. Совнарком их конфисковал. Но выяснять, откуда у него такие деньги, не стали.

В работе на немцев обвиняли решительно всех. Что же думать? Либо и в самом деле все в России — от императорской семьи до руководства большевиков — были куплены немцами, что трудно предположить хотя бы в силу бедственного положения германского бюджета, либо — что ближе к истине — немецкие деньги не имели никакого отношения к событиям 1917 года.

Вообще не следует приписывать иностранным разведкам, в первую очередь германской, успехи, которых у них не было. И предполагать, будто даже армия шпионов способна изменить историческую судьбу огромной страны. Обе революции — и Февральская, и Октябрьская — были совершены русскими людьми на русские же деньги. Если деньги вообще имели хотя бы какое-нибудь значение в событиях 1917 года.

Но как же быть в таком случае с двумя фигурами, вокруг которых уже почти сто лет крутится эта историческая интрига с немецкими деньгами: Парвусом и Карлом Моором?

Парвус — это псевдоним Израиля Лазаревича Гельфанда. Он родился в Минской губернии, окончил Базельский университет, вступил в социал-демократическую партию Германии. Во время революции 1905 года Парвуса избрали членом исполкома Петроградского совета. Последовали арест и суд. Из ссылки он бежал. Издал в Германии книгу «По тюрьмам во время революции. Побег из Сибири». Интерес к революции утратил начисто. Парвус стал литературным агентом Максима Горького в Германии. Он получил за постановки пьесы «На дне» 100 тысяч марок и прокутил эти деньги, о чем чистосердечно признался Горькому (см. подробнее работу доктора исторических наук Геннадия Леонтьевича Соболева «Тайна “немецкого золота”»).

Во время Первой мировой войны Парвус предложил немецкому правительству устроить по всей России забастовки и подорвать Россию изнутри. Этот документ известен как «Меморандум д-ра Гельфанда». В 1915 году он создал в Копенгагене институт изучения причин и последствий войны, в нем сотрудничали русские эмигранты.

План Парвуса немцы приняли и выдали небольшие деньги на антивоенную пропагандистскую работу в России. Небольшие, потому что, во-первых, германская казна опустела, и немецкие чиновники берегли каждую марку. А во-вторых, Парвус был мелким агентом, особых иллюзий на его счет в Берлине не питали. Через год потребовали отчета. Отчитаться за потраченные деньги ему было нечем.

Ленин 20 ноября 1915 года писал в газете «Социал-демократ»: «Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, опустил теперь в издаваемом им журнальчике до... последней черты... Он лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что немецкий Генеральный штаб выступил за революцию в России...»

Летом 1916 года начальник Отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице генерал Глобачев, изучив слухи о подготовке Парвусом забастовок, констатировал: «Это только мечты, которым никогда не суждено осуществиться, ибо для создания подобного грандиозного движения помимо денег нужен авторитет, которого у Парвуса ныне уже нет...»

Но многие верят, что это Парвус на скромные средства разрушил великое государство.

Следует отдать должное Владимиру Ильичу. Большевики не были

разборчивы в добывании денег на революцию, но чутье Ленина не обмануло. Он считал Парвуса авантюристом, дела с ним иметь не желал и от его денег отказывался.

Вторая фигура — Карл Моор. Сын швейцарского аристократа, он заинтересовался марксизмом, примкнул к социал-демократам, помогал русским революционерам. Но уже в те годы российские эмигранты подозревали, что Карл Моор — немецкий агент.

В мае 1917 года Моор передал Заграничному бюро партии большевиков 73 тысячи шведских крон. Ленин деньги не принял. ЦК партии решил: «Предложение Моора отклонить и всякие дальнейшие переговоры по этому поводу считать недопустимыми». Но Заграничное бюро от денег отказываться не хотело. В общей сложности взяли у Моора 114 тысяч шведских крон (это примерно 33 тысячи долларов).

Эти деньги в Россию не попали. На них провели в сентябре 1917 года третью антивоенную конференцию в Стокгольме. Она была направлена в равной мере и против Германии. (Первая конференция левых интернационалистов-социалистов состоялась 5–8 сентября 1915 года в швейцарской деревне Циммервальд. Конференция после долгих дискуссий призвала к миру без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов...)

В августе 1918 года большевик Григорий Львович Шкловский, который в эмигрантские годы жил в Берне, сообщал Ленину: Моор — «немецкий агент, купленный за деньги агент. Доказательств больше чем достаточно».

Ленин писал члену ЦК Карлу Радеку, командированному в Стокгольм: «Но что за человек Моор? Вполне ли и абсолютно доказано, что он честный человек? Что у него никогда не было и нет ни прямого, ни косвенного снюхивания с немецкими социал-империалистами?.. Я очень и очень просил бы принять все меры для строжайшей и документальнейшей проверки этого, тут нет, то есть не должно быть места ни для тени подозрений, нареканий, слухов и тому подобного».

Но Карл Моор оказался полезен большевикам. Помог вытащить Карла Радека из немецкой тюрьмы (его посадили 15 февраля 1919 года, когда он нелегально приехал в Германию на первый съезд компартии). Дал денег вдове расстрелянного в Баварии Ойгена Левине, главы Исполнительного совета Баварской советской республики.

В сентябре 1921 года Григорий Шкловский, работавший тогда в торгпредстве в Берлине, писал Ленину: «Я встретил здесь Моора. Вы, вероятно, помните, что я считал его немецким агентом и протестовал

против его поездок в Россию, чем навлек на себя даже гнев т. Радека. Мои дальнейшие наблюдения за ним меня в этом роде деятельности Моора ничуть не разубеждали...»

После окончания Гражданской войны и смерти Ленина Моор попросил вернуть ему деньги, которые он одолжил большевикам. Это растянулось на пять лет. Моор приезжал в Москву, лечился в Кремлевской больнице, набирался сил в Доме отдыха ветеранов революции им. Ильича. Последнюю часть суммы решили выплатить решением секретариата ЦК 9 сентября 1927 года.

Историки свидетельствуют: не найдено ни одного подлинного документа (фальшивок сколько угодно) о контактах Ленина, Крупской, их окружения с немецким правительством и о получении от него денег.

ВАГОН В СПЕЦПОЕЗДЕ

А как же история с возвращением большевиков-эмигрантов в Россию весной 1917-го через территорию Германии? Разве это не доказательство преступного сговора с врагом?

Сговора не было, но стремление большевиков свергнуть царскую власть соответствовало интересам кайзеровской Германии. Вот почему немцы разрешили большевикам-эмигрантам проехать через свою территорию, хотя должны были их арестовать как граждан враждебного государства.

Когда грянула Февральская революция, Ленин отчаянно стремился в Россию. Было два пути — через Англию или Германию. Понимал: англичане его обязательно арестуют — за антивоенную позицию. Может быть, немцы по той же причине пропустят?

Шестого марта 1917 года взволнованный известиями из России Ленин писал Инессе Арманд: «По-моему, у всякого должна быть теперь одна мысль: скакать. А люди чего-то ждут. Конечно, нервы у меня взвинчены сугубо. Да еще бы! Терпеть, сидеть здесь...

Я уверен, что меня арестуют или просто задержат, если я поеду под своим именем... В такие моменты, как теперь, надо уметь быть находчивым и авантюристом... Есть много богатых и небогатых русских дураков, социал-патриотов и т. п., которые должны попросить у немцев пропуска — вагон до Копенгагена для разных революционеров.

Почему бы нет?..

Вы скажете, может быть, что немцы не дадут вагона. Давайте пари держать, что дадут!»

Всё делалось открыто. Щепетильный в вопросах морали меньшевик Юлий Мартов предложил обменять русских эмигрантов из Швейцарии на интернированных в России гражданских немцев и австрийцев. Представители Германии дали согласие.

Исполнительная комиссия Центрального эмигрантского комитета отправила телеграмму министру юстиции Временного правительства Александру Федоровичу Керенскому с просьбой разрешить проезд через Германию.

Подготовка к возвращению русской эмиграции из Швейцарии в марте и апреле 1917-го проходила гласно и обсуждалась в прессе. Англичане и французы (союзники России), как и следовало ожидать, отказались

пропустить русских социалистов — противников войны — через свою территорию. Немецкие власти, что тоже нетрудно было предсказать, согласились.

Не потому, что немецкой разведке удалось завербовать русских эмигрантов. Возвращение в Россию очевидных противников войны было на руку Германии. Немцам и вербовать никого не надо было!

В Берлине жаждали сепаратного мира с Россией. 29 марта 1917 года канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег говорил в рейхстаге: «У нас нет ни малейших оснований враждебно относиться к борьбе русского народа за свободу или желать возвращения автократического старого режима. Наоборот, мы хотим, насколько это в наших силах, помочь нашему восточному соседу в деле строительства счастливого будущего и избавления от английского засилья. Германия всегда была и остается готова заключить почетный мир с Россией».

Ленин упросил швейцарского социалиста Фрица Платтена взять на себя все хлопоты. 2 апреля 1917 года МИД Германии официально разрешил обмен русских эмигрантов на интернированных в России немцев и австрийцев. 5 апреля германское военное командование обещало без проверки документов пропустить 60 русских эмигрантов.

Генерал-фельдмаршал Эрих фон Людендорф объяснял позицию Берлина: «Наше правительство, пропуская в Россию Ленина, приняло на себя тем самым большую ответственность. Это путешествие Ленина оправдывалось с военной точки зрения, нужно было, чтобы Россия была повержена».

Германия рассчитывала, что радикальные русские социалисты выведут Россию из войны и это позволит перебросить все силы на Западный фронт.

Русские эмигранты запросили мнение левых партий других стран. Видные социалисты из Швейцарии, Франции, Швеции, Норвегии подписали «Протокол о поездке», поддержав право русских товарищей проехать в Россию через Германию. Протокол опубликовали газеты в Стокгольме. А вот деньги на поездку собрали с трудом. Иначе говоря, немецкого золота в партийном кошельке не оказалось.

В результате не выбрали немецкой квоты в 60 человек. 9 апреля 1917 года Берн покинули 52 человека. Из них большевиков — только 19. Остальные — эсеры и меньшевики. Они тоже убедились в том, что нет иного пути попасть в Россию. Через Германию проехали потом еще три группы политических эмигрантов. В общей сложности таким путем вернулись на родину 159 человек. Большевики составляли среди них меньшинство. Почему именно их обвинили в предательстве?

Девятого апреля Ленин и Крупская выехали из Берна в Цюрих и в тот же самый день в три часа пополудни сели на поезд, который через Германию и Швецию должен был доставить их в Россию. На сборы к поезду у них была всего пара часов. Взяли личный архив, наиболее ценные книги, вырезки из газет, одежду и шведскую керосинку.

«В организации поездки из Швейцарии в Петроград на долю Надежды Константиновны досталось немало хлопот, — вспоминал один из социал-демократов. — Все отъезжавшие с этой группой в Россию были разбросаны по многим городам Швейцарии; с ними надо было списаться, держать их в курсе дела и, когда нужно, известить их телеграммой».

Маршрут выбрали такой: Готмадинген — Штутгарт — Франкфурт-на-Майне — Берлин — Штральзунд — Засниц (на берегу Балтийского моря), оттуда на пароме — в Стокгольм. Вот здесь с Лениным пожелал увидеться Парвус. Ленин наотрез отказался!

Владимир Ильич подробно отчитался о поездке на заседании исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Депутаты его действия одобрили. И вот еще одно подтверждение, что никакого сотрудничества с немцами не было, — в тот момент Ленин категорически возражал против сепаратного мира с Германией:

— Кайзера Вильгельма считаю кровопийцей, и, конечно же, не может быть разговора о сепаратном мире с ним — это бессмысленно. Ленинцы против сепаратного мира.

Но очень быстро Ленин изменил свою точку зрения. Не под влиянием немецких денег, а потому, что своим блистательным чутьем ощутил настроения солдатской массы. И первым угадал: мир с немцами способен привлечь миллионы людей в серых шинелях на сторону большевиков.

Понятно, что в острой политической борьбе 1917 года обвинение в работе на немцев было самым надежным. Именно так противники большевиков пытались объяснить причины внезапного успеха ленинской партии.

«Ленин и его группа сейчас очень богаты, — удивлялся классик социологической науки Питирим Александрович Сорокин, помощник Керенского, — количество большевистских газет, памфлетов, прокламаций значительно возросло... Откуда деньги — вот в чем вопрос».

Финансовые отчеты партии большевиков сохранились. Летом 1917 года следователи Временного правительства их тщательно проверяли. Большевики пополняли кассу с помощью займов и пожертвований. В Союзе трактирщиков заняли 20 тысяч рублей и возобновили выпуск «Правды». Деньги на издание армейских большевистских газет под

давлением войсковых комитетов давали командующие фронтами, причем щедро — по 100 тысяч рублей. В мае большевики купили за 225 тысяч рублей типографию на Кавалергардской улице.

Тридцать первого августа 1917 года в протоколе заседания ЦК записали: «Организационное бюро сделало доклад, из которого выяснилось, что состояние кассы ЦК весьма слабое (наличность около 30 000), что отдельные предприятия плохо ведут отчетность, а потому очень трудно определить имущественное состояние».

Двадцать пятого октября 1917 года в кассе большевиков оставалось всего восемь тысяч рублей...

Многие уверены, что большевики развалили армию по заданию немецкого Генерального штаба. В реальности к лету 1917-го русская армия наступать уже не могла. В лучшем случае — держать оборону и сковывать немецкие силы. А союзники допустили роковой просчет. Они требовали наступать.

Восемнадцатого июня 1917 года русская армия начала наступление на Юго-Западном фронте. За ним двинулся вперед и Западный фронт. Но немцы быстро перешли в контрнаступление, русские войска остановились, а потом и отступили. Почему? Кто виноват?

Солдаты не хотели сражаться. Они отходили целыми частями и переставали подчиняться командованию. Влияние эсеров и меньшевиков в армии было достаточно сильным, поэтому армия в целом подчинилась приказу Керенского перейти в наступление. Но его провал нанес сокрушительный удар по авторитету Временного правительства.

Третьего июля в Петрограде начались волнения. Большевики попытались воспользоваться солдатским бунтом, чтобы взять власть, но ничего не вышло. Верные правительству войска, прежде всего казачьи полки, сорвали попытку государственного переворота.

Максим Горький писал своей жене Екатерине Павловне Пешковой из Петрограда: «Самое главное и самое худшее — толпа, обыватель и тот “рабочий”, тот солдат, который действовал 3-го и 4-го. Это — сволочь, трусливая, безмозглая, не имеющая ни капли, ни тени уважения к себе, не понимающая, зачем она вылезла на улицу, что ей надо, кто ее ведет и куда? Видела бы ты, как целые роты солдат при первом же выстреле бросали винтовки, знамена и били башками окна магазинов, двери, залезая во всякую щель! Это — революционная армия, революционный свободный народ!»

И как это происходило на протяжении всей войны, сразу нашли виновного — внутреннего врага. Летом 1917-го в работе на немцев

обвинили большевиков: мятеж организован на немецкие деньги.

Отошедший в те годы от большевиков Леонид Красин 11 июля писал жене: «Ну, большевики-таки заварили кашу, или, вернее, пожалуй, заварили не столько они, сколько агенты Генерального штаба и, может быть, кое-кто из черной сотни. “Правда” же и иже с ней дали свою фирму и сами оказались на другой день после выступления в классически глупом положении... Если правдисты хотели осуществить какой-нибудь “план”, вроде захвата власти, смены правительства и т. п., то, конечно, они себе самым обязаны провалом. Большей организационной беспомощности и убожества, отсутствия намека на какую-либо осознанную и поставленную себе цель трудно представить... Совпадение всей этой истории с наступлением немцев на фронте слишком явное, чтобы могло оставаться сомнение, кто настоящий виновник и организатор мятежа».

Судебное следствие по делу большевиков вела Петроградская окружная палата. Министр юстиции Временного правительства Павел Николаевич Переверзев передал газетам подготовленные его аппаратом материалы о связях большевиков с немцами. Утром газета «Живое слово» опубликовала от имени бывшего большевика и депутата Государственной думы Григория Алексеевича Алексинского и бывшего народовольца, а затем члена ЦК партии эсеров Василия Семеновича Панкратова материал под шапкой «Ленин, Ганецкий и компания — шпионы!»

Вот что писало «Живое слово»:

«16 мая 1917 года начальник штаба Верховного главнокомандующего препроводил военному министру протокол допроса от 28 апреля сего года прапорщика 16-го Сибирского стрелкового полка Ермоленко. Из показаний, данных им начальнику Разведывательного отделения штаба Верховного главнокомандующего, устанавливается следующее. Он переброшен 25 апреля сего года к нам в тыл 6-й армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией...

Офицеры Германского генерального штаба ему сообщили, что такого же рода агитацию ведет в России агент Германского генерального штаба Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подрыву доверия русского народа к Временному правительству. Деньги и инструкции пересылаются через доверенных лиц.

Согласно только что поступившим сведениям, такими доверенными лицами являются в Стокгольме: большевик Яков Фюрстенберг, известный более под фамилией Ганецкий, и Парвус (доктор Гельфанд). В Петрограде — большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский и родственница Ганецкого — Суменсон.

Козловский является главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через банк “Disconto-Gesellschaft” в Стокгольм (“Nya-Banken”), а отсюда в Сибирский банк в Петрограде, где в настоящее время на его текущем счету имеется свыше 2 000 000 рублей. Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами».

Публикация произвела сильное впечатление.

«Газеты, — вспоминал Пителим Сорокин, — опубликовали документы, подтверждающие, что перед возвращением в Россию большевистские лидеры получили большие суммы денег от немецкого генерального штаба. Новость вызвала всеобщее и единодушное негодование.

— Изменники! Немецкие шпионы! Убийцы! Смерть им! Смерть большевикам!»

Пятого июля утром войска захватили редакцию «Правды». Толпа устроила погром в «немецком гнезде».

Шестого июля Временное правительство приняло решение привлечь к судебной ответственности «всех участвовавших в организации и руководстве вооруженным выступлением против государственной власти». В тот же день правительство запретило революционную пропаганду в армии и ввело смертную казнь на фронте.

Седьмого июля были выданы ордера на арест видных большевиков, начиная с Ленина. Он обреченно сказал Троцкому:

— Теперь они нас перестреляют. Самый для них подходящий момент.

Борис Владимирович Никитин, начальник контрразведки Петроградского военного округа, считал лидеров большевиков платными немецкими агентами. Никитин взял с собой помощника прокурора, 15 солдат и поехал на квартиру Ленина. Владимир Ильич, спасаясь от ареста, исчез. Многие обвиняли его в трусости, в том, что он сбежал в решающий момент.

«Одной из главных причин того, что симпатии к Ленину лично, а следовательно, и к большевикам, в это время сильно пали, я вижу в его нежелании предстать перед судом, — вспоминал польский социалист Вацлав Сольский, член Минского совета рабочих и солдатских депутатов. — На массы такого рода вещи, а в поведении Ленина массы усматривали прежде всего личную трусость, действуют гораздо сильнее, чем самые серьезные политические обвинения. Ленина на митингах гораздо реже обвиняли в том, что он германский агент, чем в том, что он трусил и

спрятался в то время, когда его друзья и товарищи по партии арестованы».

Казнь старшего брата, Александра Ульянова, не прошла бесследно для младшего. А вот Крупская, судя по воспоминаниям Никитина, несколько не испугалась: «Оставив на улице две заставы, мы поднялись с тремя солдатами по лестнице. В квартире мы застали жену Ленина Крупскую. Не было предела наглости этой женщины. Не бить же ее прикладами. Она встретила нас криками: “Жандармы! Совсем как при старом режиме!” и не переставала отпускать на ту же тему свои замечания в продолжение всего обыска... Как и можно было ожидать, на квартире Ленина мы не нашли ничего существенного».

«Поздним вечером, — вспоминала Надежда Константиновна, — на нашей тихой, безлюдной улице (мы жили в конце Широкой улицы Петроградской стороны) раздался грохот огромного грузовика, который остановился около нашего дома.

— Это к нам, это они! — воскликнула я.

И действительно, подойдя к окнам, мы увидели, что грузовик остановился около дома, в котором мы жили, и солдаты уже направляются к подъезду. Через несколько минут раздался звонок и громкий стук в дверь. Открыли. И вся наша квартира наполнилась свирепой толпой юнкеров и солдат с ружьями. Они едва предъявили нам ордер на обыск и уже принялись спешно за разыскивание того, за чем приехали.

Помощник начальника контрразведки с двумя или тремя офицерами и солдатами направились в комнату, где жил Ильич, остальные заняли все другие комнаты. Хотя мы и сказали, что Ильича в квартире нет, они принялись всё же искать его всюду, где только можно было предположить, что может спрятаться человек: под кроватями, в шкафах, за занавесками окон. Потребовали ключи и, когда я открывала ту или иную корзину или сундук, набрасывались и прокалывали содержимое штыками».

Крупскую и помогавшую ей по хозяйству деревенскую девушку полиция увела на допрос. Допросив, отпустили. Ленин и Зиновьев, член ЦК и один из редакторов «Правды» скрылись из города, боясь суда и тюрьмы. Военная контрразведка доложила Временному правительству, что не может найти Ленина, на арест которого выписан ордер. Борис Савинков пренебрежительно заметил:

— Ловить Ленина не мое дело. Но если бы я этим занялся, то уже на третий день Ленин был бы отыскан и арестован.

«Велась и пропаганда посредством кино, — вспоминал современник. — Отчетливо помню фильм о том, что в России произошла революция, но революции угрожает опасность со стороны Германии, которая засылает

своих агентов и самый опасный из них выступает в Петрограде. Фамилия Ленина в фильме не произносилась, но актер был на него похож и произносил большевистские речи. Картина была интересная, актеры прекрасно играли. Она шла очень долго, все о ней говорили».

После войны генерал Эрих Людендорф, командовавший немецкими войсками на Восточном фронте, утверждал, что Ленин и Троцкий были тайными агентами правительства Германии. Если Людендорф писал это всерьез, выходит, разведчики надули своего генерала, уверяя, что им удалось завербовать большевиков. Цену себе набивали! Теперь уже известно, что успехи немецких разведчиков на Восточном фронте были очень скромными.

Конечно, революция в России была спасением для немецкой армии, которая смогла перебросить части на Запад, чтобы противостоять Антанте. Но Ленин требовал прекратить войну не ради немецких денег (которых не получал!), а потому что солдаты не хотели воевать! Они требовали мира любой ценой. Мечтали вернуться домой и разделить между собой помещичьи и государственные земли. Но у большевиков позиции в армии были очень слабые. К большевикам солдатская масса относилась плохо.

«Ни один большевик не мог появиться в казармах, не рискуя быть арестованным, а то и битым, — вспоминал один из первых руководителей Красной армии Николай Ильич Подвойский. — Солдаты-большевики и им сочувствующие в войсковых частях должны были скрывать — почти во всех казармах, — что они большевики или сочувствующие, иначе им не давали говорить, их избивали...»

Вернувшийся в Россию Ленин понял: если что-то и может привлечь солдат на сторону большевиков, то только обещание закончить войну, демобилизовать армию и отпустить одетых в серые шинели крестьян домой — к семьям и земле. Сколько бы его ни обвиняли в отсутствии патриотизма, в пораженчестве и прямом предательстве, на митингах Ленин повторял вновь и вновь то, что от него хотели слышать:

— Товарищи солдаты, кончайте воевать, идите по домам. Установите перемирие с немцами и объявите войну богачам!

Братание, то есть встречи русских и немецких солдат на нейтральной полосе во время затишья, началось еще на Пасху 1915 года. На следующую Пасху это повторилось. Поначалу командование смотрело на это сквозь пальцы. Генерал Антон Иванович Деникин писал: «Братание имело традиционный характер в дни Святой Пасхи; но вызывалось оно исключительно беспросветно-нудным стоянием в окопах, любопытством, просто чувством человечности даже в отношении к врагу...»

Но начались и дезертирство, добровольная сдача в плен, самострелы, отказы выполнять приказы начальства. После Февральской революции братание приобрело массовый характер (см.: Военно-исторический журнал. 2002. № 6). Ленин увидел в братании верный путь к слому старой армии и окончанию войны. Он писал в «Правде» 28 апреля 1917 года: братание «начинает ломать проклятую дисциплину... подчинения солдат “своим” офицерам и генералам».

Анжелика Балабанова, видный деятель Коминтерна, невысоко ценила митинговые успехи вождя русской революции: «Из всех русских революционеров Ленин внешне казался самым бесцветным. Его выступления в то время не произвели на меня никакого впечатления ни манерой подачи, ни содержанием».

«Современники по-разному оценивали Ленина как оратора, но все признавали его умение воздействовать на внимающую толпу, — вспоминал один из меньшевиков. — И это достигалось не фиоритурами голоса, не красочностью стиля, а простейшим ораторским приемом — многократным повторением одной мысли, фразы, как бы ввинчиваемой в голову слушателя. Элементарность, бранчливость, безапелляционность ленинских речей заражали одних жгучей ненавистью к воображаемым врагам, у других вызывали ощущение сюрреальности происходящего».

Похоже, на этих оценках лежит отпечаток личного отношения к Ленину. Чтение неправленных стенограмм его выступлений (они были извлечены из спецхрана после перестройки) открывает невероятную энергетику ленинской речи, спрессованность мысли — ни одного лишнего слова! Могу себе представить, как его выступления завораживали слушателей. Даже по этим стенограммам можно понять, почему к Ленину прислушивалось всё больше и больше людей. Число его сторонников росло с каждым днем. Обвинение в работе на немцев — последняя попытка его остановить.

Министр юстиции Временного правительства и Верховный прокурор Павел Николаевич Малянтович распорядился «Ульянова-Ленина Владимира Ильича арестовать».

Матросы Балтийского флотского экипажа, когда-то встречавшие Ленина на Финляндском вокзале, опубликовали в газетах заявление: «Узнав, что господин Ленин вернулся к нам в Россию с соизволения его величества императора германского и короля прусского, мы выражаем свое глубокое сожаление по поводу нашего участия в его торжественном въезде в Петербург. Если бы мы знали, какими путями он попал к нам, то вместо торжественных криков “ура” раздались бы наши негодующие возгласы:

“Долой, назад в ту страну, через которую ты к нам приехал”».

Двадцать второго июля 1917 года газеты опубликовали постановление прокурора Петроградской судебной палаты о привлечении Ленина и его соратников к суду: «Следствием добыты данные, которые доказывают, что в России имеется большая организация шпионажа в пользу Германии. В данных предварительного следствия имеются прямые указания на Ленина как германского агента.

На основании изложенных данных, а равно данных, не подлежащих пока оглашению, Владимир Ульянов (Ленин), Овсей Гирш-Аронов-Апфельбаум (Зиновьев), Александра Михайловна Коллонтай, Мечислав Юльевич Козловский, Евгения Маврикиевна Суменсон, Гельфанд (Парвус), Яков Фюрстенберг (Куба-Ганецкий), мичман Ильин (Раскольников), прапорщик Семашко, Сахаров и Рошаль обвиняются в том, что в 1917 году по предварительному между собой и другими лицами уговору, в целях содействия находящимся в войне с Россией государствам во враждебных против нее действиях, вошли с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла».

Временная комиссия назначила следственную комиссию. Работала с июля по октябрь. Допросила две сотни человек. Материалы следствия составили 21 том. Комиссия не закончила работу и выводов не сделала. Но из материалов следует, что оснований для обвинений против большевиков было два — показания прапорщика Ермоленко и казавшаяся подозрительной телеграфная переписка торговой компании всё того же Парвуса в Стокгольме с представительством в Петрограде.

Бывший прапорщик 16-го Сибирского стрелкового полка Дмитрий Спиридонович Ермоленко до войны служил в военной контрразведке, потом в полиции. Он попал в немецкий плен еще в ноябре 1914 года. А в мае 1917 года перешел линию фронта и был задержан. Ермоленко на допросах показал, что немцы отпустили его из плена после того, как завербовали. Прапорщик обещал добиться сепаратного мира с Германией и отделения Украины. Немцы выдали ему полторы тысячи рублей. С скромная сумма для такой масштабной задачи... Прапорщик утверждал, что два германских офицера сказали ему: Ленин послан в Россию с той же целью, работать будете вместе.

Профессиональные контрразведчики ему не поверили. Ермоленко был контужен еще в Русско-японскую войну и производил впечатление психически нездорового человека. Начальник контрразведки Петроградского военного округа Никитин писал: «Я увидел до смерти перепуганного человека, который умолял его спрятать и отпустить. Я его

отпустил. Пробыв в Петрограде не больше суток, он уехал в Сибирь».

Тем не менее именно на основании показаний прапорщика Ленину и другим вождям большевиков намеревались предъявить обвинение в том, что они совместно с агентами враждебных государств, которые дали им денег, дезорганизовали армию и тыл и подняли в Петрограде 3–5 июля вооруженное восстание.

В качестве свидетеля привлекли Георгия Валентиновича Плеханова. Один из основателей российской социал-демократии не любил Ленина. С его точки зрения, «неразборчивость» Ленина могла толкнуть его на то, что он «для интересов своей партии» воспользовался средствами, «идущими из Германии». Плеханов обратил внимание на то, что немецкая печать «с нежностью» говорит о Ленине как об «истинном воплощении русского духа».

Но и Георгий Валентинович счел своим долгом отметить, что сам он говорит «только в пределах психологической возможности» и не знает ни одного факта, который бы свидетельствовал о том, что эта возможность «перешла в преступное действие».

Троцкий написал открытое письмо Временному правительству: если Ленина осмеливаются называть немецким шпионом, тогда и он просит считать его шпионом. Троцкий сам требовал ареста и гласного суда.

«Ленина нет, — вспоминал большевик Николай Иванович Муралов, будущий командующий Московским военным округом, — а из остальных один Троцкий не растерялся».

Двадцать третьего июля Троцкого арестовали. Он утверждал, что ни он сам, ни ЦК большевиков не призывали солдат к вооруженному восстанию. Наотрез отвергал возможность сговора большевиков с немцами. Временное правительство не решилось оставить популярного Троцкого за решеткой. Его продержали в «Крестах» два месяца и освободили под залог в три тысячи рублей. Деньги выделил совет профсоюзов Петрограда.

А российские газеты только и писали, что о работе Ленина на врага. Немецкий посланник в Копенгагене Ульрих Брокдорф-Ранцау (будущий министр иностранных дел Германии) отправил в Берлин шифротелеграмму: служат ли в Генеральном штабе офицеры, которые рассказали прапорщику Ермоленко, что Ленин — немецкий шпион? МИД секретно информировал своего посланника, что всё это выдумка.

Но тут Временное правительство сообщило, что большевики получают деньги из Германии через экспортно-импортную компанию Парвуса в Стокгольме, доверенными лицами германского Генштаба в Стокгольме являлся большевик Яков Фюрстенберг, известный под фамилией Ганецкий,

в Петрограде — большевик Мечислав Козловский.

Яков Станиславович Ганецкий (Фюрстенберг) входил в состав Заграничного представительства партии большевиков в Стокгольме. Представительство образовали 31 марта 1917 года по предложению Ленина в таком составе: Вацлав Воровский, Яков Ганецкий, Карл Радек. Они издавали бюллетень «Корреспонденция “Правды”» и «Вестник Русской революции». Ганецкого на V съезде партии избрали кандидатом в члены ЦК.

Мечислав Юльевич Козловский — председатель Выборгской районной думы в Петрограде, член исполкома Петроградского совета и ЦИК первого созыва (после революции — член коллегии Наркомата юстиции).

Противники большевиков торжествовали: наконец-то стало ясно, как немецкие деньги попадают к Ленину! Но анализ телеграмм, проведенный современными историками, неопровержимо доказывает, что они не зашифрованы. Это чисто коммерческая переписка.

В революционных делах Парвус не преуспел, зато основал в Стокгольме экспортно-импортную фирму.

«Русских граждан в Копенгагене этой осенью было очень много, — вспоминал видный большевик Александр Шляпников, будущий член ЦК и нарком. — Сюда съехались все спекулянты, все мародеры и богачи военного времени. Спекулировали главным образом предметами питания и немецкими фабрикатами (краски, лекарства, канцелярские принадлежности и т. п.). Социалисты также не отставали от военных доходов. Так немецкий социалист, известный в свое время в России, Парвус уже нажил не один миллион».

Компания Парвуса ввозила в Россию медикаменты, термометры, шприцы, дамское белье и даже карандаши. В войну всё стало дефицитом. В Стокгольме Парвус нанял сидевшего без денег большевика Ганецкого. А юрист Козловский — в свободное от революции время — представлял интересы компании в Петрограде. Они обменивались телеграммами, в которых шла речь о денежных переводах и товарных поставках.

Скандал спровоцировали французские контрразведчики, встревоженные ситуацией в России. Они заинтересовались телеграфной перепиской стокгольмской компании Парвуса с Петроградом. Французские контрразведчики решили, что они написаны шифром — слишком много цифр. Поделились с русскими коллегами своими подозрениями: речь идет о тайном финансировании немцами партии большевиков.

Анализ телеграмм и банковских счетов подтверждает: деньги шли. Но не из Берлина большевикам, а исключительно в обратном направлении!

Финансовый агент компании в России Евгения Маврикиевна Суменсон занималась переводом денег из Петрограда в Стокгольм! Это была плата за товары, которые Парвус и Ганецкий поставляли в Россию.

Вот эти телеграммы.

Четвертого мая 1917 года Ганецкий телеграфировал в Петроград Суменсон: «Больше месяца нет сведений. Деньги крайне нужны». Фирма требовала отчета о продажах и перевода вырученных средств.

Седьмого мая 1917 года Ганецкий телеграфировал Суменсон: «Телеграфируйте немедленно какое количество получили карандашей какое продали. Точную отчетность пришлите письменно». Карандаши — это не шифр. Карандаши в Россию поставлялись немецкие. После начала войны они продавались через Швецию.

Пятого июля 1917 года Суменсон телеграфировала в Стокгольм Ганецкому: «Нестле не присылает муки. Хлопочите». Фирма Парвуса поставляла в Россию продукцию существующей и по сей день швейцарской компании «Нестле» — и в том числе мучные смеси для детей...

Петроградская судебная палата обвинила Ганецкого и Козловского в том, что они передавали полученные Парвусом от немецких властей деньги Ленину и большевикам. Большевикам пришлось оправдываться.

Пятого октября 1917 года на заседании ЦК было: «решено избрать комиссию для рассмотрения вопроса о Козловском и Ганецком. В комиссию избраны Троцкий и Коллонтай; третьим предполагается послать кого-либо из поляков».

Двадцать первого ноября 1917 года Ганецкий дал письменные показания. Рассказал, что, находясь за границей, бедствовал. Парвус взял его управляющим в экспортную фирму «Handels og Exportkompan'iet», которая поставляла в Россию товары, главным образом медикаменты, термометры и шприцы. Ганецкий получал 400 крон в месяц и процент с прибыли.

«Г-жа Суменсон является поверенной фирмы, — рассказал Ганецкий. — Фирма эта занялась продажей медикаментов нашей фирмы в России. Я Суменсон раньше не знал. Она типичная буржуйка, абсолютно никакого отношения ни к какой политической партии никогда не имела. Как поверенная своей фирмы, она честно исполняла свои обязанности и стала невинной жертвой во всей этой клевете».

На шпиономании, охватившей Россию, неплохо зарабатывали. Самой успешной с коммерческой точки зрения сделкой оказалась продажа американцам коллекции фальшивок, которая вошла в историю как

«документы Сиссона».

Эдгар Сиссон прибыл в Россию из США в ноябре 1917 года. Он представлял Комитет общественной информации и должен был пропагандировать политику президента США Вудро Вильсона. Сиссон не знал русского языка. Он заплатил 25 тысяч долларов (большие по тем временам деньги) за документы о сотрудничестве большевиков, которые уже взяли власть в России, с немцами.

Эту пачку материалов он принес американскому послу в Петрограде Дэвиду Фрэнсису. Тот сообщил в Вашингтон 10 декабря 1917 года: «Только что узнал из заслуживающего доверия источника, что правительство в Смольном находится под абсолютным контролем германского Генерального штаба».

Четыре дня подряд материалы шифром передавались в Вашингтон. Когда их расшифровали, отнесли государственному секретарю США Роберту Лансингу. Американские политики решили, что эти материалы объясняют, почему большевики подписали с немцами мир в Брест-Литовске: Ленина и Троцкого купили.

Удивительным образом в Вашингтоне не потрудились подвергнуть полученные материалы элементарной экспертизе. А ведь сначала эти бумаги предложили в Петрограде британскому дипломату Роберту Брюсу Локарту. Неплохо разбиравшийся в российских делах, он сразу признал эти материалы фальшивкой и ничего не заплатил.

Известный российский историк профессор Виталий Иванович Старцев, проделав огромную работу, установил, что так называемые «документы Сиссона» сочинил умелый беллетрист Фердинанд Антоний Оссендовский. Потом он уехал в родную Польшу. А напарник — бывший эсер Евгений Петрович Семенов — предлагал его продукцию иностранным дипломатам. Польстились американцы, самые богатые и самые несведущие в российских делах...

Евгений Семенов в эмиграции уверял, что получал документы от человека, работавшего в Смольном. Он опубликовал в 1921 году серию статей в газете «Последние новости», которую Павел Милюков издавал в Париже.

«Вначале работа была очень трудная, опасная именно вследствие беспорядка, царившего и в Смольном, и в штабах и комиссариатах (министерствах). Крайняя осторожность заставляла наших друзей и нас самих ограничиваться в первые недели копиями, которые наши друзья со страшным риском снимали с поступавших в Смольный бумаг, циркуляров, писем и так далее...

Когда Совет Народных Комиссаров решил переехать в Москву, в Смольном началась лихорадочная работа по упаковке архивов, бумаг и т. п. Всё было уложено и упаковано в особые ящики... Друзья заметили, в каких ящиках находились интересные для нас документы, и под строгим секретом сообщили оберегавшим ящики матросам, что именно в этих ящиках спрятано перевозимое в Москву золото! Конечно, в ту же ночь большинство ящиков оказались взломанными и затем кое-как закрытыми и даже незаколоченными. Наши друзья не преминули этим воспользоваться и достали из ящиков несколько оригинальных документов».

Вся эта драматическая история — липа! «Документы Сиссона» только несведущему человеку кажутся подлинными: бланки, печати, подписи, номера исходящих и входящих бумаг... Профессиональные историки быстро установили, что это фальшивка. Автор перестарался — придумал не только содержание писем, но и служебные бланки никогда не существовавших в Германии ведомств и разведывательных служб. Американский дипломат, посвятивший жизнь изучению России, Джордж Кеннан обратил внимание на то, что и немецкие, и русские «документы» напечатаны на одних и тех же пишущих машинках.

«Социал-демократическое правительство послевоенной Германии, — пишет профессор Старцев, — доказало, что упоминающиеся там немецкие разведывательные учреждения никогда не существовали, а офицеры, якобы подписывавшие предписания для выполнения их большевиками, не числились на службе. Они опубликовали подлинные штампы и печати сходных немецких разведывательных учреждений рядом с печатями и штампами “документов Сиссона”. И каждый мог убедиться, что последние являются подделками...»

Забавно, отмечает Старцев, что после перестройки эти материалы попали в Россию и были приняты за чистую монету. К этому времени в Соединенных Штатах уже знали, что это фальшивка.

Пока Ленин скрывался от Временного правительства, Надежда Константиновна Крупская продолжала партийную работу. В мае 1917 года она составила проект той части программы партии, которая касалась народного образования. Это обучение на родном языке (Россия — многонациональная страна), отделение церкви от государства и школы от церкви, обязательное бесплатное обучение, создание детских учреждений.

Теперь Надежда Константиновна отстаивала идею единой трудовой школы, которая не пичкает детей абстрактными знаниями, а знакомит на практике с ведущими отраслями промышленности. Речь шла о тесной связи обучения с общественно-полезным трудом. Скажем, сельская школа

должна была с первого дня готовить детей к работе на земле, словно деревенскому мальчику и девочке другой дороги в жизни нет. Реализация этой идеи после революции привела к сокращению преподавания гуманитарных дисциплин, что пагубно сказалось на развитии целых поколений.

— Умение говорить — дело наживное, — делилась опытом Крупская. — Я вот раньше никогда не выступала, очень стеснялась, а когда приехала в 1917 году из эмиграции, быстро научилась. Было бы что сказать.

Говорила Надежда Константиновна просто и понятно, но не ярко. В «Солдатской правде» опубликовала статью «Дорогу обездоленным» — о том, что нужно вовлекать в партийную работу работниц и крестьянок, самых обездоленных. И в эти месяцы она опубликовала в «Правде» серию статей о просвещении и педагогике, самая заметная — «Народное образование и демократия».

Крупская обрушилась на «буржуазную педагогику», атакуя Временное правительство. Ее газетные выступления — прежде всего партийная пропаганда. Она пыталась убедить аудиторию, что с приходом к власти большевиков все школьные проблемы будут решены. Но что касается профессиональной стороны, то ее статьи — а она была единственным среди большевиков педагогом-теоретиком! — свидетельствуют скорее о непонимании основных тенденций развития школы.

Крупской тогда еще нравилась американская начальная школа, умело готовящая к труду. Но Надежда Константиновна, пишет доктор исторических наук Тамара Юсуфовна Красовицкая, «не заметила очевидного и крайне важного для педагога: в этот период американская начальная школа успешно решала огромной важности профессиональную проблему — она переходила от предметного способа обучения к способу обучения проблемному. Именно этот переход и связал американскую школу с жизнью. Он-то и вывел США в мировые лидеры, покончив с иллюзией, главным образом германской, о том, что школа должна постоянно гнаться за стремительно развивающейся промышленностью и порождаемыми ею всё новыми и новыми разновидностями труда. Не понадобилось для этого американской общественности менять и политический строй в стране».

Крупская уже тогда требовала соединить обучение с производительным трудом. Но уроки ручного труда — профанация, отмечает Тамара Красовицкая. Одно дело — приблизить школьное образование к реальной жизни, широко вводить практические и лабораторные занятия, это полезно. Другое — создавать мастерские в школе, которые заведомо останутся примитивными и ничем не обогатят

школьника, только отвлекут от изучения того, что необходимо усвоить и осознать в юности.

Школа должна в первую очередь учить молодого человека не работать лобзиком или гаечным ключом (эти-то навыки, когда они понадобятся, он легко приобретет на производстве), а мыслить, сознать сложность и многообразие окружающего мира и в дальнейшем самостоятельно усваивать всё новые знания.

Характерно, что Крупская, несмотря на ее практический педагогический опыт и широкое знакомство с современной профессиональной литературой (она читала на нескольких языках), после революции школой как таковой заниматься не станет. Она предпочтет сферу внешкольного просвещения или, точнее, пропаганды.

Крупская работала в секретариате ЦК партии, но там у нее не сложились отношения. Аппарат ЦК был крошечный, всего шесть человек. Руководил им член ЦК Яков Михайлович Свердлов. Тогдашний секретарь ЦК Елена Дмитриевна Стасова вспоминала, что «Надежда Константиновна приходила в секретариат ЦК со всевозможными поручениями от Владимира Ильича».

Надежда Константиновна хотела оставаться личной помощницей мужа. Но это всё равно требовало присутствия на заседаниях ЦК. И тогда она занялась агитационной работой в Выборгском районе столицы. Ее избрали в районную думу, она возглавила культурно-просветительный отдел районной управы. Под ее началом трудились три человека.

Крупская занималась школами для взрослых, детскими столовыми и площадками, яслями. В августе в деревянном бараке на Выборгской набережной, в доме 53, Крупская от имени районной думы открыла народный университет.

В августе 1917 года Петроградская городская дума провела совещание по школьным делам. Большинство столичных депутатов составляли правые эсеры, меньшевики и кадеты. Посему большевики относились к городской думе неприязненно и сразу после Октября потребуют срочно ее распустить и провести перевыборы. На совещании Крупская тоже получила слово. Она с гордостью перечислила, что сделано в Выборгском районе.

С докладом выступала товарищ министра народного просвещения Временного правительства графиня Софья Владимировна Панина, до революции занимавшаяся благотворительностью и много помогавшая детям из бедных семей. Но она была одним из лидеров партии кадетов, и большевики всячески выражали ей свое глубокое неуважение.

Еще одним заместителем министра просвещения стал выдающийся

ученый академик Владимир Иванович Вернадский, но и ему добрых слов не доставалось, так что после Октября он уедет на Украину. Министерство возглавлял академик Сергей Федорович Ольденбург, крупный ученый с политическим темпераментом — он был депутатом Государственной думы от кадетской партии.

После Февральской революции Временное правительство многое сделало для реформирования системы образования. Руководители Министерства просвещения поставили перед собой цель избавить школу от традиций авторитарной педагогики и создать условия для воспитания самостоятельно мыслящей личности, для которой разные точки зрения — естественное и нормальное явление. Университетам предоставили право самим подбирать себе профессоров — без утверждения министерством. Правительство освободило от обязательного изучения Закона Божия школьников, подавших заявление, что они «берут на себя заботы о своем религиозном воспитании».

Февраль усилил желание педагогической среды соучаствовать в преобразовании школьной и университетской жизни. Всероссийский учительский союз хотел модернизации учебных программ, требовал избавить среднюю и высшую школу от административного диктата, от учебной цензуры.

ЗИМНИЙ ВЗЯТ!

Надежда Константиновна была делегатом VI съезда партии, который собрался в полуподпольных условиях. Владимир Ильич продолжал скрываться. Подготовка восстания шла практически без Ленина. В его отсутствие на главных ролях оказался Троцкий. Он постепенно привлек на свою сторону весь столичный гарнизон.

«После июльского бегства личное влияние Ленина падает по отвесной линии: его письма опаздывают, — писал полковник Никитин. — Чернь подымается. Революция дает ей своего вождя — Троцкого... Троцкий на сажень выше своего окружения...

Чернь слушает Троцкого, неистовствует, горит. Клянется Троцкий, клянется чернь. В революции толпа требует позы, немедленного эффекта. Троцкий родился для революции, он не бежал... Октябрь Троцкого надвигается, планомерно им подготовленный и технически разработанный. Троцкий — председатель Петроградского совета с 25 сентября — бойкотирует Предпарламент Керенского. Троцкий — председатель Военно-революционного комитета — составляет план, руководит восстанием и проводит большевистскую революцию... Троцкий постепенно, один за другим переводит полки на свою сторону, последовательно день за днем захватывает арсеналы, административные учреждения, склады, вокзалы, телефонную станцию...»

Уже 21 октября вооруженные части Петрограда признали власть Совета. На стороне Временного правительства оставалась только Петропавловская крепость. Туда поехал Троцкий. Он выступил на собрании гарнизона, и солдаты приняли решение поддержать Совет рабочих и солдатских депутатов.

За несколько дней до революции Леонид Красин в письме жене, остававшейся за границей, живописно обрисовал ситуацию в Петрограде: «Питер поражает грязью и затем какой-то отрешенностью, запустением, жалкой выморочностью. Улицы и тротуары залиты жидкой грязью, мостовые полуразрушены, сломанные там и сям решетки, перила, водопроводные тумбы или люки остаются неисправленными, стекла не мыты, много пустующих заколоченных лавчонок...

По погоде настроение у толпы более кислое и злое, чем летом, да и в политике идет какая-то новая анархистско-погромная волна, перед которой, кажется, даже бесшабашные большевики начинают останавливаться в

раздумье... Пожалуй, если бы Корнилов не поторопился, его выступление могло бы найти почву. Сейчас испуганные обыватели с трепетом ждут выступления большевиков, но преобладающее мнение, что у них ничего не выйдет или выйдет решительный и уже непоправимый провал».

Все знали, что большевики готовятся взять власть, но никто не решился им помешать.

«В молочном тумане над Невой бледнел силуэт “Авроры”, едва дымя трубами, — таким запомнил этот день художник Юрий Анненков. — С Николаевского моста торопливо разбегались последние юнкера, защищавшие Временное правительство. Уже опустилась зябкая, истекавшая мокрым снегом ночь, когда ухнули холостые выстрелы с “Авроры”. Это был финальный сигнал.

Я присутствовал на Дворцовой площади в качестве неисправимого ротозея (“живописец живет глазами”). Добровольческий женский батальон, преграждавший подступ к Зимнему дворцу, укрывшийся за дровяной баррикадой, был разбит. Дрова разлетелись во все стороны. Я видел, как из дворца выводили на площадь министров, как прикладами били до полусмерти обезоруженных девушек и оставшихся возле них юнкеров...»

Комиссия Петроградской городской думы установила, что трое женщин-солдаток при штурме Зимнего были изнасилованы и одна покончила жизнь самоубийством. На улицах Петрограда остались только отряды красногвардейцев и патрули войск, присоединившихся к большевикам.

Леонид Красин писал семье через неделю после революции: «Воображаю, сколько всякой чепухи сообщалось в ваших газетах за эту последнюю неделю! Вкратце дело обстояло так.

Временное правительство и Совет республики за последние недели проявили какой-то такой паралич всякой деятельности и воли, что у меня уже возникал вопрос: да не политика ли это и не собирается ли Керенский и компания дать большевикам, так сказать, зарваться и затем одним ударом с ними покончить.

В действительности покончили с ним большевики нападением на Зимний дворец, в котором в последний момент не было иной защиты, кроме юнкеров и смехотворного женского батальона. Весь остальной гарнизон, подвергавшийся в течение трех недель безудержному воздействию большевиков, отказался выступать на защиту Временного правительства, и всё оно к вечеру 25 октября оказалось в казематах Петропавловки, кроме Керенского, который бежал в Гатчину».

Поразительным образом утром того дня, в среду 25 октября (7 ноября)

1917 года, газета «Известия» опубликовала передовую статью под названием «Безумная авантюра»: «Самое ужасное — это то, что большевистское восстание при всякой удаче повело бы к целому ряду гражданских войн, как между отдельными областями, так и внутри каждой из них. У нас воцарился бы режим кулачного права, в одном месте террор справа, в другом — террор слева. Всякая положительная работа стала бы на долгое время невозможной, и в результате анархии власть захватил бы первый попавшийся авантюрист... Неужели неясно, что попытка восстания во время подготовки выборов в Учредительное собрание совершенно безумна?»

Читать эту статью тем, кто отныне определял судьбу России, было уже некогда. Они брали власть.

Министров Временного правительства, арестованных большевиками, отправили в Петропавловскую крепость. Государственного контролера Федора Федоровича Кокошкина вместе с министром финансов Андреем Ивановичем Шингаревым перевели в тюремную больницу, потому что у них оказалась открытая форма туберкулеза.

Оба министра были депутатами Государственной думы и членами ЦК партии кадетов. Незадолго до февраля Федор Кокошкин выступал на партийном съезде: «Революция только тогда имеет значение, когда общество внутри готово к созданию нового строя. Революции придают только отрицательную силу: она должна всё снести. Но положительную сторону никто не разрабатывает. О выработке общественно согласованной идеи нового строя никто не заботится. А ведь за разрушением революционным без созидания нового строя следует военная диктатура».

Как в воду смотрел!

Андрей Шингарев был человеком предельно бескорыстным. Служение народу понимал буквально. Отказался от университетской кафедры, от работы в хорошей больнице, работал земским врачом. Жил в деревне, крестьян, которые не могли заплатить, лечил бесплатно. Воспитал пятерых детей и троих племянников. Написал книгу «Вымирающая деревня».

Девятого декабря 1917 года Шингарев записал в дневнике: «Одного я не понимаю, то, чего не мог понять никогда. Как эта вера в величайшие принципы морали или общественного устройства может совмещаться с низостью насилия над инакомыслящими, с клеветой и грязью»...

Прямо в тюремной больнице 7 января 1918 года Кокошкина и Шингарева зверски убили пьяные матросы и красногвардейцы. Наказывать убийц не стали — «свои»...

Других министров усилиями политического Красного Креста удалось

перевести из Петропавловской крепости в тюремную больницу, когда там еще не было красногвардейцев, и министров вскоре освободили. Оставшиеся в живых члены Временного правительства постарались как можно быстрее покинуть Россию.

Офицеры штаба Петроградского военного округа и Генерального штаба, узнав о начинающемся восстании, преспокойно отправились в заранее оборудованное убежище, где провели ночь, выпивая и закусывая. Утром там появился представитель Военно-революционного комитета большевиков, чтобы составить список офицеров, готовых сотрудничать с новой властью. Генштабисты самодовольно говорили:

— Они без нас не могут обойтись...

Генеральный штаб и пальцем не пошевелил, чтобы спасти Временное правительство и помешать большевикам взять власть. 25 октября 1917 года Генеральный штаб и Военное министерство вели себя так, словно политические баталии их вовсе не касаются, соблюдали удивительный для военных людей нейтралитет.

После Октябрьской революции сотрудники многих министерств разбежались или саботировали новую власть. Исключением явилось Военное министерство, где работа не прерывалась ни на минуту.

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

В первую годовщину Октябрьской революции Сталин писал в «Правде»: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому».

Пока брали Зимний дворец, в половине третьего ночи в Смольном институте открылось экстренное заседание Петроградского совета. На трибуну вышел председатель Совета Лев Давидович Троцкий:

— От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует!

В зале разразилась овация.

Решающую ночь Октябрьского восстания Троцкий провел в Смольном, в Военно-революционном комитете. Оттуда он руководил действиями военных частей. К нему пришел член ЦК Лев Борисович Каменев, который возражал против восстания, называя его авантюрой, но счел своим долгом быть рядом в решающую минуту.

— Отдельные министры подвергнуты аресту, — продолжал Троцкий. — Другие будут арестованы в ближайшие часы.

Зал опять зааплодировал.

— Революционный гарнизон, состоявший в распоряжении Военно-революционного комитета, распустил собрание парламента.

Шумные аплодисменты.

— Нам говорили, — продолжал Троцкий, — что восстание гарнизона вызовет погром и потопит революцию в крови. Пока всё прошло бескровно. Мы не знаем ни одной жертвы. Власть Временного правительства, возглавлявшаяся Керенским, была мертва и ожидала удара метлы истории, которая должна была ее снести. Обыватель мирно спал и не знал, что одна власть сменялась другой. Вокзалы, почта, телеграф, Петроградское телеграфное агентство, Государственный банк — заняты. Зимний дворец еще не взят. Но судьба его решится в течение ближайших минут...

И тут он увидел, что в зале появился Ленин, и объявил:

— В нашей среде находится Владимир Ильич Ленин, который в силу

целого ряда условий не мог до сего времени появляться в нашей среде... Да здравствует возвратившийся к нам товарищ Ленин!

Владимир Ильич тоже произнес речь:

— У нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. В корне будет разбит старый государственный аппарат управления и будет создан новый в лице советских организаций... Для того чтобы закончить эту войну, необходимо побороть самый капитал... В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства. Да здравствует всемирная социалистическая революция!

Зал откликнулся аплодисментами.

II Всероссийский съезд Советов принял написанное Лениным обращение к рабочим, солдатам и крестьянам, в котором говорилось, что съезд берет власть в России в свои руки, а на местах власть переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Меншевики и правые эсеры выразили протест против «военного заговора и захвата власти» и покинули съезд.

Им возразил Троцкий:

— Уход со съезда делегатов — меньшевиков и социалистов-революционеров — представляет собой бессильную преступную попытку сорвать полномочное всероссийское представительство рабочих и солдатских масс в тот момент, когда авангард этих масс с оружием в руках защищает съезд и революцию от натиска контрреволюции. Восстание народных масс не нуждается в оправдании; то, что произошло, это не заговор, а восстание. Народные массы шли под нашим знаменем, и наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда? За ними никого нет в России. Вы — банкроты, ваша роль сыграна, и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории...

На следующий день съезд принял декреты о мире и о земле, избрал новый состав Всероссийского центрального исполнительного комитета (101 человек, из них 62 большевика). ВЦИК между съездами Советов являлся «высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом».

Образовали первое Советское правительство. В декрете съезда оно названо «временным рабочим и крестьянским правительством» — до созыва Учредительного собрания. Но уже через несколько дней слово «временное» забыли. Большевики взяли власть и не собирались ее

отдавать. Совет народных комиссаров получил от ВЦИК право издавать неотложные декреты, то есть постановления правительства обретали силу законов.

Ни одна другая социалистическая партия не захотела заключить коалицию с большевиками. Поэтому первое правительство полностью составилось из большевиков. Председателем Совета народных комиссаров стал Ленин как лидер победившей партии.

Народными комиссарами были утверждены:

по внутренним делам — Алексей Иванович Рыков,
земледелия — Владимир Павлович Милютин,
труда — Александр Гаврилович Шляпников,
торговли и промышленности — Виктор Павлович Ногин,
народного просвещения — Анатолий Васильевич Луначарский,
финансов — Иван Иванович Скворцов-Степанов,
юстиции — Георгий Ипполитович Ломов (Оппоков),
продовольствия — Иван Адольфович Теодорович,
почт и телеграфов — Николай Павлович Авилов-Глебов,
по делам национальностей — Иосиф Виссарионович Сталин,
по иностранным делам — Лев Давидович Троцкий.

Пост наркома по железнодорожным делам (путей сообщения) оставался вакантным до 20 ноября, когда его занял Марк Тимофеевич Елизаров, женатый на старшей сестре Ленина Анне Ильиничне. Владимир Ильич его и уговорил. Должность была незавидной: предстояло взять под контроль дороги, а Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профессионального союза (Викжель) выступил против большевиков. В январе 1918 года Марк Тимофеевич попросился в отставку, принял более скромную должность главного комиссара по делам страхования. В марте 1919 года он умер от сыпного тифа.

Бывший офицер Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, балтийский матрос Павел Ефимович Дыбенко и прапорщик Николай Васильевич Крыленко вошли в состав правительства коллегиально как члены Комитета по военным и морским делам. Почему именно эти трое? Выбор был неширок и определялся чисто политическими соображениями: Антонов-Овсеенко взял Зимний дворец, прапорщик Крыленко был популярен среди фронтовиков, матроса Дыбенко выдвинул революционно настроенный Балтийский флот.

Состав первого советского правительства часто менялся.

Скворцов-Степанов и Оппоков-Ломов так и не приступили к исполнению своих обязанностей, поскольку находились в Москве. Вместо

них наркомом финансов назначили Вячеслава Рудольфовича Менжинского, а юстиции — Петра Ивановича Стучку. Учредили Комиссариат государственного призрения (социального обеспечения), его 30 октября 1917 года возглавила Александра Михайловна Коллонтай. И Комиссариат государственного контроля, наркомом которого 20 ноября стал Эдуард Эдуардович Эссен.

Большевики сами не ожидали, что сумеют так легко взять власть.

В кризисные времена люди устают от политики и начинают видеть зло в ней самой. В обществе с давними демократическими традициями отношение к политике иное — спокойное и лишённое бурных эмоций. Но до этого России еще было далеко. После Февраля отвращение вызывали бесплодные дискуссии и митинги, взрывы гнева и взаимной ненависти среди политиков. Ответственность за житейские и бытовые неурядицы возлагали на демократов.

Эпоха Февраля была слишком недолгой, чтобы демократические традиции укоренились. Для этого требуются не месяцы, а десятилетия. К Октябрю 1917-го все были подавлены, измучены, истощены. Страна не выдержала испытания свободой.

«Ленин был единственным человеком, — отмечал философ Федор Августович Степун, — не боявшимся никаких последствий революции. Этою открытостью души навстречу всем вихрям революции Ленин до конца сливался с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс. Не буди Ленин самой ухваткой своих выступлений того разбойничьего присвиста, которым часто обрывается скорбная народная песнь, его марксистская идеология никогда не полонила бы русской души с такую силою, как оно случилось...»

Только кажется, что за Лениным пошли те, кто мечтал продолжить революционный разгул. Большинство людей привыкли полагаться на начальство — и не выдержали его отсутствия. Исчезновение государственного аппарата, который ведал жизнью каждого человека, оказалось трагедией. Большевиков поддержали те, кто жаждал хоть какого-нибудь порядка, кто повторял: лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Люди верно угадали, что большевики установят твердую власть. Значительная часть общества не симпатизировала большевикам, но всего за несколько месяцев успела возненавидеть демократию.

Общество легко вернулось в управляемое состояние, когда люди охотно подчиняются начальству, не смея слова поперек сказать и соревнуясь в выражении верноподданничества. И все покорно говорят: да, мы такие, нам нужен сильный хозяин, нам без начальника никуда.

Люди готовы строиться в колонны и шеренги, не дожидаясь, когда прозвучит команда, а лишь уловив готовность власти пустить в ход кулак или что-то потяжелее. Это, верно, куда более укоренившаяся традиция — всеми фибрами души ненавидеть начальство, презирать его и одновременно подчиняться ему и надеяться на него.

Почему российское общество проявило такой радикализм, такую жестокость?

При царизме не сложилось полноценной политической жизни, которая воспитывает определенные традиции, умение искать компромисс, сотрудничать и договариваться. А уж после Февраля тем более не сложилась привычка искать решения ненасильственными методами. Напротив, привыкли к крайностям.

Вот после Октября и ухватились за предложенную большевиками возможность ликвидировать несправедливость собственными руками. Идеалы демократии просто не успели утвердиться. Крестьяне не знали иной формы правления, кроме самодержавной монархии и вертикали власти.

Сразу же постановили, что народные комиссары разъезжаются по своим учреждениям, но «к вечеру собираются в Смольном для совещаний и для осуществления контакта с другими демократическими организациями».

Ленин, проживший много лет в эмиграции, невероятно раздражался из-за повсеместной необязательности. Жаждал прямо-таки немецкой пунктуальности. Чтобы предложения в повестку заседания Совнаркома вносили хотя бы за полчаса до начала. Потребовал ввести штраф для опаздывающих. За опоздание до получаса — пять рублей, до часа — десять целковых.

Наркомам положили жалованье в 500 рублей (и прибавку в 100 рублей на каждого нетрудоспособного члена семьи). Обещали предоставить жилье — «не свыше одной комнаты на члена семьи». Квартирный вопрос решили просто. Хорошие квартиры отнимали и отдавали советским чиновникам.

Через несколько дней после революции Ленин и Крупская заехали к старой знакомой — Маргарите Васильевне Фофановой, депутату Петроградского совета.

— Что так поздно? — удивилась она. — Вероятно, трамваи уже не ходят.

Владимир Ильич, уже вошедший во вкус своего нового положения, удивился ее наивности:

— Какая вы чудачка — мы на машине приехали.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРВАЯ ЛЕДИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

ТОВАРИЩ МИНИСТРА

Через несколько дней после формирования нового правительства Анатолий Васильевич Луначарский обратился к гражданам России: «Волею революционного народа я назначен народным комиссаром по просвещению. Дело общего руководства народным просвещением поручено впредь до Учредительного собрания Государственной комиссии по народному просвещению, председателем и исполнителем которой является народный комиссар».

Тогда, сразу после революции, руководители советской власти еще не представляли себе, как станут действовать в реальной жизни, потому Луначарский обещал: «Государственная комиссия по просвещению отнюдь не является центральной властью, управляющей учебными и образовательными учреждениями. Наоборот, всё школьное дело должно быть передано органам местного самоуправления».

Ленин сразу записал для себя: «Надежда Константиновна — товарищ министра при Луначарском». Она профессиональная учительница, где же ей еще работать?

Вообще говоря, это был деликатный вопрос. Как должна вести себя жена советского вождя? Опыта не было. В старой России жены политиков не работали. Да и в других европейских государствах сто лет назад первые леди старательно держались подальше от политики. Знали, что это навлечет на них критику и ухудшит позиции их мужей. В ту пору исходили из того, что роль первой леди — создать мужу комфортные условия.

Ленин же считал, что женщины имеют право и должны участвовать в общественной жизни. Крупская была образованной женщиной, опытным педагогом. После победы большевиков она испытывала прилив энергии и желания действовать. И Надежда Константиновна пыталась изменить место женщины в обществе. Использовала всякую возможность, чтобы продвинуть женщину на заметный пост.

В какой степени она влияла на мужа? Свидетелей их ежедневных разговоров на кухне не осталось. Но известно, что они всё обсуждали вдвоем, вечером делились друг с другом пережитым за день.

«Он всё рассказывал, — вспоминала Крупская. — Ему нужно было кому-нибудь непременно сказать, если он готовил статью, речь, так что я была человеком, которому он рассказывал».

Людям знающим было известно, что Надежда Константиновна тот

самый человек, к чьим советам Владимир Ильич прислушивается. Советы она давала и на политические, и на кадровые темы.

Ленин исходил из того, что дурного она не посоветует. Тем более что за годы брака Крупская полностью прониклась его мыслями и идеями. Они были полными единомышленниками. Разница состояла в том, что Владимир Ильич с его гибким умом и врожденным политическим инстинктом мог легко изменить позицию. Надежда Константиновна всегда ему подчинялась, а оставшись без него, следовала усвоенным в браке максимам и догмам.

После революции подруги других советских вождей тоже вовлеклись в практическую политику.

Жена Зиновьева, Злата Лилина, стала народным комиссаром социального обеспечения Северной Коммуны. Маленькая, с коротко стриженными волосами, живыми и строгими серыми глазами, не знающая усталости — такой ее увидели иностранные поклонники Октября. Приехавших в Петроград из-за границы коммунистов она спрашивала:

— Вы привезли семьи? Я могу поселить вас во дворце, знаю, что иногда это доставляет удовольствие, но будуары там не отапливаются. Домашних лучше отправить в Москву, наш город на осадном положении. Могут начаться голодные бунты. От тифа столько покойников, что не успевают хоронить. Но мы работаем и будем работать до последнего часа. Если хотите помогать — дел хватит!

После Гражданской войны Злата Лилина заведовала в Петрограде губернским отделом народного образования. Она рано умерла — в 1929 году.

Жена Троцкого Наталья Ивановна Седова с лета 1918 года заведовала музейным отделом Наркомата просвещения. Она была надежной спутницей Льва Давидовича. В своем завещании он написал: «Судьба дала мне счастье быть ее мужем. В течение почти сорока лет нашей совместной жизни она оставалась неистощимым источником любви, великодушия и нежности. Она прошла через большие страдания, особенно в последний период нашей жизни. Но я нахожу утешение в том, что она знала также и дни счастья».

Ольга Каменева, сестра Троцкого и первая жена Льва Борисовича Каменева, в 1918 году тоже работала вместе с Крупской в Наркомате просвещения. В 1920 году театральный отдел наркомата расформировали. Часть функций отошла Управлению академических театров, остальные передали главку, которым руководила Крупская.

Ольга Каменева руководила Всесоюзным обществом культурной связи

с заграницей, возглавляла научно-исследовательский совет Управления кинофикации при Совнарком. Хотя с Львом Борисовичем она разошлась, ее всё равно посадили вслед за ним, а осенью 1941 года расстреляли в Орловской тюрьме...

Первого ноября 1917 года Луначарский назначил Крупскую заведующей внешкольным отделом Наркомата просвещения.

«Анатолий Васильевич Луначарский и мы, небольшая горстка партийцев, — вспоминала Крупская, — направились в здание Министерства народного просвещения, находившееся у Чернышева моста. Около министерства был пост саботажников, предупреждавших направлявшихся в министерство работников и посетителей, что работа там не производится. В министерстве никаких служащих, кроме курьеров да уборщиц, не оказалось. Мы походили по пустым комнатам — на столах лежали неубранные бумаги; потом мы направились в какой-то кабинет, где и состоялось первое заседание коллегии Наркомпроса».

Последнего министра народного просвещения Временного правительства профессора-химика Сергея Сергеевича Салазкина большевики отправили в Петропавловскую крепость. Он был давним сторонником свободомыслия, и когда-то царское правительство заставило его уйти с поста директора медицинского института. Будучи министром, Салазкин способствовал автономии и высших, и средних учебных заведений. Отделил школу от церкви, которой предоставили право открывать свои учебные заведения. Но для большевиков он был реакционером...

Новые руководители ведомства просвещения день за днем приходили в Чернышев переулок, но по-прежнему заставляли пустые комнаты. Пришлось самим составлять план работы, подбирать кадры.

Новый, 1918 год Ленин и Крупская встречали вместе с партийным активом и красногвардейцами в актовом зале бывшего Михайловского артиллерийского училища. Свидетельница запомнила, как оделась на праздник Надежда Константиновна: «На ней была светлая блузка в полоску с белым отложным воротником и длинная, собранная в сборки у кушака, черная юбка».

Пятого января Ленин попросил товарищей по правительству предоставить ему отпуск на три — пять дней. Просьбу удовлетворили. На следующий день он с женой и сестрой поехал в санаторий для туберкулезных больных в финской деревне Халила, где пробыл до 10 января. Лечили там усиленным питанием и регулярными прогулками в парке.

Двадцать пятого января в газетах появился «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря». С февраля 1918 года Россия перешла на новый стиль летоисчисления. После 31 января старого стиля сразу наступило 14 февраля нового стиля. Инициаторами были Наркомат просвещения и Наркомат по иностранным делам. Заместитель наркома по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин представил записку в Совнарком: «Польза, которую принесет замена юлианского календаря принятым почти во всем мире григорианским, с точки зрения международного общения настолько велика и разнообразна и вместе с тем настолько очевидна, что обосновывать ее нет никакой надобности. Достаточно сказать, что григорианский календарь уже при прежнем режиме был принят в военном и коммерческом флоте и употреблялся в различных случаях прежними министерствами иностранных дел, финансов, путей сообщения и внутренних дел...

Вопрос о введении в России нового стиля возбуждался не раз и был довольно близок к разрешению еще в 1830 году. Основным препятствием было опасение, что введение григорианского счисления будет истолковано как уступка православия католичеству. При твердом намерении Советской власти не вмешиваться в дела самоуправляющейся церкви вопрос рассматривается исключительно с точки зрения светской, при полном представлении церкви решить вопрос об одном или двух стилях как она для себя признает желательным...»

Центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов и Совнарком 9 ноября 1917 года учредили Государственную комиссию по просвещению. В состав комиссии помимо Луначарского, Крупской, Покровского и других большевиков предполагалось включить видных ученых, преподавателей, общественных деятелей. Она должна была работать до созыва Учредительного собрания.

Первое совещание госкомиссии проходило 11 ноября 1917 года в здании бывшего царского министерства. Имелось в виду, что комиссия станет руководить системой народного образования, используя Министерство образования как исполнительный аппарат для реализации своих решений. Разгонять старое министерство не собирались.

Но чиновники не пожелали подчиняться узурпаторам, саботировали советскую власть. По той же причине многие видные фигуры отвергли приглашение Луначарского войти в состав госкомиссии. Поэтому всё равно пришлось создавать свой аппарат — Народный комиссариат просвещения.

Леонид Красин не без злорадства писал семье: «Большевики, видимо, обескуражены единодушным бойкотом всех и вся (рассказывали курьеры о

визитах новых “министров” в свои министерства, где все их встречали заявлением о непризнании — начиная с товарища министра и кончая швейцарами и курьерами), бойкот этот угрожает остановить всю вообще жизнь столицы, и всем начала делаться ясной необходимость какого-то выхода, а именно образования нового министерства, несомненно уже социалистического, ответственного перед Советами...

Большевистское правительство в отчаянном положении, ибо бойкотистская тактика всех учреждений создала вокруг него торричеллиеву пустоту, в которой гложут все его декреты и начинания... Разруха растет, с каждым днем близится призрак голода, и если так пойдет дальше, мы можем докатиться до стихийного взрыва анархии, которая помимо неслыханных бедствий отдаст страну в руки какого-нибудь крутого взявшего в руки палку капрала».

Красин считал необходимым сформировать коалиционное правительство разных социалистических партий. В первые дни большевики были готовы частично делиться властью — и несколько министерских постов отдали левым эсерам. Но правые эсеры и правые меньшевики проявили удивительный максимализм: требовали либо полного ухода большевиков, либо как минимум отстранения Ленина и Троцкого, что было невозможно. Правые социалисты не сознавали, что теряют последний шанс участвовать в определении судьбы России.

Через неделю Красин сообщал семье: «Прошла неделя, а воз и ныне там! Большевики не идут ни на какие соглашения, жарят себе ежедневно декреты, работа же всякая останавливается, транспорт, продовольствие гибнут, армии на фронтах начинают умирать с голода.

Все видные большевики (Каменев, Зиновьев, Рыков (Алексей-заика) etc.) уже откололись от Ленина и Троцкого, но эти двое продолжают куролесить, и я очень боюсь, не избежать нам полосы всеобщего и полного паралича всей жизни Питера, анархии и погромов.

Соглашения никакого не получается, и виноваты в этом все: каждый упрямо, как осел, стоит на своей позиции, как большевики, так и тупицы социалисты-революционеры и талмудисты-меньшевики. Вся эта революционная интеллигенция, кажется, безнадежно сгнила в своих эмигрантских спорах и безнадежна в своем сектантстве».

После первой революции Красин отошел от подпольных дел, окончил Харьковский технологический институт, четыре года строил в Баку электростанции, а потом уехал в Германию, где успешно работал по инженерной части в фирме Сименса и Шуккерта в Берлине. Немецкий выучил в Таганской тюрьме. Немцы его высоко ценили. Красин был одним

из немногих большевиков, которые понимали, что такое современная экономика и торговля. Его зазывали в правительство. А он не спешил давать согласие. 15 января 1918 года принял ни к чему не обязывающее назначение членом совета Государственного банка. Своим обликом он сильно выделялся среди большевиков. Сохранилось свидетельство современника: «Безукоризненный джентльмен, в буржуазном костюме которого чувствовалась подлинная забота о вкусе и элегантности, заходил в наши штабы, полные рабочих в фуражках и пальто, опоясанных пулеметными лентами. Красавец-мужчина с тщательно ухоженной бородой клинышком, очень интеллигентный, с благородными манерами».

Даже Красин, который близко знал лидеров большевиков, не понимал овладевшей ими жажды власти. Ленин был готов отдать полстраны, лишь бы оставалась возможность управлять другой половиной. Более рассудительные большевики считали, что надо сделать ставку на Учредительное собрание и постепенно привлечь массы на свою сторону. Ленин не хотел ждать! И в своей логике был прав. Если бы Учредительное собрание, представляющее интересы всего народа России, приступило к работе, большевики лишились бы шанса удержать власть.

Осенью 1917 года многие считали, что большевики не имеют права единолично управлять страной. Они должны, как минимум, вступить в коалицию с другими социалистическими партиями, чтобы опираться на большинство населения.

На второй день после победы большевиков, в перерыве между заседаниями съезда Советов в Смольном, меньшевик Николай Николаевич Суханов, член исполкома Петросовета и член ВЦИК, отправился в буфет, где была давка и свалка у прилавка. В укромном уголке Суханов натолкнулся на Льва Борисовича Каменева, впопыхах глотавшего чай. Спросил:

— Так вы окончательно решили править одни? Я считаю такое положение совершенно скандальным. Боюсь, что, когда вы провалитесь, будет поздно идти назад...

— Да, да, — нерешительно и неопределенно выговорил Каменев, смотря в одну точку. — Хотя... почему мы, собственно, провалимся?

Четыре наркома-большевика — Алексей Рыков (будущий глава правительства), Владимир Милютин (до революции он пять раз сидел в тюрьме), Виктор Ногин (противник вооруженного захвата власти) и Иван Теодорович (будущий председатель Крестьянского интернационала) — через десять дней после Октябрьского переворота, 4 ноября 1917 года, вышли из состава первого советского правительства по принципиальным

соображениям. Товарищи по партии не поддержали их мнения о «необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий». А четыре наркома предлагали принять требование Всероссийского исполнительного комитета железнодорожного профессионального союза (Викжель) о коалиционном правительстве.

Демарш имел некоторые последствия. В ночь с 9 на 10 декабря 1917 года большевики договорились о коалиции с левыми социалистами-революционерами, которые получили семь мест в Совнарком, а также должности заместителей наркомов и членов коллегий. А из четырех наркомов, проявивших тогда принципиальность, только один — Ногин — умер своей смертью, совсем молодым. Остальных Сталин со временем уничтожил.

Другое требование профсоюза железнодорожников — передать ему управление железнодорожным делом и наделить правом утверждать коллегию Наркомата путей сообщения — отвергли наотрез.

Четырнадцатого ноября 1917 года Ленин на заседании Петроградского комитета партии обещал:

— Когда нам необходимо арестовывать — мы будем. Вот Викжеля арестовать — это я понимаю. Тверской мужичок пришел и сказал: «Всех их арестуйте». Вот это я понимаю. Вот он имеет понимание, что такое диктатура пролетариата.

Не принял власти большевиков и один из патриархов русской социал-демократии, Георгий Валентинович Плеханов. 28 октября 1917 года он опубликовал «Открытое письмо к петроградским рабочим»:

«Товарищи! Многие из вас рады тем событиям, благодаря которым пало коалиционное правительство А. Ф. Керенского и политическая власть перешла в руки Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Скажу вам прямо: меня эти события огорчают...

Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая в конце концов заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года... Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны...»

Поразительно, как точно Плеханов предсказал будущее. Разразилась жестокая Гражданская война, и русское общество лишилось прав и свобод, полученных после Февральской революции.

Один из основателей российской социал-демократии не любил Ленина: «Как только я познакомился с ним, я сразу понял, что этот человек может оказаться для нашего дела очень опасным, так как его главный

талант — невероятный дар упрощения».

Это Георгий Валентинович еще со Сталиным, подлинным мастером упрощения, не успел познакомиться поближе...

Плеханов вернулся в Россию из эмиграции 1 апреля 1917 года. Его встретили восторженно как признанного вождя социал-демократии. Но его скептическая позиция относительно перспектив немедленного построения социализма в России вызвала непонимание. А Плеханов выразился так: «Русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма».

Отношение к нему быстро менялось к худшему. Большевики его презирали. Плеханов был болен, горестно повторял:

— Судьба дала мне хорошую голову, но плохое здоровье.

Известный прозаик Борис Аркадьевич Пильняк собирался писать роман о революции. Он пришел к Плеханову и нашел его в бедственном положении: осунувшийся, изнуренный болезнью Георгий Валентинович голодал. Пильняк сбегал на рынок. Купил масло, яйца, молоко, хлеб и немного мяса.

— Сегодня, Борис Андреевич, вы для меня сделали гораздо больше, чем Ленин, — с горькой укоризной говорил Плеханов, — и все вместе взятые товарищи большевики. Прошу вас о нашем разговоре нигде не упоминать, нынче время злобно-крутое.

Плеханов умер в мае 1918 года. Гроб с его телом доставили в Петроград. Похоронили Плеханова на Волковом кладбище, рядом с неистовым Виссарионом Белинским.

«Умер Плеханов, — записала в дневнике Зинаида Гиппиус. — Его съела родина. Его убила Россия, его убили те, кому он, в меру сил, служил сорок лет. Нельзя русскому революционеру: 1) быть честным, 2) культурным, 3) держаться науки и любить ее. Нельзя быть европейцем. Задушат. Еще при царе туда-сюда, но при Ленине — конец...»

После большевистского переворота другие левые социалисты растерялись. Меньшевики не могли понять, как их товарищи по подполью и эмиграции могли узурпировать власть. Член Исполкома Петроградского совета и президиума ВЦИК меньшевик Федор Ильич Дан с горечью констатировал:

— Всякому мыслящему здраво ясно, что вооруженные столкновения на улицах Петрограда означают не торжество революции, а торжество контрреволюции, которая сметет в недалеком будущем не только большевиков, но все социалистические партии.

Девятнадцатого ноября 1917 года лидер меньшевиков Юлий Осипович

Мартов писал товарищу по партии и члену исполкома Петроградского совета Павлу Борисовичу Аксельроду: «Самое страшное, чего можно было ожидать, совершилось — захват власти Лениным и Троцким в такой момент, когда и менее их безумные люди, став у власти, могли бы наделать непоправимые ошибки».

Павел Аксельрод, известный своим нравственным чутьем, выражался еще резче. Назвал большевистский переворот «колоссальным преступлением», писал, что большевики отбросили страну «назад — в экономическом отношении чуть ли не в середину прошлого века, а в политическом — частью ко временам Петра Великого, а отчасти — Ивана Грозного»...

Юлия Мартова называют «великим неудачником», потому что он растерял свою партию — партию меньшевиков. На I съезде Советов в июне 1917 года меньшевиков было в два с половиной раза больше, чем большевиков. Петроградский совет создали меньшевики. Но умеренность в России не ценится, и меньшевики быстро утратили свои позиции.

С не желавшим работать на большевиков государственным аппаратом пытались поладить. 18 декабря 1917 года на заседании Совнаркома договорились выплатить служащим правительственных учреждений рождественские награды, но это решение не публиковать! Это было компромиссное предложение Владимира Александровича Карелина, члена ЦК партии левых эсеров, принявшего на себя обязанности народного комиссара имуществ Республики: «Признавая выдачу служащим наградных к празднику противоречащей принципам демократизма и подлежащей отмене, Совет Народных Комиссаров в настоящем году, ввиду невозможности достигнуть единообразного решения, так как в ряде учреждений и отдельными категориями и группами служащих награды уже получены, — постановляет выдачу наградных не отменять».

Что касается Анатолия Васильевича Луначарского, то нарком просвещения демонстрировал невероятный либерализм, готовность сотрудничать и помогать всем, кто просит о помощи.

Еще в августе 1917 года в России начало работать представительство Всемирного христианского союза молодых людей. Под клуб оно сняло опустевшее здание Дворянского собрания, подписав, как положено, контракт. Но это здание самочинно занял 326-й Белгородский полк и отказывался его освободить, несмотря на просьбу (тогда с революционными солдатами разговаривали исключительно вежливо) культурно-просветительного отдела штаба Петроградского военного округа.

Представительство союза пожаловалось советскому правительству: «Всемирный христианский союз молодых людей — это американская ассоциация, которая ставит своей целью открытие клуба для солдат с чайными, читальнями, бесплатными просветительными кинематографическими спектаклями, лекциями и концертами. Ассоциация не преследует никаких политических заданий, чему достаточным свидетельством служит то, что после Октябрьского переворота ассоциация продолжала свою работу в таком же широком масштабе, как и раньше».

Анатолий Васильевич Луначарский проникся просьбой. Иностранцы, тем более американцы, еще не воспринимались как враги. Загвоздка состояла в том, чтобы подыскать Белгородскому полку другое помещение. 1 декабря 1917 года нарком обратился к коллегам в Наркомате по военным делам. Объяснил, почему не может предоставить дом из своего хозяйства: «Ведомство дворцов республики не имеет в своем распоряжении помещений, которые могли быть предоставлены под постой воинских частей без существенного ущерба для национального достояния».

Составили список других зданий, пригодных для размещения полка:

«Покорнейше прошу Вас, товарищ, распорядиться об использовании одного из этих помещений и не мешать, таким образом, осуществлению весьма симпатичного предприятия американских граждан».

От себя Луначарский написал письмо полковому комитету белгородцев: «Комиссар по городу Петрограду найдет вам в самом близком будущем другое помещение, и я прошу вас согласиться на такой перевод, так как американские граждане хотят открыть в Дворянском собрании клуб на пять тысяч солдат с чайной, читальней, ежедневными бесплатными спектаклями и лекциями. Подыскать для этого назначения другое помещение невозможно, к тому же на любезность американцев мы обязаны ответить такой же величайшей любезностью».

Одиннадцатого декабря 1917 года Совнарком принял проект декрета, предложенный Луначарским, о переходе сорока тысяч церковно-приходских школ «в ведение Государственной комиссии по просвещению». Крупская отстаивала принцип светской школы, писала в ЦК: «Мы в сотнях статей и речей пропагандировали, что попам не место в школе. наших агитаторов избивали, убивали даже».

Сотрудница наркомата в один из январских дней 1918 года стала свидетельницей телефонного разговора Крупской с Владимиром Ильичом. Надежда Константиновна взволнованно говорила ему:

— Нет, мы не можем допустить преподавание Закона Божия даже в церквях. Я категорически против такого решения. Мы созовем сейчас

заседание коллегии Наркомпроса и всё обсудим.

Ленина просили, чтобы советская власть разрешила священникам вести уроки Закона Божия если не в школах, раз это запрещено декретом, то хотя бы в церквях. Согласия не получили. Наркомат просвещения твердо проводил свою линию: запретить преподавание любых вероучений и вообще освободить школу от влияния церкви.

Четырнадцатого февраля 1923 года заместитель наркома просвещения Варвара Николаевна Яковлева сообщала управляющему делами Совнаркома Николаю Петровичу Горбунову: «Постановлением коллегии Наркомата просвещения от 3 апреля 1921 года предложено всем губернским отделам народного образования принять меры к тому, чтобы допускаемое вне стен учебных заведений преподавание так называемого Закона Божия детям до восемнадцати лет не отливалось в форму учреждения учебных заведений, руководимых церковниками».

Наркомат просвещения получил право реквизировать произведения искусства и целые коллекции, национализировать музеи и библиотеки. Скажем, будущего секретаря Крупской Веру Дридзо взяли в библиотечный подраздел Наркомпроса и поручили описывать частные библиотеки в барских особняках. По проекту Надежды Константиновны Совнарком принял декрет «О централизации библиотечного дела в РСФСР».

Анатолий Васильевич Луначарский делал много полезного. В частности, спасал культурные ценности в годы Гражданской войны, хаоса и разрухи.

«Я выдаюсь с Луначарским чуть не ежедневно, — пометил в дневнике 14 февраля 1918 года писатель Корней Иванович Чуковский. — Меня спрашивают, отчего я не выпрошу у него того-то или того-то. Я отвечаю: жалко эксплуатировать такого благодушного ребенка. Услужить кому-нибудь, сделать одолжение — для него нет ничего приятнее! Он мерещится себе как некое всесильное благостное существо — источающее на всех благодать:

— Пожалуйста, не угодно ли, будьте любезны.

И пишет рекомендательные письма ко всем, к кому угодно — и на каждом лихо подмахивает: Луначарский. Страшно любит свою подпись, так и тянется к бумаге, как бы подписать... Публика так и прет к нему в двери: и артисты Императорских театров, и бывшие эмигранты, и прожектеры, и срыватели легкой деньги, и милые поэты из народа, и чиновники, и солдаты».

Анатолий Васильевич в революционную эпоху был одной из самых ярких фигур новой власти. Образованный, литературно одаренный, он

сильно выделялся на фоне основной массы партийных чиновников.

Он принял на себя обязанности профессора историко-этнологического факультета Московского университета и читал лекции по двум курсам — социология искусства и история русской критики.

«Профессор медленно и грузно поднимается на кафедру, — вспоминал его лекцию будущий доктор филологических наук Самуил Борисович Бернштейн. — Лицо утомлено, мятый костюм. Протирает ослепительно-белым носовым платком пенсне. Смотрит на нас. Вдруг бросает взгляд на стул, на скверный древтрестовский стул. Мы не обратили бы внимания на это, если бы профессорский взгляд не напоминал взгляд удава, устремленного на кролика. Вслед за профессором и мы стали рассматривать этот несчастный стул. Наконец началась лекция: “Как скверно теперь делают мебель. Забывают, что все окружающие нас предметы должны воспитывать вкус. Чему может научить этот стул?”

И сразу после этих слов началась блестящая лекция из истории мебели с цитатами из Монтеня, Сен-Симона, Вольтера, Фурье... Мы все были потрясены. Скверный стул мог вызвать столько ярких воспоминаний, приоткрыть перед нами глубины знаний и самостоятельных суждений. Какой необъятной культурой должен обладать человек!»

Выступление Луначарского было триумфом. Он покинул кафедру под гром аплодисментов. Несколько дней на факультете только и говорили, что о лекции. Особенно студентов потрясло то, что это была импровизация... Прошло время, Луначарский вновь приехал читать лекцию. И, видимо, забыв, что он уже высказался на сей счет в этой аудитории, устремив взгляд на другой стул, практически слово в слово повторил давешнюю лекцию. Разочарованию студентов не было предела.

Старшеклассники объяснили новичкам:

— Такие лекции, разумеется, не могут быть экспромтом. Вы должны были это понять. А на второй лекции надо было спокойно объяснить, что с историей мебели вы уже знакомы. У Луначарского в запасе много других лекций. Но имейте в виду: он не ученый и не преподаватель. Он мастер публичных выступлений. Это самая сильная его страсть.

Крупская возглавила в наркомате огромный внешкольный отдел, который ведал школами для рабочих и крестьян, народными университетами, да еще занялся культурно-просветительной работой среди взрослого населения — в библиотеках, клубах, народных домах и курсах для взрослых.

Двадцатого февраля 1918 года на заседании Малого Совнаркома (Комиссия при Совете народных комиссаров, разбиравшая менее значимые

вопросы) Луначарский попросил выделить отделу внешкольного образования десять миллионов рублей.

Заседали в тот день Моисей Соломонович Урицкий (будущий председатель Петроградской ЧК), народный комиссар торговли и промышленности Александр Гаврилович Шляпников и помощник наркома финансов, член совета Государственного банка Дмитрий Петрович Боголепов. Прежде чем выдать деньги, запросили мнение Комиссариата финансов и Высшего совета народного хозяйства, который проводил огосударствление промышленности и финансовой системы. ВСНХ имел право конфискации, реквизиции и секвестра, то есть отбирал у частных владельцев всё, что считал нужным превратить в госсобственность.

Четвертого марта Малый Совнарком под председательством Шляпникова рассматривал уже всю смету Комиссариата народного просвещения. Но заседание было сорвано: наркоматы финансов и государственного контроля не прислали своих представителей. Вновь собрались 6 марта. Смету расходов Наркомпроса на 1918 год утвердили с поправками.

Наступление немецких и австро-венгерских войск, начавшееся 18 февраля 1918 года, напугало большевиков. 21 февраля Петроград объявили на осадном положении. 26 февраля Совнарком принял решение об эвакуации правительства в старую столицу.

«Большевизм, — записывал в дневнике известный историк профессор Московского университета Юрий Владимирович Готье, — настолько дик и тяжел, что даже владычество бронированного немецкого кулака кажется меньшим злом, чем разгул русских горилл. Немцы заняли Минск. Ужасно, если придут немцы; ужасно, если останутся большевики».

В Петрограде началась паника. Ждали прихода немцев. 3 марта немецкая авиация совершила налет на Петроград. Одна бомба разорвалась неподалеку от Таврического сада. Крупская с Лениным и правительство переехали в Москву. Луначарский с частью аппарата Наркомпроса временно остался в Питере. 9 марта Крупскую утвердили заместителем наркома просвещения, и она исполняла эти обязанности до 23 мая. Без всякой охоты. Когда Анатолий Васильевич обосновался в Москве, вернула ему все административные полномочия и руководила только внешкольным отделом.

Наркомат просвещения разместился в здании бывшего Императорского лицея на Остоженке (здесь сейчас расположена Дипломатическая академия). 5 июля 1918 года Ленин выступал в актовом зале Наркомата просвещения на заседании I Всероссийского съезда

учителей-интернационалистов.

Сотрудники наркомата поражались богатой отделке, роскошной мебели, стенам, обтянутым шелком. Каждая комната была выдержана в определенном стиле. Владимир Ильич осмотрел здание, где обосновалась Надежда Константиновна, и остался доволен:

Все наши учреждения, и тем более Наркомпрос, должны находиться в красивых помещениях и должны быть обставлены красивой мебелью. Не следует избегать этого.

Иногда вечером Ленин заезжал за женой на Остоженку. А иногда Надежда Константиновна с подругой шли пешком до Кремля, где они жили.

Двадцатого апреля 1918 года подотдел народных университетов внешкольного отдела Наркомата просвещения предложил через газету «Известия» работу желающим трудиться на этом поприще. На первом этаже дома на Остоженке с полудня до двух часов Крупская проводила собеседование с откликнувшимися на предложение.

Приехавшая издалека молодая женщина впервые увидела жену Ленина на заседании внешкольной секции культурно-просветительной комиссии городской думы: «Надежда Константиновна — худая, немного сутуловатая, с усталым лицом — в первый момент показалась слишком простой». Такой же она показалась заведующему Госиздатом РСФСР Николаю Леонидовичу Мещерякову: «Надежда Константиновна была на первый взгляд незаметная».

Принятое 18 июня 1918 года Совнаркомом «Положение об организации дела народного образования в Российской Республике» поручало Государственной комиссии принимать все принципиальные решения, а Наркомату просвещения — проводить их в жизнь. Поначалу наркомат запрашивал мнение госкомиссии. Но в советском государственном устройстве аппарат всегда берет верх. Наркоматовские чиновники не нуждались в лишней инстанции. К тому же и в госкомиссии, и в наркомате заседали одни и те же люди. Так что комиссия вскоре оказалась лишним звеном. 28 сентября 1918 года комиссия передоверила наркомату право самостоятельно управлять школой, а вскоре и вовсе почил в бозе, хотя формально ее никто не распускал.

Наркомат просвещения сосредоточил в своих руках все нити управления системой образования и культурой, по существу управлял духовной жизнью огромной страны. Ведомство Луначарского и Крупской непрерывно расширяло сферу своего влияния. 11 июля 1918 года Народный комиссариат имуществ включили в состав Наркомпроса. В ведение

Луначарского перешли издательства, книжные магазины, кинопроизводство. Он подчинил себе и все театры.

Из старого министерства остался только технический персонал — курьеры, швейцары, уборщики. Все остальные — новые люди. В отличие от других советских ведомств — с образованием, иногда вполне приличным. Четыре пятых аппарата наркомата имели среднее или даже высшее образование. Правда, из руководящего состава — только две трети.

Но специалистов-педагогов оказалось немного. В основном должности занимали дилетанты, недоучившиеся студенты и домохозяйки. Брели только проверенных товарищей, как правило, по направлению партийных органов, местных Советов или по личной рекомендации видных деятелей новой власти. Луначарский своим авторитетом привлек в наркомат несколько известных художников, писателей, режиссеров. Но они растворились в массе новых чиновников.

Постановлением 23 февраля 1918 года все учебные заведения в стране были переданы в ведение наркомата — со своим имуществом. И выделяемые на образование деньги тоже шли через наркомат.

Всероссийский учительский союз бойкотировал советскую власть. В декабре 1918 года указом ВЦИК его распустили. Летом 1919 года создали новый — Союз работников просвещения и социалистической культуры.

Советская власть потребовала демократически решать главные вопросы школьной жизни и привлечь к школьному самоуправлению самих учащихся, а также представителей местных Советов.

В статье «Контроль сверху и контроль снизу в деле народного образования» Крупская писала: «Надо организовать население в особые советы народного образования. Эти советы состояются из делегатов от всех тех организаций, которые посылают своих представителей в местный Совет. В количестве одной трети к ним добавляются представители от учащихся и учащихся. Перед этим Советом отчитывается народный комиссар, на этом Совете обсуждаются всесторонне все вопросы, касающиеся воспитания и образования».

Но очень скоро демократические традиции российского учительства сошли на нет.

Двадцать шестого июня 1918 года появился Декрет Совнаркома «Положение об организации дела народного образования в Российской Социалистической Советской Республике». Задача — создать бесплатную и доступную всем школьную систему с обязательным преподаванием труда как важнейшего предмета. Из-за Гражданской войны введение новой системы растянулось на несколько лет, пока на всей территории России не

установилась советская власть.

Шестнадцатого октября 1918 года появился декрет ВЦИК «Положение о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». В первом же номере журнала «Народное просвещение» Крупская объяснила, что имеется в виду: «В социалистической школе должен быть организован производительный труд детей. Социалисты против эксплуатации детского труда, но они, конечно, за детский посильный, всесторонний, развивающий труд».

Этим занимались два ведущих подразделения наркомата: отдел единой трудовой школы (ведавший распределением денег) и отдел реформы школы, которым руководил Пантелеймон Николаевич Лепешинский (позднее он возглавит Музей революции). Итоговый документ «Основные принципы Единой Трудовой Школы и Положение о Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», подготовленный под началом Пантелеймона Лепешинского, опубликовали 16 октября 1918 года «Известия».

Отдел дошкольного воспитания обещал наладить систему воспитания детей шести-семилетнего возраста. Но Наркомат просвещения не располагал для этого ни силами, ни средствами. Школьно-санитарный отдел заработал с конца ноября 1917 года. Среди школьников были распространены серьезные заболевания, в первую очередь туберкулез (в военную пору им болело больше половины детей). Стали создавать загородные санатории для больных детей. Обещали кормить школьников горячими завтраками, но в обнищавшей стране это было непросто...

Важную роль в работе наркомата играл профессор Московского университета Михаил Николаевич Покровский. Летом 1905 года он познакомился с Лениным и Крупской, и это сыграло немалую роль в его судьбе. Сразу после революции Совет рабочих и солдатских депутатов избрал его председателем Исполкома Моссовета.

«Всё было парализовано, — вспоминал Покровский. — Из-за отсутствия электроэнергии трамвай больше стоял, чем находился на линии; даже извозчики и те сокращались».

С появлением большевиков в Москве исчез хлеб. Что делать? Отправили уполномоченных в Сибирь выменивать хлеб на сахар, галоши, гвозди и керосиновые лампы. Поручили красногвардейцам и чекистам конфисковывать хлеб у «спекулянтов». Продовольствия стало еще меньше, а цены выросли.

В марте 1918 года Покровского утвердили заместителем наркома просвещения, избавив от хозяйственных забот. Ему подчинили отдел

школьной политики, который выстраивал систему административного управления учебными заведениями, и отдел подготовки учителей, ведавший набором новых преподавательских кадров, — для них по всей стране устраивали краткосрочные курсы.

Профессор Покровский был историком с большими научными амбициями. Он мечтал о звании академика. Но Российская академия наук не оценила его таланты. Покровский открыл Социалистическую академию общественных наук и сам ее возглавил. Членов академии назначил ВЦИК — из числа видных партийцев: Зиновьева, Каменева, Бухарина, Крупскую, Коллонтай.

Покровский, который называл Крупскую «единственным марксистским педагогом на весь Коминтерн», стал первым ректором Института красной профессуры, основанного в 1921 году.

Научными, музейными и научно-художественными учреждениями руководил старый большевик Федор Николаевич Петров, вернувшийся из Читы, где он был заместителем председателя Совета министров недолго существовавшей Дальневосточной республики. В 1928 году заместители наркома просвещения Михаил Покровский и Варвара Яковлева сменили его на другого старого большевика — Мартына Николаевича Лядова (Мандельштама). Между Наркоматом просвещения и Академией наук шла невидимая война. Академики не желали подчиняться наркоматовским чиновникам, а те обижались, что ими пренебрегают.

НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ

Осенью 1918 года Крупскую свалил сильный приступ базедовой болезни — на целых два с половиной месяца. «Доктора поили меня всякой всячиной, укладывали в постель, запрещали работать; это плохо помогало, — вспоминала Надежда Константиновна. — Отправили меня отлеживаться в Сокольники, в лесную школу, где не полагалось говорить о политике, о работе».

В январе 1919 года в Москве устроили демонстрацию памяти убитых в Берлине вождей немецких коммунистов Карла Либкнехта и Розы Люксембург. После этого Ленин вернулся в Кремль, забрал Марию Ильиничну, и они поехали навестить Надежду Константиновну. Рядом с постоянным водителем Степаном Казимировичем Гилем сел дежурный охранник-чекист по фамилии Чабанов.

По дороге остановились, потому что какой-то человек поднял руку. Владимир Ильич решил, что с ним желают поговорить. Остановивший автомобиль вождя человек поинтересовался:

— Чья машина?

— Совнаркомовская, — ответил водитель, — а в чем дело?

Тем временем подбежали еще трое с оружием. Окружили машину, распахнули дверцы и приказали:

— Вылезайте!

Оказалось, что это вовсе не столичные рабочие, искавшие личного общения с вождем мирового пролетариата, а самые обыкновенные бандиты. Охранник из оперативного отдела ВЧК был вооружен. Но свой наган он положил на дно машины, а сверху поставил бидон с молоком, заботливо припасенным для Надежды Константиновны. Он не сделал попытки защитить главу правительства. Возможно, к лучшему, а то началась бы стрельба, и еще неизвестно, кто бы погиб...

Ленина и его сестру высадили. Охранник вылез. Водителя вышибли. И вся банда укатила на машине.

«А мы остались на дороге, — вспоминала Мария Ильинична, — не сразу придя в себя от неожиданности и от быстроты, с которой вся эта история произошла, а потом громко расхохотались, увидав, что товарищ Чабанов стоит с бидоном молока (мы везли молоко Надежде Константиновне). Несмотря на трагичность положения, он не забыл вынуть этот бидон и держал его в руке как большую драгоценность».

Это случилось рядом с Сокольническим райсоветом. Туда дошли пешком. Позвонили председателю ВЧК Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. Он прислал другой автомобиль. Угнанную машину нашли потом брошенной у Крымского моста. Охрану Владимира Ильича увеличили, выделили еще четверых чекистов.

Весной 1919 года по Волге в освобожденные от белых районы отправили литературно-инструкторский пароход ВЦИК «Красная звезда». Крупская пожелала участвовать в этом путешествии. Ленин согласился с ее поездкой на агитпароходе в качестве представителя Наркомата просвещения, надеясь, что свежий воздух пойдет жене на пользу. Сам подписал ей удостоверение: «Предъявительница сего Надежда Константиновна Ульянова (Крупская-Ленина), член коллегии Наркомпроса, едет с литературно-инструкторским пароходом ВЦИК “Красная звезда” по Волге и Каме. Прошу все советские учреждения, военные, ж.-д. и речные власти оказать всяческое содействие предъявительнице».

Владимир Ильич приехал ее провожать на Курский вокзал. Он был без охраны. Надежда Константиновна из вагона махала ему белым платочком, он ей кепкой.

До Нижнего Новгорода агитбригада доехала поездом из пяти вагонов. Там погрузилась на пароход, где устроили кинозал и библиотеку. Во всех городах, где останавливался пароход, Крупская сходила на берег, ездила в местные учреждения, встречалась с учителями, женским активом, выступала на митингах.

Крупская вспоминала: «Наша пароходная газета подсчитала, что я выступала тридцать четыре раза. Не оратор я, но говорить приходилось перед рабочими, работницами, перед красноармейцами, перед крестьянами...»

Так что отдохнуть ей не удалось. Напротив, она устала, жаловалась:

— У меня от постоянных выступлений взбесилось сердце, ноги распухли.

Ей пришлось прервать поездку и вернуться домой.

На I Всероссийском съезде по народному просвещению Крупская выступила с докладом «Внешкольное образование в новом строе». Поставила задачу:

— В коммунистической России не должно быть безграмотных.

Двадцать шестого декабря 1919 года Ленин подписал Декрет Совнаркома «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», который вводил обязательное обучение грамоте.

В декрете, подготовленном в значительной степени усилиями

Крупской, записали: «Всё население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке по желанию». Рабочим, которые пойдут учиться без отрыва от производства, обещали, чтобы они могли заниматься, трудовой день сократить на два часа, а зарплату сохранить. Это не касалось только военных предприятий.

В июле 1920 года при Совнаркоме учредили Всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, ВЧК л/б. В нее включили представителей отдела ЦК по работе в деревне, женотдела ЦК, комсомола, ВЦСПС, политуправления Красной армии.

Председателем ВЧК л/б назначили Иону Пантелеймоновича Брихничева. Он, как и Сталин, учился в Тифлисской духовной семинарии. Стал священником и поборником христианского социализма. Его лишили сана. Брихничев попал в тюрьму. После революции присоединился к большевикам и к «воинствующим безбожникам».

На совещании в Наркомате просвещения председатель сделал громкое заявление: он считает необходимым ликвидировать неграмотность в стране всего за полгода. Крупская резонно возразила, что срок нереальный. Вопрос переключался на рассмотрение Ленина. Он скептически поинтересовался у Брихничева:

— А если ликвидация неграмотности не будет завершена и за десять лет? Вас что же, тогда повесить?

Когда Ленин позировал художнику Юрию Анненкову, то поделился с ним:

— Наш лозунг «Ликвидировать безграмотность» — лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, воззвания. Цель — вполне практическая. Только и всего.

Председателем Московской губернской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности утвердили Дору Юльевну Элькину, которая работала у Крупской во внешкольном отделе наркомата.

Приказ Реввоенсовета Республики от 4 сентября 1919 года обязал учить грамоте всех красноармейцев. Крупская участвовала в этой работе самым деятельным образом. Занималась выпуском букварей и другой учебной литературы. В 1919 году Элькину отправили на Южный фронт учить грамоте красноармейцев. Первая же фраза из детского букваря — «Маша ела кашу» вызвала смех:

— И каша была, и Маша была, а у нас ни каши, ни Маши!

Пришлось сменить учебный материал. Дора Элькина подготовила

первый букварь для взрослых.

С 1920 года ВЧК л/б издавала журнал «Долой неграмотность». В Москве открылись курсы — 300 человек учили работать с неграмотными.

В октябре 1925 года проводили первое Всесоюзное совещание по самообразованию. Крупская, выступая, говорила о неграмотных в деревне. Она считала необходимым дать возможность взрослым учиться в вечерних воскресных школах и на курсах. Поддержала систему заочных школ для взрослых со своей программой, учебниками и педагогами-рецензентами. Но не было денег для их создания. Ее заместитель убедил ввести плату за обучение. Брели два с полтиной рубля в месяц, а в деревне — рубль. Крупская сама отредактировала учебники. Они рассылались ученикам отдельными выпусками вместе с заданиями, которые им предстояло выполнить. Проверочные задания возвращались педагогу-рецензенту в Бюро заочного образования Главполитпросвета.

Школьный отдел Наркомпроса Крупская называла своей «ударной бригадой», «комсомольской легкой кавалерией». Сотрудники аппарата наркомата пытались напрямую руководить школами. Подбирали для них помещения, издавали буквари и наглядные пособия, обеспечивали тетрадями и карандашами, а также керосиновыми лампами, ламповыми стеклами, фитилями, керосином...

Чрезвычайную комиссию распустили в 1930 году, ее обязанности передали Центральному штабу ликбезпохода. 25 июля появилось постановление ЦК «О всеобщем обязательном начальном обучении». Но об успехах в борьбе с неграмотностью объявить поторопились. По переписи 1939 года почти пятая часть населения оставалась неграмотной, обращает внимание доктор исторических наук Олег Витальевич Будницкий. Грамотность понималась как всего лишь умение читать по слогам и написать свою фамилию. На тысячу человек — всего шесть с высшим образованием и 77 — со средним (семилетка).

Четверть всех бойцов и командиров Красной армии имели меньше шести классов образования. А ведь наступил век техники, и необходимо было учить войска боевым действиям. Пренебрежение высоким уровнем образования самым бедственным образом скажется во время войны, когда войсками командовали необразованные офицеры.

«Управленческие должности заняли малограмотные люди, имевшие опыт Гражданской войны и прошедшие ускоренную подготовку на каких-либо курсах, не имея при этом базового общего образования, как правило, даже среднего, — писал журнал Министерства обороны России «Военная мысль» (2009. № 7). — Так, в 1940 году среди представителей командного

состава армии высшее образование было всего лишь у 2,9 процента, среди офицеров запаса у 0,2 процента».

Двадцатого ноября 1918 года Крупскую избрали членом Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). Иначе говоря, она вошла в состав законодательного органа советской системы. Назвать ВЦИК парламентом язык не повернется.

Большевики разогнали демократически и свободно избранное Учредительное собрание. Страна лишилась парламента, каковым была до революции Государственная дума и каким должно было стать Учредительное собрание. Но как мало людей в ту пору сожалели о разгоне парламента!

Когда большевики взяли власть, это была не революция, а контрреволюция. Октябрь отменил почти все демократические завоевания, которые дал России Февраль. Но демократией и свободой, похоже, никто не дорожил. Страна, напуганная хаосом и анархией, приняла большевиков как сильную и уверенную в себе власть.

Разогнали и другие органы народного самоуправления. Академик медицины Захарий Григорьевич Френкель, бывший депутат Государственной думы от партии кадетов, в 1917 году состоял в городской думе Петрограда.

«20 ноября 1917 года, — вспоминал академик Френкель, — во время заседания, на котором обсуждался вопрос о безработице, зал заполнился матросами и красногвардейцами с ружьями наперевес. Потрясая револьвером, командовавший отрядом матрос заявил, что действует по предписанию Военно-революционного комитета, который приказывает немедленно прекратить заседание и очистить помещение Думы. Председателю не оставалось ничего, как предложить гласным разойтись».

Многие из гласных отказались подчиниться декрету о роспуске городской думы и некоторое время проводили нелегальные заседания, однако в силу разворачивающихся в столице и в стране в целом событий с каждым днем являлось всё меньше и меньше гласных. 10 января 1918 года Дума прекратила свое существование. Одновременно большевики угрозой оружия приступили к разгону и всех районных дум».

А что вместо? Съезд Советов. На него выбирали примерно полторы тысячи делегатов. Съезд проходил всего несколько дней, поэтому сколько-нибудь серьезно работать над законами не мог, это был скорее большой митинг. Из числа делегатов выбирали Всероссийский центральный исполнительный комитет. Но и Исполком не стал парламентом.

В Конституцию РСФСР в ноябре 1918 года внесли поправку, в

соответствии с которой ВЦИК перестал работать на постоянной основе и собирался раз в два месяца. Функции самого Центрального исполнительного комитета перешли к его президиуму.

Съезды Советов по конституции должны были собираться дважды в год. В 1918 году было два съезда, а в 1919 и 1920 годах уже только по одному.

Юлий Мартов, один из вождей меньшевиков, возмущался нарушением Конституции:

— Не созывался ни разу съезд, не созывался и ЦИК. Почти ни один декрет не обсуждался и не голосовался в ЦИК. От его имени выступает президиум. Декреты выходят от имени Совета народных комиссаров или экстренно созданных органов власти, не предусмотренных Конституцией. Совет народных комиссаров перестал быть учреждением подотчетным и регулярно контролируемым, каким он является согласно советской Конституции. Перемещение народных комиссаров и назначение новых совершается помимо ЦИК. Точно такое же перерождение органов власти совершается повсюду на местах.

Юлий Мартов говорил о важности свободы печати, союзов и собраний, неприкосновенности личности. Его слова остались гласом вопиющего в пустыне. Да и какое значение имели решения Советов, если даже нарком просвещения Луначарский, один из немногих просвещенных лидеров большевиков, констатировал:

— Законы Конституции не распространяются на ЦК.

Бесстрашная эсерка Мина Львовна Свирская рассказывала, как после похорон вождя анархистов князя Петра Алексеевича Кропоткина в феврале 1921 года поехала в Плехановский институт, где должен был выступать Луначарский. Аудитория была переполнена. Многие желали выступить. Луначарский как член правительства и ВЦИК дал честное слово, что все могут говорить свободно и никто не пострадает. Но сразу же после собрания двое ораторов-эсеров были арестованы. Возмущенная Свирская в час ночи дозвонилась Луначарскому.

— Будьте спокойны, — заверил ее нарком, — вы не успеете доехать до дома, как они будут освобождены.

Прошло несколько дней, но чекисты никого не отпустили. Упорная Свирская пришла к Луначарскому в Кремль. Узнав, что его вмешательство не возымело действия, он весь съежился, как от удара, и пробормотал:

— Что я могу поделать?..

— Только подлецы и негодяи дают безответственно честное слово, — отчеканила Свирская и ушла.

Она вскоре сама угодила за решетку. За свою принципиальность и бескомпромиссность провела в заключении 25 лет.

НЕНУЖНЫЕ ФАКУЛЬТЕТЫ

Наркомат просвещения коренным образом изменил политику в сфере высшего образования. Заместитель Луначарского историк Покровский важнейшей задачей считал унификацию и централизацию управления, что прежде всего означало лишение университетов автономии, которой они пользовались в царские времена.

Сам нарком придерживался иной точки зрения. 9 июля 1918 года Луначарский высказал свою позицию:

— Я хорошо понимаю, что такую тонкую организацию, как университет, нельзя ломать. Нет, это не ломка, а реформа школы.

Но не он определял школьную политику большевиков. В том же 1918 году приказом Покровского закрыли все юридические факультеты. Этот акт вошел в историю...

«В бесправной стране права знать не нужно, — горько констатировал профессор Юрий Готье. — Это новая черта той безумной, превосходящей всякое вероятие глупости и безмозглости, которой отличаются вершители коммунистических судеб бедной России. Картофеля нет и не будет, так как его сгноили, заморозили, спрятали или раскрали...»

Потом ликвидировали и все историко-филологические факультеты. Заодно отменили все ученые степени и звания — свидетельство высокой квалификации ученого — указом Совнаркома от 1 октября 1918 года «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской республики». Произошло резкое падение уровня преподавания.

Двадцатого января 1919 года постановлением коллегии отдела высших учебных заведений Наркомпроса образовали Государственный ученый совет. Председателем стал Михаил Николаевич Покровский. К Государственному ученому совету, то есть к Покровскому, перешло право избирать университетских профессоров. В составе ГУС образовали и научно-педагогическую секцию, ее возглавила Крупская; она же редактировала журнал «На путях к новой школе».

«Не все знают и ценят как следует, что Надежда Константиновна была педагогом-теоретиком задолго до революции, — писал позднее Михаил Покровский, — что в ее лице мы имеем первого педагогического “спеца” нашей партии».

Главное управление профессионально-политехнических школ и

высших учебных заведений (Главпрофобр) Наркомата просвещения Луначарский попросил возглавить видного партийного работника и экономиста Евгения Алексеевича Преображенского, недавнего секретаря ЦК.

Университетские преподаватели попытались урезонить новую власть, Преображенский отчитал их в «Правде»: «Когда группа петроградских профессоров подняла протест против закрытия историко-филологических факультетов и, следовательно, рекомендовала нищей стране иметь лишнюю тысячу знатоков греческого, латинского и санскритского языков вместо тысячи нужных агрономов и нескольких тысяч квалифицированных рабочих, то можно ли серьезно говорить с такими людьми?»

Ректор Московского университета известный биолог Михаил Михайлович Новиков, бывший депутат Государственной думы, поинтересовался у Покровского, почему одного за другим арестовывают преподавателей, чего в истории России никогда не происходило.

— Вы как биолог должны знать, сколько крови и грязи бывает при рождении человека. А мы рожаем целый мир, — последовал хладнокровный ответ.

Михаил Новиков отказался от поста ректора МГУ. На коллегии наркомата он презрительно произнес:

— Разрушение высшей школы, которое не удалось Победоносцеву и Кассо, удалось Луначарскому и Покровскому.

Обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев вошел в историю как символ реакции и ненависти к свободомыслию. Правовед профессор Лев Аристидович Кассо стал министром народного просвещения после первой русской революции. Кассо употребил все силы на свертывание автономии университетов, считая их рассадниками политической неблагонадежности. Взялся сам назначать профессоров. Не утвердил будущего академика Владимира Михайловича Бехтерева. Из Московского университета в знак протеста против политики министра ушел выдающийся естествоиспытатель Климент Аркадьевич Тимирязев, а с ним еще сто профессоров и преподавателей. Так что Победоносцев и Кассо для университетской публики были имена презираемые.

Новым ректором университета назначили Дмитрия Петровича Боголепова, приват-доцента юридического факультета, давно присоединившегося к большевикам. Ленин принял его в октябре 1920 года и сформулировал три постулата советской политики в области высшего образования:

- наука только для бедных;
- никакой свободы преподавания;
- повышение материального обеспечения сотрудников, преданных советской власти.

Первого февраля 1922 года Московский университет прекратил занятия. Это была своего рода забастовка профессоров. Они составили петицию в Совнарком: «После разрушения средней школы теперь гибнет и высшая, почти лишенная материальных средств и отрезанная от мировой науки. Провинциальные университеты, десятки лет служившие с честью народу и науке, закрываются или превращаются в средние школы. Огонек науки едва теплится в столичных университетах...

Страна, раньше бедная научными силами, теперь ими обнищала. Московский университет не хочет вводить в обман ни представителей власти, ни учащуюся молодежь, ни народ. Надо решиться на одно из двух: или высшие учебные заведения закрыть, или прямо и решительно покончить с бывшим до сих пор отношением к высшей школе и преподавателям».

Скандал! Делегацию профессоров любезно принял заместитель Ленина Александр Дмитриевич Цюрупа. Утешил. Поскольку он еще недавно был наркомом продовольствия, обещал им академические (то есть высшей категории) пайки. Преображенского заменили. Главпрофобр возглавила Варвара Николаевна Яковлева, выпускница физико-математического факультета. После революции ее назначили членом коллегии Наркомата внутренних дел, но почти сразу перевели в ВСНХ.

В мае 1922 года делегацию профессоров пригласили на заседание Совета народных комиссаров, чтобы найти с ними общий язык. От имени преподавателей речь держал декан физико-математического факультета Московского университета профессор Всеволод Викторович Стратонов. Он закончил описание положения высшей школы словами:

— Мы вам об этом говорим прямо и серьезно.

Его слова разгневали Дзержинского:

— Значит, вы различаете — «мы» и «вы»? Значит, вы противопоставляете себя рабоче-крестьянской власти? Я знаю, что профессура бастовала по указанию из Парижа. У меня на это есть доказательства. Вас нарочно заставили забастовать, чтобы помешать советской власти на Генуэзской конференции...

Профессор Стратонов хладнокровно ответил Дзержинскому, что никаких указаний из Парижа они не получали и уж самому Феликсу Эдмундовичу это должно быть прекрасно известно. И добавил:

— Нарком внутренних дел обрушился на меня за якобы сделанное противопоставление «мы» и «вы». Но иначе я выразиться не мог. Если бы, обращаясь к членам Совнаркома, я бы сказал «мы», можно было бы подумать, будто мы подозреваем членов правительства в желании стать профессорами, тогда как эта карьера едва ли их соблазняет. Или можно было подумать, что мы мечтаем стать членами Совнаркома, тогда как мы слишком скромны, чтобы мечтать о такой карьере...

В зале раздался смех.

Большевики отменили плату за обучение. И разрешили поступать всем желающим — без сдачи экзаменов и без среднего образования. Это записали в декрете «О правилах приема в высшее учебное заведение Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Каждый, кому исполнилось 16 лет, мог стать слушателем любого высшего учебного заведения. Запрещалось требовать от поступающих диплом, аттестат или свидетельство об окончании школы. Это открыло дорогу к высшему образованию рабочей и крестьянской молодежи.

Но классовый подход (и в том числе чистка преподавательского состава от «чуждых элементов») имел оборотную сторону — резкое падение уровня преподавания. Учиться в университетских стенах молодые люди, вовсе не имевшие среднего образования, не могли. В 1920 году Наркомат просвещения открыл рабочие (по существу подготовительные) факультеты, куда брали тех, кто умел хотя бы писать и читать. В течение двух лет они овладевали школьными знаниями, необходимыми для продолжения учебы на одном из факультетов. Но пользу это приносило только в тех случаях, если молодой человек страстно хотел учиться, а не воспользовался удобной возможностью получить редкий тогда и ценный диплом о высшем образовании.

Принцип равенства при приеме на учебу понемногу разъедался логикой номенклатурной жизни. На заседании политбюро постановили:

«а) Признать необходимым облегчение условий поступления в ВУЗы детей ответственных работников.

б) Поручить комиссии в составе тт. Рудзутака, Бубнова и Луначарского выработку практических материалов».

Крупская всем сердцем поддержала идею выдвигенчества, ускоренную подготовку кадров для промышленности, развитие сети рабфаков. Надежда Константиновна писала: «Массы понимают, что мало отнять у буржуазии ее материальные богатства, нужно отнять у нее то, что составляло до сих пор ее главную силу — монополию знания».

Представителей «нетрудовых слоев» лишили права получать знания.

Бывшие помещики, жандармы, служащие суда, прокуратуры и полиции, земские и уездные начальники, купцы, служители культа стали лишенцами. По Конституции 1918 года они не имели избирательных прав и не получали продовольственные карточки, их не принимали в профсоюзы и не брали на государственную службу. А их детям была закрыта дорога в высшие учебные заведения. Ленин в августе 1918 года гордо заявил: «Советская Конституция отбрасывает лицемерие формального равенства прочь». К 1927 году в стране насчитывалось больше двух миллионов лишенцев. Детям их объясняли, что они могут быть восстановлены в правах, если «занимаются общественно полезным трудом».

Молодым людям, которые не могли похвастаться пролетарским происхождением, партийным билетом и службой в Красной армии, получить высшее образование было непросто. Будущий министр здравоохранения академик Борис Васильевич Петровский вспоминал, как ему помогла Крупская.

Отец Петровского, окончив Дерптский университет, стал земским врачом. Сын решил пойти по стопам отца. Юный Борис Петровский приехал в Москву с намерением поступить на медицинский факультет Московского университета. Но социальное происхождение — «из служащих» — уменьшало его шансы. Ему посоветовали обратиться к заместителю наркома просвещения Крупской.

Просители приезжали к Надежде Константиновне со всей страны. Вход в ее приемную был через двор со стороны Телеграфного переулка. Крупская выслушала молодого человека. У нее было усталое и печальное лицо. Расспросила обо всем подробно. Говорила сухо, ни разу не улыбнулась. Сказала, чтобы за ответом он через пять дней обратился в канцелярию ректора университета Андрея Януарьевича Вышинского.

Секретарь ему сказала:

— Завтра вас примет ректор, будьте в приемной ровно без пяти девять.

Приемная была полна. Но ровно в девять Бориса Петровского пропустили в кабинет. Вышинский — среднего роста блондин лет сорока, сухой и строгий, — стоя, не протянув посетителю руки, сказал:

— Ваше заявление принято, можете сдавать экзамены, до свидания.

Андрей Януарьевич не мог отказать Крупской.

ВЕЛИКИЙ СОБЛАЗНИТЕЛЬ

Крупская читала, что пишет о ее муже Максим Горький: «Большевики производят жесточайший научный опыт над живым телом России. Народные комиссары относятся к России как к материалу для опыта, русский народ для них — та лошадь, которой ученые-бактериологи прививают тиф для того, чтобы она выработала в своей крови противогриппозную сыворотку. Вот именно такой жестокий и заранее обреченный на неудачу опыт производят комиссары над русским народом, не думая о том, что измученная, полуголодная лошадка может издохнуть».

Крупская не воспринимала слова Горького. Она полностью поддерживала мужа и разделяла его взгляды.

Владимир Ильич Ленин был, без сомнения, самым выдающимся соблазнителем России в XX столетии. Прирожденный политик, он был щедро наделен энергией, страстью, умом. Он всю жизнь посвятил одной цели — взять власть в стране, дожидаться мировой революции и построить коммунистическое общество.

Никто не умел так точно оценивать ситуацию, улавливать настроения масс и менять свою политику. Он не стеснялся признаваться себе в ошибках, не боялся отступлений и резкой смены курса, иногда — на 180 градусов. Вот уж догматиком он точно не был! Как выразился когда-то венгерский философ Дьердь Лукач, ленинизм — это приспособление марксизма к решениям очередного пленума ЦК.

Еще одно слагаемое успеха — невероятная способность Ленина убеждать окружающих в собственной правоте и вербовать союзников. Он обещал России именно то, о чем мечтало большинство населения. Одним мир — немедленно. Другим землю — бесплатно. Третьим — порядок и твердую власть вместо хаоса и разрухи, наступивших после Февральской революции. И всем вместе — устройство жизни на началах равенства и справедливости. Сопrotивляться притягательной силе этих лозунгов было немыслимо.

Но вот вопрос. Россия не бедна талантами. В политическом поле действовало немало ярких фигур, одаренных государственных деятелей, озабоченных судьбой страны. Эти политики тоже понимали, чего ждет и требует революционная Россия. Почему же они не опередили Ленина? Сами не предложили русскому народу весной или летом то, что в октябре провозгласил Владимир Ильич, силой свергнув своих предшественников?

Ответственные русские политики не считали возможным давать совсем уж невыполнимые обещания. Они понимали, что переустройство российской жизни потребует многих лет напряженного труда, будет медленным и трудным. Задачи решаются постепенно, шаг за шагом.

Когда идет война, нельзя просто воткнуть штык в землю и разойтись по домам. Надо заключать мир одновременно с союзниками, вместе с которыми сражались три года против общего врага...

Земельная реформа не то что назрела, перезрела! А на каких принципах перераспределять землю? Отбирать нельзя — это незаконно. Выкупать? Но на какие средства? И как в ходе реформы не разрушить вполне успешное российское сельское хозяйство?..

Всё это требовало серьезного изучения и долгих дискуссий. Окончательный ответ оставался за парламентом — Учредительным собранием, выбрать которое в военное время тоже оказалось не таким уж простым делом...

Но никто не хотел ждать! Нетерпение — вот что сжигало души. И Ленин утолил эту жажду, обещав изменить всё разом. Не знаю, верил ли он сам, что, отобрав деньги у банкиров, землю у помещиков, заводы у фабрикантов и введя вместо рынка план, можно немедленно изменить жизнь и сделать страну счастливой, но многих он в этом точно убедил!

Гениальное ленинское искусство соблазнения в том и состояло. Он обещал то, на что не решился никто иной: немедленное решение всех проблем! Его обещания породили волну благодарного восхищения. Те, кто пошел за ним, кто почитал его как вождя, не задумывались: осуществимо ли всё это?

А ведь ничто из того, что он пообещал, не сбылось. Вспыхнула кровавая и жестокая Гражданская война. Это было невероятным бедствием для страны, которое не с чем сравнить. Это было полное разрушение нормальной жизни. И никого не миновала чаша сия. Невозможно было отсидеться в стороне, остаться над схваткой, убежать, спастись. В отличие от других войн, когда существовали фронт и тыл, Гражданская охватила всю страну и воевали все. Война разрушила страну, развела народы и сословия, рассекла семьи. Заставила всех ненавидеть всех и каждого. Приучила повсюду видеть врагов и безжалостно их уничтожать. Масштабы потерь в этой войне не оценены и по сей день. А глубинные последствия еще не осознаны. В определенном смысле Гражданская война продолжалась в нашей стране еще многие десятилетия.

Гражданская война — это хаос неуправляемых страстей, страх и ненависть. Горючим материалом для этого всероссийского пожара стали

солдаты, хлынувшие с развалившихся фронтов и не желающие никому подчиняться. Окончание Первой мировой войны вернуло в страну огромное число людей с оружием. Они добывали себе пропитание, пользуясь навыками, полученными на фронте. Получили оружие в руки бандиты и авантюристы.

Идея вооруженной революции породила вооруженную контрреволюцию. Причем Гражданская война носила невероятно жестокий характер. Февральская революция открыла двери тюрем. Политические заключенные вышли на свободу. В Гражданскую войну недавние узники с их богатым тюремным опытом сыграли большую роль.

«Многие из вернувшихся “политических” заключенных потеряли душевное равновесие, — отмечал Питирим Сорокин. — Проведя многие годы в тюрьмах и ссылках, занимаясь тяжелым и разрушающим личность трудом, они неизбежно привносят в общество способы взаимоотношений и жестокость, от которых сами же и страдали в заключении. Они питают ненависть и презрение к человеческой жизни и страданиям».

Боевые действия открывали возможность грабить. Особенно хорошо было наступать. Ни красные, ни белые командиры не могли удержать своих солдат от убийств, грабежей и погромов. Да часто и не пытались, потому что подчиненные могли и взбунтоваться.

Кто победил в Гражданской войне? Очевидный ответ — красные. Но это лишь часть ответа. Победу одержали всеобщая ненависть, бесконечная подозрительность, тотальная аморальность, готовность творить расправу без суда и следствия. А проиграли все — и те, кто вынужден был покинуть страну, и те, кто остался.

Землю у крестьян — правда, уже после Ленина — вновь отобрали, загнав всех в колхозы. Ни равенства, ни справедливости советские люди тоже не дождались. Но когда это стало осознаться, было уже поздно. Советская система не терпела протестов и бунтов, жестоко карала любое проявление недовольства.

К тому же возникли новые соблазны. Две революции, Гражданская война и массовая эмиграция открыли множество вакансий. Режим, установленный большевиками, создал свою систему кадровых лифтов. Право на жизненный успех получили те, кто в конкурентной среде едва ли мог пробиться. Стало ясно: если ты часть системы, то живешь лучше других. У системы появились защитники, кровно заинтересованные в ее сохранении.

Радикально настроенный американский журналист Джозеф Линкольн Стеффене, вернувшись из революционной России, произнес слова, ставшие

знаменитыми: «Я видел будущее, и оно работает».

Возмущенные всеми несправедливостями мира, многие люди видели в ленинских идеях выход из тупика.

«Я вступил в компартию не только потому, что меня спасла Красная армия, — писал один немецкий писатель. — Я искал убежище, приют и нашел его в этой всемирной общности единомышленников, в универсальной идеологии, обещавшей решить все мировые проблемы. Казалось, что уже виден край земли обетованной. Однако это был лишь мираж, оптический обман».

Мираж развеялся не скоро. И не для всех. Коммунистическая идея до поры до времени вдохновляла миллионы людей во всём мире. Что же удивляться, если столько людей в самой России поверили Ленину?

Ленин не только захватил власть в стране с самой большой в мире территорией (а население России — 165 миллионов человек — в два раза превышало население Германии), но взялся за фантастическое дело — пытался своими декретами и решениями коренным образом перевернуть всю жизнь огромной страны.

Большевики обещали впервые в истории создать справедливую и процветающую систему. Ленин и Крупская верили, что переустроят не только политические, но и экономические основы российской жизни.

Двадцать пятого октября 1917 года комиссаром Петроградского военно-революционного комитета в Госбанке назначили будущего главного чекиста страны Вячеслава Рудольфовича Менжинского. Он прибыл в контору банка с требованием выдать новой власти десять миллионов рублей на текущие нужды. Служащие Госбанка большевиков не признали и высокомерно отказались выполнять приказы Совнаркома.

Почему Владимир Ильич поручил Менжинскому финансовые дела? Может, вспомнил, что Менжинский, находясь в эмиграции в Париже, нашел работу в банке? Теперь от него требовалось только одно — выбить из банков деньги. На роль наркома назначил известного публициста Ивана Ивановича Скворцова-Степанова, вероятно, потому, что он перевел на русский язык «Капитал» Маркса.

Получив назначение, Менжинский лег спать на диване в Смольном, прикрепив над головой записку «Наркомфин». В Смольном на него обратил внимание американец Джон Рид, описавший революцию во всех подробностях: «Наверху, в столовой, сидел, забившись в угол, человек в меховой папахе и в том самом костюме, в котором он... я хотел сказать, проспал ночь, но он провел ее без сна. Лицо его заросло трехдневной щетиной. Он нервно писал что-то на грязном конверте и в раздумье

покусывал карандаш. То был комиссар финансов Менжинский, вся подготовка которого заключалась в том, что он служил конторщиком во французском банке».

Через несколько дней Менжинский дал короткое интервью Джону Риду: «Без денег мы совершенно беспомощны. Необходимо платить жалованье железнодорожникам, почтовым и телеграфным служащим... Банки закрыты; главный ключ положения — Государственный банк — тоже не работает. Банковские служащие по всей России подкуплены и прекратили работу. Но Ленин распорядился взорвать подвалы Государственного банка динамитом, а что до частных банков, то только что издан декрет, приказывающий им открыться завтра же, или мы откроем их сами!»

Вместе с Лениным Менжинский подписал «Постановление об открытии банков»: «Рабочее и крестьянское правительство предписывает открыть завтра, 31 октября, банки в обычные часы... В случае если банки не будут открыты и деньги по чекам не будут выдаваться, все директора и члены правления банков будут арестованы, во все банки будут назначены комиссары временным заместителем народного комиссара по Министерству финансов, под контролем которого и будет производиться уплата по чекам, имеющим печать фабрично-заводского комитета».

Угрозы подействовали. 17 ноября Менжинскому удалось получить первые пять миллионов рублей для нужд Совнаркома, который принял решение вскрыть сейфы частных банков. В каждый из них был отправлен вооруженный отряд.

Советской власти требовалось много денег. Большевистское правительство принимало простые решения: «Выдать авансом деньги на означенные цели. Поручить Менжинскому изыскать средства для покрытия этого аванса». Деньги забирали так же, как взяли власть, — силой. Сначала по представлению Менжинского упраздняли один банк за другим, затем Совнарком объявил государственную монополию на банковское дело. Частные банки национализировали и объединили вместе с Госбанком в единый Народный банк. Банковские акции аннулировали, а сделки по ним объявили незаконными.

Местные Советы тоже требовали от Совнаркома денег. 19 ноября правительство приняло решение: «Предложить Советам самим изыскивать средства путем налогов, обложений имущих классов и проч. Совет народных комиссаров обращает внимание всех местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на то, что они в качестве власти на местах обладают также и налоговыми правами...»

Иначе говоря, Советы по всей стране получили полное право собирать с населения любые средства. И не только Советы...

Двадцать третьего ноября на заседании Совнаркома решили:

«Принять революционные меры и проводить их со всею энергией для принуждения фабрикантов и заводчиков уплачивать жалованье Красной гвардии».

Взятие государственного аппарата проходило с помощью штыков. Нарком по внутренним делам Григорий Петровский поставил вопрос об арестах тех чиновников, которые посмеют не подчиниться. Санкция была дана: «Арестовывать, если Петровский признает это необходимым. Обязать всех народных комиссаров давать ежедневно письменные отчеты о “чистках” в своих министерствах...»

Очень скоро бывшие чиновники осознали, что у них нет иного выбора, кроме как проситься назад на государственную службу. Иной работы в Советской России не осталось, потому что частный бизнес уничтожился. В Петрограде вспыхнула эпидемия холеры, и безработных заставляли копать могилы.

В 1917 году большевики обещали продемонстрировать всему миру невиданные успехи социализма. Они взяли курс на командно-административную экономику без частной собственности. Карл Маркс писал о необходимости заменить рынок планом, но нигде не объяснил, как это должно произойти. Большевики импровизировали в соответствии со своими интеллектуальными возможностями. Все годы до революции Ленин и Крупская провели в размышлениях о том, как совершить этот переворот и взять власть, а что и как будет потом, казалось простым и понятным. И плана действий на период после революции фактически не существовало.

Заметим, что Владимир Ильич не разбирался в реальной экономике. Он нигде и никогда не работал. В 1917 году обмолвился:

— О хлебе я, человек, не выдавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы.

Родные пытались впоследствии дезавуировать его слова, но это правда. В определенном смысле он существовал в мире абстракций, которые пытался сделать реальностью.

Никто из большевиков не сомневался в своем праве руководить экономикой, распоряжаться промышленностью и лишать владельцев собственности. Но в эти первые дни еще торжествовала разумная осторожность. Сталин поставил вопрос о национализации всей угольной промышленности. Остальные члены правительства не были готовы к таким

радикальным мерам, и вопрос с обсуждения сняли. Но через несколько дней приняли постановление о праве местных советов конфисковывать предприятия «саботажников». Что такое саботаж применительно к производителям? Естественный отказ от работы себе в убыток.

Потом целые заседания Совнаркома проходили в принятии решений о конфискации заводов, фабрик, рудников, нефтяных промыслов... Большевики твердо взяли курс на плановую экономику без частной собственности. Национализация и введение военного коммунизма привели к самому крупному крушению экономики в истории. Промышленное производство обвалилось, население побежало из городов.

События развивались быстро. Утром 21 ноября 1917 года на заседании Совнаркома уже обсуждался вопрос о национализации городской недвижимости. Приняли решение подготовить декрет о конфискации домов. 21 ноября появился проект декрета об отмене частной собственности на городскую недвижимость. Люди лишились права на собственное жилье. Теперь они не могли ни продать дом или квартиру, ни передать по наследству. Зато их самих в любую минуту могли выселить, просто выгнать на улицу...

Вселение в квартиры «богатеев» казалось восстановлением справедливости. На самом деле это было беззаконие, которое никому не принесло счастья. Тех, кого вселили в квартиры «помещиков и капиталистов», в 1930-е годы с такой же легкостью выкидывали из квартир уже новые хозяева. В ходе массовых репрессий города очищались не только от «врагов народа», но и от их семей. «Освободившуюся» жилплощадь передавали чекистам. Впрочем, самих чекистов тоже планомерно уничтожали, так что одни и те же квартиры по несколько раз переходили из рук в руки...

История показала: справедливым было бы создание такой общественной и экономической системы, которая бы стимулировала жилищное строительство и позволила людям зарабатывать и обзаводиться достойными домами. Квартирный вопрос так и не был решен за все десятилетия советской власти.

Двадцать первого ноября 1918 года Совнарком принял ключевой для политики военного коммунизма декрет «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства», означавший полное запрещение товарооборота и частной торговли. Все торговые предприятия были национализированы. Снабжение населения всеми продуктами и предметами первой необходимости осуществлялось Народным комиссариатом продовольствия

(Наркомпродом) через сеть государственных и кооперативных магазинов. Распределение продуктов питания среди городского населения проводилось по классовому признаку.

«Декреты о национализации, социализации, ограничение торговли, а затем почти полное ее прекращение, — вспоминал один бывший царский генерал, — поставили обывателя в такое положение, что даже если у него и были деньги, он должен был или голодать, или идти на советскую службу, где получал пищевой паек. Был установлен принцип, что имеет право на существование только тот, который приносит свой труд на пользу Рабоче-крестьянской республике».

Первый председатель Высшего совета народного хозяйства Валериан Валерианович Осинский (Оболенский) так определил цели военного коммунизма: «Рынок уничтожается, продукты перестают быть товарами, деньги умирают. Товарообмен заменяется сознательным и планомерным распределением и передвижением продуктов».

Советское государство существовало за счет денежной эмиссии, деньги печатали — сколько нужно было. Рубли превратились в ничего не стоящие бумажки. Обесценение денег заодно решало и политическую задачу: лишало накоплений имущие слои общества.

В октябре 1918 года декретом ВЦИК ввели чрезвычайный налог в десять миллиардов рублей. Комитеты бедноты и местные Советы получили задание: неимущих вовсе освободить от налога, а всю сумму заставить заплатить зажиточное население, прежде всего зажиточных крестьян. В реальности деньги взыскивали со всех. Сбор десяти миллиардов — это был удар по репутации новой власти, которая объявила себя защитницей простого человека. Собрали не более 15 процентов объявленной суммы. А политические последствия были значительными. Еще приняли закон о единовременных чрезвычайных местных революционных налогах. Так что местные органы власти тоже собирали контрибуцию с мелких торговцев. В Ижевске, например, ввели налог на дворовых собак (см.: Отечественная история. 2005. № 3).

Председатель финансовой комиссии Совнаркома Евгений Преображенский объяснил: печатный станок стал пулеметом, «который обстреливал буржуазный строй по тылам его денежной системы, обратив законы денежного обращения буржуазного режима в средство уничтожения этого режима и в источник финансирования революции»...

С октября 1917-го по 1 июля 1921 года цены выросли в 7912 раз! Деньги потеряли свое значение. По подсчетам академика Станислава Густавовича Струмилина, в 1920 году месячная зарплата позволяла

человеку кормить себя только три дня — если он покупал продукты на рынке (а больше нигде было).

Отменили плату за проезд на транспорте, пользование почтой, телеграфом, телефоном, водопроводом, электричеством... Горожане, военные, чиновники кормились пайком. Единственный результат этой пародии на коммунизм — у рабочих напрочь исчезло желание трудиться. Тогда их стали заставлять работать. Понадобились надсмотрщики.

Ленин обещал, что после революции государство отомрет. Люди сами станут управлять своей жизнью. Происходило обратное: государственный аппарат управления и принуждения рос, как на дрожжах. А с ним разрастался и класс чиновников-бюрократов.

Военный коммунизм и национализация привели к полному развалу экономики.

МУЖ ИЛИ РАБОТА

Вольница первых послеоктябрьских дней сменилась жестким бюрократизмом. Новой власти нужна была хорошо организованная государственная машина.

«При входе в круглую белую башню у Александровского сада, — вспоминал современник, — у меня были затребованы пропуск и документы. На другом конце моста, в воротах Боровицкой башни контроль был повторен с еще большей строгостью. Лишь после телефонного запроса в канцелярию, действительно ли комиссаром ожидается такой-то, я получил разрешение войти в Кремль. Идя через мост, я спиной чувствовал взоры не спускавших с меня глаз чекистов.

Здесь не было ни грязи, ни тесноты, ни беспорядка. Здесь всё было чисто, чинно и просторно. Чисто и бело от нетронутого снега на тротуарах и по-старинному подтянутых солдат. Менее, чем в любом ином месте Москвы, была здесь видна революция. Здесь, откуда она исходила, еще царило старинное благообразие. В Кремле большевизм ощущался не разнузданным произволом революции, а твердою революционной властью».

Британский писатель Герберт Уэллс, который приехал посмотреть, что творится в России, удивленно описывал, как сложно войти в Кремль: «Уже в воротах нас ожидала возня с пропусками и разрешениями. Прежде чем мы попали к Ленину, нам пришлось пройти через пять или шесть комнат, где наши документы проверяли часовые и сотрудники Кремля. Это затрудняет живую связь России с ним».

Ни следа не осталось от предреволюционного лозунга равенства. Только поначалу вожди испытывали те трудности, что и все. Революционный аскетизм растаял буквально на глазах.

В Кремле поселились Ленин с Крупской, Троцкий, Каменев, Цюрупа, Сталин, Луначарский, Рыков, Калинин. Автомобили им предоставляла военная автобаза Совнаркома.

Когда Ленин с Крупской переехали в Москву, то первые две недели прожили в гостинице «Националь», потом обосновались в Кремле. Сначала в Кавалерском корпусе, где за семьей ухаживали кремлевские служащие. Потом им подобрали бывшую прокурорскую квартиру на третьем этаже большого здания судебных установлений, в конце коридора, где находились и зал заседаний Совнаркома, и служебный кабинет главы правительства.

Как писал сам Владимир Ильич, квартира — «размером четыре комнаты, кухня, комната для прислуги (семья — 3 человека плюс 1 прислуга)». Всем — Владимиру Ильичу, Надежде Константиновне и Марии Ильиничне — досталось по комнате. Еще одну — проходную — сделали столовой. Но обычно ели в кухне. Владимир Ильич любил, когда ему готовили грибы, баклажаны, паштеты, бефстроганов.

Прислуга, упомянутая Лениным, — это Саша Сысоева, которая долго жила в семье вождя и вела хозяйство. Она была двоюродной сестрой известного некогда революционера Ивана Бабушкина, ученика Крупской в вечерней воскресной школе.

Мария Ильинична Ульянова получила комнату рядом со столовой. После Февральской революции она приняла участие в издании «Правды» и стала ответственным секретарем. Редактором «Правды» был Николай Иванович Бухарин. Редакция разместилась в здании бывшей гостиницы «Дрезден» — напротив Моссовета на Скобелевской площади. В июне 1918 года правдисты перебрались на третий этаж флигеля во дворе дома 48 по Тверской улице, второй этаж заняла редакция «Известий».

Днем Ленин присылал за сестрой машину, и они обедали втроем. Свою жизнь Мария Ильинична посвятила брату, заботилась о нем не меньше жены: «С самых детских лет я испытывала к Владимиру Ильичу какое-то совсем особое чувство: горячую любовь вместе со своего рода поклонением, точно это было существо какого-то особого, высшего порядка».

Ленин не одобрял, когда Надежда Константиновна задерживалась у себя в наркомате. Отправлял за женой машину. Звонил ее секретарю:

— Верочка, гоните Надю домой, машину я послал.

Секретарь заходила в кабинет и начинала собирать ее портфель.

— Что, уже звонил? — спрашивала Крупская.

— Звонил, звонил, Надежда Константиновна. Машина сейчас придет.

Подниматься на третий этаж в свою квартиру при очень высоких кремлевских потолках Крупской было трудно, ее большое сердце давало о себе знать. Ленин попросил устроить лифт. Он и сам очень уставал. В октябре 1917 года началась жизнь, к которой он совершенно не был подготовлен. Крупская всегда говорила: «Володя любит только тишину и чистоту». А после революции он оказался в центре настоящего смерча.

Прежде всего советская власть организовала своим вождям усиленное питание. 14 июня 1920 года Малый Совнарком утвердил «совнаркомовский паек». Ответственным работникам полагалось на месяц (в фунтах, один фунт — 400 граммов): сахара — четыре, муки ржаной — 20, мяса — 12,

сыра или ветчины — четыре. Два куска мыла, 500 папирос и десять коробков спичек. Наркомам и членам политбюро — еще и красная и черная икра, сардины, яйца, колбаса, масло.

Директор одной из крупных библиотек пишет в воспоминаниях, как побывала в кремлевской квартире Луначарского: «Я набралась храбрости и зашла в кабинет, где находились нарком с женой. Они сидели за письменным столом, на котором стояла большая плетеная корзинка со свежей клубникой. Из-за разрухи я уже несколько лет не видела клубники. А тут целая корзинка, да еще в апреле месяце!»

О том, что народ голодает, не задумывались. Беспокоились лишь о тех, кто был нужен. Ленин распорядился: «Поручить Наркомату продовольствия устроить особую лавку (склад) для продажи продуктов (и других вещей) иностранцам и коминтерновским приезжим... В лавке покупать смогут лишь по личным заборным книжкам только приезжие из-за границы, имеющие особые личные удостоверения».

Советские чиновники стремительно отдалялись от поддерживавшего их лозунги народа и с раздражением воспринимали жалобы на тяжкую жизнь. Но разговоры о нескрываемом барстве новых властителей распространялись в партийной массе. В сентябре 1920 года IX Всероссийская партконференция поручила комиссии заняться устранением материального неравенства: «установить истинные размеры существующих привилегий» и необходимые ввести в рамки, «которые были бы понятны каждому партийному товарищу».

Кремлевская контрольная комиссия секретным порядком оповестила членов ЦК: «Считаем необходимым указать ЦК на недовольство, вызываемое как внутри партии, так и среди беспартийных рабочих жилищным, продовольственным, транспортным и другими порядками Кремля».

Второго марта 1921 года комиссия утвердила итоговый доклад, в котором говорилось: «Ознакомившись со всеми нормами питания, комиссия пришла к следующему выводу. Нормы Совнаркома необходимо пересмотреть в сторону значительного их сокращения, приняв во внимание общее положение с продовольствием». Выводы комиссии остались на бумаге.

Именно в этот момент нарком по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин пожаловался Троцкому: «Все журналисты сбежали за границу от голода, я же сбежать за границу не могу и потому дошел до крайней слабости и постепенно гасну». Троцкий порядком удивился и перебрал письмо председателю Совнаркома с короткой припиской: «Тов.

Ленину. Неужели нельзя накормить Чичерина? Или это голодовка против “системы”?»

Чичерин принадлежал к людям, которые не так сильно, как новые чиновники, были озабочены устройством своего быта. Сообщение о том, что нарком иностранных дел голодает, расстроило Ленина. Ценные кадры ни в чем не должны были испытывать недостатка. 5 мая 1921 года он написал управляющему делами и члену коллегии Наркомата по иностранным делам Павлу Петровичу Горбунову: «Тов. Горбунов! Посылаю Вам это секретно и лично. Верните по прочтении. И черкните два слова: нельзя ли обеспечить Чичерина питанием получше? Получает ли из-за границы он “норму”? Как Вы установили эту норму и нельзя ли Чичерина, в виде изъятия, обеспечить этой нормой вполне, на усиленное питание?»

В тот же день вечером Горбунов написал ответ:

«Многоуважаемый Владимир Ильич! Из возвращаемого с благодарностью документа я впервые узнал о таком трагическом положении с довольствием тов. Чичерина. Ни он сам, ни лица, его обслуживающие (семья Бауман), ни разу даже не намекнули мне или моим помощникам об этом. Сегодня ему доставлены все продукты для обычного стола, а с завтрашнего дня будут регулярно доставляться молоко, яйца, шоколад, фрукты для компота и прочее. Дано одному товарищу следить, чтобы всё было, а на себя я беру ответственность за проверку и недопущение недохватов в будущем.

Конечно, я виноват в том, что раньше не догадался поинтересоваться этим, но Георгий Васильевич изолировался в своей личной жизни от всех остальных настолько, что и в голову не могло прийти подумать о том, чем он живет. К его болезненной нервности я уже привык и знаю, что она за последнее время очень часто вызывается излишней доверчивостью к окружающим его людям, переводимым мною от бессистемной, иногда безотчетной и кустарной работы к определенной организованной работе. В частности, конечно, они недовольны тем, что с дипломатическо-инострannого пайка я их посадил на несколько уменьшенный».

Одновременно с Чичериным, диетой которого озаботился лично глава правительства, проблема с едой возникла и у одного из величайших поэтов России. Александр Александрович Блок, автор «Незнакомки» и поэмы «Двенадцать», тяжело заболел. Он голодал в послереволюционном Петрограде. Военный коммунизм означал замену торговли распределением. В Петрограде, как и в Москве, начались перебои с хлебом.

«Когда мы ели суп, Блок взял мою ложку и стал есть, — вспоминал

Корней Чуковский. — Я спросил: не противно? Он сказал: “Нисколько. До войны я был брезглив. После войны — ничего”».

Специальный паек Александру Блоку, ясное дело, не полагался. Врачи, пытавшиеся сохранить жизнь великого поэта, рекомендовали немедленно отправить его в санаторий в соседнюю Финляндию, которая не позволила красным взять власть и не испытывала нехватки продовольствия. Воспротивились чекисты.

Двадцать восьмого июня 1921 года первый начальник иностранного отдела (разведка) ВЧК Давыдов (Яков Христофорович Давтян) не без раздражения написал секретарю ЦК партии по организационным вопросам Вячеславу Михайловичу Молотову: «В ИноВЧК в настоящее время имеются заявления ряда литераторов, в частности Венгеровой, Блока, Сологуба — о выезде за границу.

Принимая во внимание, что уехавшие за границу литераторы ведут самую активную кампанию против Советской России и что некоторые из них, как Бальмонт, Куприн, Бунин, не останавливаются перед самыми гнусными измышлениями, ВЧК не считает возможным удовлетворять подобные ходатайства. Если только у ЦК РКП нет особых соображений, чтобы считать пребывание того или иного литератора за границей более желательным, чем в Советской России, ВЧК со своей стороны не видит оснований к тому, чтобы в ближайшем будущем разрешать им выезд».

За Блока вступились классик пролетарской литературы Алексей Максимович Горький и нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский, понимавшие значение Блока для русской поэзии.

Нарком отправил письмо в Наркомат по иностранным делам, ВЧК и управление делами Совета народных комиссаров: «Блок сейчас тяжело болен цингой и серьезно психически расстроен, так что боятся тяжелого психического заболевания. Мы в буквальном смысле слова, не отпуская поэта и не давая ему вместе с тем необходимых удовлетворительных условий, замучили его...»

Однако же начальник особого отдела ВЧК Вячеслав Рудольфович Менжинский решительно не желал отпускать Блока. Тогда Луначарский и Горький обратились к Ленину с просьбой «повлиять на т. Менжинского в благоприятном для Блока отношении». Владимир Ильич в свойственной ему манере запросил мнение Менжинского, сославшись на то, что Луначарский (не последний человек в большевистской партии) ручается за Блока.

Менжинский ответил вождю революции без всякого пиетета:

«Уважаемый товарищ!

За Бальмонта ручался не только Луначарский, но и Бухарин. Блок натура поэтическая; произведет на него дурное впечатление какая-нибудь история, и он совершенно естественно будет писать стихи против нас. Помоему, выпускать не стоит, а устроить Блоку хорошие условия где-нибудь в санатории».

Начальник особого отдела ВЧК был абсолютно уверен в своей правоте, потому что именно он и подчиненный ему аппарат неуклонно проводили линию партии, а Луначарский и Горький пытались заставить чекистов ее нарушить. Потому и с Лениным Менжинский держался твердо: он же им и поставлен блюсти государственный интерес. Всем своим тоном показывал: уклонение от генеральной линии не к лицу и вождю революции.

На следующий день, 12 июля 1918 года, ходатайство Луначарского и Горького о разрешении Блоку выехать в Финляндию всё же рассматривалось на заседании политбюро. Нарком по военным и морским делам Лев Давидович Троцкий и председатель Моссовета Лев Борисович Каменев предложили не мучить поэта — отпустить.

Против проголосовали Ленин, Молотов и хозяин Петрограда Григорий Евсеевич Зиновьев (он питался настолько обильно, что не верил в разговоры о голоде в вверенном ему городе). Мнение большинства восторжествовало. В решении политбюро записали: «Отклонить. Поручить Наркомату продовольствия позаботиться об улучшении продовольственного положения Блока».

Горький, невероятно возмущенный этой бесчеловечностью, написал откровенное письмо Ленину: «А. А. Блок умирает от цинги и астмы, его необходимо выпустить в Финляндию, в санаторию». Луначарский вновь обратился в ЦК: «Выезд Блока за границу признан врачами единственным средством спасти его от смерти». Предупредил: «Блок умрет недели через две».

Эти слова произвели впечатление на Ленина. Каменев поставил вопрос на новое голосование в политбюро: «Я и Ленин предлагаем: пересмотреть вопрос о поездке за границу А. А. Блока. На прошлом политбюро за голосовали Троцкий и я, против — Ленин, Зиновьев, Молотов. Теперь Ленин переходит к нам...»

Политбюро пересмотрело свое решение. Александру Блоку позволили выехать за границу. Но великий поэт уже умер.

Писатель Евгений Иванович Замятин сообщил печальную новость одному из коллег: «Вчера в половине одиннадцатого утра — умер Блок. Или вернее: убит пещерной нашей, скотской жизнью. Потому что его еще можно — можно было спасти, если бы удалось вовремя увезти за границу».

Трагическая история Блока показательна не только тем, что система хладнокровно убила человека. И какого! Гордость России!

Александр Блок вовсе не был единственным, кому не позволили выехать за границу. 21 апреля 1921 года глава госбезопасности Дзержинский отправил в ЦК протест против ходатайства Наркомата просвещения, который просил разрешить выезд за границу отдельным деятелям культуры и театрам.

«До сих пор ни одно из выпущенных лиц не вернулось обратно, некоторые, в частности Бальмонт, ведут злостную кампанию против нас, — обосновывал свою позицию Феликс Эдмундович. — Такое послабление с нашей стороны является ничем не оправданным расхищением культурных ценностей и усилением рядов наших врагов».

Третьего апреля 1921 года после убийства императора Павла Александр 1 разрешил свободный выезд за границу. Большевики вновь запретили людям свободно уезжать из страны и возвращаться домой — пересечение границы только с разрешения органов госбезопасности. 6 июня 1920 года Наркомат иностранных дел утвердил инструкцию о заграничных паспортах, которая фактически действовала до 1991 года. На выезд требовалось разрешение чекистов.

Характерна уверенность вождей революции, государственного аппарата и чекистов в том, что если советскому человеку позволить выехать на Запад, то он там обязательно останется! А если начнет рассказывать о советской власти, то обязательно самое дурное. Иначе говоря, с самого начала руководители социалистического государства осознавали, что их подданные готовы при первой же возможности, бросив всё, бежать? И что советский человек знает им цену, ненавидит и презирает их самих и их политику. Поэтому все десятилетия советской власти государство тщательно изолировалось от внешнего мира. Никого не впускать и никого не выпускать. Одновременно важно было воспитывать ненависть к окружающему миру, что в условиях полной изоляции оказалось не таким уж трудным делом.

В 1922 году, побывав у Ленина в Горках, Дзержинский приказал методично собирать сведения обо всех наиболее заметных представителях интеллигенции от писателей и врачей до инженеров и агрономов. Всю информацию он распорядился концентрировать в «отделе по интеллигенции»: «На каждого интеллигента должно быть дело. Каждая группа и подгруппа должна быть освещаемая всесторонне компетентными товарищами... Сведения должны проверяться с разных сторон так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно, чего до сих пор не

было из-за спешности и односторонности освещения».

В июне 1922 года на политбюро заместитель председателя ГПУ Иосиф Станиславович Уншлихт сделал доклад «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». Образовали несколько комиссий, которые должны были составить списки тех, кого следовало выслать за границу. В июле комиссия политбюро свела воедино все предложения и составила общий список. «Ненужную и нежелательную» интеллигенцию стали выгонять из страны.

Председатель Всероссийского союза журналистов Михаил Андреевич Осоргин был арестован, когда он вошел во Всероссийский комитет помощи голодающим Поволжья. Следователь задал ему обычный в те годы вопрос:

— Как вы относитесь к советской власти?

— С удивлением, — ответил Осоргин, — буря выродилась в привычный полицейский быт.

ГЛАВНЫЙ ИДЕОЛОГ

В соответствии с первой советской Конституцией, принятой в июле 1918 года, «народный комиссар вправе единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего народного комиссариата». В реальности степень самостоятельности наркома Луначарского была невелика.

Одиннадцатого февраля 1920 года Ленин подписал «Положение о Народном комиссариате по просвещению». Анатолию Васильевичу поручили ведать образованием, воспитанием, наукой, литературой и искусством. В январе 1921 года работа Наркомата просвещения обсуждалась на пленуме ЦК. Образовали комиссию для его обследования. Ленин ее сам возглавил. Комиссия сочла, что аппарат наркомата громоздок. 11 февраля 1921 года Владимир Ильич утвердил новое положение о наркомате.

Как администратор Луначарский Владимира Ильича не устраивал. Тем более что Надежда Константиновна дома рассказывала, как делаются дела у них в наркомате. В этом смысле Анатолий Васильевич оказался в сложном положении. Иметь жену вождя в заместителях, с одной стороны, неплохо: чиновники других ведомств это вынуждены учитывать. С другой — хорошо осведомленный о внутренней кухне наркомата Ленин постоянно был чем-то недоволен.

«Наркомпрос отличается недостаток деловитости и практичности, — раздражался Владимир Ильич, — преобладание общих рассуждений и абстрактных лозунгов».

Не без совета Крупской внутри наркомата образовали две структуры: Академический центр (в него вошли Государственный ученый совет и Управление научных учреждений) и Организационный центр, который вел всю административную работу. Создали Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей (Главсоцвос), Главное управление профессионально-политехнических школ и высших учебных заведений (Главпрофобр), Главное управление архивным делом (Главархив), которое пыталось подчинить себе все сколько-нибудь значимые архивы страны, в том числе академические.

Кроме того, существовал Совет по делам просвещения национальных меньшинств (Совнацмен), ведавший школами для народностей, населявших Россию. На заседании Государственной комиссии по

просвещению 3 июля 1919 года замнаркома Покровский сформулировал позицию власти:

— Всякая национальность имеет право учиться и создавать культуру на своем языке, извиняюсь за вульгарное выражение, сколько влезет. Мы — коммунисты, мы — интернационалисты, и национальной культуре мы большого значения не придаем. Но мешать самостоятельному развитию национальностей мы не должны.

На первом этапе старались поменьше вмешиваться, предоставляя национальным образованиям определенную автономию. И, разумеется, поощряли право учиться на родном языке (русский преподавался как второй язык):

— Величайшей ошибкой было бы думать, что мы должны в нашей работе стремиться к передаче туземцам наших привычек, изменять их быт на наш лад. С большой чуткостью и осторожностью должны мы подходить к устоям туземной жизни... Туземная школа должна давать только такого рода образование, которое не оторвет туземца от его хозяйственной обстановки, не отучит его от обычной его трудовой деятельности.

Со временем и национальные школы подравняли под общую линейку.

Главное управление государственных издательств (Госиздат) появилось 20 мая 1919 года — «в целях создания в РСФСР единого государственного аппарата печатного слова». Госиздат распоряжался всеми запасами бумаги, разрешал или запрещал открывать другие издательства. Таким образом устанавливалась монополия на книжное дело.

Госиздат возглавил Вацлав Вацлавович Воровский. Но в 1921 году его перевели на дипломатическую работу, он уехал полпредом в Италию. 10 мая 1927 года в швейцарском городе Лозанна бывший белогвардеец застрелил советского дипломата Воровского.

В составе Госиздата образовали политический отдел. Работавшие в нем сотрудники именовались политредакторами и цензурировали поступающие к ним рукописи. Секретарем политотдела стал Дмитрий Андреевич Фурманов, в Гражданскую войну комиссар Чапаевской дивизии, восславивший Василия Ивановича. Без визы политотдела Госиздата книги не выходили.

А 6 июня 1922 года декретом Совнаркома образовали самостоятельное ведомство цензуры — Главное управление по делам литературы и издательства (Главлит); ему была суждена долгая жизнь. Цензура была верной спутницей советской власти. Заведовать цензурой поставили литературоведа и большевика Павла Ивановича Лебедева-Полянского.

В те июньские дни 1922 года нарком просвещения Луначарский

обратился в политбюро с мольбой о помощи: четыре месяца учителям и воспитателям не платят зарплату: «Обнищавшее учительство доведено до крайности, было несколько стачек уездного и городского масштаба... Несколько губернских отделов народного образования полностью закрыли все школы и распустили всех учителей».

Двадцать восьмого октября Луначарский отправил новую записку в ЦК — о необходимости ввести плату за обучение и разрешить создавать частные школы. После революции наркомат объявил школьное образование бесплатным и обещал кормить школьников и обеспечивать их учебниками. Но денег в казне не осталось: «Полное распадение налоговой системы повесило школьное дело на один слабый крюк — на финансирование путем эмиссии». Школы стали закрываться. С 1920 года количество школ в стране сократилось почти вдвое, и за парты могли сесть только 40 процентов детей.

На коллегии Наркомпроса шли бурные споры. Заведующие губернскими отделами народного образования требовали брать деньги за учебу. Покровский возражал:

— Этим мы становимся ниже всех буржуазно-демократических стран, которые, как известно, имеют бесплатную элементарную школу.

Сокращение сети государственных школ закономерно поставило вопрос о частной инициативе: где же учиться тем, кто не попал в переполненную школу?

«Государство не имеет права запрещать частным объединениям открывать дополнительные школы на свои средства, — писал Луначарский в ЦК. — С другой стороны, рабоче-крестьянское государство, ведя свою борьбу по идеологическому фронту, не может допустить возникновения школы, независимой от государства, замкнутой, привилегированной, педагогически неприемлемой или преследующей цели наживы».

Наркомат предложил разрешить частные школы и держать их под контролем. Но руководство страны было занято созданием цензуры. И Госиздат, и Главлит подчинялись наркому просвещения Луначарскому. Но он редко когда мог помочь запрещенным цензурой авторам. Начальник Главлита Лебедев-Полянский конфликтовал с наркомом, обижался на его либеральные высказывания, отвергал вмешательство Анатолия Васильевича в дела его епархии. В случае разногласий с наркомом обращался в аппарат ЦК, где неизменно находил поддержку.

Однажды Луначарский вознамерился сопроводить своим предисловием роман одного французского писателя, который собиралось выпустить издательство «Никитинские субботники». Лебедев-Полянский

его предостерег: «Поскольку “Никитинские субботники” — частное издательство, а не советско-партийное, Вы согласно постановлению Московского комитета партии можете работать в нем только с разрешения МК. У Вас могут быть неприятности».

Анатолий Васильевич и без напоминаний цензоров понимал, что можно и что нельзя. Его собственная власть над миром искусства сокращалась на глазах.

«Выслушав сатирическую комедию Николая Эрдмана “Самоубийца”, — вспоминала жена наркома, — после того как он смеялся чуть не до слез и несколько раз принимался аплодировать, он резюмировал, обняв Николая Робертовича за плечи: “Остро, занятно. Но ставить ‘Самоубийцу’ нельзя”».

Пьесу хотел поставить выдающийся мастер сцены Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Ему не позволили. Талантливый драматург Николай Эрдман, соавтор сценариев таких знаменитых и невероятно популярных кинофильмов, как «Веселые ребята» и «Волга-Волга», был арестован и отправлен в ссылку. Только в 1982 году главный режиссер Театра сатиры Валентин Николаевич Плучек получил разрешение на постановку «Самоубийцы». Но после нескольких представлений спектакль всё равно запретили. ...

А Надежда Константиновна Крупская возглавила собственную империю, в дела которой никто не смел влезать. Эта империя родилась из подведомственного ей внешкольного отдела наркомата.

В сентябре 1920 года на третьей сессии ВЦИК учредили Главное управление школьного образования и политико-просветительного образования среди взрослых. 12 ноября Совнарком утвердил декрет «О Главном политико-просветительном комитете Республики (Главполитпросвет)». Возглавила пропагандистский главк Крупская, намеренная создать орган идейного влияния диктатуры пролетариата на массы, коммунистического воспитания трудящихся. Как она себе представляла эту работу?

Зимой 1921 года вспыхнуло напугавшее большевиков восстание военных моряков в Кронштадте. Причинами стали плохое питание («один хлеб и вобла»), возвращение к старому порядку в смысле неравенства матросов и командиров. Недовольство моряков, крестьянских сыновей, усугублялось удручающими письмами из дома: у одного последнюю лошадь отняли, у другого отца посадили, у третьего весь урожай забрали, там последнюю корову увели, тут реквизиционный отряд забрал носильные вещи.

Кронштадтский мятеж стал одним из проявлений массового

недовольства политикой советской власти. Крестьянские восстания вспыхивали по всей стране. Впрочем, массовые волнения прошли тогда и в Москве, и в Петрограде. Кронштадт старались подавить как можно быстрее, чтобы другим было неповадно. Приказ гласил: «Жестокое расправиться с мятежниками, расстреливать без всякого сожаления, пленными не увлекаться».

К 18 марта 1921 года мятеж был подавлен. 22 марта председатель Главполитпросвета Н. Ульянова (Крупская подписалась мужниной фамилией) обратилась к секретарю ЦК Емельяну Михайловичу Ярославскому: «Чтобы широко реализовать перед беспартийными массами уроки кронштадтских событий, Главполитпросвет предлагает издать совершенно популярную массовую, пригодную для “народных чтений” (типа “устной газеты”) Красную книгу о Кронштадте, содержательно выясняющую по документам и фактическим материалам картину событий, внутренние группировки, иностранные нити, внутреннее развитие событий, наметившийся крах изнутри и т. д. Главполитпросвет предлагает книгу иллюстрировать фотодиапозитивами для фонаря».

Как человек опытный, Крупская предлагала образовать бригаду из работников ВЧК, Наркомата иностранных дел, ЦК партии, которые бы отобрали нужный материал, а потом передали профессиональным литераторам для написания книги. Иначе говоря, речь шла о создании пропагандистской версии трагических событий.

Советская власть уверяла, что происходящее в Кронштадте «подготавливалось французской контрразведкой». Хотя верхушка партии, в том числе и сама Крупская, конечно же, знала, что произошло в Кронштадте. Особоуполномоченный при президиуме ВЧК Яков Саулович Агранов, ценимый Лениным, доложил в политбюро: «Кронштадтское движение возникло стихийным путем и представляло собой неорганизованное восстание матросской и рабочей массы... Следствием не установлено, чтобы возникновению мятежа предшествовала работа какой-либо контрреволюционной организации среди комсостава или работа шпионов Антанты. Весь ход движения говорит против такой возможности». Доклад Агранова был секретным, но не для Крупской.

Она старалась превратить свое ведомство, которое заняло особое место в системе органов власти, в мощный пропагандистский аппарат. В Главполитпросвете работали две тысячи человек. Главк, по существу, конкурировал с партийным аппаратом.

X съезд ВКП(б) в 1921 году разделил сферы влияния. Агитационно-пропагандистским отделам партии поручил сосредоточиться на партийной

массе, Главполитпросвету оставил беспартийные. Съезд наделил это ведомство очень широкими полномочиями: «Центр тяжести Главполитпросвета и его органов должен лежать в агитационно-пропагандистской работе среди внепартийных масс и в их культурном просвещении. Аппарат и силы Главполитпросвета должны быть всячески использованы также для поднятия уровня сознательности членов партии (партишколы, школы политграмоты)».

Вот почему нарком Луначарский уверенно говорил на съезде:

— Наркомпрос есть орган диктатуры пролетариата в деле просвещения всех российских масс в коммунистическом духе.

При главке Надежда Константиновна создала Бюро производственной пропаганды, которое обеспечивало «ударные кампании» партии — посевную, кооперативную, хлебозаготовительную. Образовали в мае 1920 года военную секцию Главполитпросвета. В аппарат включили смежников — армейских политработников. Крупская сама разрабатывала учебные программы по курсу «Политико-просветительная работа».

Решением ЦК от августа 1920 года в ведение Главполитпросвета передали систему учебы партийных кадров. В составе главка образовали подраздел совпартишкол, который и руководил переподготовкой местного аппарата.

Еще весной 1918 года открылись двухнедельные курсы агитаторов и пропагандистов, превращенные затем в шестимесячные курсы при ВЦИК. В 1919 году они уже именовались Центральной школой советской и партийной работы. А в июне преобразовались в Рабоче-крестьянский коммунистический университет имени недавно умершего Я. М. Свердлова — главную школу партийных кадров.

Крупская, как положено умелому руководителю, бдительно охраняла свою сферу влияния от конкурентов. Она считала, что отдел агитации и пропаганды ЦК партии слишком разросся и вышел за пределы своих полномочий. Поставила вопрос о разграничении полномочий Главполитпросвета и агитпропа ЦК. В то время оспаривать всевластие партийных аппаратчиков еще считалось возможным.

Двадцать четвертого ноября 1921 года Надежда Константиновна обратилась в ЦК. Ленин как вождь партии ознакомился с ее письмом. Свои замечания переправил Сталину, который по распределению обязанностей в политбюро курировал отдел агитации и пропаганды ЦК. Ленин полагал, что Иосиф Виссарионович, как и другие его помощники, привычно примет его пожелания к сведению и исполнению.

Но Сталин столь же бдительно охранял ведомственную территорию и

не терпел покушений на свои полномочия. Знал, что в аппаратных делах нельзя уступать — даже жене вождя. 26 ноября он отозвался на послание Крупской с нескрываемым раздражением и недовольством:

«Т. Ленин!

Мы имеем дело либо с недоразумением, либо с легкомыслием.

Неверно, что “партия в лице агитотдела создает орган в 185 человек”. По штатам, мною проверенным и подлежащим утверждению Оргбюро, должны быть не 185, а 106 человек, из них нацмен 58 человек... Крики о “разрушении” Главполитпросвета — сущие пустяки...

Корень недоразумения в том, что т. Крупская (и Луначарский) читали “положение” (проект), принятый в основном комиссией Оргбюро, но мной еще не просмотренный и Оргбюро не утвержденный, он будет утвержден в понедельник. Она опять поторопилась.

Сегодняшнюю записку Вашу на мое имя, в Политбюро, я понял так, что Вы ставите вопрос о моем уходе из агитпропа. Вы помните, что работу в агитпропе мне навязали, я сам не стремился к ней. Из этого следует, что я не должен возражать против ухода. Но если Вы ставите вопрос именно теперь, в связи с очерченными выше недоразумениями, то Вы поставите в неловкое положение и себя, и меня.

Троцкий и другие подумают, что вы делаете это “из-за Крупской”, что вы требуете “жертву”, что я согласен быть “жертвой” и пр., что нежелательно...»

В этом письме — характерные для Сталина методы полемики: во-первых, оппонент (Крупская) в принципе не прав, во-вторых, я к этому не имею отношения (не утвердил проект), работы этой (руководство отделом) я не хотел, но с нее не уйду. И мгновенно вырвавшаяся ненависть к Троцкому, который вообще не имел к этой истории никакого отношения.

Сталин откровенно шантажировал Ленина: будете настаивать, в партии решат, что вы убираете меня из-за жалобы жены.

Никто не решался назвать Владимира Ильича подкаблучником, который пляшет под дудку своей жены. Но, возможно, не одного Сталина раздражала активная роль Крупской, то, что Ленин подчеркнуто интересуется ее мнением, то, что она чересчур самостоятельна. Некоторые чиновники были уверены, что жена вождя слишком вмешивается в политические дела, влияет на мужа, а иногда играет ключевую роль в решении кадровых вопросов, дескать, ночная кукушка дневную перекукует.

Уверенный в себе и не мелочный Владимир Ильич до определенного момента на особенности сталинского характера внимания не обращал. В чем-то Сталин ему даже нравился — твердый, решительный,

последовательный. Потому и поставил его на пост генерального секретаря, когда в апреле 1922 года пленум ЦК учредил эту должность.

Ленин привычно исходил из того, что секретариат ЦК — технический орган. Собственных решений секретариат не принимал. На роль руководителя партии в свое время претендовал только Яков Михайлович Свердлов. О нем глава профсоюзов Михаил Павлович Томский на X партконференции в сентябре 1920 года почтительно заметил:

— Он смело мог сказать, что ЦК — это я.

О влиянии Свердлова говорит такой эпизод. Однажды руководитель саратовских коммунистов Владимир Павлович Антонов, войдя в кремлевский кабинет Свердлова, снял шапку, бросил ее на пол и произнес:

— Саратовский мурза челом бьет великому князю Московскому!

Но Яков Михайлович скоропостижно скончался в марте 1919 года. В секретари ЦК выбирали надежных и пунктуальных исполнителей. Владимир Ильич предполагал и в лице Сталина иметь помощника без личных амбиций. Он сильно ошибся на его счет.

Сталин с самого начала оценил значение секретариата и оргбюро ЦК, которые ведали кадрами, а «кадры решают всё». Судьба и карьера любого чиновника в стране всё больше зависела от аппарата ЦК. Избрание местных партийных секретарей превращалось в проформу. Послушно голосовали за присылаемых Москвой назначенцев. Сталин завоевал сердца провинциальных партийных чиновников своей программой — поставить партию над государством, всю власть в стране передать партийному аппарату.

В какой-то момент Ленин спохватился. Но Зиновьев и Каменев уговаривали Ленина: Сталин еще молодой, мы всё уладим...

В 1923–1924 годах, вспоминал Никита Сергеевич Хрущев, Сталин еще не воспринимался как лидер партии. В те годы выделялся Зиновьев как председатель Исполкома Коминтерна. Ведь Коминтерн держал курс на мировую революцию, следовательно, Зиновьев и получался главным в этом деле. Да и близость к Ленину создавала ему особое положение на вершине власти.

«За столом Исполкома Коминтерна, — вспоминал сотрудник Коминтерна Виктор Серж (настоящее имя — Виктор Львович Кибальчич, он из семьи известных революционеров), — я увидел Сталина, худощавого, похожего на кавалерийского унтер-офицера, со слегка прищуренными желтыми глазами, коротко подстриженными усами, почтительного по отношению к Зиновьеву».

Сталин недолго будет играть роль младшего партнера. Он имел дело с

политическими детьми, как выразился один историк, с людьми, которые не понимали, что такое политика. И они еще считали Сталина посредственностью!

Иосиф Виссарионович играл в собственную игру. Повсюду расставлял своих выдвиженцев. «Сталин очень хитер, — подметил его помощник Амаяк Назаретян. — Тверд, как орех. Его сразу не раскусишь. Сейчас всё перетряхнули. Цека приводим в порядок. Аппарат заработал хоть куда, хотя еще сделать нужно многое. Коба меня здорово дрессирует. Но всё же мне начинает надоедать это “хождение под Сталиным”. Это последнее модное выражение в Москве касается лиц, находящихся в распоряжении Цека и ожидающих назначения, висящих, так сказать, в воздухе. Про них говорят так: “ходит под Сталиным”».

История с письмом Крупской не имела продолжения. Все остались при своем. Сталин твердой рукой управлял аппаратом ЦК, который рассматривал как свою монополию. Надежда Константиновна руководила Главполитпросветом. На ее полномочия пока что никто не покушался.

Шестого февраля 1922 года Крупская подписала положение о губернских политических комиссиях по делам печати:

«В развитие Декрета Совнаркома от 12 декабря 1921 г. предлагается вам организовать при Губполитпросвете Политкомиссию по делам печати:

1. Губполиткомиссия является органом Политотдела округа и состоит из представителей: один — от Губисполкома, один — от Губполитпросвета, один — от Губчека.

2. Губполиткомиссия просматривает все заявления о разрешении книгоиздательств, газет и журналов.

3. Наблюдает за издательской деятельностью частных и кооперативных издательств, а также предварительно просматривает все рукописи, предназначенные для печати.

4. Привлекает к ответственности на территории губернии всех нарушающих положение о частных издательствах».

Иначе говоря, ее аппарат по всей стране решал, что позволено издавать, а что нельзя, какие газеты, журналы и книги могут выходить, а какие будут запрещены. С февраля 1923 года руководящих сотрудников Главполитпросвета утверждало оргбюро ЦК, это было подтверждением их высокого статуса.

Главный политико-просветительный комитет Крупской руководил идеологическо-агитационной работой в стране. Хотя сама Надежда Константиновна писала в журнале «Коммунистическое просвещение» (1922. № 2): «Главполитпросвет не является сам по себе политическим

центром, вырабатывающим те или иные политические директивы. Он простой исполнитель».

Постепенно ЦК обкорнал полномочия главка. Политпросветработу в армии вернули в ведение Политического управления Реввоенсовета. Работу среди пролетариата передали в ведение профсоюзов, которые настаивали: «Не пустим в клуб политпросвет, это бюрократический аппарат, сами будем вести всю работу». Крупской остались агитационные кампании на выборах в Советы, культурная работа в колхозах, антирелигиозная пропаганда.

В 1930 году Главполитпросвет преобразовали в скромный сектор массовой работы Наркомата просвещения. Его структуры на местах раздали разным ведомствам. «Рассыпался горох по тысяче дорог», — констатировала Крупская.

СОРАТНИКИ СТАРЕЮТ И БОЛЕЮТ

В августе 1921 года к Ленину пришел Александр Григорьевич Шлихтер, председатель Тамбовского губисполкома, снятый с должности после вспыхнувшего там крестьянского восстания. Владимир Ильич завел с ним беседу о переходе на дипломатическую работу. (Шлихтера сделают членом коллегии Наркомата иностранных дел, отправят полпредом в Австрию.) И вдруг Ленин неожиданно сказал ему:

— А вы уже знаете, что Саммер умер? Еще один...

Хорошо знакомый вождю Иван Адамович Саммер, старый большевик, участник еще первой русской революции, в 1905 году — член объединенного ЦК, поехал на Украину представителем Наркомата внешней торговли и скончался в Харькове.

«Я был застигнут врасплох этим вопросом Ильича, — вспоминал Шлихтер. — Мне мгновенно вдруг стало ясно, что Ильич, казавшийся, на первый взгляд, всё тем же давно знакомым Ильичом, в действительности был в этот момент совсем другим, каким-то новым, чем-то удрученным и о чем-то упорно думающим, в то время как мне казалось, что он слушает меня».

Ленин заметно уставал, и это ощущение постоянной слабости его раздражало. Он не мог справиться со своими нервами. Спал еще хуже, чем обычно. По непонятной причине поднималась температура — голова становилась горячая, тяжелая; из-за жара он очень плохо себя чувствовал. Признался брату, что работать не хочется. Это совсем не было на него похоже!

В конце ноября 1921 года вождя навестила актриса Мария Федоровна Андреева, гражданская жена Горького. Пересказала потом разговор Алексею Максимовичу: «По обыкновению я волновалась, горячилась. Он долго что-то слушал, а потом вдруг говорит: “Какая вы еще, Мария Федоровна, молодая! Даже румянец во всю щеку от волнения... Краснеть не разучились. А вот я устать стал”. И мне так жалко его стало, так страшно. Мы крепко обнялись с ним, и я вдруг почему-то заплакала, а он, тоже отирая глаза, стал укорять меня и убеждать, что это очень плохо».

Ленин с обостренной чувствительностью стал относиться к нездоровью соратников. Раньше за ним это не наблюдалось. Владимир Ильич, вообще говоря, был человеком резким и, по-видимому, злым. С презрением относился к своим соратникам, в том числе к тем, кого сам

вознес на высокие посты и приблизил. И о родных Владимир Ильич был невысокого мнения. О старшей сестре, Анне Ильиничне, в своем кругу говорил:

— Ну, это башковитая баба. Знаете, как в деревне говорят — «мужик-баба» или «король-баба»... Но она сделала непростительную глупость, выйдя замуж за этого «недотепу» Марка, который, конечно, у нее под башмаком.

Анна Ильинична Ульянова — это не могло укрыться от посторонних — относилась к мужу, Марку Елизарову, мягко говоря, свысока. Она точно стыдилась того, что он член их семьи и ее муж. Между тем, по отзывам современников, Марк Тимофеевич был очень искренний и прямой человек, чуждый красивой фразы, не любивший никаких поз. Он окончил математический факультет Петербургского университета, затем еще и Московское инженерное училище, работал на железнодорожном транспорте... Елизаров участвовал в революционной деятельности, не раз попадал в тюрьму. Не скрывал, что не разделяет идей Ленина, воспринимал его очень здраво и критически.

И к младшему брату Ленин относился иронически.

После революции положение скромного крымского врача Дмитрия Ильича Ульянова переменилось. Местные коммунисты считали своим долгом продвигать брата вождя. В ноябре 1917 года Дмитрия Ульянова избрали в состав Таврического областного комитета партии. Когда в марте 1918 года образовалась Советская Республика Тавриды, назначили наркомом здравоохранения.

Пятого мая 1919 года в Симферополе провозгласили создание Крымской Социалистической Советской Республики и образовали Советское временное рабоче-крестьянское правительство. Наркомом здравоохранения и одновременно заместителем председателя Совнаркома, чтобы сделать приятное Ленину, назначили его младшего брата.

Через несколько дней, 11 мая, Дмитрий Ильич Ульянов писал сестре Марии: «Передай Володе, что в Евпатории в лучшей санатории У самого берега моря я приготовлю ему помещение, чтобы он хоть две-три недели мог отдохнуть, покупаться и окрепнуть. Там есть у нас все приборы для электро-гидро-механо-и легиотерапии, и можно полечить ему руку. Тем более что он никогда не видел нашего Черного моря».

Ленин посетовал наркому внешней торговли Леониду Красину:

— Эти идиоты, по-видимому, хотели мне угодить, назначив Митю... Они не заметили, что хотя мы с ним носим одну и ту же фамилию, но он просто обыкновенный дурак, которому впору только печатные пряники

жевать...

В конце июня большевикам пришлось оставить Крым — белые наступали. Ульянов вернулся туда после окончательного освобождения полуострова от белых войск, в ноябре 1920 года, с мандатом главноуполномоченного Наркомата здравоохранения по курортам Крыма. Затем он стал называться начальником Главного курортного управления Крыма. А в конце 1921 года всё-таки перебрался в Москву и трудился в центральном аппарате Наркомздрава. Дмитрий Ильич пережил всех братьев и сестер. Он умер 16 июля 1943 года в дачном местечке, которое в память о его старшем брате стало именоваться Горки Ленинские.

После покушения на Ленина эсерки Фанни Каплан 30 августа 1918 года вождь пролежал дома полтора месяца. В середине сентября 1918 года Яков Михайлович Свердлов поручил своим подчиненным найти место за городом, где бы вождь «мог как следует отдохнуть и окончательно окрепнуть». Выбрали бывшее имение московского градоначальника Анатолия Анатольевича Рейнбота.

В конце сентября Ленина и Крупскую повезли смотреть загородное имение. Три недели Владимир Ильич провел в Горках. Лечение было минимальное — ванны для простреленной руки. Главным образом рассчитывали на целительное воздействие чистого воздуха. 14 октября 1918 года Ленин вернулся в Кремль. Ни ему самому, ни Надежде Константиновне не приходило в голову, что очень скоро Горки превратятся в постоянно действующий госпиталь одного пациента...

О младшей сестре, Марии Ильиничне, Ленин отзывался нежно-снисходительно:

— Ну что касается Мани, она пороку не выдумает, она... помните, как в сказке «Конек-Горбунок» у Ершова сказано про второго и третьего братьев:

Средний был и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.

Георгий Александрович Соломон, известный в предреволюционные годы социал-демократ, хорошо знавший и Ленина, и его семью, вспоминал:

«После первой русской революции в Брюссель приехал Ленин. Менжинский вызвался встретить его на вокзале. Я увидел сперва болезненно согнутого Менжинского, а за ним Ленина. Менжинский был очень болен. Его отпустили из Парижа всего распухшего от болезни почек,

почти без денег. Мне удалось найти ему врача. Он стал поправляться, но всё еще имел ужасный вид с набалдашниками под глазами, распухшими ногами...

Меня поразило, что Менжинский, весь дрожащий еще от своей болезни и обливающийся потом, нес от самого трамвая огромный, тяжелый чемодан Ленина, который шел налегке за ним, неся только зонтик. Я бросился скорее к Менжинскому, выхватил у него из рук чемодан и, зная, как ему вредно носить тяжести, накинулся на Ленина с упреками:

— Как же вы могли, Владимир Ильич, позволить ему тащить чемоданище. Ведь посмотрите, человек еле-еле дышит!..

— А что с ним? — весело-равнодушно спросил Ленин. — Разве он болен? А я и не знал... Ну, ничего, поправится...

В моей памяти невольно зарегистрировалась эта черта характера Ленина: он никогда не обращал внимания на страдания других, он их просто не замечал и оставался к ним совершенно равнодушным...»

Если это наблюдение верное, то с годами, чувствуя себя всё хуже и хуже, Владимир Ильич сильно переменился. 17 мая 1921 года ему принесли бюллетень о состоянии здоровья Григория Евсеевича Зиновьева, у которого за день до этого случился сердечный приступ. Врачи поставили диагноз: «расширение сердца и утомление сердечной мышцы при наличии плохого и неправильного пищеварения». Причина: переутомление и неправильный образ жизни, напряженная работа, нерегулярное питание, сидячий образ жизни и отсутствие дневного отдыха. Предложили: отдых в течение двух недель.

Ленин тут же отправил записку секретарю ЦК Молотову: «Предлагаю провести через Оргбюро: обязать Зиновьева гостей и вообще никого в свою квартиру не пускать; принимать людей только на службе; работать на службе не больше 4-х часов: уезжать аккуратно на дачу и в Санкт-Петербурге, и в Москве».

Заодно Ленин распорядился, чтобы питерский комитет партии открыл дома отдыха в Эстонии и Финляндии мест на 20–30. Половину мест отдавать рабочим, половину — советским служащим, то есть чиновникам.

Почему вождь обратился к Молотову? Ленину нравились исполнительность, старательность, кабинетная работоспособность Молотова. Говорят, что в узком кругу он именовал Вячеслава Михайловича «каменной задницей» и «самым твердолобым из большевиков». Такие люди не ходили у Ильича в любимчиках, но Молотова он считал полезным.

Ленин озаботился и состоянием здоровья Алексея Ивановича Рыкова, которого высоко ценил и только что сделал своим заместителем в

правительстве. 26 мая 1921 года Ленин обратился к его жене, Нине Семеновне:

«Тов. Рыкова!

И на меня, и на жену, и на других Алексей Иванович производит впечатление совсем больного человека. Через силу ходит на конференции. Из письма его ко мне сегодня видно, что врачи настаивают на серьезном лечении.

Да это видно и не врачу.

Переустал до чертиков, почти надорвался. А не лечится толком. Это безобразие. Хищение казенного имущества совершенно недопустимое.

Не можете ли Вы его уговорить или хитростью, что ли, заставить, или самой с ним поехать? Ну где в Ессентуках у нас хорошее лечение? Явный вздор! Будет хаос, бестолочь, неустройство, усталость, а не лечение, дерганье нервов, обращения местных работников. Он упрямится, не хочет в Германию. А там 2–3 месяца стоит 4–5 у нас. Будет изоляция, отдых, корм, лечение по науке строгое. Станет работоспособным человеком. Нам такие нужны до зареза.

Очень прошу постараться его “вывезти” в Германию и вылечить серьезно.

Привет!»

Характерно, что Ленин отчетливо понимал пороки советской системы, но избавиться от них был готов только избранных.

Первого июня Нина Рыкова ответила вождю: «Мой муж страшно противится поездке за границу. Кроме давнишней неприязни к загранице ему неприятно встретиться с кем-либо из двух миллионов убежавших русских, неприятно жить в стране, языка которой он не знает, неприятно быть оторванным от России... Муж дал слово, что он согласится поехать за границу, если сведения о постановке дела на Кавказе не удовлетворят врачей, но в этом случае поедет только нелегально».

Сам Ленин с 4 по 14 июня 1921 года находился в Горках. Отправил Троцкому записку: «Я нахожусь вне города. Уехал в отпуск на несколько дней по нездоровью...»

Вернулся в город. Но работа оказалась для него непосильной. Нервничал. На ночь прогуливался по пустому Кремлю, закрытому для обычных горожан. 13 июля опять уехал в Горки. Провел там месяц. 9 августа пожаловался Максиму Горькому: «Я устал так, что ничегошеньки не могу».

Но не утратил интереса к состоянию здоровья своих помощников. По настоянию Ленина 7 июля 1921 года политбюро всё-таки обязало Рыкова

«выехать за границу для постановки диагноза и лечения». Алексей Иванович подчинился воле партии.

Двадцать второго ноября Рыков отчитался перед Лениным: «Сейчас я доживаю четвертую неделю в клинике профессора Бира. Послезавтра обещали разрешить в первый раз встать. Всего я пролежал в заграничных постелях во время припадков и операции два месяца! Я думаю, что это вполне достаточная дань заграничной медицине, и хочу как можно скорее возвратиться в Москву. Профессор же Бир и его ассистент хотят меня резать еще раз в первых числах января. Я соглашаюсь на вторую операцию, но при условии, чтобы резали скорее... Жду от Вас поддержки и очень прошу “дать директиву” о скорейшем отъезде моем из-за границы, не ожидая второй операции».

Двадцать шестого ноября Ленин, напротив, попросил проголосовать в политбюро совсем другое предложение: «Обязать Рыкова остаться для новой операции по указанию профессора Бира и впредь до полного излечения и отдыха».

Двадцать первого января 1922 года Ленин наставлял Алексея Ивановича: «Итак, я насчет четырех месяцев оказался ближе к истине, чем Вы.

Пока не вылечитесь и не научитесь спать по десять часов без снотворного, никакой “мелочи” на Вас взваливать нельзя... Во всяком случае до окончания всего “курса” и до расписки обеих знаменитостей, что товар сдают в готовом виде для товарообмена, в работу серьезную Вас нельзя!»

Первого марта 1922 года Ленин телеграфировал Николаю Николаевичу Крестинскому, которого за полгода до этого отправили полпредом в Берлин: «Не выпускайте Рыкова, пока не достигнет семидесяти кило. Исполнение телеграфируйте»

Второго марта исполнительный Крестинский ответил: «Я спросил сегодня у врача, можно ли надеяться, что Рыков скоро увеличит свой вес до 70 кило. Врач ответил, что при характере Рыкова этого, вероятно, никогда не будет... Добиться можно было бы только в том случае, если бы месяца два специально откармливать его, не позволяя ему почти двигаться, и то при начале работы и движения он очень быстро потерял бы этот искусственно приобретенный избыток веса.

Поэтому, если Рыков вернется из Бадена с хорошим самочувствием и профессора не будут возражать против его поездки в Россию, я чинить ему препятствий, несмотря на Вашу сегодняшнюю телеграмму, не буду».

И Григорию Яковлевичу Сокольникову, который после Гражданской

войны тяжело заболел, сделали в Германии операцию. Он был образованным человеком, знал шесть языков, в эмиграции окончил юридический факультет Парижского университета и докторантуру, намереваясь защитить диссертацию по экономике, но помешала начавшаяся Первая мировая война. Владимир Ильич видел его во главе Наркомата финансов, надеясь, что он-то наладит расстроенное денежное обращение. 13 октября 1921 года Ленин подписал телеграмму в Берлин: «Узнайте точно, каково состояние здоровья Сокольникова. Добудьте врачебное свидетельство о том, сможет ли он теперь перенести далекое путешествие... Требуется работоспособность хотя бы на несколько часов в день в хороших условиях.

Ответьте немедленно и поставьте вообще дело так, чтобы о каждом лечившемся в Германии присылался в ЦеКа оригинал самого подробного заключения врачей и предписания их больному или вылечившемуся».

Точно так же Владимир Ильич озаботился состоянием здоровья главного редактора «Правды» Николая Ивановича Бухарина. 28 января 1922 года инструктировал полпреда в Германии Крестинского: «Примите все меры к охране Бухариных. Жену Бухарина надо надолго в санаторию. Говорят, больна серьезно. Николая Ивановича Бухарина надо держать строго вне политики. Пусть пробудет сейчас, пока не выправит сердце, а потом по временам наезжает к жене. Привет!»

Крестинский ответил: «Николай Иванович сильно истощен; на почве этого истощения сильно развившаяся неврастения, сердце не в полном порядке, но никаких органических повреждений еще нет... Мое впечатление от Николая Ивановича, что ему для полного восстановления сил и работоспособности нужно пробыть в санатории или, может быть, сначала в санатории, а потом где-нибудь в горах в общей сложности не менее двух месяцев.

Положение Надежды Михайловны серьезнее. Процесс в легких у нее уже прошел, но на почве заболевания внутренней секреции и сильного истощения у нее сильно не в порядке нервы и есть признаки сахара».

Политбюро постановило: «Создать при СНК СССР специальный фонд в размере 100 000 рублей для организации отдыха и лечения ответственных работников».

Глава правительства, осознав хрупкость человеческого организма, пытался помочь всем своим соратникам. Себе только помочь ничем не мог...

ПЕРВЫЕ СИМПТОМЫ

В конце 1921 года Крупская стала отмечать, что муж теперь уже постоянно страдает сильными головными болями и чаще прежнего жалуется на усталость. 6 декабря они уехали в Горки. Вообще старались больше жить за городом. Но свежий воздух не помогал. Владимир Ильич плохо спал, вставал в дурном настроении и неработоспособный.

Поначалу казалось, это результат невероятного переутомления и нужно всего лишь как следует отдохнуть. Как-никак за плечами революция и Гражданская война... 31 декабря 1921 года политбюро предоставило председателю Совета народных комиссаров полноценный отпуск на полтора месяца. Ему запретили приезжать в Москву. Разрешили час в день говорить по телефону о делах. Ленин подчинился. Отпуск шел, но загородное житье и безделье не помогли, работать он фактически не мог.

Тридцать первого января 1922 года Ленин продиктовал записку Молотову: «Прошу считать мою вчерашнюю телефонограмму аннулированной. Чувствовал себя неважно. Писал неопределенно. Надеялся сегодня исправить. Но сегодня чувствую себя еще хуже».

Нервничал. Всё больше полагался на лекарства. 13 февраля написал записку:

«В Кремлевскую аптеку

Прошу отпустить мне бром в облатках, штук двенадцать, такой дозы, чтобы можно было рассчитывать на действие одной облатки, а если не действует, принимать и по две».

Бром — самый известный в ту пору успокаивающий препарат.

Семнадцатого февраля Ленин оповестил председателя Высшего совета народного хозяйства Валериана Осинского (Оболенского): «От свидания и от разговора я, к сожалению, вынужден отказаться по болезни».

По секрету от всех обратился к доктору, которому доверял, — Федору Александровичу Гетье, основателю и главному врачу Солдатенковской (Боткинской) больницы. Особую тревогу вызывали начавшиеся у него обмороки, как он говорил — головокружения.

«По словам Владимира Ильича, в первый раз он почувствовал головокружение утром, когда одевался, — рассказывал Гетье. — Головокружение было сильное: Владимир Ильич не мог устоять на ногах и принужден был, держась за кровать, опуститься на пол, но сознания не терял. Головокружение продолжалось несколько минут и прошло

бесследно, почему Владимир Ильич не придавал ему значения и не сообщил об этом никому.

Второе головокружение произошло тоже утром, когда Владимир Ильич вернулся из уборной в спальную. Но этот раз оно сопровождалось потерей сознания: Владимир Ильич очнулся на полу около стула, за который он, по-видимому, хотел держаться, падая...»

— Это первый звонок, — обреченно сказал Ленин.

Четвертого марта его осмотрел профессор-невропатолог Ливерий Осипович Даршкевич. Он вспоминал: «Владимир Ильич переживает очень тяжелое состояние от полной утраты способности работать интеллектуально — “я совсем стал не работник”. Иногда он совсем не мог уснуть».

Описав симптомы недуга, Ленин спросил профессора:

— Это не грозит сумасшествием?

Вот чего он больше всего боялся!

Однажды в Горках он долго не мог заснуть. Вышел на улицу подышать. Стал бросать камни в соловья, который, сидя на кусте сирени, слишком громко заливался. Ощутил слабость в правой руке. Охрана пришла к нему на помощь — тоже гоняла соловья.

Ночью Ленина мучили рвота и сильная головная боль. Проснувшись утром, он не смог внятно говорить. Взял газету — буквы расплылись. Хотел что-то написать, рука не слушалась. И ему самому, и Надежде Константиновне стало страшно.

Двадцать пятого мая был церковный праздник Вознесение Господне. Московский совет профсоюзов объявил этот день нерабочим. Рано утром Марии Ильиничне Ульяновой в Москву позвонил начальник охраны в Горках Петр Петрович Пакалн, попросил срочно приехать вместе с врачом.

— Кто болен? — спросила она.

— Надежда Константиновна, — соврал чекист.

Пока Мария Ильинична в праздничный день искала врачей, прошло время. Еще раз позвонил Пакалн. Потом — начальник всего отдела охраны ведомства госбезопасности Абрам Яковлевич Беленький. Выяснилось, что врач всё-таки нужен Ленину, но Крупская не хотела заранее волновать Марию Ильиничну.

Приехавшие медики легкомысленно решили, что Владимир Ильич съел несвежей рыбы. Дали ему английской соли и прописали постельный режим. Но сам Ленин понимал, что болен серьезно. И Крупская это видела.

В их совместной жизни наступал горестный период, когда он больше, чем когда бы то ни было, зависел от жены. И еще больше оценил ее. Не все

жены способны полностью посвятить себя тяжелобольному мужу. И только очень проницательные люди сознавали реальную роль, которую сыграла Крупская в жизни Ленина, придавая ему силы на протяжении стольких лет, очень трудных для них обоих...

НЕПОНЯТНАЯ БОЛЕЗНЬ

Это поручение высшего руководства страны держалось в полной тайне. Особую миссию исполнял министр здравоохранения СССР Борис Васильевич Петровский, кстати говоря, многим обязанный Крупской. Академик медицины Петровский был хирургом. Задание он получил не по специальности. Но в Кремле доверяли только ему.

Накануне столетнего юбилея Владимира Ильича Ленина в 1970 году советские руководители с опаской ожидали появления на Западе книги о причинах смерти вождя революции. В западной печати периодически появлялись упоминания о том, что он умер от невылеченного сифилиса.

Министру здравоохранения СССР поручили разобраться в причинах смерти Владимира Ильича. Разрешили познакомиться с двумя историями болезни Ленина. Первую завели в связи с ранением в 1918 году, вторая отражает развитие его основной болезни начиная с 1921 года. Обе держались в секрете.

Худшие опасения политбюро оправдались. Ленина пользовала большая группа врачей — лучшие российские специалисты и иностранные профессора, их заманили в Москву большими деньгами. Из истории болезни следовало, что врачи подозревали у Ленина стыдную болезнь. Каково это было сознавать Надежде Константиновне Крупской?

Сам Ленин лучше медиков понимал, что с ним что-то не так. Повторял:

— Какое странное заболевание.

Его угнетала потеря памяти, речи.

«Слухи о болезни Ленина, — отметил в дневнике профессор-историк Юрий Готье в конце февраля 1922 года, — досужие люди рассказывают, что будто бы он бредит, что его преследует Божья Матерь. Что он не совсем здоров, это, кажется, верно».

Ленин огорченно констатировал в записке своему заместителю в правительстве Льву Каменеву: «Ухудшение в болезни после трех месяцев лечения явное».

На помощь отечественным светилам призвали врачей из Германии. Ленин испытывал неудобство оттого, что это делается ради него одного. 21 марта 1922 года сказал управляющему делами Совнаркома Николаю Петровичу Горбунову, чтобы приезжие медики пользовали и других видных большевиков: «Ввиду выезда Крестинского в Москву с немецкими

специалистами по нервным болезням для осмотра группы крупных работников предложить секретариату ЦК поручить этому врачу, который состоит для проверки лечения ответственных работников (а если такового врача нет вопреки многочисленным постановлениям ЦК, то надо назначить на это непременно особого врача), поручить составить список товарищей, подлежащих осмотру, и принять все меры для того, чтобы они были своевременно приезжим врачом осмотрены».

Просил Горбунова «предложить немецким врачам поступить к нам на службу». Но и именитые немецкие врачи не распознали ленинский недуг.

«Вызванные из-за границы профессора Фёрстер и Клемперер не нашли, как и русские врачи, у Владимира Ильича ничего, кроме сильного переутомления, — вспоминала Мария Ульянова. — Они констатировали “возбудимость и слабость нервной системы, проявляющуюся в головных болях, бессоннице, легкой физической и умственной утомляемости и склонности к ипохондрическому настроению”».

После осмотра врачами, 4 апреля 1922 года, Ленин уехал в Горки, оттуда попросил Кремлевскую аптеку прислать ему две-три упаковки веронала (снотворное) и сомнацетина (сосудорасширяющий препарат). Те же препараты заказывал советскому полпреду в Берлине.

Восемнадцатого апреля 1922 года полпред Крестинский доложил председателю правительства: «С тем же курьером, который передаст Вам это письмо, посылаю Вам, согласно Вашей просьбе, по три коробочки веронала, адолина и сомнацетина».

Крестинский, охотно исполнявший личные просьбы вождя, был заметной фигурой в Берлине. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, он знал иностранные языки и легко интегрировался в дипломатическую жизнь.

«Умный, осторожный и мужественный человек, — вспоминал его один из работников Коминтерна, — он был еще молод, сильная близорукость придавала его острому взгляду за полусантиметровыми стеклами очков застенчивое выражение. Высоким лысеющим лбом, маленькой бородкой он походил на ученого».

Через неделю, получив посылку из Берлина, Ленин любезно ответил:

«Тов. Крестинский! Очень благодарю за присланное лекарство».

Немецкие врачи советовали Владимиру Ильичу уехать в горы, много гулять и дышать воздухом на высоте от 700 метров до километра. 6 апреля Ленин попросил Серго Орджоникидзе присмотреть ему подходящее место на Кавказе. Предположил, что ему понадобится для поездки отдельный вагон с вооруженной охраной.

Прежде чем окончательно решить, куда ехать, Владимир Ильич посоветовался с Федором Александровичем Гетье. Он лечил и Ленина, и Крупскую. Почти восемь месяцев прожил вместе с ними во время обострения болезни Владимира Ильича. Ленин интересовался, какое место подойдет Надежде Константиновне — с учетом мучившей ее базедовой болезни.

Пометил для себя:

«Кисловодск — подходящий.

Боржом — подходящий.

Красная Поляна — слишком жарко и в котловине.

Нальчик — высота? (хорошее место).

Море нежелательно для Надежды Константиновны; всё Черноморское побережье».

Хотели было ехать в Боржоми. Орджоникидзе рекомендовал бывший дворец великого князя Николая Михайловича, главнокомандующего Кавказской армией, — на левом берегу реки Куры. Но отъезд на Кавказ отложили. А лотом идея отдыха в горах вовсе отпала.

Десятого мая Ленин оповестил Орджоникидзе:

«Дорогой товарищ! Я на Кавказ не еду. Будьте любезны, пока (всё лето) для конспирации распространяйте слух, что еду».

Теперь Ленин просил заместителя председателя ГПУ Иосифа Уншлихта посоветовать, где можно отдохнуть на Урале. Тот рекомендовал местечко Шарташ в четырех километрах от Екатеринбурга, там большое озеро и дивный сосновый лес.

Но никуда они с Надеждой Константиновной не уехали.

Когда Ленин шел по коридору, у него произошел сильный спазм — отказала правая нога. Паралич. Он рухнул на пол. Мужчин рядом не оказалось. Женщины поднять его не могли. Ленин не велел никого звать. Через несколько минут нога стала действовать. Он сам поднялся, дошел до своей комнаты и лег.

Через день, в субботу, 27 мая, всё повторилось. Ночью рвота и головная боль. Утром правая рука и правая нога отказываются служить. Ленин плохо говорит, не может писать и читать... Когда приехала сестра Ленина, встревоженный начальник охраны Петр Пакалн поделился с ней:

— С Владимиром Ильичом творится что-то неладное. Он на ногах, но не всегда может найти нужное слово. В поведении заметно что-то необычное.

Тут только Петр Петрович рассказал Марии Ильиничне об обмороках, случавшихся еще зимой.

Но врачи не понимали, что с Лениным. Предположили, что всему виной банальный гастроэнтерит, который «на почве переутомления и нервного состояния вызвал временное, преходящее расстройство мозгового кровообращения».

И только 28 мая 1922 года профессор-невропатолог Василий Васильевич Крамер первым поставил диагноз: «артериосклеротическое страдание головного мозга». У Ленина произошло поражение моторно-речевой зоны головного мозга в результате закупорки сосудов. В истории болезни записано: «Явления транскортикальной моторной афазии на почве тромбоза». Крамер решил: поражены не магистральные, а мелкие сосуды, поэтому параличи, головные боли то появляются, то проходят.

Двадцать девятого мая к больному приехали профессора Григорий Иванович Россолимо, Федор Александрович Гетье и невропатолог Алексей Михайлович Кожевников. 2 июня прибыл срочно вытребованный из Германии профессор Отфрид Фёрстер.

Третьего июня в Кремле составили срочное послание полпреду в Берлине Крестинскому:

«Мы просили Фёрстера остаться самому и уговорить Клемперера приехать в Москву, но Фёрстер сослался на то, что он человек казенный, служит в университете и не может отлучиться надолго без разрешения начальства (или даже правительства). Фёрстер заявляет, что в таком же положении находится Клемперер. Всё дело теперь в том, чтобы устранить эти препятствия и добиться приезда Фёрстера и Клемперера в Москву на всё лето.

Политбюро просит Вас:

1. Всеми средствами воздействовать на Германское правительство в том направлении, чтобы Фёрстер и Клемперер были отпущены на лето в Москву.

2. Немедля выдать Фёрстеру пять тысяч фунтов (50 000 золотых рублей) как плату за оказанную услугу.

3. Заявить Фёрстеру и Клемпереру, что в случае согласия на выезд в Москву правительство России готово создать для них ту обстановку в Москве, какую они найдут для себя нужной (могут привезти семьи и проч.)».

Десятого июня к Ленину привезли и Георга Клемперера.

Что смущало врачей, что мешало установлению диагноза? Для тяжелого атеросклероза характерны высокое кровяное давление и нарушение сердечного кровообращения. И поражение мозга — если происходят инсульты или тромбозы — носит необратимый характер.

Заметны потеря интеллекта и изменения в психике. У Ленина ничего этого не было. Что же тогда с ним? Сифилис казался врачам самым подходящим объяснением.

Профессор Фёрстер был прост, любезен, внимателен, улыбался. Но обилие врачей раздражало тяжелобольного Владимира Ильича. Иногда ему хотелось остаться одному и никого не видеть.

Пятнадцатого июня 1922 года он продиктовал сестре записку членам политбюро: «Покорнейшая просьба освободите меня от Клемперера. Чрезвычайная заботливость и осторожность может вывести человека из себя и довести до беды.

Убедительно прошу — избавьте меня от Фёрстера. Своими врачами Крамером и Кожевниковым я доволен сверх избытка. Русские люди вынести немецкую аккуратность не в состоянии, а в консультировании Фёрстер и Клемперер участвовали достаточно».

Мария Ульянова объяснила недовольство брата: «В отличие от профессора Фёрстера Клемперер обладал меньшим тактом и умением подходить к больному. Его болтовня и шуточки раздражали Владимира Ильича».

Девятнадцатого июня профессор Алексей Кожевников, лечивший Ленина, записал в дневнике: «Много говорил о немецких профессорах. Очень тяготится, что из-за него подняли столько шума и такую суетню. Очень просил оказать влияние на то, чтобы они (немецкие профессора. — Л. М.) скорее уехали домой. Тем более что ему написали, что в Москве очень много сплетен о его здоровье, а присутствие немцев еще усугубит эти сплетни. Теперь он на верном пути к выздоровлению, и совершенно нет необходимости в “этих тратах”».

Увы, улучшение всякий раз было кратковременным. Надежды Владимира Ильича, что он вот-вот избавится от своего недуга, не сбывались. Начались спазмы. Если он стоял на ногах и не успевал сесть или за что-то ухватиться, то просто падал на пол. Попросил расставить в его комнате кресла таким образом, чтобы в момент припадка он мог сесть в одно из них.

Двадцать третьего июня Ленин спускался по лестнице, чтобы выйти в сад, и упал, когда произошел мгновенный спазм: На помощь прибежал Петр Петрович Пакалн. Вызвал своих чекистов. Они на носилках отнесли больного в его комнату.

Крупская по-свойски поделилась с Зиновьевым: «Вчера Владимир Ильич сорвался, читал четыре часа подряд газеты — опять приключился припадок, а мы с ним стали уж мечтать о том, что будем делать зимой, и

говорить о том, как хорошо, что всё прошло».

Ленин упорно не желал признавать себя больным. Вынужденно отстраненный от государственных дел, он живо интересовался всем происходящим вокруг.

К Надежде Константиновне в Горки приехал ее сослуживец по Главполитпросвету. Они уединились и долго беседовали. Ленин позвал сестру:

— Не знаешь, он уехал или еще здесь?

— Только что уехал.

— А его накормили? Дали ему чаю?

— Нет.

— Как, — воскликнул Владимир Ильич, — человек приехал к нам в дом, и его не подумали даже накормить, дать ему чая!

— Я думала, Надя сама сделает это.

— Надя! — Ильич был не очень высокого мнения о хозяйственных способностях Надежды Константиновны. — А ты-то что думала?

И тем более он не хотел, чтобы товарищи раньше времени списали его со счетов. 7 июля он отправил записку Сталину: «Врачи, видимо, создают легенду, которую нельзя оставить без опровержения. Они растерялись от сильного припадка в пятницу (30 июня) и сделали сугубую глупость: попытались запретить “политические” посещения...

Я чрезвычайно рассердился и отшил их. В четверг (29 июня) у меня был Каменев. Оживленный политический разговор. Прекрасный сон, чудесное самочувствие. В пятницу паралич... Только дураки могут тут валить на политические разговоры. Если я когда волнуюсь, то из-за отсутствия своевременных и политических разговоров. Надеюсь, Вы поймете это и дурака немецкого профессора, и компанию отошлете».

Тринадцатого июля Ленину разрешили прогулки. Но ему приходилось то и дело присаживаться и отдыхать на скамейках, предусмотрительно расставленных по всему саду. Иногда, не дотянув до очередной скамейки, он просто ложился на траву. Периоды почти нормальной жизни сменялись внезапными приступами загадочной болезни.

Четвертого августа он говорил с врачами и вдруг, вспоминала Мария Ильинична, «замолчал и стал жевать и чмокать губами. Правая рука и нога перестали двигаться... Владимир Ильич несколько раз делал попытку заговорить, но произносил лишь отдельные звуки и слова... По рассказам самого Владимира Ильича, он всё время был в сознании и понимал, что с ним происходит».

Он жаловался Троцкому:

— Понимаете, ведь ни говорить, ни писать не мог, пришлось учиться заново.

Его пытались чем-то занять, отвлечь от грустных мыслей. Приводили ирландского сеттера, но он остался равнодушным к домашним животным. Из Берлина прислали чемодан различных игр. Домашние садились рядом с ним и играли в домино. Он отказывался присоединиться. Учили его плести корзины из ивовых прутьев. Сплел одну, но это было занятие не для него.

— Если нельзя заниматься политикой, — решил Ленин, — буду заниматься сельским хозяйством.

Сказал, что надо разводить кроликов, и уговаривал Крупскую ими заняться. Попросил выписать из-за границы книги по кролиководству. С профессором Георгом Клемперером он обсуждал, как разводить кроликов.

В Горки доставили различные семена. Владимир Ильич с сестрой ходили по Горкам, «прикидывали и обсуждали, где что можно будет рассадить. Пусть ни один клочок земли не останется неиспользованным». Садовнику поручили разводить шампиньоны. Потом Ленин заинтересовался белыми грибами.

«Отправляясь гулять в парк, — рассказывала сестра, — Владимир Ильич требовал, чтобы на том месте, где находили белый гриб и разбрасывали обрезки, ставилась отметка с записью, какого числа и месяца там был найден белый гриб... Затем он поручил разыскать специалиста по разведению белых грибов. Запросили Наркомат земледелия».

Но интерес к грибам быстро прошел. В июне 1922 года Ленин объяснял врачам:

— Надо, чтобы мне дали возможность чем-нибудь заняться, так как, если у меня не будет занятий, я, конечно, буду думать о политике. Политика — вещь, захватывающая сильнее всего, отвлечь от нее могло бы только еще более захватывающее дело, а его нет.

В марте 1923 года устроили большой консилиум с участием светил из Германии и Швеции. Они поставили Ленину диагноз: сифилитическое воспаление внутренней оболочки артерий — эндартериит с размягчением мозга. Предписание: терапия должна быть только противосифилитической.

Антибиотики еще не были открыты. Сифилис лечили йодистыми соединениями и препаратами мышьяка, которые вводили внутримышечно. Ленин верил, что йод помогает. Во время приступов, как следует из записей врачей, твердил:

— Йод надо, надо йод.

Ему приносили йодистый препарат. Владимир Ильич глотал его и через несколько минут с облегчением говорил:

— Йод помог.

Врачи с удовлетворением записывали в истории болезни: «Наступило весьма существенное улучшение — исчезновение болезненных симптомов общих и местных». Через несколько дней после этой записи наступил полный паралич правой конечности...

Врачи впоследствии обосновывали свое лечение ленинского недуга: «Предполагали возможность его специфического происхождения, вследствие этого были сделаны попытки осторожного применения арсенобензональных и йодистых препаратов, чтобы не упустить эту меру в случае, если бы такое предположение подтвердилось».

Ленина осмотрел опытный невропатолог Алексей Михайлович Кожевников, специалист по сифилитическим поражениям мозга. Взял кровь из вены и спинномозговую жидкость для исследования на реакцию Вассермана — тогда это был главный метод диагностики этой болезни. Реакция была отрицательная.

Профессор-окулист Михаил Иосифович Авербах осмотрел глазное дно, что позволило достаточно точно оценить состояние сосудов мозга. Не нашел изменений, которые свидетельствовали бы о сифилисе. Но диагноз менять не стали.

Профессор Григорий Россолимо, директор Неврологического института, — светило! — честно объяснил старшей сестре Ленина Анне Ильиничне: «Надежда на выздоровление есть лишь в том случае, если в основе мозгового процесса сифилитические изменения сосудов».

Знал ли Ленин, его жена и близкие этот диагноз?

Профессор Владимир Николаевич Розанов, консультант Лечебно-санаторного управления Кремля, рассказывал: «У меня давняя привычка спрашивать больного, были ли у него какие-либо специфические заболевания. Владимира Ильича я, конечно, тоже об этом спрашивал. Владимир Ильич всегда ко мне относился с полным доверием, тем более, у него не могло быть мысли, что я нарушу это доверие... Конечно, могло быть что-либо наследственное или перенесенное незаметно, но это было маловероятно».

Братья и сестры Ленина были здоровы. Но почему вообще возникло предположение относительно сифилиса? Это был бич того времени.

Выдающийся врач профессор Медико-хирургической академии Сергей Петрович Боткин, имя которого носит известная больница в Москве, любил говорить: «В каждом из нас есть немного татарина и сифилиса». Боткин не хотел никого обидеть. Он переиначил старую пословицу: поскреби любого русского и найдешь татарские корни.

Сифилис был очень распространен. Перед революцией каждый год им заболело 60 тысяч человек. Почти при всех заболеваниях сосудов врачи подозревали или отравление, или сифилис. Но в отношении Ленина титулованные медики допустили невероятную ошибку.

«Этот человек огромного, живого ума, — вспоминал профессор Авербах, — при таких вопросах обнаруживал какую-то чисто детскую наивность, страшную застенчивость и своеобразную неориентированность».

Смущение Владимира Ильича понятно. В отличие от мужчин с немалым опытом побед на любовном фронте ему просто нечего было рассказать. Одна-единственная жена и одна-единственная любимая женщина.

ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

Уже в наше время газеты даже посылали специальных корреспондентов в литовский город Мариямполь на могилу капитана Красной армии Андрея Арманда. Краеведы клялись, что павший смертью героя в боях с немецко-фашистскими оккупантами и похороненный там в 1944 году гвардии капитан — внебрачный сын Инессы Федоровны Арманд и Владимира Ильича Ленина; Арманд и Ленин тайно любили друг друга, родили сына, но вынуждены были расстаться... Такова версия самой необычной любовной истории времен революции.

«Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда прежде, какое большое место ты занимал в моей жизни.

Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась бы без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью — и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать?

Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты “провел” расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя.

Много было хорошего в Париже и в отношениях с Надеждой Константиновной. В одной из наших последних бесед она мне сказала, что я ей стала особенно дорога и близка лишь недавно. А я ее полюбила почти с первого знакомства. По отношению к товарищам в ней есть какая-то особая чарующая мягкость и нежность.

В Париже я очень любила приходить к ней, сидеть у нее в комнате. Бывало, сядешь около ее стола — сначала говоришь о делах, а потом засиживаешься, говоришь о самых разнообразных материях. Может быть, иногда и утомляешь ее».

Это единственное сохранившееся личное письмо Инессы Федоровны Арманд Владимиру Ильичу Ленину. Остальные письма она уничтожила. Такова была просьба Ленина. Он уже был лидером партии и думал о своей репутации. А она думала о нем и продолжала его любить.

«Тебя я в то время боялась пуще огня. Хочется увидеть тебя, но лучше, кажется, умерла бы на месте, чем войти к тебе, а когда ты почему-либо заходил к Надежде Константиновне, я сразу терялась и глупела. Всегда удивлялась и завидовала смелости других, которые прямо заходили к тебе,

говорили с тобой. Только затем в связи с переводами и прочим я немного попривыкла к тебе.

Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал...»

Ленин был одним из самых знаменитых политиков той эпохи. Люди шли за него на смерть, горы сворачивали и правительства свергали, расталкивали друг друга только ради того, чтобы увидеть его одним глазком. Наверное, он, став таким популярным, нравился и женщинам. Но только одна из них любила его так сильно, горячо и бескорыстно, так слушалась его во всём. И потому погибла.

«Ну, дорогой, на сегодня довольно. Вчера не было письма от тебя! Я так боюсь, что мои письма не попадают к тебе — я тебе послала три письма (это четвертое) и телеграмму. Неужели ты их не получил? По этому поводу приходят в голову самые невероятные мысли. Крепко тебя целую.

Я написала также Надежде Константиновне».

И это, пожалуй, самый интересный пассаж в письме. Выходит, жена знала о романе мужа с Арманд и не порвала не только с ним, но и с ней?

Вся жизнь Ленина с юности была посвящена революции. Если бы он не думал о ней 24 часа в сутки, он бы не совершил Октябрьской революции! Обратная сторона такой всепоглощающей целеустремленности — ослабленный интерес к противоположному полу, пониженное влечение. Словно сама природа помогала ему сконцентрироваться на чем-то одном. Это нередкое явление в политической истории.

Ему просто было не до женщин! Понадобился невероятно сильный импульс, чтобы пробудить в нем яркое чувство. В 1910 году в Париж приехала молодая революционерка Инесса Арманд, элегантная, жизнерадостная, необычная.

«Те, кому довелось ее видеть, — рассказывал современник, — надолго запоминали ее несколько странное, нервное, как будто ассиметричное лицо, очень волевое, с большими гипнотизирующими глазами».

В ней удивительным образом сочеталась жажда революции с жаждой жизни. Это и привлекло Ленина! Просто красивые дамы его не волновали. А это было как удар молнии. Ему исполнилось 39 лет, ей 35. Свидетели вспоминали: «Ленин буквально не спускал своих монгольских глаз с этой маленькой француженки...»

У Ленина были проблемы со зрением. Поэты воспевали знаменитый ленинский прищур, а у него правый глаз был дальнорезок, а левый — сильно близорук (четыре — четыре с половиной диоптрии), поэтому он и

щурился, пытаясь что-то рассмотреть. Левым глазом он читал, а правым смотрел вдаль. Но Инессу Арманд разглядел сразу — красивая темпераментная революционерка и полная единомышленница в делах.

Француженка Инесса Федоровна Арманд появилась на свет в Париже. Ее мать Натали Вильд бежала из дома с оперным певцом Теодором Стеффеном. Дочку назвали Элизабет Стеффен, Инессой она станет позднее. От матери ей достался темперамент, от отца — артистизм и музыкальность. Сильная воля была ее собственной. Девочкой ее привезли в Москву. Здесь в октябре 1893 года она вышла замуж за Александра Арманда, чьи потомки обосновались в России еще в годы Наполеоновских войн и весьма преуспели.

У Александра и Инессы родилось трое детей. Но брак быстро разрушился. Инесса полюбила брата своего мужа, Владимира Арманда, который был моложе ее на 11 лет. Их связывал кроме прочего интерес к социалистическим идеям. В те времена, кажущиеся нам пуританскими, Инесса нисколько не стеснялась адюльтера. Не считала себя развратной женщиной, полагала, что имеет право на счастье.

Инесса родила сына и от любовника, назвала его Андреем. Это тот самый будущий капитан Арманд, которого считают сыном Ленина. В реальности к моменту встречи Инессы с Владимиром Ильичом мальчику уже было лет пять. Муж Инессы оказался на редкость благородным человеком, принял ее ребенка как собственного, дал свое отчество. Роман Инессы с Владимиром Армандом оказался недолгим. Юный любовник заболел туберкулезом и умер в 1909 году после операции, сделанной в Ницце.

Инессу Арманд волновала не только личная свобода, но и общественная. В России это самый короткий путь за решетку. Ее сажали три раза. Из ссылки она бежала за границу.

«Инесса сидела в очень трудных условиях, порядком подорвавших ее здоровье, — вспоминала Крупская, — у нее были признаки туберкулеза, но энергии у ней не убавилось. Ужасно рады были мы все ее приезду. В ней много было какой-то жизнерадостности и горячности. Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса».

Потеряв любимого человека, Инесса Арманд была готова для новой любви. Страстная и опытная, она открыла Ленину неведомый ему мир наслаждений. Выплеснулась вся его нерастроченная страсть. Это оказалось почти так же увлекательно, как заниматься революцией.

«Инесса Арманд прибыла в Берн и немедленно вступила в связь с известным социал-демократом Владимиром Ульяновым (Ленин), —

говорилося в донесенні заведуючого заграничною агентурою царської поліції. — Названна Арманд являється вельма крупною, популярною і діяльною величиною в інтернаціональній середі і вважається в російській революційній середі правою рукою Леніна».

Крупська, як водиться, знала об їх страсти останньої: «Ми з Ільичом і Інессою багато ходили гуляти. Зинов'єв і Каменев прозвали нас «партией прогулистов». Інесса була хорошим музикантом, сагітировала сходити всіх на концерти Бетховена, сама вельма хорошо играла Бетховена. Ільич особливо любив «Патетическую сонату», просив її постійно грати — він любив музику... К Інессі вельма прив'язалась моя мати, к якій Інесса заходила часто поговорити, посидіти з нею, покурити».

Теща Леніна, здається, перша всьому зрозуміла. Говорять, Надія Константиновна кілька разів поривалась уїхати, щоб не мешати щастю чоловіка, але Ленін її удерживав.

Крупська на фоні Арманд проигрывала. Утратила жіночі привабливості, розполнела і подурнела. Очі у неї були навикате. Недоброжелатели зло називали її «селедкою». На зовнішності Крупської сказала базедова хвороба, діагностована у неї ввесні 1913 року.

В медичних книжках того часу говорилося: «Симптоми: сильне серцебиення, підвищена збудливість, потливість, опухання щитовидної залози (то єсть появлення зоба) і випячівання очію яблук. Лікування обмежується укріплюючою дієтою, залізом, хініном, переменою клімату і приміненієм гальванізації симпатического шейного сплетенія». Одним лікуванням Крупську і користували. Надія Константиновна жаловалась свекрові в травні 1913 року: «Я на інвалідному положенні і вельма швидко устаю. Ходила я електризуватися цілий місяць, шия не сделалась менше, але очі стали нормальніші, і серце менше б'ється. Тут в клініках нервових хвороб лікування нічого не стоїть, а доктора вельма уважливі».

Ленін повідомляв товаришу по еміграції Григорію Львовичу Шкловському (секретарю Бернської секції РСДРП), з яким сблизился: «Приїхали в деревню около Закопане для лікування Надії Константиновни горним воздухом от базедовой хвороби. Хвороба же на нервовій ґрунті. Лічили три тижні електричеством. Успех рівняється нулю. Всьому по-прежньому: і пучення очію, і вздутіє шії, і серцебиення, всі симптоми базедовой хвороби».

Лічили її неправильно. Не знали тоді, що хвороба Базедова або Грейвса — одне з найбільш розповсюджених аутоімунних ендокринологічних захворювань. Избыточная секреція щитовидної

железы ведет к отравлению организма гормонами. Сейчас бы ей помогли, а тогда жена Ленина фактически осталась без медицинской помощи.

Решились обратиться к профессору Бернского университета хирургу Теодору Кохеру. В июне 1913 года он оперировал Крупскую — провел резекцию щитовидной железы.

«Операция была, по-видимому, довольно трудная, — писал Ленин матери, — помучили Надю около трех часов — без наркоза. Но она перенесла мужественно. В четверг была очень плоха — сильнейший жар и бред, так что я перетрусил изрядно. Но вчера уже явно пошла на поправку, лихорадки нет, пульс лучше».

Стало легче, но ненадолго. В апреле 1914 года Ленин писал Арманд: «Надя настояла-таки на днях попробовать велосипед: в результате после пяти минут езды повторение всех симптомов базедки, и неподвижность глаз, и рост опухоли, и страшная слабость и т. д. Вероятно, вторая операция будет неизбежна, а пока попробуем горы в Поронине».

Ленин оберегал жену, потому обратился к Григорию Шкловскому: «Еще одна просьба личная: очень просил бы Вас постараться не посылать Наде больше никаких бумажек по делу Мохова (речь шла о расследовании неблагоприятного поведения одного из социал-демократов в Берне. — Л. М.), ибо ей это треплет нервы, а нервы плохи, базедова болезнь опять возвращается... Прошу Наде ничего не посылать больше ни об этом, ни по поводу этого. Это между нами. И по этому пункту не пишите мне ничего (чтобы Надя не знала, что я Вам писал, а то она волноваться будет)».

Но чего не было, того не было: ни страсти, ни чувственных наслаждений. Всё это он нашел в объятиях Инессы. Хотя были ли объятия, или же отношения остались платоническими?.. Вся эта история — загадка. Так или иначе Инесса Арманд стала настоящей и единственной любовью Ленина. Однако Ленин не оставил жену даже в разгар романа с Арманд. А ведь это были самые счастливые дни его недолгой жизни. Тем не менее этой любовью он пренебрег. Считал ли он любовь делом преходящим, менее значимым, чем прочные дружеские отношения с Крупской?

Не имея детей, Надежда Константиновна посвятила жизнь мужу. Их объединяли общие идеалы, взаимное уважение. Нельзя говорить, что их брак был неудачным. Владимир Ильич ценил жену, сочувствовал ее страданиям. И она в трудные для него годы отплатит ему сторицей. Ленин понимал, как важны для него преданность и надежность Надежды Константиновны, разносторонне образованной женщины. Она, не жалуясь, помогала ему во всём. Вела его обширную корреспонденцию. Шифровала и расшифровывала переписку с товарищами — дело муторное и

трудоемкое. Шутили, что практичный Ленин женился на Крупской ради ее каллиграфического почерка.

— Владимир Ильич был человеком исключительно обаятельным, — говорил на праздновании 65-летия Крупской 28 февраля 1934 года старый большевик, академик и член ЦК Глеб Максимилианович Кржижановский, председатель Государственной комиссии по электрификации России и создатель Госплана. — Выбор его, однако, остановился на Надежде Константиновне. И этот выбор был безошибочен. Трудно было бы найти более верного друга, который давал бы минимум осложнений в жизни и максимум поддержки. Владимир Ильич никогда не был одинок: рядом с ним всегда был его верный соратник Надежда Константиновна...

Надо отдать должное Крупской. Они с Инессой не выясняли отношений из-за мужчины. Они даже дружили. Инессу, сексуально раскрепощенную женщину, вполне устроила бы и жизнь втроем. Фактически Инесса это и предлагала Ленину: «Много было хорошего и в отношениях с Надеждой Константиновной. Она мне сказала, что я ей стала дорога и близка лишь недавно. А я ее полюбила почти с первого знакомства за ее мягкость и очарование».

Если в душе Надежды Константиновны и крылась обида, она ничем ее не выдала и продолжала быть рядом с мужем. Ленин бы в любом случае ее удержал. Оценил преданность Надежды Константиновны? Не захотел бросить заболевшую жену после стольких лет брака? Заботился о своей репутации? Арманд смущала его свободой взглядов. Она считала, что женщина сама вправе выбирать себе партнера, а в этом смысле революционер Ленин был крайне старомоден.

В конце концов уехала Инесса. Ленин пытался с ней объясниться: «Надеюсь, мы увидимся после съезда. Пожалуйста, привези, когда приедешь (то есть привези с собой) все наши письма (посылать их заказным сюда неудобно: заказное письмо может быть весьма легко вскрыто друзьями)».

Ленин просил Инессу вернуть его письма, чтобы их уничтожить. С ней Владимир Ильич был очень откровенен: «Как я ненавижу суетню, хлопотню, делишки и как я с ними неразрывно и навсегда связан! Это еще лишний признак того, что я обленился, устал и в дурном расположении духа. Вообще я люблю свою профессию, а теперь я часто ее почти ненавижу.

Если возможно, не сердись на меня. Я причинил тебе много боли, я это знаю...»

Роман с Инессой длился лет пять, пока Ленин не прервал любовные

отношения, оставив только деловые. И всё равно нежные нотки постоянно прорывались:

«Дорогой друг!

Только что отправил Вам, так сказать, деловое письмо. Но захотелось мне сказать Вам несколько дружеских слов и крепко, крепко пожать руку. Вы пишете, что у Вас даже руки и ноги пухнут от холоду. Это, ей-ей, ужасно. У Вас ведь и без того руки всегда были зябки. Зачем же еще доводить до этого?..

Последние Ваши письма были так полны грусти и такие печальные думы вызывали во мне и так будили бешеные угрызения совести, что я никак не могу прийти в себя... О, мне хотелось бы поцеловать тебя тысячу раз, приветствовать тебя и пожелать успехов».

Любовь обеих женщин Ленин использовал на полную катушку. Надежда Константиновна руководила его канцелярией и вела переписку. С Инессой он обсуждал стратегию и тактику политической борьбы. Она говорила на четырех языках и переводила для него с французского. Она была одним из немногих, к кому Ленин обращался на «ты». Как ни любил Владимир Ильич Инессу, он хладнокровно отправил ее из эмиграции с партийным поручением в царскую Россию, понимая, как опасно это путешествие. И ее действительно арестовали. Но политика и борьба за власть были для него важнее всего.

РОЛЬ ИМПЕРАТРИЦЫ НЕ ДЛЯ НЕЕ

У Ленина было много поклонников, которые боготворили его и всё ему прощали. Но близких, закадычных, интимных друзей не было. Кроме Инессы Арманд.

Настал момент, когда их отношения возобновились. Это произошло после того, как 30 августа 1918 года в Ленина стреляли — во время его выступления на митинге у завода Михельсона. Подозреваемую схватили на месте преступления. Это была 28-летняя Фаня Ефимовна Ройдман, молодая женщина с богатой революционной биографией. В 16 лет она примкнула к анархистам и взяла себе фамилию Каплан. В 1906 году она была ранена при взрыве бомбы в Киеве, схвачена и царским судом приговорена к бессрочным каторжным работам.

На сей раз дознание провели в рекордно быстрые сроки. Большевики не сомневались в виновности Каплан. Ее расстрелял лично комендант Кремля Павел Дмитриевич Мальков, бывший матрос и член высшего выборного коллектива военных моряков — Центрального комитета Балтийского флота (Центробалта). Тело Каплан сожгли.

Лидер левых эсеров Мария Александровна Спиридонова с укоризной написала Ленину: «И неужели, неужели Вы, Владимир Ильич, с Вашим огромным умом и личной безэгоистичностью и добротой, не могли догадаться и не убивать Каплан? Как это было бы не только красиво и благородно и не по царскому шаблону, как это было бы нужно нашей революции в это время нашей всеобщей оголтелости, остервенения, когда раздается только щелканье зубами, вой боли, злобы или страха и... ни одного звука, ни одного аккорда любви».

Будущий обозреватель «Правды», а тогда не симпатизировавший большевикам публицист Давид Иосифович Заславский записал в дневнике: «Ленин, наверно, добрый в личной, в семейной, кружковой жизни человек. Наверно, “и мухи не обидит” у себя дома. А вот не пощадил, не помиловал ту девушку, которая стреляла в него. Он видел смерть перед собой, знает, как стирает смерть всё земное, и в последнюю минуту все равны — и он, и эта девушка, — и сам, цепляясь за жизнь, карабкаясь из могилы, толкнул туда эту девушку, — хотя уж без всякой нужды».

История с Фанни Каплан по-прежнему вызывает большие сомнения. Полуслепая женщина, по мнению экспертов, никак не могла попасть в вождя. Несмотря на попытки провести новое расследование, подлинные

обстоятельства этого покушения так и остались тайной, как и история с убийством американского президента Джона Кеннеди. Скорее всего, Фанни Каплан и в самом деле стреляла во Владимира Ильича. Но так ли это было или нет, уже не установишь...

После покушения на Ленина был провозглашен «красный террор». В Петрограде 500 человек расстреляли и столько же взяли в заложники.

Шестого сентября 1918 года Заславский отметил в дневнике: «Лукавый чертик шепчет на ухо: большие дела требуют и большого злодейства. Петр Великий был страшен и отвратителен в жестокости своей. Палкой, кнутом, топором вгонял он Россию в буржуазный строй, и либеральные современники проклинали его, прозвали антихристом, устраивали заговоры и восстания. Его ненавидели и преклонялись перед ним. История простила ему свирепые его казни... Великие люди, все они были тиранами и убийцами. Все были нечувствительны к крови, шагали по ней равнодушно, ни во что не ценя жизнь человеческую. И всех оправдала история. Ленина она тоже оправдает».

Списки заложников публиковались в «Красной газете» в сентябре 1918 года под заголовком «Ответ на белый террор». Петроградский совет постановил: «Довольно слов: наших вождей отдаем под охрану рабочих и красноармейцев. Если хоть волосок упадет с головы наших вождей, мы уничтожим тех белогвардейцев, которые находятся в наших руках, мы истребим поголовно вождей контрреволюции».

Нарком внутренних дел Григорий Петровский разослал всем местным органам власти циркулярную телеграмму: «Применение массового террора по отношению к буржуазии является пока словами. Надо покончить с расхлябанностью и разгильдяйством. Надо всему этому положить конец. Предписываем всем Советам немедленно произвести арест правых эсеров, представителей крупной буржуазии, офицерства и держать их в качестве заложников».

Для расстрела было достаточно одних только анкетных данных. По телефонным и адресным книгам составлялись списки капиталистов, бывших царских сановников и генералов, после чего всех поименованных в них лиц арестовывали.

Сразу после революции о терроре не думали. Страсти накалялись постепенно. Но общество довольно быстро подготовило себя к террору. Большевики пришли к власти с обещанием раздавить классового врага. Вероятно, до того, как они взяли Зимний дворец, это носило теоретический характер. Но дела не заставили себя ждать. С невероятной быстротой обнаружилась готовность пустить в ход силу.

На заседании ЦК Ленин недовольно заметил:

— Большевики часто чересчур добродушны. Мы должны применить силу.

Через десять дней после Октябрьской революции в «Известиях» появилась статья «Террор и гражданская война». В ней говорилось об обострении классовой борьбы, продолжением чего станет гражданская война: «Странны, если не сказать более, требования лиц, сидящих между двух стульев, о прекращении террора, о восстановлении гражданских свобод». Война не пугала.

На III съезде Советов Ленин объявил:

— Ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе, как насилием. Насилие, когда оно происходит со стороны трудящихся, эксплуатируемых масс против эксплуататоров, — да, мы за такое насилие!

Наверное, в тот момент он еще плохо понимал, какому насилию открывает дорогу. Но угрозы не сходят с его языка.

Двадцать второго ноября 1917 года Ленин подписал декрет № 1 о суде. Готовили его под руководством латышского революционера Петра Ивановича Стучки, который окончил юридический факультет Петербургского университета и до первого ареста работал помощником присяжного поверенного.

«Наш проект декрета, — вспоминал Стучка, — встретил во Владимире Ильиче восторженного сторонника. Суть декрета заключалась в двух положениях: 1) разогнать старый суд и 2) отменить все старые законы».

Заодно отменили институт судебных следователей, прокурорского надзора и адвокатуру. Восьмая статья декрета учреждала «рабочие и крестьянские революционные трибуналы» — «для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц».

В написанном Петром Стучкой «Руководстве для устройства революционных трибуналов» говорилось: «В своих решениях революционные трибуналы свободны в выборе средств и мер борьбы с нарушителями революционного порядка».

Страна вступила в эпоху беззакония — в прямом и переносном смысле. Большевики исходили из того, что правосудие должно служить пролетарскому государству. Нормы права не имеют значения, тут чистая политика. Большевистская власть не правосудие осуществляет, а устраняет политических врагов. Трибуналы руководствовались революционным

чутьем и социалистическим правосознанием. Если председатель трибунала считал, что перед ним преступник, значит, так и есть.

«Уничтожив суды, — писала газета «Наш век», — господа народные комиссары этим самым укрепили в сознании “улицы” право на “самосуд”, звериное право. Нигде человека не бьют так часто, с таким усердием и радостью, как у нас на Руси. “Дать в морду”, “под душу”, “под микитки”, “под девятое ребро”, “намылить шею”, “накостылять затылок”, “пустить из носу юшку”, — всё это наши русские, милые забавы. Этим — хвастаются. Люди слишком привыкли к тому, что их бьют — родители, хозяева, полиция. И вот теперь этим людям, воспитанным истязаниями, как бы дано право свободно истязать друг друга. Они пользуются своим “правом” с явным сладострастием, с невероятной жестокостью...»

Поздно вечером 28 ноября 1917 года Совнарком принял предложенный Лениным проект декрета «об аресте виднейших членов Центрального комитета партии врагов народа». Имелась в виду партия конституционных демократов, кадетов, считавшая правильным для России мирный путь эволюции.

«Вне закона, — вспоминал лидер эсеров Виктор Михайлович Чернов, — были объявлены кадеты — почтенная и солидная, никакой опасностью захватчикам власти не грозившая партия адвокатов и профессоров...»

На этом же заседании большевистского правительства было заявлено: «Идет открытая гражданская война».

«Члены руководящих учреждений партии кадетов как партии врагов народа, — говорилось в подписанном Лениным декрете, — подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов. На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции».

При обсуждении во ВЦИК против декрета выступили эсеры, левые и правые, и меньшевики. Декрет приняли 150 голосами против 98.

Для того чтобы угрозы стали реальностью, не хватало только универсального инструмента для борьбы со всеми, кого назовут врагами. Он не замедлил появиться. 6 декабря 1917 года вечером Совнарком обсуждал вопрос «О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе».

В постановлении записали:

«Поручить т. Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавления злостного саботажа. К завтрашнему заседанию представить списки членов

этой комиссии и меры борьбы с саботажем».

Создать карательное ведомство? Даже среди активных большевиков не всякий взялся бы за такую задачу. Это эсеры легко брались за оружие, занимались террором, убивали министров и жандармов. Нарком внутренних дел Петровский передал это постановление своему заместителю по наркомату Дзержинскому. 7 декабря Феликс Эдмундович составил список комиссии.

Вечером в Кремле у Якова Михайловича Свердлова (главы Советского государства — председателя ВЦИК) собрались комиссар милиции Екатеринослава Василий Кузьмич Аверин, начальник Красной гвардии города Иваново Дмитрий Гаврилович Евсеев, член ВЦИК Иван Ксенофонович Ксенофонтов, член ЦК партии Григорий Константинович (Серго) Орджоникидзе, член Петроградского военно-революционного комитета Яков Христофорович Петерс, член президиума ВЦИК Карл Андреевич Петерсон, член Главного штаба Красной гвардии Валентин Андреевич Трифонов...

Тогда же придумали и название — Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем. На заседании Совнаркома название было утверждено.

Восемнадцатого декабря 1917 года Дзержинский обратился в Совнарком: «Не имея собственной автомобильной базы, комиссия наша не в состоянии справиться хоть сколько-нибудь удовлетворительно с возложенной на нас задачей борьбы с контрреволюцией, саботажем и мародерством. Ордера наши остаются без исполнения, связь с органами Советской власти не может установиться. Наши требования в Смольный на автомобили почти всегда остаются без удовлетворения.

Необходимо нам поэтому иметь собственную базу, для этой цели предоставьте нам право реквизиции автомобилей, бензина, смазочного масла и других автомобильных принадлежностей».

Всероссийская чрезвычайная комиссия еще не приступила к работе, но методы брались на вооружение незаконные. Председатель ВЧК просил не выделять ассигнования на покупку автомобилей, а разрешить чекистам реквизировать, то есть отбирать машины.

Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем большевики создавали в основном для того, чтобы справиться с армией чиновников, которые бойкотировали новую власть и саботировали распоряжения Совета народных комиссаров. Но руководители партии быстро поняли цену органам госбезопасности как важнейшему инструменту контроля над страной.

Двадцать первого февраля 1918 года Совнарком утвердил декрет «Социалистическое отечество в опасности!» Он грозил расстрелом как внесудебной мерой наказания «неприятельским агентам, германским шпионам, контрреволюционным агитаторам, спекулянтам, громилам, хулиганам». Важно отметить эту формулировку: внесудебная мера наказания! Левые эсеры возражали против расстрелов. Но в Совнаркоме их позицию проигнорировали.

Отменив все законы, большевики взяли сами вершить правосудие по принципу: политическая целесообразность важнее норм права. И по всей стране без суда ставили к стенке тех, кого считали «врагами народа и революции».

Важно отметить, что Ленин и Крупская полагали, что иначе большевики просто не могут поступать. Они, верно, и не заметили, как легко присвоили себе право наказывать и миловать, распоряжаться жизнями других людей. Ленин точно знал, что ему делать, когда возьмет власть. В отличие от Керенского, которому власть свалилась в руки. Поэтому Керенский и отказывался подписывать смертные приговоры. А Ленин себе давно объяснил: это политически целесообразно, иначе не удержать власть.

Диктатура пролетариата — вот чем Ленин обогатил марксизм. Он изучил недолгую историю Парижской коммуны и пришел к выводу, что без крови власть не сохранить. Поэтому он единственный был готов действовать твердо и жестко.

Двадцать третьего февраля Всероссийская чрезвычайная комиссия объявила, что в соответствии с декретом Совнаркома будет использовать такой метод борьбы с врагами, как расстрел. Дзержинский не считал ВЧК контрразведкой или политической полицией. Он видел в ВЧК особый орган, имеющий право самостоятельно уничтожать врагов.

«Работники ЧК — это солдаты революции, — писал Феликс Эдмундович, — и они не могут пойти на работу розыска-шпионства: социалисты не подходят для такой работы. Боевому органу, подобному ЧК, нельзя передавать работу полиции. Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно».

Он добился этого права для чекистов, и кровь полилась рекой. Страна с ужасом заговорила о «кожаных людях». Подчиненные Дзержинского носили кожаные куртки: им раздали обмундирование, предназначенное для летчиков. Это был подарок Антанты, найденный большевиками на складах в Петрограде. Куртки чекистам нравились не потому, что они предчувствовали моду на кожу. В кожаных куртках не заводились вши. В те

годы это было очень важно: вши — переносчики тифа, который косил людей и на фронте, и в тылу.

Большевики создавали атмосферу, в которой террор становится возможным. В отсутствие законов в стране даже формально возник правовой беспредел. При этом чекисты не в состоянии были совладать с настоящей преступностью.

«В городе начались ограбления квартир и убийства, — вспоминала Ольга Львовна Барановская-Керенская, первая жена главы Временного правительства. — Прислуги почти никто уже, кроме коммунистов, не держал, дворники были упразднены, охранять дома и квартиры было некому. Мы понимали, что всё идет прахом и цепляться за вещи незачем, что надо только стараться сохранить жизнь, не быть убитыми грабителями, не умереть с голоду, не замерзнуть. В течение нескольких месяцев, а может быть, и больше, пока дети не достали мне чугунную печку, я жила не раздеваясь и никогда не спала на кровати.

В голове никаких мыслей и никаких желаний, кроме мучительных дум о том, что еще продать и как и где достать хоть немного хлеба, сахара или масла. Тротуаров уже не было, и не было ни конного, ни трамвайного движения (лошади все были съедены), улицы не чистились, снег не сгребался, по улицам плелись измученные, сгорбившиеся люди. И как горькая насмешка на каждом шагу развевались огромные плакаты: “Мы превратим весь мир в цветущий сад”».

ВЧК стала инструментом тотального контроля и подавления. Жестокость, ничем не сдерживаемая, широко распространилась в аппарате госбезопасности. Беспощадность поощрялась с самого верха. За либерализм могли сурово наказать, за излишнее рвение слегка пожурить. Более того, жестокость оправдывалась и поощрялась.

Николай Иванович Бухарин, который считался самым либеральным из большевистских руководителей, писал в 1920 году: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

В определенном смысле Николай Иванович оказался прав. Беззаконие, массовый террор, ужасы Гражданской войны — вот через какие испытания прошли советские люди. И всё это не могло не сказаться на их психике и представлениях о жизни.

Новая власть решала экономические проблемы динамитом, социальные — арестами и голодом. Те, кто сопротивлялся, объявлялись

врагами народа. Когда начались первые повальные аресты и хватали известных и уважаемых в России ученых и общественных деятелей, еще находились люди, которые взывали к Ленину с просьбой освободить невинных. Владимир Ильич хладнокровно отвечал: «Для нас ясно, что и тут ошибки были. Ясно и то, в общем, что мера ареста кадетской (и околокадетской) публики была необходима и правильна».

Не выдержала известная актриса Мария Андреева, много сделавшая для большевиков. Она ходатайствовала об освобождении невинных людей. Ей Ленин откровенно объяснил: «Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей кадетской и околокадетской публики... Преступно не арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки, чем чтобы 10 000 были перебиты. Ей-ей лучше».

Владимир Ильич и Надежда Константиновна всё обсуждали вдвоем. Привыкли вечером делиться пережитым за день. Между ними давно не возникало серьезных расхождений. И вот вопрос: Ленин и Крупская не были жестокими людьми, почему же двое русских интеллигентов из просвещенных дворянских семей считали возможным сажать и даже расстреливать людей без суда и следствия?

Они оба сами прошли через тюрьму и ссылку. Но это не воспитало в них обостренной чувствительности к ущемлению прав человека. Они уверились в правоте собственных идей и отстаивали простой постулат: только построение коммунистического общества приведет к полному торжеству справедливости и сделает весь народ счастливым. Ради достижения этой великой цели можно и нужно идти на всё. Какое значение имеет жизнь отдельных людей, когда речь идет о всеобщем благе!

Каждодневная действительность, кровавая и жестокая, должна была их настораживать. Но, видимо, они оба даже не допускали сомнений в собственной правоте. Ведь иначе оказалось бы, что стратегия неверна, что они посвятили свою жизнь ошибочной цели... Впрочем, реальной жизни Советской России они не видели. Из Кремля в Горки и обратно. Больше они нигде не бывали.

После покушения у комнаты Ленина в Кремле выставили пост охраны. Чекист сидел возле личного телефонного коммутатора председателя Совнаркома. Один из них вспоминал, как внезапно появился Ленин. Дежурный вскочил и, как положено, приложил руку к козырьку. Владимир Ильич понимал, что должен ответить на приветствие, но поскольку в армии он не служил и не знал, как это положено делать, то приложил левую руку к непокрытой голове.

Среди немногих людей, которых он пожелал видеть, когда его привезли с завода Михельсона, была Инесса Федоровна Арманд. Возможно, оказавшись перед лицом смерти, он многое переосмыслил и желал видеть рядом дорогого ему человека.

После работы он часто заезжал к Инессе, благо ее квартира была рядом. Это устроил сам Ленин. 16 декабря 1918 года дал указание коменданту Кремля Павлу Малькову: «Подательница — тов. Инесса Арманд, член ЦИК. Ей нужна квартира на четырех человек. Как мы с Вами говорили сегодня, Вы ей покажите, что имеется, то есть покажите те квартиры, которые Вы имели в виду».

Ей выделили большую квартиру на Неглинной, установили аппарат прямой правительственной связи. Если Ленин не мог заехать, писал записку. Некоторые сохранились.

Шестнадцатого февраля 1920 года:

«Дорогой друг!

Сегодня после 4-х будет у Вас хороший доктор.

Есть ли у Вас дрова? Можете ли готовить дома?

Кормят ли Вас?»

Только отправил эту записку и почти сразу пишет новую:

«Тов. Инесса!

Звонил к Вам, чтобы узнать номер калош для Вас. Надеюсь достать.

Был ли доктор?»

Озабоченный ее здоровьем, он постоянно думает о ней:

«Дорогой друг!

После понижения температуры необходимо выждать несколько дней.

Иначе — воспаление легких.

Испанка теперь свирепая.

Пишите, присылают ли продукты?»

После Октябрьской революции Инессе Арманд нашли место в системе новой власти. Поручили провести I Всероссийский съезд работниц и крестьянок. Специально для нее в аппарате ЦК партии образовали отдел по работе среди женщин. Арманд подозревали в скрытом всевластии. На съезде Советов один из левых эсеров сказал:

— У императора Николая был злой гений — его жена Алиса Гессенская. Вероятно, и у Ленина есть также свой гений.

За это высказывание левое эсера немедленно лишили слова, усмотрев в его словах оскорбление председателя Совета народных комиссаров.

Ненавидевший большевиков профессор Юрий Готье записал в дневнике, как оказался на заседании коллегии наркомата: «Присутствовала

Крупская-Ульянова-Ленина, без пяти минут русская императрица; я не ожидал видеть ее такой, какая она есть — старая, страшная, с глупым лицом тупой фанатички, причем ее уродство подчеркивается ясно выраженной базедовой болезнью».

Слова глубоко несправедливые. Серьезная болезнь — не повод для насмешек.

«Сидели на большом совещании, — вспоминала помощница Крупской, — и вдруг она говорит:

— Выведите меня, я потеряла зрение.

Под руку вывела ее в другую комнату. Сильно испугавшись, что она ослепла, хотела звонить Владимиру Ильичу, но она не разрешила. К счастью, потеря зрения оказалась временной, продолжалась часа полтора, врач объяснил это истощением организма».

Внезапная слепота — лишь одно из последствий ее недуга. Другие — слабость, одышка, тахикардия, повышенное давление, хроническая сердечная недостаточность. И на роль императрицы первая леди советской власти вовсе не претендовала. Всегда держалась в тени великого мужа и оставалась скромным человеком.

Луиза Брайант, жена летописца революционных дней американского журналиста Джона Рида, сама написала книгу «Шесть красных месяцев в России». Она запечатлела облик Крупской: «...черное платье, бледное лицо и белые без колец руки».

Английский корреспондент, побывавший у Надежды Константиновны в Наркомате просвещения, озаглавил газетную заметку — «Первая леди». Владимир Ильич заметил, что правильнее было бы иное название, а именно: «Первая оборванка».

Он, конечно же, шутил. Однако пренебрежение его жены собственным гардеробом было притчей во языцех. Крупская вообще не придавала своей внешности никакого значения. Можно было бы сказать, что она махнула на себя рукой. Но она, скорее, действительно была равнодушна к материальному миру, что вполне соответствовало взглядам образованной публики в начале XX века.

«Надежда Константиновна, — вспоминала Мария Ильинична, — никак не решалась, например, надеть платье, которое ей преподнесли сослуживицы, считавшие, что она одевается недостаточно хорошо. Кажется, только один раз решилась она обновить его, и то на какой-то вечер на заводе, где можно было не снимать шубу, а потом отдала его в числе других вещей во время сбора их в период Гражданской войны».

Надежда Константиновна стеснялась и не привыкла тратить время на

заботы о себе.

— Купи Наде валенки, — говорил Ленин своей практичной сестре, — у нее зябнут ноги.

Поскольку купить что-либо стало невозможно, валенки давали по ордерам. Иначе говоря, правом приобрести что-либо наделялись те, кто имел право получить ордер, то есть полезные новой власти люди.

Сестре Ленина ордер выдавали: «Достанешь. Проходит день — валенок нет. Что такое? Где же они? Начинаешь поиски, и, наконец, выясняется, что Надежда Константиновна отдала их кому-то, кто, по ее мнению, больше в них нуждается».

— Надо достать другие, — резюмировал Ленин.

Но хозяйственную Марию Ильиничну это не устраивало:

— Володя, скажи Наде, чтобы она не отдавала валенки, а то и с другими та же история будет, ведь неудобно же так часто ордера брать.

«Однако надо быть всё время начеку, — вспоминала Мария Ульянова. — Вдруг исчезает белье Владимира Ильича. Что за история? Что же он носить будет?»

Мария Ильинична сразу заподозрила Надежду Константиновну:

— Надя, ты не брала ли из шкафа Володиного белье?

— Да, знаешь, пришел ко мне один парень. Ничего у него нет. Вот я и дала Володиные штаны и рубаху.

— Да ты бы ему денег дала.

— Что же он на деньги теперь достанет? — резонно возразила Крупская.

Самому Ленину вещи купили буквально через день после Октябрьской революции, 27 октября 1917 года, — зимнее пальто с каракулевым воротником, шапку-ушанку, теплые перчатки и шерстяную вязаную кофту. Успели. После победы большевиков магазины опустели. Большим начальникам всё везли из-за границы.

«Иногда какую-либо часть своего костюма, привыкнув к ней, Надежда Константиновна носила так долго, что та приобретала совершенно прозрачный и потому малопрятный вид... — вспоминала Мария Ульянова. — Надежда Константиновна могла быть недовольна на такое узурпирование ее права носить то, что ей хотелось. Для улаживания дела приходилось прибегать к помощи Владимира Ильича».

Вытащив и продемонстрировав ему какую-нибудь часть костюма Надежды Константиновны, пришедшую в полную негодность, и выслушав мнение Ильича, что действительно ее давно пора изъять из употребления, Мария Ульянова обращалась к нему с просьбой поддержать ее в случае

недовольства Надежды Константиновны самоуправством золовки. Ильич весело соглашался.

— Где моя юбка (или кофта)? — Надежда Константиновна с недовольным видом обращалась к Марии Ильиничне. — Ты опять ее спрятала?

— Она отправлена в музей древностей, — отвечала Мария Ульянова.

Надежда Константиновна, видя, что Владимир Ильич весело хохочет и выражает полное одобрение образу действия младшей сестры, сдавалась.

Щедрость и готовность помочь всегда были свойственны Крупской.

«У меня изнасилась обувь, — вспоминала Раиса Викторовна Григорьева, работавшая под ее началом в библиотечном коллекторе Наркомата просвещения, — а достать что-либо тогда было очень трудно».

В один из дождливых осенних дней Крупская прислала за ней сторожа (библиотечный коллектор располагался в другом помещении). Завела в свой кабинет, закрыла дверь. И вытащила из своего портфеля пару новых ботинок:

— Это у меня лишняя пара, садитесь, меряйте.

Раиса Григорьева заплакала, потрясенная и ее вниманием, и самим подарком, и той деликатностью, с каким он был предложен...

Сотрудник Наркомата просвещения Петр Васильевич Руднев, ведавший школами крестьянской молодежи в Главном управлении социального воспитания и политехнического образования (Главсоцвос), тоже вспоминал, как внимательна была Крупская к окружающим ее людям: «Собралась первая Всероссийская конференция школьного комсомола. Именно в эти дни у моей жены Шуры предстояли роды. Мы заранее знали, что неизбежна операция. О благополучном исходе я узнал во время прений по моему докладу. Узнав о случившемся и поздравив с рождением дочери, Крупская попросила изменить порядок заседания. Дать ей слово, а затем уже вернуться к продолжению прений по моему докладу. А мне она велела немедленно на ее машине ехать в больницу...»

Инессы Арманд Ленин лишился, когда отправил ее отдыхать.

В августе 1920 года Ленин писал ей:

«Дорогой друг!

Грустно очень было узнать, что Вы переустали и недовольны работой и окружающими (или коллегами по работе). Не могу ли я помочь Вам, устроив в санатории?

Если не нравится в санаторию, не поехать ли на юг? К Серго на Кавказ? Серго устроит отдых, солнце. Он там власть. Подумайте об этом.

Крепко, крепко жму руку».

Спасая Инессу от женских дразг в коридорах ЦК и желая сделать ей приятное, Ленин уговорил ее отдохнуть в Кисловодске. Инесса поехала с сыном. Ее отдыхом вождь мирового пролетариата занимался сам, уже убедившись, что созданный им же советский аппарат провалит любое дело. Поездка оказалась роковой.

Восемнадцатого августа Ленин связался по телеграфу с председателем Северо-Кавказского ревкома Серго Орджоникидзе: «т. Серго! Инесса Арманд выезжает сегодня. Прошу Вас не забыть Вашего обещания. Надо, чтобы Вы протелеграфировали в Кисловодск, дали распоряжение устроить ее и ее сына как следует и проследить исполнение. Без проверки исполнения ни черта не сделают».

Поездка не заладилась с самого начала. Отдых не получался. Инесса Арманд грустила. 1 сентября 1920 года записала в дневнике: «Раньше я, бывало, к каждому человеку подходила с теплым чувством. Теперь я ко всем равнодушна. А главное — почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось только к детям и к Владимиру Ильичу. Во всех других отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы, отдав все свои силы, всю свою страсть Владимиру Ильичу и делу работы, в нем истощились все источники работы, которыми оно раньше было так богато...

И люди чувствуют эту мертвенность во мне, и они оплачивают той же монетой равнодушия или даже антипатии (а вот раньше меня любили). А сейчас — иссякает и горячее отношение к делу. Я человек, сердце которого постепенно умирает...»

Отношения с Владимиром Ильичом, теплые и сердечные, были ограничены известными рамками, которые он сам установил. А ей хотелось настоящей любви, обычного женского счастья. Кто знает, как сложилась бы ее жизнь... Но ей уже не суждено было встретить другого мужчину.

Ленин тревожился и напоминал Орджоникидзе: «Очень прошу Вас, ввиду опасного положения на Кубани, установить связь с Инессой Арманд, чтобы ее и сына эвакуировали в случае необходимости...»

Вот и напрасно сорвали ее из безопасного Кисловодска. Боялись одного, а беда подстерегла с другой стороны. На Кавказе, в Беслане, Инесса заразилась холерой и умерла. Местный телеграфист отстучал телеграмму: «Вне всякой очереди. Москва. ЦЕКа РКП, Совнарком, Ленину. Заболевшую холерой товарища Инессу Арманд спасти не удалось. Кончилась 24 сентября. Тело перепроводим Москву».

С транспортом были большие проблемы. Восемь дней ее тело лежало в морге в Нальчике, пока искали оцинкованный гроб и специальный вагон.

Через две недели, ранним утром 11 сентября 1920 года, гроб доставили в Москву. На Казанском вокзале поезд встречали Ленин и Крупская. Гроб поставили на катафалк и повезли в Дом союзов. Ленина уговаривали сесть в машину. Он отказался:

— Я пойду за гробом.

Дочь члена Реввоенсовета Республики Сергея Ивановича Гусева, Елизавета Драбкина, вспоминала: «Мы увиделидвигающуюся нам навстречу похоронную процессию. Мы увидели Владимира Ильича, а рядом с ним Надежду Константиновну, которая поддерживала его под руку. Было что-то невыразимо скорбное в его опущенных плечах и низко склоненной голове».

Владимир Ильич шел за гробом через весь город. О чем он в эти часы думал? О том, что напрасно отказался от любви Инессы Арманд и жестоко обделил себя? Ощущал свое одиночество? Чувствовал неотвратимо подступающую неизлечимую болезнь?

На одном из венков было написано: «Тов. Инессе — от В. И. Ленина». Он стоял с непокрытой головой на краю могилы. Мало кто видел Ленина плачущим. Он плакал на ее похоронах.

А еще недавно он выглядел очень неплохо.

«На Владимире Ильиче был старый эмигрантский пиджак, возможно, еще из Цюриха, — таким его увидел в самом начале 1920 года один из работников Коминтерна. — Почти лысый, с шишковатым черепом, высоким лбом, удивительно свежим розовым цветом лица, небольшой рыжеватой бородкой, слегка выступающими скулами, серо-зелеными глазами, он имел добродушный и радостно-лукавый вид. Сама простота».

Смерть близкого человека подкосила его.

«На похоронах Ленина было не узнать, — писала Александра Коллонтай. — Он был раздавлен горем. Нам казалось, что в любой момент он может лишиться сознания».

Когда гроб опускали в могилу, запели «Интернационал».

Смерть Инессы Арманд никому не принесла облегчения. Об избавлении от счастливой соперницы не было и речи. Ревность если и была, то осталась в далеком прошлом. Болезнь Ленина стремительно развивалась, и для Крупской худшее было впереди. На склоне лет Надежда Константиновна уже не видела в Инессе Арманд удачливую соперницу и часто вспоминала эту яркую и темпераментную женщину. Да много ли в ее жизни было счастливых дней и месяцев? Совсем немного. Как и в жизни Ленина.

Кто знает, будь у него полноценная семья, дети, то революция,

Гражданская война не оказались бы такими кровавыми? Впрочем, возможно, если бы у него нашлось желание проводить время в кругу семьи, заниматься женой и детьми, революции вообще бы не случилось.

Ленин и Крупская заботились о детях Инессы Федоровны.

«Когда в сентябре 1920 года пришло известие о смерти мамы, — вспоминала Варвара Александровна Арманд, — нам тут же позвонила Надежда Константиновна и просила к ней прийти. Мы пошли, и не знаю, как это произошло, но в короткий срок Надежда Константиновна стала нам близкой, любимой».

У нее была хорошая память, и она читала детям Арманд стихи, выученные в детстве.

Тринадцатого августа 1921 года Ленин обратился к полпреду в Персии (Иран) Федору Ароновичу Ротштейну: «Я писал Вам об Александре Александровиче и Варваре Александровне Арманд, о которых я очень забочусь. Надеюсь, они в Персии будут полезны для дела и Вы им уделите минутку внимания».

Будущий академик Ротштейн родился в Ковно (Каунас), учился на медицинском факультете Киевского университета, увлекся революционными идеями и перебрался в Англию. Помог провести V съезд партии в Лондоне в 1907 году.

Александр Арманд, которого рекомендовал Ленин, — это старший сын Инессы Федоровны, он получил место секретаря торгпредства в Тегеране. Варвара — ее младшая дочь. А старшая дочь, Инна Александровна Арманд, работала в 1921–1923 годах в аппарате исполкома Коминтерна, потом служила в советском полпредстве в Германии.

Фридрих Игоревич Фирсов, работавший в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, познакомился там с дочерью Арманд. Она казалась молчаливой и строгой дамой: «Много позднее понял причину ее замкнутости. Увидел в архиве снимок делегатов IV конгресса Коминтерна. Среди них Инесса Александровна. От кого-то слышал, что она была замужем за Гуго Эберляйном, делегатом от компартии Германии. Его перевели на работу в аппарат Коминтерна. В 1937 году арестовали и впоследствии расстреляли.

Я не знал этого и попросил Арманд рассказать мне что-нибудь об этом конгрессе. Она резко ответила, что ничего не помнит. Мне показалось, что на ее всегда спокойном и замкнутом лице отразился скрытый страх. Я тогда был еще слишком далек от того, чтобы представить себе ту лавину страха, которая на них обрушилась».

ЖИЗНЬ В ГОРКАХ

В Горках Ленин выбрал комнату на втором этаже. Надежда Константиновна разместилась рядом с мужем. Мария Ильинична устроилась в другой половине дома, но также на втором этаже.

Охрана Ленина заняла нижний этаж. Чекистам сколотили нары. Там же установили связывавший высших чиновников советской власти телефон автоматической связи, вертушку.

Вообще-то оперативное отделение при президиуме ВЧК создавалось для производства обысков, арестов и наружного наблюдения. Со временем отделению поручили и охрану Ленина (а потом и других руководителей партии и государства), обеспечение безопасности официальных мероприятий и митингов. Руководил отделением член коллегии ВЧК Абрам Яковлевич Беленький. Он набирал физически крепких и выносливых молодых людей, владеющих оружием. В ноябре 1920 года образовали специальное отделение при президиуме ВЧК, которое полностью сосредоточилось на охране вождей.

А в Горки командировали три десятка чекистов из полка особого назначения ОГПУ, начальником группы назначили Петра Пакална. Один из чекистов, И. Чабанов (см.: Коммерсантъ-власть. 2004. 19–25 января), вспоминал:

«Мы работали в Брянске по подавлению контрреволюционных выступлений. Товарищ Дзержинский вызвал нас в Москву после ранения Владимира Ильича и сказал:

— Вам предстоит большая работа за городом. Придется поехать восемнадцати, а может быть, двадцати человекам. Надеюсь, что вы, как преданные чекисты, выполните задачу, которую мы перед вами поставим.

Мы подготовились, почистили пулеметы и оружие. Приходят две крытые “санитарки”. Сажают нас в машину. Подъезжаем, комиссар нам говорит — выходите. Перед нами три дома. Абсолютно никого нет. Комиссар обратился к нам:

— Входите в дом.

Мы первым делом вытащили пулемет, взяли оружие. Все в недоумении — в чем дело, что за необычная задача? Всё тихо, никого нет. Вдруг говорят:

— Выйдите четыре человека, встаньте один за кустом сирени, другой по ту сторону, а остальные сбоку.

Мы вышли. Подъезжает машина. Комиссар подходит, открывает дверь. Выходит мужчина в желтом вязаном джемпере, с подвязанной рукой. Наш комиссар за ним ухаживает. Затем вышли две женщины. Все вошли в дом. Тут у нас появилась мысль: не Ленин ли приехал?»

Начальник охраны Петр Петрович Пакалн каждый день распределял своих подчиненных. Одни несли дежурство на улице, другие состояли при Владимире Ильиче. Не хотели привлекать внимание к тому, что Ленин в Горках: «Днем мы все были в доме. На улицу не выходили, только ночью. Тогда забора не было. Все ходили свободно».

Забор поставили в 1922 году, когда Владимир Ильич уже заболел. Тогда же устроили калитки и будки для дежурных чекистов. Пока Ленин был относительно здоров, ходил на охоту, а заодно по грибы: «Очень часто кто-нибудь из охраны нес на спине рюкзак и все подходили и бросали туда дичь или белые грибы; дичи было меньше, чем грибов».

Систему охраны еще не разработали. Не очень понимали, как следует действовать. Крупская весело рассказывала, как они с Владимиром Ильичом в жаркий солнечный день пошли гулять. Присели отдохнуть на берегу Пахры. И сопровождавший их охранник задремал. Они тихо от него сбежали и пошли гулять одни.

Однажды, когда вождя везли на охоту, он, проезжая по аллее, увидел женщин, собиравших грибы. Владимир Ильич поздоровался и поинтересовался:

— Есть грибы?

— Нет, батюшка, как коммунисты появились, так грибы как сквозь землю провалились.

Владимир Ильич ничего им не ответил, а потом сокрушался:

— Ну, темный народ. Если грибов нет, посади хоть царя, их не будет. Неужели коммунисты против грибов?

Охранник Чабанов рассказывал, как крестьяне пришли в Горки. Чекист доложил Владимиру Ильичу:

— Крестьяне хотят с вами поговорить.

— Ну, хорошо, позовите их.

Владимир Ильич предложил им сесть:

— Ну, как у вас дела, как сельсовет работает?

Они рассказали.

— Что вы от меня хотите? — спросил Ленин.

— Нам нужно сменить попа. Он, сукин сын, большие деньги берет за похороны, за венчание, за крестины — до тридцати рублей.

— Что же, раз надо, значит, надо. Я напишу в Моссовет.

Восьмого июля 1919 года Дмитрий Ильич Ульянов приехал в Москву. С братом они не виделись больше десяти лет. Владимир Ильич распорядился поселить брата в комнате Надежды Константиновны, которая в то время находилась в агитационной поездке по Волге:

— А в субботу поедem на дачу, покажу очень хорошие места.

Путешествие Дмитрию Ильичу запомнилось: «Машина была французской системы “Долнебель-Виль”, открытая коляска. Мест в ней было вместе с шофером на семь человек. Владимир Ильич обычно садился не с шофером, а сзади. Рядом охранник. Шоссе было такое, что на этой машине здорово трясло, бросало».

Дмитрий Ильич увидел большой двухэтажный каменный дом желтого цвета с белыми колоннами. Перед домом сохранилась клумба с сиренью. Ленин с гордостью демонстрировал брату понравившиеся ему террасы и балконы. Владимира Ильича забавляло необычное устройство замков балконных дверей. Невинным голосом попросил младшего брата:

— Ну, открывай балкон.

Дмитрий Ильич попробовал, но дверь не поддавалась. Ленин довольно рассмеялся:

— Что же ты, не можешь открыть балкон!

Обычно, открывая дверь, нажимают ручку вниз. А в Горках надо было ручку поднять вверх. Кроме того, запирая, ключ следовало повернуть не вправо, а влево.

Летом Владимир Ильич ходил на Пахру. Звал брата:

— Пойдем купаться.

«Он шел в косоворотке, без пояса, одетый совершенно по-дачному, — рассказывал Дмитрий Ильич. — Обыкновенно с нами шел кто-нибудь из охраны. Иногда брали лодку, так как берег на этой стороне илистый, а на той стороне хороший песчаный пляж, переезжали на тот берег и там купались».

Дмитрий Ильич прихватывал с собой полотенце.

— Зачем же полотенце? — удивлялся Владимир Ильич.

— Обтираться, вытереть голову, лицо.

— Нет, так лучше, свежесть дольше остается.

Он рубаху надевал прямо на мокрое тело.

«Работал он обычно по утрам, — рассказывал Дмитрий Ильич. — После завтрака выходил на балкон, который так и называли Володиным балконом, — на северной стороне, теневой. Солнца туда попадает очень мало. На северном балконе, отгороженный от солнца, он сидит и пишет. С гимназических времен у него сохранилась привычка: когда он пишет пером

или карандашом и ему что-нибудь нужно сделать, он берет карандаш губами. Когда ему были нужны руки, он клал карандаш не на стол, как мы обыкновенно делаем, а обязательно брал — и не только карандаш, но и ручку — как-то особенно между губами».

У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОГО МУЖА

Историю болезни Ленина стали вести с 29 мая 1922 года. До 6 мая 1923 года это делал профессор-невролог Алексей Михайлович Кожевников, до 4 июля 1923 года — профессор-невропатолог Василий Васильевич Крамер, до 21 января 1924 года — профессор-психиатр Виктор Петрович Осипов.

Благодаря этим весьма подробным запискам, сохранившимся в архиве, можно представить себе и течение болезни, и состояние самого больного, и даже то, что происходило с его близкими, прежде всего с Надеждой Константиновной.

Четвертого апреля 1922 года Ленин приехал в Горки отдыхать. А 25 мая у него случился удар — частичный паралич правой руки и правой ноги, расстройство речи. Казалось, он не выживет. В узком кругу Сталин хладнокровно констатировал:

— Ленину капут.

Иосиф Виссарионович поторопился. Это был лишь первый период ленинской болезни: параличи кратковременные, но частые. Особенно было заметно расстройство памяти: «Владимир Ильич не был в состоянии производить самые простые арифметические действия и не мог воспроизводить показанных ему геометрических фигур... Почерк дрожащий, с пропусками букв».

Почерк, по словам Марии Ильиничны, «был неровный и довольно мелкий, а порой и “сумасшедший”, как называл его сам Владимир Ильич, какие-то мелкие сосуды головного мозга благодаря тромбозу отнимали у него возможность правильно писать и считать».

После первого удара Владимир Ильич оправился, но к полноценной работе уже не вернулся.

Двадцать девятого мая 1922 года вместе с профессором Кожевниковым приехала медсестра Мария Макаровна Петрашева — делать пункцию.

«По фотографиям в витринах я думала, что он брунет, а он оказался светлый, рыжеватый, широкоплечий, массивный, — описывала она Ленина. — Голова большая. Глаза карие, прищуренные, смотрят остро, будто проверяет тебя. Владимир Ильич очень терпелив был. Во время пункции он только крикнул. Не охал, не стонал — не в его это характере было».

В Горках настелили новые полы. Вероятно, из сырого материала. Пол, высыхая, трещал. В тишине ночи этот треск раздавался как ружейная

пальба. Владимир Ильич жаловался Надежде Константиновне, что это мешает ему спать, и возмущался:

— Понятно, почему пол трещит. Клей-то советский!

Он требовал от врачей ответа: каков прогноз?

Тридцатого мая его осмотрел офтальмолог академик Михаил Иосифович Авербах.

«Ленин явно был возбужден, — вспоминал он, — и искал все возможности остаться со мной наедине. Предчувствуя какой-нибудь тяжелый для него, волнующий разговор, я всячески избегал быть с ним с глазу на глаз, но такая минута всё же выпала.

Схватив меня за руку, Владимир Ильич с большим волнением вдруг сказал:

— Говорят, вы хороший человек, скажите же правду — ведь это паралич и пойдет дальше? Поймите, для чего и кому я нужен с параличом?

Дальнейший разговор был, к счастью, прерван вошедшей медицинской сестрой».

Ленин попросил Крупскую принести ему труды по медицине. Хотел понять, что с ним происходит. Стал читать — в основном по-английски. И, похоже, он всё больше осознавал, что ему грозит паралич.

Зиновьев вспоминал, как Ленин с горечью повторял:

— Помяните мое слово, кончу параличом.

«Мы пытались превратить всё это в шутку, — рассказывал Григорий Евсеевич. — Но он, ссылаясь на примеры, говорил, как бы не окончить жизнь так же, как такой-то, а может быть, еще и хуже».

Состояние Ленина ухудшалось тем, что его болезнь проходила на фоне острейшей борьбы за власть, вспыхнувшей в большевистской верхушке, едва стало понятно, что вождь слег. Созданная им самим вертикаль власти оказалась крайне неустойчивой. Несмотря на строжайшие запреты врачей, прикованный к постели Владимир Ильич рвался к делу, пытался участвовать в политической жизни страны и влиять на нее. Смысл происходившего был ему совершенно понятен.

В середине июля Владимир Ильич написал Каменеву (записка держалась в секрете до 1991 года): «Выкидывать за борт Троцкого — ведь на то Вы намекаете, иначе нельзя толковать — верх нелепости. Если Вы не считаете меня оглупевшим уже до безнадежности, то как Вы можете это думать???? Мальчишки кровавые в глазах...»

После смерти Ленина очень быстро дойдет и до крови.

Вообще говоря, личные отношения Ленина и Троцкого складывались не просто. Троцкий был очень близок к Ленину в первые годы их участия в

социал-демократическом движении, когда Льва Давидовича именовали «ленинской дубинкой». Потом Троцкий примкнул к меньшевикам, и их пути разошлись — до 1917 года.

В эмиграции они жестоко ссорились. Выражались весьма недипломатично. В те годы это было привычным стилем в среде социал-демократов. Ленин в своих статьях и письмах ругался как ломовой извозчик. Троцкий не оставался в долгу. В 1913 году писал в частном письме: «Всё здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения. Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую разжигает мастер сих дел Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении». Это письмо Сталин потом прикажет опубликовать.

Но Ленин знал цену подобной публицистике и легко менял гнев на милость, если недавний объект уничтожающей критики оказывался политическим союзником. Люди, которых он бранил, оставались его ближайшими соратниками, помощниками и личными друзьями. Он всё-таки был человеком XIX века. Он мог с легкостью рассуждать о необходимости расстреливать тех, кого считал врагами советской власти, но споры и политические разногласия не считал поводом для вражды и репрессий.

В 1917 году Троцкий присоединился к большевикам, считая, что прежние разногласия не имеют значения. Полностью поддержал Ленина, и дальше они шли вместе. На заседании Петроградского комитета партии сразу после революции Ленин сказал, что отныне «нет лучшего большевика, чем Троцкий». Эту речь Ленина до перестройки не публиковали — именно из-за этих слов.

Лев Давидович, бесспорно, был вторым человеком в стране, и в советских учреждениях висели два портрета — Ленина и Троцкого.

«В годы войны в моих руках сосредоточивалась власть, которую практически можно назвать беспредельной, — не без удовольствия вспоминал председатель Реввоенсовета Республики Троцкий. — Фронты были мне подчинены, тылы были подчинены фронтам, а в известные периоды почти вся не захваченная белыми территория республики представляла собой тылы и укрепленные районы».

Ленин доверял Троцкому полностью. Летом 1919 года Ленин сделал фантастический для себя, такого хладнокровного человека, жест. Взял бланк председателя Совета народных комиссаров и написал на нем:

«Товарищи!

Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В. Ульянов-Ленин».

Владимир Ильич добавил:

— Я вам даю такой бланк и могу дать их вам сколько угодно, потому что я ваши решения заранее одобряю. Вы можете написать на этом бланке любое решение, и оно уже утверждено моей подписью.

В последние годы открылись не только записки, но и целые речи, произнесенные Лениным в поддержку и защиту Троцкого от критических нападок товарищей по партии. Он считал военное ведомство образцовым. При Ленине эти документы были секретными, а при Сталине — и после него — ничего хорошего о Троцком сказано быть не могло.

Об отношении Ленина к Троцкому свидетельствуют и слова Владимира Ильича, записанные Горьким:

— А вот указали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть... Да, да, я знаю. Там что-то врут о моих отношениях к нему. Врут много, и, кажется, особенно много обо мне и Троцком...

В качестве создателя армии Лев Давидович оказался на своем месте — тут-то игодились его бешеная энергия, природные способности к организаторской деятельности, интеллект, мужество, решительность и жестокость. Всю войну Троцкий железной рукой держал армию. А после войны он остался не у дел. Создается ощущение, что ему стало скучно. Напряжение борьбы спало, и его охватила какая-то вялость. Обычная повседневная работа или аппаратное интриганство — это было не для него.

Он не знал, чем заняться. Ленин искал Троцкому занятие. 16 июля 1921 года предложил назначить его наркомом продовольствия Украины, где свирепствовал голод. Троцкий не захотел. Ленин велел отменить постановление политбюро. Предлагал Льву Давидовичу пост своего заместителя в правительстве. Троцкий вновь отказался. Ему не хотелось быть заместителем. На посту председателя Реввоенсовета он привык к полной самостоятельности. Но война кончилась, и другой такой должности не было.

Положение Троцкого в партии зависело от Ленина. Когда Ленин умер, его звезда закатилась, потому что он ничего не сделал ради удержания власти.

Лев Давидович Троцкий, отдавая должное талантам Ленина, мысленно ставил себя рядом с вождем русской революции. Похоже, он заблуждался. Природа щедро его одарила, но к Владимиру Ильичу была более благосклонна.

«Мне кажется, что Троцкий несравненно более ортодоксален, чем Ленин, — писал проницательный Луначарский. — Троцкий всегда руководился, можно сказать, буквою революционного марксизма. Ленин чувствует себя творцом и хозяином в области политической мысли и очень часто давал совершенно новые лозунги, которые нас всех ошарашивали, которые казались нам дикостью и которые потом давали богатейшие результаты. Троцкий такую смелостью мысли не отличался...

Ленин в то же время гораздо больше оппортунист в самом глубоком смысле слова. Я говорю о том чувстве действительности, которая заставляет порою менять тактику, о той огромной чуткости к запросу времени, которая побуждает Ленина то заострять оба лезвия своего меча, то вложить его в ножны. Троцкий менее способен на это. Троцкий прокладывает свой революционный путь прямолинейно...

Не надо думать, однако, что второй великий вождь русской революции во всём уступает своему коллеге: есть стороны, в которых Троцкий бесспорно превосходит его: он более блестящ, он более ярок, он более подвижен. Ленин как нельзя более приспособлен к тому, чтобы, сидя на председательском кресле Совнаркома, гениально руководить мировой революцией, но, конечно, не мог бы справиться с титанической задачей, которую взвалил на свои плечи Троцкий, с этими молниеносными переездами с места на место, этими горячечными речами, этими фанфарами тут же отдаваемых распоряжений, этой ролью постоянного электризатора то в том, то в другом месте ослабевающей армии. Нет человека, который мог бы заменить в этом отношении Троцкого».

Трудно сказать, сумел бы Владимир Ильич без Троцкого взять власть в октябре 1917-го и удержать ее в первые месяцы Гражданской войны, когда еще не было Красной армии. Но управлять государством Ленин вполне мог бы и сам. А вот Лев Давидович, оставшись без Ленина, потерял и власть, а вслед за этим и жизнь.

Заболев, Ленин почувствовал, что товарищи намерены обходиться без него. Владимира Ильича словно уже списали. Всё партийное хозяйство оказалось в руках генерального секретаря ЦК Сталина. Его ближайший помощник Амаяк Назаретян по-дружески писал Серго Орджоникидзе: «Кобе приходится бдить Ильича и всю матушку Рассею».

Ленин чувствовал, что рычаги власти уходят из рук и ему не на кого

опереться. Видных большевиков было вообще немного, в основном государственная работа у них не получалась. Сталин обладал даром администратора и скоро сделался совершенно незаменимым человеком. Именно поэтому позволял себе дерзить и возражать Ленину.

Партийный аппарат стремительно разрастался. Дмитрий Фурманов записал в дневнике восторженные впечатления от посещения ЦК: «Сами мраморные колонны скажут тебе, что дело здесь крепкое. Туго двери открываются в Цеку: всей силой надо приналечь, чтоб с воли внутрь попасть. Вошел. Два вечных — днем и ночью — два бессменных, очередных часовых: ваш билет? Нет? Пропуск. Потрудитесь взять у коменданта... И думаю я: “Это наши-то, сиволапые? Ну и ну!”

Пропуск-билет провел меня сквозь строй. Я у лифта. Забились втроем в кабину и промеж себя:

— Вам куда? А вам? А вы, товарищ? Я в агитпроп; я в отдел печати...

Или не попал я в ящик — мчу по массивным лестницам скоком, бегом, летом, пока не случаюсь на четвертом этаже...

Я забираюсь всё выше, выше — мне надо на 6-й этаж. Миную агитпроп, отдел печати, приемную секретарей ЦК — там тишина изумляющая. Дохожу. Пройду по коридорам, где ковры, где такая же, как всюду, тишь и чистота. Да, ЦК — это штука! Это настоящая и сильная штука! Какая тут мощь — в лицах, в походи, в разговорах, в самой работе, во всей работе этого гиганта, этого колосса-механизма! Какая гордость и восторг охватывают тебя, когда увидишь, услышишь, почувствуешь эту несокрушимую мощь своего штаба. Идешь и сам могучий в этом могущественном приюте отчаянных, на всё решившихся людей, не дорожащих ничем — ничем не дорожащих ради того, чтоб добиться поставленной цели. Да, это дело. Это штука.

Здесь не пропадешь — тут воистину в своем штабе! Эх, ЦК, ЦК: в тебе пробудешь три минуты, а зарядку возьмешь на три месяца, на три года, на целую жизнь...»

В августе и сентябре 1922 года Ленин чувствовал себя лучше. Они с Надеждой Константиновной провели лето и начало осени в Горках. А в кремлевской квартире затеяли ремонт. Владимир Ильич уже понимал, как действует созданная им система, знал, что без личного присмотра ничего не сделают.

Он обратился к Авелю Сафроновичу Енукидзе: «Убедительно прошу Вас внушить (и очень серьезно) заведующему ремонту квартиры, что я абсолютно требую полного окончания к 1 октября. Непременно полного. Очень прошу созвать их всех перед отъездом и прочесть сие. И внушить

еще от себя, нарушения этой просьбы не потерплю. Найдите наиболее расторопного из строителей и дайте мне его имя».

Авель Енукидзе был известным революционером, участником экспроприаций, что в среде большевиков вызывало уважение. В октябре 1918 года его сделали секретарем президиума ВЦИК. Приветливый и обходительный, он держал в руках всё хозяйство. Даже продукты из кремлевского кооператива отпускались по его запискам.

Ремонтom четырехкомнатной квартиры председателя Совнаркома занимались от десяти до пятнадцати рабочих, больше и не требовалось. После строгого внушения от вождя Енукидзе принял меры. Согнали человек 160. Скорее всего, они просто мешали друг другу. Зато работы велись круглосуточно. Ленину доложили, что указание выполнено — ремонт окончен.

Второго октября Ленин и Крупская вернулись в Кремль. Выяснилось, что жить в квартире нельзя. Они разместились в другой части здания судебных установлений, рядом с кабинетом заместителя председателя Совнаркома Цюрупы. Зато на крыше устроили своего рода застекленную веранду, куда вел лифт из коридора. Ленин мог подышать воздухом, не выходя во двор. Он поднимался туда вместе с женой и сестрой.

Третьего октября он впервые после долгого перерыва председательствовал на заседании правительства.

Десятого октября его осмотрели профессора Кожевников и Крамер.

В истории болезни записано: «Нервы несколько разошлись, и временами появляется желание плакать, слезы готовы брызнуть из глаз, но Владимиру Ильичу всё же удается это подавить, не плакал ни разу. Сегодня председательствовать ему было легче. Ошибок он не делал. Вообще работой себя не утомляет. Изредка немного болит голова. Но быстро проходит».

Пятнадцатого октября: «Владимир Ильич считает, что он мог бы работать больше, а близкие его, наоборот, находят, что он переутомляется, поэтому Владимиру Ильичу было предложено, кроме субботы и воскресенья, временно устраивать отдых еще и в среду; сначала Владимир Ильич этому противился, но потом согласился как на временную меру. Сон удовлетворительный. Паралича ни разу не было».

Тридцать первого октября он держал речь на сессии ВЦИК — впервые после долгого периода.

Из дневника лечащего врача: «Говорил сильно, громким голосом, был спокоен, ни разу не сбился, речь была прекрасно построена, не было никаких ошибок... Владимир Ильич рассказывал: как-то дома слушал

музыку, рояль его не расстроил, скрипку же слушать не мог, так как она слишком сильно на него действовала. В общем чувствует себя хорошо, но всё-таки легко устает...

Каменев сообщил врачам, что на последнем заседании СНК Владимир Ильич критиковал один из пунктов законопроекта, затем не заметил, что перевернулась страница, и вторично стал читать, но уже другой пункт, снова стал его критиковать, не заметив, что содержание этого пункта совершенно иное».

А 5 ноября короткий период ремиссии закончился. У него случился спазм и паралич правой ноги. Еле успел присесть на кушетку, чтобы не упасть.

Из дневника лечащего врача: «Продолжалось это одну минуту, после чего Владимир Ильич встал. Настроение несколько угнетенное, и Владимир Ильич расстроен тем, что состояние его несколько ухудшилось».

Седьмого ноября: «Накануне чувствовал себя неважно. Весь день не занимался, было желание полежать. Сегодня с утра настроение вялое, всё больше хочется лежать. Последние два дня побаливала голова».

Тринадцатого ноября: «Владимир Ильич выступал в пленуме конгресса Коминтерна и произнес на немецком языке часовую речь. Говорил свободно, без запинок, не сбивался... После речи сказал доктору Кожевникову, что в одном месте он забыл, что уже говорил и что ему еще нужно сказать, и спросил, заметил ли он это. Доктор Кожевников совершенно искренне ответил, что не заметил».

«У нас сердце замирало, — рассказывал потом Бухарин, — когда Ильич вышел на трибуну: мы все видели, каких усилий стоило Ильичу это выступление. Вот он кончил. Я подбежал к нему, обнял его. Он был весь мокрый от усталости, рубашка насквозь промокла, со лба свисали капельки пота, глаза сразу ввалились».

Это было последнее публичное выступление Ленина.

Из дневника лечащего врача: «В субботу, 18 ноября, был паралич ноги. В воскресенье, 19 ноября, Владимир Ильич был на охоте. Ходил пять-шесть часов. В лесу случился паралич во время ходьбы. Владимир Ильич пошел к пню, ногу приволакивая, задевая носком, но до пня дошел, ненадолго присел и после этого ходил еще два часа».

Двадцать пятого ноября: «Доктор Кожевников и профессор Крамер были вызваны по поводу припадка паралича... Когда Владимир Ильич вышел из уборной и шел по коридору, вдруг в правой ноге появились клонические судороги, и нога ослабла. Владимир Ильич ухватился за стоящее высокое зеркало, но зеркало начало качаться, и, боясь его падения,

Владимир Ильич его отпустил и упал на пол».

Двадцать седьмого ноября:

«Врачи были вызваны к Владимиру Ильичу по поводу припадков. Первый был утром в десять часов, продолжался полторы-две минуты и захватил только ногу. В двенадцать был второй припадок. Был полный паралич ноги и руки. Речь не пострадала. Владимир Ильич произносил вполголоса для проверки слова, и это ему вполне удавалось. Сознание всё время было ясное. Припадок продолжался двадцать минут. Голова несвежая, тяжелая. Временами стрелявшие боли в левой половине лба».

Седьмого декабря они с Надеждой Константиновной уехали в Горки. Состояние его постоянно ухудшалось. Но он отчаянно сопротивлялся болезни. Крупская вспоминала, как Ленин хотел выступить в Москве по одному из обсуждавшихся вопросов, понимая, как важно высказать свое мнение. Просил Надежду Константиновну и врачей:

— Дайте четверть часа выступления, я приеду и уеду назад. Завтра утром пришлите за мной машину.

Знал, что машины за ним не пришлют, а всё же в этот день сидел у дороги и ждал.

Когда разгорелась дискуссия о принципах внешней торговли, мнения Ленина и Сталина принципиально разошлись. И тогда Владимир Ильич обратился к Троцкому как к единственному союзнику и единомышленнику, предложил ему «заключить блок» для борьбы с бюрократизмом, всесилием оргбюро ЦК и Сталиным.

Двенадцатого декабря 1922 года Ленин написал своим единомышленникам: «Ввиду ухудшения своей болезни я вынужден отказаться от присутствия на пленуме. Вполне сознаю, насколько неловко и даже хуже, чем неловко, поступаю по отношению к Вам, но всё равно выступить сколько-нибудь удачно не смогу.

Сегодня я получил от тов. Троцкого прилагаемое письмо, с которым согласен во всём существенном, за исключением, может быть, последних строк о Госплане. Я напишу Троцкому о своем согласии с ним и о своей просьбе взять на себя ввиду моей болезни защиту на пленуме моей позиции».

Из дневника лечащего врача. 13 декабря: «Доктор Кожевников и профессор Крамер были у Владимира Ильича. Вид неважный; параличи бывают ежедневно. Сегодня утром в кровати был небольшой паралич, а в сидячей ванне был другой паралич, который в отличие от первого продолжался несколько минут и захватил не только ногу, но и руку. Владимир Ильич расстроен, озабочен ухудшением».

Пятнадцатого декабря Ленин информировал Сталина, что заключил «соглашение с Троцким о защите моих взглядов на монополию внешней торговли... и уверен, что Троцкий защитит мои взгляды несколько не хуже, чем я».

Блока Ленина с Троцким Сталин боялся больше всего, поэтому немедленно изменил свою позицию, чтобы не оказаться под двойным ударом. В тот же день, 15 декабря, написал членам ЦК: «Ввиду накопившихся за последние два месяца новых материалов, говорящих в пользу сохранения монополии, считаю своим долгом сообщить, что снимаю свои возражения против монополии внешней торговли».

Ленин, которого врачи просили не беспокоить, хотел убедиться, что его позиция нашла поддержку. «Даже в трудных, почти безнадежных положениях, — вспоминал его брат Дмитрий, — он никогда не отчаивался, а продолжал строить всевозможные комбинации».

Владимир Ильич распорядился соединить его по телефону с членом ЦК Емельяном Михайловичем Ярославским, который возглавлял комиссию Совнаркома по ревизии работы торговых представительств за рубежом, и попросил — секретно от всех! — сообщать ему о ходе прений на пленуме ЦК.

Шестнадцатого декабря Надежда Константиновна по просьбе Ленина велела секретарю Совнаркома Лидии Александровне Фотиевой позвонить Ярославскому и подтвердить, что он должен «записывать речи Бухарина и Пятакова, а по возможности и других по вопросу о внешней торговле».

Но болезнь срывала все планы Ленина. В декабре припадки участились. В ночь на 16 декабря наступило резкое ухудшение.

Из дневника лечащего врача: «Вчера весь день было чувство тяжести в правых конечностях. Мелких движений правой рукой почти не может совершать. Попробовал писать, но с очень большим трудом написал письмо, которое секретарша разобрать не могла. Владимиру Ильичу пришлось его продиктовать».

Владимир Ильич сообщил, что ночью около часа у него случился паралич правых конечностей, который продолжался тридцать пять минут. Ни рука, ни нога совершенно не могли произвести ни одного движения. Речь не была затронута. Затем движения стали восстанавливаться... Писать Владимир Ильич может только крайне медленно, причем буквы очень мелкие, лезут одна на другую... Речь не расстроена. Счет производит быстро и без ошибок».

А лечили по-прежнему: йодистые препараты, массаж и электризация.

Владимир Ильич совсем слег. Продиктовал Крупской письмо своим

заместителям. Понял, что не в силах участвовать в работе съезда партии. «Невозможность выступить на съезде очень тяжело на него повлияла, — вспоминала Мария Ильинична, — и он, несмотря на свою исключительную выдержку, не мог сдержать горьких рыданий».

Восемнадцатого декабря пленум ЦК единогласно принял решение ввести монополию внешней торговли и отменил прежнее решение, против которого выступал Ленин. Емельян Ярославский исполнил данное ему поручение. Он написал отчет и отдал его дежурному секретарю Ленина Марии Акимовне Володичевой.

Но бумага попала не к Ленину, а к Сталину. Володичева, смущаясь, объяснила Ярославскому, что произошла ошибка. Она дала отчет перепечатать, и «машинистка, вообразив почему-то, что это рукопись товарища Сталина, обратилась к нему за справкой по поводу неясно написанного слова. Записка не была передана В. И. Ленину только потому, что состояние здоровья его ухудшилось».

Есть и другая версия происшедшего: ленинские секретари обо всём важном, что они узнавали, немедленно докладывали Сталину. Возможно, поэтому и Фотиева, и Володичева дожили до глубокой старости, когда практически все ленинские соратники были уничтожены.

Сталин, встревоженный союзом Ленина и Троцкого, настоял, чтобы пленум ЦК принял такое решение: «Отчеты т. Ярославского ни в коем случае сейчас не передавать и сохранить с тем, чтобы передать тогда, когда это разрешат врачи по соглашению с т. Сталиным. На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки».

Это была попытка под флагом заботы о здоровье вождя отрезать больного Ленина от всех источников информации, помешать ему участвовать во внутрипартийной борьбе и связываться с Троцким. А именно этого более всего желал Владимир Ильич.

Все дискуссии того времени — о внешней торговле, о принципах создания союзного государства — были для слабеющего Ленина поводом атаковать Сталина.

Двадцать первого декабря 1922 года Владимир Ильич (с разрешения профессора-невропатолога Отфрида Фёрстера) продиктовал Крупской записку, адресованную Троцкому, с просьбой продолжить совместные действия: «Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезде вопрос об укреплении внешней торговли и о мерах к

улучшению ее проведения. Огласить это на фракции съезда Советов. Надеюсь, возражать не станете и не откажетесь сделать доклад на фракции».

Надежда Константиновна просила Троцкого позвонить и сообщить свое решение: согласен ли он с предложением Ленина? Лев Давидович, видя, что остальные члены политбюро — Сталин, Зиновьев и Каменев — злятся, не нашел ничего лучше, как показать им, что намерен играть по правилам. Позвонил Каменеву, пересказал ему записку Ленина и предложил обсудить это в ЦК. Каменев тотчас же сообщил Сталину, и тот пришел в бешенство: как мог Ленин организовать переписку с Троцким, когда ему это запрещено?

Из дневника лечащего врача. 22 декабря: «К вечеру Владимир Ильич стал нервничать, и ему дали бром, после чего успокоился».

Двадцать третьего декабря: «Ночью два раза была “змейка” в ноге, после чего нога перестала действовать. Когда Владимир Ильич проснулся, у него совершенно не было никаких движений ни в руке, ни в ноге... Владимир Ильич попросил разрешения продиктовать стенографистке в течение пяти минут, так как его волнует один вопрос и он боится, что не заснет. Это ему было разрешено, после чего Владимир Ильич значительно успокоился».

Он диктовал первую часть ставшего знаменитым «Письма к съезду». У этого письма есть своя сложная история.

В тот день Ленин принял еще одно решение. Лидия Фотиева рассказывала, что 22 декабря Владимир Ильич вызвал ее в шесть часов вечера и продиктовал следующее:

— Не забыть принять все меры и достать в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий как меру гуманности и как подражание Лафаргам.

Французский коммунист Поль Лафарг, друг Карла Маркса, женился на его дочери Лауре. Они с женой решили, что в старости человек бесполезен для революции, и покончили с собой в 1911 году. После поразившего многих революционеров поступка Лафаргов Владимир Ильич сказал Крупской:

— Если не можешь больше для партии работать, надо посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарги.

Ленин страшно боялся паралича. В мае 1922 года, после спазма сосудов, он в присутствии профессора Кожевникова произнес:

— Вот история, так будет кондрашка.

В начале зимы 1923 года Ленин поделился с Крамером и

Кожевниковым:

— Мне много лет назад один крестьянин сказал: «А ты, Ильич, умрешь от кондрашки». На мой вопрос, почему он так думает, ответил: «Да шея у тебя больно короткая».

«Боясь снова лишиться речи и стать игрушкой в руках врачей, — считал Троцкий, — Ленин хотел остаться хозяином своей дальнейшей судьбы».

Но почему яд? У него было личное оружие. Дмитрий Ильич Ульянов как-то спросил брата:

— У тебя есть револьвер?

— Есть.

— А где?

Ленин порылся в письменном столе и вытащил черного цвета браунинг, без кобуры и давно не чищенный. Дмитрий Ильич взял его револьвер и привел в порядок. Владимир Ильич любил охотиться, но поскольку в армии он не служил, то привычки к личному оружию не имел. Стреляться? Это для офицеров.

Летом, когда отношения со Сталиным еще окончательно не ухудшились, Владимир Ильич именно его попросил достать яда. 30 мая 1922 года потребовал, чтобы к нему в Горки вызвали Сталина. Тот приехал вместе с Бухариным.

Мария Ильинична Ульянова подробно описала эту историю.

Сталин прошел в комнату больного, плотно прикрыв за собой дверь. Бухарин остался с сестрой вождя. Таинственно заметил:

— Я догадываюсь, зачем Владимир Ильич хочет видеть Сталина.

Через несколько минут Сталин вышел. Вместе с Бухариным они направились во двор к автомобилю. Мария Ильинична пошла их проводить. Они разговаривали друг с другом вполголоса. Сталин обернулся, увидел ее и сказал:

— Ей можно сказать, а Наде не надо.

Сталин поведал, что Владимир Ильич вызывал его для того, чтобы напомнить обещание, данное ранее: помочь ему вовремя уйти со сцены, если разобьет паралич.

— Теперь момент, о котором я вам раньше говорил, наступил. У меня паралич, и мне нужна ваша помощь.

Владимир Ильич просил Сталина привезти ему яда. И Сталин обещал. Но в разговоре с Бухариным и Ульяновой его взяло сомнение: не понял ли Владимир Ильич его согласие таким образом, что момент покончить счеты с жизнью наступил и надежды на выздоровление больше нет?

— Я обещал, чтобы его успокоить, — объяснил Сталин, — но если он в самом деле истолкует мои слова в том смысле, что надежды больше нет? Выйдет как бы подтверждение безнадежности?

Втроем они решили, что Сталину следует еще раз зайти к Владимиру Ильичу и сказать: он переговорил с врачами, они заверили его, что положение совсем не так безнадежно, болезнь не неизлечима, так что с исполнением просьбы Владимира Ильича надо подождать...

Через десять лет, осенью 1932 года, на квартире у Горького, где руководители партии встречались с писателями, Бухарин вспомнил этот эпизод. Предложил Сталину:

— Расскажи, как Ленин просил у тебя яд, когда ему стало совсем плохо. Он считал, что бесцельно существование, при котором он точно заключен в склеротической камере для смертников — ни говорить, ни писать, ни действовать не может. Что тебе тогда сказал Ленин? Повтори то, что ты говорил на политбюро.

Сталин неохотно, но с достоинством сказал, откинувшись на спинку стула и расстегнув свой серый френч:

— Ильич понимал, что он умирает, и он действительно сказал мне — я не знаю, в шутку или серьезно, — чтобы я принес ему яд, потому что с этой просьбой он не может обратиться ни к Наде, ни к Марусе. «Вы самый жестокий член партии», — ленинские слова Сталин повторил с оттенком некоторой гордости.

Когда отношения с генсеком обострились, обратиться к нему со столь личным вопросом Ленин уже не мог. А генсек в те дни установил, что с Троцким по просьбе Ленина связывалась Крупская и передала ему продиктованную Владимиром Ильичом просьбу. Сталин не сдержался и обрушился на Надежду Константиновну с грубой бранью:

— Как вы посмели принять диктовку? Это запрещено!

— Я не буду говорить с вами в таком тоне! — возмутилась Крупская.

— Я вас заставлю! — вышел из себя Сталин.

Он категорически потребовал, чтобы Крупская не смела втягивать Ленина в политику. Угрожал напустить на нее партийную инквизицию — Центральную контрольную комиссию. В свойственной ему манере взялся объяснять Надежде Константиновне, как ей строить отношения с собственным мужем. Высказал еще и нечто личное, вовсе недопустимое в устах мужчины...

Никто не смел с ней разговаривать так оскорбительно. Она была потрясена.

Сестра Ленина, Мария Ильинична, в записках, найденных после ее

смерти, вспоминала: «Разговор этот чрезвычайно взволновал Надежду Константиновну, нервы которой были натянуты до предела. Она была совершенно не похожа на себя, рыдала и прочее».

Такая болезненная реакция означала, что нервная система несчастной Надежды Константиновны была истощена. Она сама нуждалась в лечении и заботе.

Но, может быть, Сталин был прав по существу? И Ленина надо было намертво отрезать от всех дел?

Один из лечащих врачей, немецкий профессор Отфрид Фёрстер категорически против этого возражал: «Если бы Ленина заставили оставаться в бездеятельном состоянии, его лишили бы последней радости, которую он получил в своей жизни. Дальнейшим полным отстранением от всякой деятельности нельзя было задержать ход его болезни».

Надо отдать должное Надежде Константиновне: она не стала устраивать скандала. Не потребовала от мужа наказать его подчиненного, как поступило было, наверное, большинство женщин на ее месте. Вообще не хотела втягивать Владимира Ильича в эту историю, хотя обращение к мужу за помощью и советом так естественно.

Двадцать третьего декабря Крупская обратилась за защитой к Каменеву, который во время болезни Ленина председательствовал в политбюро. Причем в весьма деликатной форме:

«Лев Борисыч,

по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все тридцать лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину.

Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичом, я знаю лучше всякого врача, так как знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина.

Я обращаюсь к Вам и к Григорию (Зиновьеву. — Л. М.), как наиболее близким товарищам В. И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности».

Лев Борисович Каменев ничем не был похож ни на своего шурина — Льва Троцкого, с которым практически не общался, ни на своего соратника

Григория Зиновьева. Те стремились первенствовать. Каменев, мягкий и спокойный по характеру, занял место в политбюро только потому, что этого захотел Ленин. Владимир Ильич ценил его как дельного администратора и мастера компромиссов, поэтому сделал заместителем в правительстве и поручал в свое отсутствие вести заседания политбюро и Совнаркома. Ссора с Каменевым накануне революции, когда Лев Борисович категорически возражал против попытки большевиков в одиночку взять власть в стране, не имела для Ленина никакого значения.

Каменев, надо полагать, побеседовал со Сталиным. Тот несколько встревожился, позвонил Крупской и попытался погасить конфликт. Извиняться он не умел, выдал из себя какие-то слова, но Надежда Константиновна этим удовлетворилась. Сказала вполне миролюбиво:

— Мы с ним помирились.

Муж защитить Надежду Константиновну не мог. Физическое состояние Ленина стремительно ухудшалось. В ночь на 23 декабря 1922 года у него наступил паралич правой руки и правой ноги. Сознывая свое состояние, он потребовал стенографистку и начал диктовать «Письмо к съезду».

Из дневника лечащего врача. 24 декабря: «Голова не болит, но временами бывает неопределенное ощущение, как бы головокружение с тошнотой, что продолжается минуты две, при этом бывает как будто затруднено дыхание...

После посещения Владимира Ильича врачи были у Сталина, Каменева и Бухарина. После длительного совещания постановлено:

1) Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно пять — десять минут, но это не должно носить характер переписки, и на эти записки Владимир Ильич не должен ожидать ответа. Свидания запрещаются.

2) Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материал для размышлений и волнений».

Он диктовал и 24, и 25, и 26 декабря. Понемногу. Часто бывал недоволен собственными словами. Искал другие, более точные формулировки. Передиктовывал. Обсуждал текст с Надеждой Константиновной.

На I Всесоюзном съезде Советов в декабре 1922 года, когда образовали Союз Советских Социалистических Республик, Крупскую избрали членом ЦИК СССР. Ленин не мог присутствовать на съезде. Зато радовался тому, что к концу года завершил «Письмо к съезду».

Из дневника лечащего врача. 31 декабря: «Два раза диктовал стенографистке и потом читал продиктованное. Владимир Ильич остался доволен своей работой».

Этот документ считают политическим завещанием. Но Ленин не писал завещаний. «Письмо к съезду», где речь шла о важнейших кадровых делах, о Сталине и Троцком, он адресовал очередному, XII съезду партии, который состоялся при его жизни. Как и всякий человек, он не верил в скорую смерть, надеялся выздороветь и вернуться к работе.

Первая, более общая часть «Письма» касалась необходимости увеличить состав ЦК и «придать законодательный характер на известных условиях решениям Госплана, идя навстречу требованиям т. Троцкого».

Затем Ленин продиктовал главную часть, где охарактеризовал главных лидеров партии — Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и Пятакова. Все характеристики очень жесткие, разоблачительные. Современный читатель, наверное, удивится: отчего же Ленин работал с такими людьми, зачем держал их в политбюро и правительстве?

Таков был его стиль. Он не стеснялся в споре быть дерзким и грубым. Беспощадно оценивал соратников. Но расставался с неумелыми, а не с теми, с кем спорил.

Главное в ленинском письме — взаимоотношения между Троцким и Сталиным. Он назвал их «выдающимися вождями» партии. Но предположил, что их столкновение погубит партию: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью... Тов. Троцкий... отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

Четвертого января 1923 года Владимир Ильич, чуть оправившись, продиктовал важнейшее добавление к письму: «Сталин слишком груб... Этот недостаток становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от т. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив... меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью... Но с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Историки уверены, что если бы по счастливой случайности Ленину стало лучше и он сам появился на XII съезде с настоятельным предложением сместить Сталина с поста генерального секретаря, делегаты его поддержали бы. История страны сложилась бы иначе, не было бы массовых репрессий, уничтожения крестьянства под лозунгом коллективизации и борьбы с кулаком, катастрофы 1941 года.

А другой вариант развития событий исключается? Если бы съезд вышел из повиновения Ленину? Понадобился всего год, чтобы партийный аппарат на местах оказался под полным контролем Сталина. Зачем же секретарям губкомов, которые формировали делегации на съезд, голосовать против того, кто их выдвинул?

«Власть реальная, а не номинальная, — писал известный историк Евгений Григорьевич Плимак, — принадлежала в России кучке высших партийных политиков, “клике”, мало затронутой культурой и абсолютно чуждой демократии. И среди этой кучки больной Ленин успел разглядеть претендента на единоличное обладание сверхцентрализованной государственной машиной — генсека Сталина».

Сталин, который не был в эмиграции в отличие от Ленина, Троцкого, Зиновьева и других, оказался своим для партийной массы, которая поспешила присоединиться к правящей партии, не зная ни ее истории, ни существа споров внутри руководства.

Старые большевики почувствовали себя неуютно. Крупская — не единственная, кто испытывал неудобство в общении с генсеком. Сохранилось любопытнейшее письмо Владимира Ильича, адресованное Григорию Шкловскому, члену партии с 1898 года. Они вместе были в эмиграции, сблизились, Владимир Ильич доверял Григорию Львовичу, человеку интеллигентному и спокойному. После революции его отправили работать в Германию. Шкловскому в июне 1921 года Ленин жаловался на то, что новое поколение партийцев не очень к нему прислушивается: «Тут интрига сложная. Используют, что умерли Свердлов, Загорский и др. Есть и предубеждение, и упорная оппозиция, и сугубое недоверие ко мне... Это мне крайне больно. Но это факт...

“Новые” пришли, стариков не знают. Рекомендуешь — не доверяют. Повторяешь рекомендацию — усугубляется недоверие, рождается упорство. “А мы не хотим”!!!

Ничего не остается: сначала боем завоевать новую молодежь на свою сторону».

Если уж Ленин сетовал на то, что к нему не прислушиваются, то каково пришлось другим старым революционерам! Новые члены партии

были недовольны Лениным, им не нравилась его кадровая политика. Владимир Ильич на всех крупных должностях держал тех, кого он хорошо знал. «Он срабатывался с людьми и не очень любил без крайней необходимости менять их, — свидетельствовала Мария Ильинична. — Эта черта была обща для Ильича и его отца Ильи Николаевича».

Старая гвардия в 1922 году составляла всего два процента численности партии, но занимала почти все руководящие посты. Молодые аппаратчики толкались в предбаннике, а хотели сесть за стол и принять участие в дележе власти. Ленин нарушил два основных правила: аппарат должен смертельно бояться хозяина, но и что-то получать от него. В результате новая партийная молодежь досталась Сталину, который дал ей то, в чем отказывал Ленин. Сталин возмущался тем, что «старики» мешают новым кадрам продвигаться, и ловко натравливал новых членов партии на своих политических соперников, на оппозицию, которая была представлена старыми партийцами еще с подпольным стажем.

Сталин расширил состав ЦК за счет своих сторонников с мест и превратился в хозяина партии. Один из главных его лозунгов — обновление руководства партии за счет партийного молодняка. Высшие должности отдавал людям, которые своим восхождением были обязаны не собственным заслугам, а воле Сталина. Они его за это боготворили.

Владимир Ильич, как человек здравомыслящий, с отвращением наблюдал за разбуханием советской бюрократии и появлением высокомерной и чванливой советской аристократии. Искренне ненавидел аппарат. «Не нам принадлежит этот аппарат, а мы принадлежим ему», — констатировал Ленин.

Но это было творение его рук. Ленин сам заложил основы системы, возглавлять которую мог только человек, сам внушающий страх. Он и должен был стать полновластным сатрапом, который регулярно рубит головы своим подданным. Но по-человечески не захотел принять эту роль, поэтому аппарат подчинился тому, кто захотел.

Возможно, Ленин не возмущался бы Сталиным и его аппаратом, если бы они не повернулись против него, когда он тяжело заболел. Владимир Ильич потерял власть над страной и партией раньше, чем закончился его земной путь. Он еще был главой правительства, а члены политбюро не хотели публиковать его статьи. Да еще секретно предупредили секретарей губкомов: вождь болен и статьи не отражают мнение политбюро. Словом, не принимайте в расчет ленинские слова.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ВМЕСТЕ

В январе — феврале 1923 года Надежда Константиновна радовалась: в состоянии Ленина наступило небольшое улучшение — он пытался писать левой рукой, учился говорить. Но чувствовал себя плохо. Засыпал очень поздно и вставал поздно, днем задремывал, поэтому сон еще больше расстраивался. Ему давали всё те же таблетки — бромурал, веронал, сомнацетин.

Из дневника лечащего врача. 10 января: «В три часа ночи проснулся с болью в правой половине лба и правом виске... Не мог заснуть. Ночью были судороги в правой ноге... Около двенадцати часов по телефону доктору Кожевникову сообщили, что правая нога хуже действует, Владимир Ильич волнуется и просит приехать. Когда вошел, Владимир Ильич стонал и корчился от боли в левом боку. Лицо озабоченное, беспокойное, настроение очень плохое».

Двадцатого января: «Проснулся в хорошем настроении. Голова не болит. Позавтракал с удовольствием... Он очень рад, что со сном, по-видимому, произошел перелом и теперь он сможет лучше заниматься и вообще дело пойдет на поправку».

Двадцать второго января: «Проснулся в плохом состоянии. Был очень расстроен, что не мог снова заснуть. Принял бром, через некоторое время немного успокоился, но заснуть уже не мог».

Двадцать пятого января «Правда» поместила одну из последних статей Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)». Автор призывал создать механизм контроля над аппаратом ЦК, иначе говоря, над вертикалью власти партийных секретарей.

Политбюро печатать ее не хотело. Председатель Центральной контрольной комиссии Валериан Владимирович Куйбышев предложил отпечатать газету специально для Ленина в единственном экземпляре, чтобы его успокоить. Троцкий потребовал печатать, и немедленно. Опубликовали. Но из текста ленинской статьи вычеркнули важнейшие слова: «...чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос».

Из дневника лечащего врача. 28 января: «Сегодня Владимир Ильич даже написал букву “у”».

Четвертого февраля: «С завтрашнего дня решено провести в течение трех дней молочную диету: молоко, сливочное масло, разварной рис,

творог и хлеб. Соли совершенно не будут давать. Вместо боржома вода с сахаром и лимоном».

Девятого февраля: «Владимир Ильич находит, что в эту болезнь ему стало труднее находить слова, не только немецкие, но даже временами и русские».

Ему делали электризацию. Он просил избавить его от этого испытания, как и от гимнастики.

Одиннадцатого февраля: «После посещения врачей Владимир Ильич был очень расстроен. Он был бледен; когда говорил, у него дрожали губы. Мария Ильинична предполагает, что расстроился Владимир Ильич тем, что из одной фразы Фёрстера он узнал, что врачи имели собеседование в ЦК, и таким образом в ЦК узнали, о чем думает и чем интересуется Владимир Ильич и что его озабочивает.

Мария Ильинична сообщила, что в семь часов у Владимира Ильича было в течение пяти минут затруднение речи. Он не мог сказать то, что хотел, и сам заявил:

— Я не могу сказать, что хочу, не нахожу слов.

Вечером нервничал».

Двенадцатого февраля: «Лицо у Владимира Ильича бледное, выражение лица грустное, нет в нем обычной приветливости. По-видимому, Владимир Ильич чем-то расстроен. Не мог сразу находить слова не только немецкие, но и русские. Долго подыскивая слова, забыл, о чем он хотел спросить. Путем догадок удалось выяснить, что о гимнастике. Вообще память у Владимира Ильича стала, по-видимому, несколько хуже. Он обычно не может вспомнить, болела ли у него накануне голова, новые врачебные назначения тоже забывает».

Придя в себя, Ленин вновь обратился к Троцкому за помощью в так называемом «грузинском деле». Руководители компартии Грузии во главе с Буду Гургеновичем Мдивани, членом Кавказского бюро ЦК, подали в отставку в знак протеста против действий первого секретаря Закавказского крайкома Серго Орджоникидзе, который попросту ими командовал, не допуская самостоятельности.

Серго вел себя очень грубо, даже ударил члена ЦК компартии Грузии Акакия Кабахидзе, который назвал его «сталинским ишаком». Кабахидзе подал жалобу в Москву. Ходу ей не дали. Сталин покровительствовал Орджоникидзе. Начальник сталинской канцелярии Амаяк Назаретян написал другу Серго, что Матвей Федорович Шкирятов, председатель Центральной комиссии по проверке и чистке рядов партии, «хохотал и говорил: жаль, мало попало, только один раз ударил!»

Грузины предлагали, чтобы Грузия напрямую входила в состав СССР, минуя ненужную надстройку — Закавказскую Федерацию, как это и произойдет потом. Ленин назначил Дзержинского председателем комиссии, которая должна была разобраться с жалобами грузинских коммунистов. Дзержинский решительно встал на сторону Орджоникидзе.

Феликс Эдмундович принципиально был против всего, что можно толковать как национализм и сепаратизм. Писал одному из своих соратников-чекистов: «Я лично полагаю, что наше несчастье — это то, что все Совнаркомы и другие правительства, органы окраинных республик относятся к себе серьезно, как будто бы они могли быть настоящими правительствами. Сколько в этом митрофанства и узости политической...»

Прочитав доклад комиссии и встретившись с Феликсом Эдмундовичем, Ленин зло обвинил Дзержинского — вместе со Сталиным и Орджоникидзе — в великорусском шовинизме, добавив обидное: «Известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения».

Владимир Ильич распорядился перепроверить все материалы комиссии Дзержинского «на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются». И приписал: «Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского».

Звучало грозно. Уже стоял вопрос о том, чтобы снять Дзержинского, но Ленину опять стало крайне плохо. И в этот момент он с удивлением узнал, что в его отсутствие политбюро утвердило выводы комиссии Дзержинского.

Четырнадцатого февраля Владимир Ильич велел своим секретарям «дать понять» обиженным членам грузинского ЦК, что «он на их стороне»: «Три момента. 1. Нельзя драться. 2. Нужны уступки. 3. Нельзя сравнивать большое государство с маленьким».

Но всякое вмешательство в политическую жизнь ему дорого обходилось.

Из истории болезни. 16 февраля: «Врачи приехали в начале второго. Владимир Ильич жалуется на очень сильную головную боль. Лежит с пузырьем на голове и с закрытыми глазами. Настроение очень скверное. На вопросы отвечал неохотно. Поэтому решено сделать люмбальную пункцию. Пункция сделана под хлорэтиловой местной анестезией. Через четверть часа Владимир Ильич сказал, что голове стало легче».

Люмбальная пункция — известный способ диагностики и лечения.

Игла с крайней осторожностью вводится в пространство спинного мозга на уровне поясницы. При высоком внутричерепном давлении приносит некоторое облегчение.

Со второй половины февраля у Ленина всё чаще повторяются пугающие и его, и Крупскую приступы расстройства речи.

Двадцатого февраля: «Вечером Владимир Ильич просил Надежду Константиновну дать ему отчет о 10-м съезде Советов. Надежда Константиновна сначала обещала ему дать, но Мария Ильинична посоветовала лучше этого не делать. Владимир Ильич огорчился отказом».

Двадцать первого февраля: «В час ночи Владимир Ильич позвонил медсестре Марии Макаровне, и оказалось, что он еще не засыпал. Сестра предложила вторую таблетку Liopral'a, но Владимир Ильич категорически от нее отказался и стал требовать веронала. Сестра ему в этом отказала, на что Владимир Ильич очень обиделся, рассердился и сказал:

— Если вы мне не дадите веронала, то нам придется расстаться.

Сестра сказала, что без разрешения врачей она веронала дать не может. Владимир Ильич согласился принять две таблетки сомнацетина, но всё-таки не заснул, и в три часа ему были даны еще две таблетки. Но Владимир Ильич так расстроился и разволновался, что и после этого не мог заснуть... Утром настроение очень скверное. Владимир Ильич сильно нервничает, он несколько раз говорил Марии Ильиничне, что сестру надо убрать. С Марией Макаровной Владимир Ильич холоден...

Владимир Ильич бледен, лицо расстроено. Он очень нервен. Сразу стал жаловаться на отвратительное настроение, нервы совершенно разошлись, какая-то общая расхлябанность, дрожь во всём теле. Когда Владимир Ильич разговаривал, видно было, что он всеми силами старается владеть собой, старается сдержаться, но это не вполне ему удавалось... С начала этой болезни Владимир Ильич ни разу не был в таком состоянии...

Продолжительная болезнь, невозможность работать, отсутствие свиданий и газет всё больше расшатывают его нервную систему... Реакция чисто патологическая, совершенно несвойственная Владимиру Ильичу, который по натуре крайне любезный, внимательный, деликатный, воспитанный».

Третьего марта: «В половине десятого звонила доктору Кожевникову Надежда Константиновна и сообщила, что Владимир Ильич очень нервничает, говорит несуразности и очень волнуется».

Четвертого марта: «Сегодня Надежда Константиновна подробнее рассказала про то, что было вчера с Владимиром Ильичом. Он устал от сидения и от почти тотчас же начатого чтения, это его чрезвычайно

расстроило, он стал вспоминать свою первую болезнь, по-видимому, более медленная теперь поправка его беспрестанно волнует и озабочивает. Он начал путаться в своих мыслях, хотя говорил связные фразы, но между отдельными фразами связи не было, вследствие чего Надежда Константиновна не могла его понять, что еще больше расстроило Владимира Ильича».

Те минуты, когда к нему возвращается речь, он спешит использовать для участия в политических баталиях. Обращается к единственному человеку, которому мог довериться, — к Троцкому, с просьбой выступить с защитой его позиции.

Лев Давидович, чтобы не доводить дело до скандала, предложил всё уладить в рамках политбюро. Ленин, зная своих соратников, не согласился: «Ни в коем случае. Каменев расскажет всё Сталину, а Сталин пойдет на гнилой компромисс и обманет».

Пятого марта Ленин продиктовал Володичевой письмо:

«Уважаемый товарищ Троцкий.

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на Ц.К. партии. Дело это находится под “преследованием” Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем наоборот. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным...

С наилучшим товарищеским приветом Ленин».

Из-за болезни вождя серьезные вопросы взаимоотношений Грузии с Центром остались нерешенными, и в 1924 году там вспыхнуло крестьянское восстание.

Сохранить спокойствие Ленину никак не удастся. С большим опозданием он узнал о том, как Сталин кричал на Надежду Константиновну. Особенно неприятно ему было выяснить, что Каменеву и Зиновьеву всё известно, следовательно, слухи могли распространиться достаточно широко.

В тот же день, 5 марта, утром, после того как Крупская уехала в Наркомат просвещения, где она работала, Владимир Ильич продиктовал той же Володичевой личное и строго секретное письмо:

«Товарищу Сталину.

Копия тт. Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать

так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня.

Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения».

Владимир Ильич в самой корректной и достойной мужчины форме предлагал извиниться за хамство, допущенное в отношении Надежды Константиновны. Никакой политики, письмо носит личный характер.

Вот важный вопрос: как в реальности Ленин относился к Сталину?

Об этом говорится в записках сестры Ленина — Марии Ильиничны Ульяновой, которые были найдены после ее смерти в 1937 году, а преданы гласности только в наши времена.

«У Владимира Ильича было очень много выдержки, — писала его сестра. — И он очень хорошо умел скрывать, не выявлять отношения к людям, когда считал это почему-либо более целесообразным... Тем более сдерживался он по отношению к товарищам, с которыми протекала его работа. Дело было для него на первом плане, личное он умел подчинять интересам дела, и никогда это личное не выпирало и не превалировало у него».

Еще до первой болезни Ленина, вспоминала Мария Ульянова, «я слышала о некотором недовольстве Сталиным... Владимир Ильич был рассержен на Сталина... Большое недовольство к Сталину вызвал у В. И. национальный, кавказский вопрос. Известна его переписка по этому поводу с Троцким. Видимо, В. И. был страшно возмущен и Сталиным, и Орджоникидзе, и Дзержинским. Этот вопрос сильно мучил В. И. во всё время его дальнейшей болезни».

Сталин видел, как Ленин относится к нему, и пытался воздействовать на вождя через сестру. Вызвал к себе Марию Ильиничну Ульянову.

— Я сегодня всю ночь не спал, — жаловался ей Сталин. — За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь.

«Мне стало жаль Сталина, — вспоминала Мария Ульянова. — Мне показалось, что он так искренне огорчен».

Мария Ильинична пошла к брату:

— Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что любит тебя.

Ильич усмехнулся и промолчал.

— Что же, — спросила Мария Ульянова, — передать ему и от тебя привет?

— Передай, — ответил Ильич довольно холодно.

— Но, Володя, он всё же умный, Сталин.

— Совсем он не умный, — ответил Ильич, поморщившись.

Может быть, Ленин находился во власти минутного раздражения? Мария Ильинична Ульянова писала перед смертью, что эмоции не имели значения для брата: «Слова его о том, что Сталин “вовсе не умен”, были сказаны Владимиром Ильичом абсолютно без всякого раздражения. Это было его мнение о нем — определенное и сложившееся, которое он и передал мне. Это мнение не противоречит тому, что В. И. ценил Сталина как практика, но считал необходимым, чтобы было какое-нибудь сдерживающее начало некоторым его замашкам и особенностям, в силу которых В. И. считал, что Сталин должен быть убран с поста генсека».

Ленин велел Марии Володичевой запечатать письмо и отправить Сталину. Вернулась Крупская и попросила не спешить с отправкой письма. Справедливо опасалась, что эта история может сказаться на здоровье Владимира Ильича, и хотела как-то успокаивающе поговорить с мужем, а возможно, и со Сталиным — пусть он сам извинится, и об этой истории можно будет забыть.

Но Иосиф Виссарионович понял, что его судьба висит на волоске. Лев Каменев предупредил генсека, что на очередном съезде Ильич «готовит для него бомбу». Историки пришли к выводу, что продиктованное Лениным «Письмо к съезду» его секретарь Лидия Фотиева сразу же показала Сталину. Так что ему было известно твердое намерение Владимира Ильича убрать его с должности генерального секретаря ЦК партии.

Узнав о резком ленинском письме, Сталин в тот же день предложил членам политбюро перенести XII съезд партии, на котором Ленин намеревался сместить его с поста генсека, на более поздний срок — в отчаянной надежде выиграть время. Бедственное состояние здоровья Владимира Ильича ему было известно лучше, чем кому бы то ни было. Политбюро согласилось.

Шестого марта Ленину стало хуже.

Из дневника лечащего врача: «Владимир Ильич очень интересуется, можно ли ему сегодня проехаться по квартире. Решено удовлетворить горячее желание Владимира Ильича. Его посадили в передвижное кресло и прокатали по всей квартире. В большой комнате Владимир Ильич посидел около пятнадцати минут, после чего снова уложили его в постель... Поспал два часа. Когда проснулся, позвал сестру, но почти не мог с ней разговаривать. Он хотел попросить сестру позвать Надежду Константиновну, но не мог назвать ее имени.

Когда пришла Надежда Константиновна, Владимир Ильич почти

ничего не мог сказать и, не находя слов, всё говорил:

— Ах черт, ах черт.

Надежда Константиновна тотчас же нас вызвала, и мы приехали с Василием Васильевичем Крамером. Владимир Ильич лежал с растерянным видом, выражение лица испуганное, глаза грустные, взгляд вопрошающий, из глаз текут слезы. Владимир Ильич волнуется, пытается говорить, но слов ему не хватает, и дополняет их словами:

— Ах черт, ах черт. Вот такая болезнь, это возвращение к старой болезни.

Владимир Ильич всё время просит лед:

— Больше льда, больше льда, надо больше, надо большие запасы льда.

Владимиру Ильичу дали два раза бром. Но это его не удовлетворило. Он говорит:

— Йод надо, надо йод.

Ему дали две лепешки йодфортана — Владимир Ильич их проглотил и через несколько минут сказал:

— Йод помог, если это йод.

По-видимому, подозревал, что ему дали какое-либо другое лекарство. После этого доктор Кожевников впрыснул ему в вену левой руки 0,03 папаверина. В скором времени речь стала улучшаться. Владимир Ильич немного успокоился».

Мария Володичева записала в дневнике: «Чувствовал себя плохо. Надежда Константиновна просила этого письма Сталину не посылать, что и было сделано в течение 5-го. Но 7-го я сказала, что должна исполнить распоряжение Владимира Ильича. Она переговорила с Каменевым, и письмо было передано Сталину и Каменеву, а затем и Зиновьеву, когда он вернулся из Питера».

Седьмого марта Володичева вручила Сталину письмо Владимира Ильича. Абсолютно уверенный в себе генсек, узнав об ухудшении состояния Ленина, успокоился и тут же продиктовал еле живому вождю высокомерно-снисходительный ответ:

«т. Ленину от Сталина.

Только лично.

т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: “Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем Вы, Надежда Константиновна,

оказывается, нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича” и пр.

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое “против” Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрейшего Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут, да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения “отношений” я должен “взять назад” сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя “вина” и чего, собственно, от меня хотят».

Это письмо Ленин уже не прочитал. Ему не хотели показывать сталинский ответ, чтобы ему не стало хуже.

Из дневника лечащего врача: «Мария Ильинична телефонировала и сообщила, что Владимир Ильич настойчиво требует люмбальной пункции, и спрашивала, как быть и можно ли часто делать пункцию. Доктор Кожевников ответил, что очень часто, конечно, нельзя. Приехал в половине десятого.

— Зачем вы беспокоились, раз всё равно ничего нельзя сделать?

Кожевников понял, что Владимир Ильич говорит о люмбальной пункции, но не стал углублять больной вопрос. Владимир Ильич добавил:

— Проклятый немец.

Разговаривая с Надеждой Константиновной, Кожевников спросил, что подразумевал Владимир Ильич. Она дала объяснение: Владимир Ильич недоволен, что ему не делают пункции, которую Фёрстер рекомендовал в случае упорной головной боли».

Восьмого марта: «Врачи приехали в половине второго. Владимир Ильич лежал под тремя одеялами, был бледен и весь дрожал... Кожевников сделал под местной хлорэтиловой анестезией пункцию между четвертым и пятым позвонками. Через четверть часа Владимир Ильич сказал, что голова болит значительно меньше».

Девятого марта — потеря речи, паралич правой руки и ноги захватил и левую руку. В восемь часов Надежда Константиновна позвонила его лечащим врачам:

— Речь у Владимира Ильича плохая, артикуляция неотчетливая, трудно находит слова, говорит одни слова вместо других и этого, по-видимому, не замечает...

Надежда Константиновна в страшной тревоге рассказала, что утром Владимира Ильича совершенно нельзя было понять. Он посмотрел на нее и

сказал:

— Надо позвать жену.

А вечером всё переменялось! Владимир Ильич пребывал в хорошем настроении, говорил почти свободно и сам радовался:

— Я чувствую себя как здоровый, точно произошло какое-то чудо.

Он был весел, вспоминал далекое прошлое, совсем не волновался. А 10 марта Ленина разбил третий удар, от которого Владимир Ильич уже не оправился. Его поразили полный правосторонний паралич. Он прожил еще год при полном сознании и понимании своего бедственного положения.

Из дневника лечащего врача. 11 марта: «Владимир Ильич всё время пытается что-то сказать, но это ему не удастся. Понять его почти невозможно... Бесконечно грустно смотреть на его беспомощность».

Двенадцатого марта: «Владимир Ильич плохо понимает, что его просят сделать. Ему были поднесены ручка, очки и разрезательный нож. По предложению дать очки Владимир Ильич их дал. По просьбе дать ручку снова дал очки (они ближе всего лежали к нему). Полный паралич правой руки».

Тринадцатого марта: «Всегдашняя деликатность, заботливость о других, когда состояние его здоровья внушает серьезные опасения. До чего же глубоко должны в нем сидеть эти качества. Это одна из основных черт его характера, и это-то заставляет при близком с ним общении привязываться к нему всё больше и больше».

Пятнадцатого марта: «Паралич конечностей без перемен. Владимир Ильич съел тарелку супа с сухариком, маленький бутерброд с икрой, немножко каши и выпил немного кофе».

Шестнадцатого марта: «Он всё старается говорить, но его почти никто не понимает».

Семнадцатого марта: «Он хотел высказать какую-то мысль или какое-то желание, но ни сестра, ни Мария Ильинична, ни Надежда Константиновна совершенно не могли понять Владимира Ильича. Он начал страшно волноваться, ему дали брома».

Восемнадцатого марта: «Сегодня утром, когда Владимир Ильич разговаривал с Надеждой Константиновной, он всё старался что-то объяснить, и Надежда Константиновна поняла, что Владимир Ильич хочет, чтобы кто-то приехал; задавая вопрос и называя разных лиц, в конце концов выяснилось, что Владимир Ильич будто хочет приезда т. Обуха».

Вызвали профессора Владимира Александровича Обуха, заведовавшего Московским отделом здравоохранения, создателя Института гигиены труда и профессиональных заболеваний.

Девятнадцатого марта: «Речь сегодня хуже, произвольно почти никаких слов Владимир Ильич не говорит, а повторяет сегодня хуже, чем вчера, хотя хорошо сказал: “Мари”, “Гум”, “Русский”; “Москва” сразу выговорить не мог. Владимиру Ильичу сказали, что у него надо взять немного крови для анализа. Владимир Ильич начал волноваться, пытался что-то объяснить, но понять его оказалось невозможно... Владимир Ильич взволнован, пытается что-то высказать и, когда это ему не удастся, безнадежно машет рукой. Затем Владимир Ильич немного успокоился, но ненадолго и скоро опять начал волноваться по какому-то поводу».

Двадцать второго марта: «С утра волновался, хотел садиться. Началось двигательное возбуждение, Владимир Ильич пытался встать с кровати, его трудно было удерживать. Когда приехали Фёрстер и Минковский (Оскар Минковский — директор клиники внутренних болезней в Бреслау, диабетолог. — Л. М.), Владимир Ильич сильно волновался, и его пришлось посадить в кресло. Он сидел в кресле боком с опущенной головой. Поднял голову, улыбнулся, поздоровался со мной и, схватив мою руку, снова начал делать попытки к вставанию. Во время припадка (по-видимому, был спазм какого-нибудь сосуда) Владимир Ильич часто брался за голову».

Двадцать третьего марта: «Когда вошла Надежда Константиновна, а потом Мария Ильинична, Владимир Ильич на их приход никак не реагировал. За завтраком почти ничего не ел. Съел только пять-шесть ложек яиц всмятку. Простокваши не ел, кофе не пил... Временами кажется, что у него зрительные галлюцинации, но утверждать это очень трудно. Вчера создалось впечатление, что Владимир Ильич хуже видит. Когда вечером ему дали сухари, он долго не мог сразу попасть рукой на блюдце, а всё попадал мимо. Сегодня такое впечатление, что всё, что говоришь Владимиру Ильичу, до него не доходит, и он не понимает того, что ему говорят, или, быть может, его мысли заняты другим. На вопросы Владимир Ильич никак не реагировал».

Двадцать пятого марта: «Результат сегодняшнего исследования с несомненностью говорит за то, что третьего и четвертого дня снова был спазм сосудов, которые окончательно затромбировались, и поэтому развилась полная, вялая гемиплегия (паралич мышц одной половины тела). Когда посидела у него Надежда Константиновна, Владимир Ильич принял бром и йод».

Двадцать седьмого марта: «Говорил много, больше шепотом, только несколько раз говорил громко и членораздельно. Утром сказал: “Правая сторона”. Затем он отчетливо сказал несколько раз: “Мы сегодня”, а вечером, когда Фёрстер кормил Владимира Ильича, он вполне ясно и

громко сказал: “Мерси”, а прощаясь, сказал: “Гуте нахт”».

Тридцатого марта: «Вид у Владимира Ильича очень плохой, бледен, осунулся, очень слаб. Говорит шепотом. В левом боку сильные боли, Владимир Ильич стонет, поэтому сделано впрыскивание. После этого Владимир Ильич заснул. Спит очень спокойно, не стонет. Проснулся с не очень ясным сознанием. По-видимому, Владимир Ильич плохо понимает, что ему говорят. Предложенную еду отталкивает, сжимает губы и стискивает зубы. Всё-таки Фёрстеру удалось ввести ему в рот немного зернистой икры, но Владимир Ильич ее тотчас же выплюнул. От еды отказался. Ввиду этого сделана клизма из одного стакана бульона с желтком, ложкой сахара и 2,0 брома».

XII съезд партии, проходивший с 17 по 25 апреля 1923 года, приветствовал отсутствовавшего Ленина. В тексте обращения были и такие строки: «Съезд посылает свое товарищеское и братское сочувствие Надежде Константиновне, жене-соратнице, и Марии Ильиничне, сестре-другу Ильича, и просит их помнить, что все тяжкие тревоги переживаются вместе с ними изо дня в день той великой семьей, которая называется РКП».

На политбюро Троцкому предложили вместо Ленина произнести на съезде главный, политический доклад — отчет о работе ЦК. Лев Давидович отказался:

— Попытка заменить Ленина только усугубит угнетенное настроение партии, вызванное болезнью Владимира Ильича.

Сталин сделал всё, чтобы обращение Ленина не дошло до делегатов XII съезда, которые — при жизни Владимира Ильича — могли бы и потребовать исполнения ленинских указаний. Появление на съезде Троцкого было встречено такой бурной овацией, таким длительным, несмолкаемым громом аплодисментов, что Сталин и другие члены политбюро позеленели от зависти. Будущий нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов сказал, что «подобные овации просто неприличны, так можно встречать только Ленина». Увидев, как вслед за Троцким в зал заседаний входит один из руководителей Коминтерна, Карл Радек, Ворошилов пренебрежительно бросил:

— Вот идет Лев, а за ним его хвост.

Остроумный Радек ответил ему четверостишием:

У Ворошилова тупая голова,
Все мысли в кучу свалены,
И лучше быть хвостом у Льва,

Чем задницей у Сталина.

Радек ошибся. Его отправили в лагерь и там убили. А Ворошилов стал формальным главой государства и умер в своей постели.

Делегации, которые приходили приветствовать съезд, провозглашали: «Да здравствуют наши вожди Ленин и Троцкий!» Сталин и другие твердо решили, что от Троцкого нужно избавиться. А состояние Ленина всё ухудшалось. Он испытывал тяжкие физические страдания. «Больного нельзя было оставлять ни на минуту одного, — вспоминала Крупская. — При нем постоянно была сестра, к нему постоянно входил дежурный врач, были непрерывные консультации».

«Положение было отчаянное, — рассказывала Надежда Константиновна. — Об этом первом периоде Владимир Ильич старался впоследствии не вспоминать — не ходил в ту комнату, где он лежал, не ходил на тот балкон, куда его выносили первые месяцы, старался не встречаться с сестрами и теми врачами, которые за ним тогда ухаживали. В этот период вопрос шел главным образом о спасении жизни».

В мае 1923 года наступило слабое улучшение. А во второй половине июня — новое обострение, которое сопровождалось сильнейшим возбуждением и бессонницей. Он совершенно перестал спать. Тем временем в руководстве партии затеялась новая интрига, которую закрутили, пользуясь отсутствием вождя.

Советская Россия фактически жила в условиях сухого закона. Принятое 19 декабря 1919 года постановление Совнаркома запрещало производство и продажу спиртных напитков крепче двенадцати градусов. Вино и пиво разрешалось.

Летом 1923 года решили разрешить свободную продажу крепкого алкоголя ради наполнения бюджета. Находившийся в отпуске Троцкий 2 июля обратился к членам ЦК: «Наш бюджет может держаться только на успехах сельского хозяйства и промышленности и внешней торговли. Попытка перенести бюджет на алкогольную основу есть попытка обмануть историю, освободив государственный бюджет от зависимости от наших собственных успехов в области хозяйственного строительства».

У отстраненного от реальной политической жизни Троцкого осталась фактически только одна возможность высказывать свое мнение — писать письма руководителям партии. Троцкого возмутила сама идея спаивания рабочих ради извлечения денег из населения. Но к нему не прислушались.

Тогда он обратился ко всей стране. 12 июля «Правда» поместила его

статью с протестом против широкой продажи водки: «В отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму».

Но наполнение бюджета оказалось важнее идеалов. Сталин от имени политбюро (из семи членов политбюро наличествовали только двое — Сталин и Каменев, а также кандидат в члены политбюро Ян Эрнестович Рудзутак) потребовал от «Правды» «воздержаться от помещения дискуссионных статей по вопросу о продаже водки».

Во время отпуска ответственного редактора газеты Бухарина его обязанности исполнял Евгений Преображенский, в недавнем прошлом сам секретарь ЦК и член оргбюро. Преображенский возмутился: «Никакое новое решение в направлении возврата к продаже водки не может быть проведено без всестороннего и публичного обсуждения вопроса и без твердого большинства в партии за эту меру. Поэтому, не касаясь вопроса по существу (я лично против продажи водки), я нахожу совершенно ошибочным решение Политбюро от 12 июля и прошу об его отмене».

Сталин рад был поводу убрать из «Правды» Преображенского. Генсек 25 июля написал Зиновьеву, отдыхавшему в Кисловодске: «Вы, должно быть, знаете, что в связи с известным фельетоном Наркомвоенна (в “Правде”) против водки политбюро предложило “Правде” воздержаться от дискуссии по вопросу о водке. В ответ на это Преображенский прислал заявление в политбюро об ошибочности этого решения, “принятого частью ЦК” (то есть — политбюро), с просьбой отозвать его из “Правды”».

Евгений Преображенский поехал в Горки. Видимо, не без задней мысли найти поддержку у вождя. Рассчитывал на понимание. Тем более что с Крупской они еще недавно вместе трудились в Наркомате просвещения.

Впечатления от поездки в Горки Преображенский 29 июля описал Бухарину:

«Дорогой Ника!

Во время первого посещения Старик находился в состоянии большого раздражения, продолжал гнать даже Фёрстера и других, глотая только покорно хинин и йод, особенно раздражался при появлении Надежды Константиновны, которая от этого была в отчаянии. И всё-таки к нему ходила.

Второй раз, четыре дня назад... Я не знал точно, как себя держать и кого я, в сущности, увижу. Он крепко мне жал руку, я инстинктивно

поцеловал его в голову. Но лицо! Мне стоило огромных усилий, чтоб не заплакать, как ребенку. На его лице как бы сфотографировались и застыли все перенесенные им страдания за последнее время...

Через пять минут меня позвали за стол пить вместе с ним чай. Он угощал меня жестами малиной и сам пил из стакана вприкуску, орудуя левой рукой. Он всё понимает, к чему прислушивается. Но я не всё понимал, что он хотел выразить.

У него последние полторы недели очень значительное улучшение во всех отношениях, кроме речи. Я говорил с Фёрстером. Он думает, что это не случайное и скоропроходящее улучшение, а что улучшение может быть длительным».

Но поговорить о важном Преображенскому не удалось.

К возражениям Троцкого против спаивания народа дешевой водкой не прислушались. Доходы от продажи алкоголя пополняли бюджет страны до самой перестройки.

А в «Правде» Преображенского заменила коллегия из шести человек во главе с Бубновым. Бухарин возмущенно писал Каменеву, что Сталин «даже меня вывел из терпения, передав “Правду” Бубешке, даже не запросив меня. В результате М. И. Ульянова вызывает меня в Москву, все бунтуют. Не написали даже толком, почему выставили Преображенского. Так швыряться людьми нельзя, даже если они неправы».

Но смертельно больной Ленин не мог промолвить ни слова. И Сталин не обратил внимания на протесты ни сестры вождя, ни его соратников. Преображенский отошел от политической деятельности, работал в Наркомате финансов, Госплане, Наркомате совхозов. В 1937 году его расстреляли...

В конце июля 1923 года опять наступило улучшение. Крупская считала: муж выздоравливает. Вера в то, что Владимир Ильич поправится, помогала ей. Стала лучше работать левая рука. Ленин начал ходить. Сначала ему помогал санитар, потом было достаточно палочки. И настроение сразу улучшилось. В комнате поставили кресло — напротив окна, откуда видно было село Горки.

За ним ухаживали три санитары: Николай Семенович Попов, Владимир Александрович Рукавишников и Зиновий-Казимир Ильич Зорька-Римша (эстонский коммунист) — студенты-медики Московского университета.

Но 1 августа 1923 года Ленин обреченно сказал жене:

— Дело иметь с врачами бесполезно, так как всё равно вылечить они не в состоянии — ходить не могу, руки не действуют, речи нет.

«К тому времени у меня явилась надежда на выздоровление, — вспоминала Крупская. — Я рассказала Владимиру Ильичу, как умела, почему я думаю, что он выздоровеет. И говорили мы еще о том, что надо запастись терпением, что надо смотреть на эту болезнь всё равно как на тюремное заключение».

Медсестра Екатерина Ивановна возмутилась:

— Как можно сравнивать болезнь с тюрьмой?

Крупская пояснила. В 1914 году, когда началась Первая мировая война, Ленина арестовали в Австро-Венгрии. Он сидел в тюрьме и как юрист по профессии помогал заключенным. И они его прозвали «бычий хлоп» — в смысле крепкий, сильный.

«И Владимир Ильич переносил свою болезнь так же бодро, как раньше он переносил тюрьму, — вспоминала Надежда Константиновна. — Был и тут таким же “бычим хлопом”».

Ленин ходил по лестнице, держась за перила левой, действующей рукой. Крупская, профессиональный педагог, занималась с ним речью — под присмотром логопедов.

«Занятия давали ему уверенность в выздоровлении. Радовался он и возможности самостоятельно ходить, спускаться и подниматься по лестнице без поддержки. Пугали только время от времени начавшиеся повторяться припадки дурноты. Каждый раз охватывал ужас нового ухудшения. Владимир Ильич сам просматривал газету, я прочитывала ему телеграммы, передовицу, статьи по его указанию. Читали и книжки. Нам присылали все вновь выходящие книжки».

Через десять с лишним лет Надежда Константиновна попросит сотрудника Наркомата просвещения Петра Васильевича Руднева помочь ей привести в порядок ее рукописи и материалы. «Меня потряс, — рассказывал Руднев, — дневник ее занятий с Владимиром Ильичом по восстановлению его речи в 1923 году. Я вдоволь наревелся, читая дневник. В этом же свертке был и дидактический материал для занятий, подготовленный из разрезной азбуки».

Утром Надежда Константиновна вывозила мужа на прогулку, потом занималась с ним. В час дня они обедали. Владимир Ильич часок отдыхал, а Надежда Константиновна готовилась к занятиям с мужем. Врачи встревожились: она сама спит очень мало, а ночью сидит и разрезает для мужа азбуку.

Из подмосковного санатория для начальства «Чайка» перевели в Горки медицинскую сестру Таисию Михайловну Белякову. Около пяти часов утра в комнате, где она дежурила, появлялась Надежда Константиновна:

— Пойди, Таиса, отдохни, теперь я побуду с Володей.

Надежда Константиновна отправляла ее спать в свою комнату, повторяя, что у нее значительно теплее, чем в помещении, отведенном медсестрам.

Крупская писала дочери покойной Инессы Арманд: «Живу только тем, что по утрам В. бывает мне рад, берет мою руку, да иногда говорим мы с ним без слов о разных вещах, которым всё равно нет названия».

Она училась его понимать. По отдельным словам, мимике, жестам. Делилась с младшей Арманд: «Милая моя Иночка, не писала тебе целую вечность, хотя каждодневно думала о тебе. Но дело в том, что сейчас я целые дни провожу с В., который быстро поправляется, а по вечерам я впадаю в очумение и неспособна уже на писание писем.

Поправка идет здоровая — спит всё время великолепно, желудок тоже, настроение ровное, ходит теперь (с помощью) много. Руке делают ванны и массаж, и она тоже стала поправляться. С речью тоже прогресс большой — Фёрстер и другие невропатологи говорят, что теперь речь восстановится наверняка, то, что достигнуто за последний месяц, обычно достигается месяцами.

Настроение у него очень хорошее, теперь и он видит уже, что выздоравливает, — я уж в личные секретари к нему прошусь и собираюсь стенографию изучать. Каждый день я читаю ему газетку, каждый день мы подолгу гуляем и занимаемся».

Он сам просматривал газеты и указывал те, которые его заинтересовали. Надежда Константиновна читала их вслух.

Санитар Владимир Рукавишников отметил своеобразное разделение труда. Надежда Константиновна всё время проводила с мужем, читала ему книги и газеты. Мария Ильинична взяла на себя организационные хлопоты. Она имела дело с врачами и всем персоналом. Заботилась о лекарствах, дежурствах. Всё было в ее руках, и все ей беспрекословно подчинялись.

А прислуги набралось порядочно — кухарки, прачки, уборщицы, садовники, технический персонал; один человек, например, показывал в Горках кинофильмы. Ленин, Крупская и Мария Ильинична с удовольствием смотрели кино. Заказывала ленты Мария Ульянова. Она выбирала видовые и дореволюционные комедии, чтобы всех развеселить.

Все отмечали трогательное отношение Владимира Ильича к жене: «Ильич сидит с Надеждой Константиновной. Она читает, он внимательно слушает. Иногда требует перечитать то или другое место. Настроение, кажется, у обоих прекрасное. Но вот она вышла. Ильич уселся, закрыв несколько лицо рукой, облокотившись на стол в задумчивой позе... И вдруг

из-под руки катятся слезы... Чу, шорох. Шаги. Кто-то идет. Ильич выпрямился. Смахнул слезы. Как будто ничего не было».

Болезнь Ленина стремительно развивалась. Для Крупской худшее было впереди.

«Раз в припадке отчаяния, что не могу догадаться, что он хочет сказать, я малодушно заплакала, — рассказывала она. — Владимир Ильич посмотрел на меня, вынул из кармана носовой платок и подал мне».

То, что она сделала для мужа в последние годы его жизни, — подвиг. Лишь тот, кто сам прошел через такое, понимает, какая эта мука и страдания — видеть, что болезнь творит с близким и любимым человеком.

«Ему иногда бывало очень-очень плохо, — рассказывал один из чекистов, охранявших Горки. — Иногда он чувствовал себя великолепно, а иногда ночью такие приступы были, что если кто стоял в кустах, на посту, слышно было, как он кричал».

Ленин спросил однажды Глеба Кржижановского:

— Знаете, какой самый большой порок?

Кржижановский не знал.

— Быть старше пятидесяти пяти лет.

Ленин до этого возраста не дожил...

Тринадцатого сентября 1923 года Крупская писала дочери Иннессы Арманд Варваре:

«У нас дела ничего себе, хотя временами кажется, что только обманываешь себя. Во всяком случае, всё движется гораздо медленнее, чем хотелось бы... Ездим за грибами в далекий лес на автомобиле, читаем газетки. Сестер отменили окончательно. Доктора сведены до минимума. Живем ничего себе, по существу, если бы не думать, и то стараюсь этим делом как можно меньше заниматься».

Владимир Ильич начал ходить, произносил некоторые простые слова — «вот», «что», «идите», пытался читать газеты, учился писать левой рукой. Но влиять на политическую жизнь страны больше не мог.

Ленинское «Письмо к съезду», как его ни толкуй, содержит только одно прямое указание: снять Сталина с должности генсека. Остальных менять не надо. Хотя Ленин и отметил — довольно болезненным образом — недостатки каждого из самых заметных большевиков. Но получилось совсем не так, как завещал Владимир Ильич. Сталин — единственный, кто остался на своем месте. Всех остальных он со временем уничтожил. Более того, само письмо Ленина стали считать «троцкистским документом», чуть ли не фальшивкой. Сталин предпочитал говорить о так называемом «завещании Ленина».

Очень многим в те времена нравилась диктатура. Пока им казалось, что диктатура служит их интересам.

— Для того чтобы поддержать пролетарскую диктатуру, — доказывал на пленуме ЦК мягкий по характеру Николай Бухарин, — необходимо поддержать диктатуру партии, которая немыслима без диктатуры старой гвардии, которая, в свою очередь, немыслима без руководящей роли ЦК как властного учреждения...

Троцкий противопоставил себя очень влиятельной секретарской когорте. Они с Лениным и оглянуться не успели, как созданный ими же аппарат повернулся против своих создателей. Председатель Реввоенсовета хотел всего лишь укротить аппарат, но тот тявкал и огрызался. Чем дальше, тем агрессивнее. В конце октября 1923 года одному из вождей Октябрьской революции устроили проработку на объединенном пленуме ЦК и ЦКК.

Переживая увиденное, 31 октября Крупская написала Зиновьеву: «Совершенно недопустимо то злоупотребление именем Ильича, которое имело место на пленуме. Воображаю, как он был бы возмущен, если бы знал, как злоупотребляют его именем. Хорошо, что меня не было, когда Петровский сказал, что Троцкий виноват в болезни Ильича, я бы крикнула: это ложь, больше всего Владимира Ильича заботил не Троцкий, а национальный вопрос и нравы, водворившиеся в наших верхах.

Вы знаете, что Владимир Ильич видел опасность раскола не только в личных свойствах Троцкого, но и в личных свойствах Сталина и других. И потому, что Вы это знаете, ссылки на Ильича были недопустимы, неискренни. Их нельзя было допускать. Они были лицемерны. Лично мне эти ссылки приносили невыносимую муку. Я думала: да стоит ли ему выздоравливать, когда самые близкие товарищи по работе так относятся к нему, так мало считают с его мнением, так искажают его?

А теперь главное. Момент слишком серьезен, чтобы устраивать раскол и делать для Троцкого психологически невозможной работу. Надо пробовать с ним по-товарищески столкнуться. Формально вся ненависть за раскол свалена на Троцкого, но именно свалена, а по существу дела — разве Троцкого не довели до этого? Надо учитывать Троцкого как партийную силу и суметь создать такую ситуацию, где бы эта сила была для партии максимально использована».

Истинное состояние Ленина тщательно скрывали. В октябре 1923 года нарком здравоохранения Николай Александрович Семашко выступал в Одессе, рассказывал партийному активу о вожде:

— Речь его настолько улучшилась, что он почти совершенно свободно говорит. Ильич шутит, интересуется общественными делами, чувствуя, что

скоро будет принимать в них непосредственное участие. Ильич рвется к работе...

Крупская в письме дочери Арманд возмущалась: «Ужасно безответственно сообщения печатаются в газетах и делаются товарищами о здоровье В. И. Мы просили ЦК постановить, чтобы так не было, так что теперь будут печататься только бюллетени».

Восемнадцатого декабря 1923 года Ленина в последний раз привезли в Кремль. На въезде все предъявили пропуск, а у Ленина пропуска не было. Часовой наклонился, чтобы рассмотреть пассажира, узнал, вытянулся в струнку и взял под козырек. Владимир Ильич осмотрел свой кабинет, заглянул в зал заседаний Совнаркома, но там оказалось пусто. Прогулялся по Кремлю, где взвод красноармейцев отдал ему честь. Переночевал в своей квартире и утром вернулся в Горки.

Зимой Ленина возили на охоту. Сам он стрелять уже не мог. Наблюдал за другими охотниками и дышал свежим воздухом.

«Он интересовался тем, что писали о нем, читал приветствия, пожелания о выздоровлении, — рассказывала Крупская. — Ему, видимо, доставляло большое удовольствие сознавать связь-любовь между собой и массами».

Всё, что он мог сделать, это левой рукой приподнять кепку.

«Раз его провезли по дороге, — вспоминала Надежда Константиновна, — он видит, что рабочий красит крышу. Он быстро здоровой рукой снимает фуражку... Когда ездил на прогулку за пределы сада, Владимир Ильич особенно как-то старательно кланялся встречавшимся крестьянам, рабочим, малярам...»

Из-за болезни мужа Крупская редко бывала в наркомате, хотя дела отвлекали ее от мрачных мыслей. Анатолий Васильевич Луначарский написал ей: «Дорогая Надежда Константиновна, я не могу отказать себе в удовольствии сказать Вам, что как Вы раньше были душой Наркомпроса (помните, так называли Вас на 1-м съезде народного образования), так остаетесь ею и до сих пор».

В декабре 1923 года, когда Ленин уже был совсем плох, Крупская отвлеклась от ухода за мужем, чтобы в качестве председателя Главполитпросвета подписать инструкцию по изъятию литературы из библиотек, читален и книжного рынка: «Еще в 1920 году Политико-просветительным отделом Наркомпроса была на места разослана инструкция о пересмотре каталогов и изъятию устаревшей литературы из общественных библиотек.

Однако до сих пор доклады Губполитпросветов и Гублитов за редким

исключением совершенно не упоминали о работе по пересмотру и изъятию книг из библиотек. В некоторых губерниях потребовалось вмешательство ГПУ, чтобы работа по изъятию началась. По-видимому, Политпросветы и Гублиты недостаточно уяснили всей необходимости и важности указанной меры. Между тем она имеет большое политическое и культурно-воспитательное значение.

Усиление политико-просветительной работы не может быть выполнено, если не освободить от контрреволюционной и вредной литературы книжный состав библиотек. Конкретно должны быть изъяты:

а) По отделу психологии, философии и этике — книги в духе, враждебном социализму и диалектическому материализму.

б) Отдел религии должен содержать только антирелигиозную и противоцерковную литературу.

в) По отделу естествознания — книги, смешивающие науку с религиозными вымыслами, с рассуждениями о безнравственности дарвинизма и материализма.

Для очистки библиотек создать комиссии из представителей Отдела народного образования, местных органов Главлита, а где таковых нет, представителей ГПУ».

Подписанная Крупской инструкция была опубликована в журнале «Красный библиотекарь» (1923. № 12). Началась массовая чистка библиотек совместными усилиями главполитпросветовцев и чекистов.

Через несколько лет в Москву приехала профессор Калифорнийского университета Гарриет Эдди. Она попросила о встрече с заместителем наркома просвещения. Надежда Константиновна ее приняла. «Во взгляде Крупской, — вспоминала профессор, — я прочла скрытое удивление тем, что американка может быть так заинтересована в развитии советского народного образования».

Профессор Гарриет Эдди описала Крупской систему окружных бесплатных библиотек в Калифорнии. А та в ответ, по словам американки, «стала рассказывать о библиотечном обслуживании, которым она и Ленин пользовались в Лондоне и в еще большей степени в городах Швейцарии и которое произвело на нее большое впечатление тем, что было бесплатным и охватывало весь город».

Пустившись в приятные воспоминания о том, как им с мужем славно работалось и в Англии, и в Швейцарии, Надежда Константиновна, верно, даже не отдавала себе отчета в том, что ее собственные слова свидетельствовали об успехах системы просвещения и образования при капитализме.

СМЕРТЬ НА РУКАХ У ЖЕНЫ

В последние месяцы уже очень тяжелобольного Владимира Ильича возил в коляске по саду начальник охраны Петр Пакалн. Иногда Ленин насвистывал какую-нибудь мелодию. Но обычно часами сидел, задумавшись, замечали врачи. Даже в присутствии посторонних погружался в свои мысли. Иногда на глаза его навертывались слезы, особенно если он думал, что его никто не видит.

Будучи в Москве, полпред в Германии Николай Николаевич Крестинский приехал в Горки. Хотел увидеть Ленина. Но охрана ему не позволила. Владимира Ильича как раз вывезли в парк. Мария Ильинична сказала чекистам:

— Не понимаете, что Владимира Ильича нельзя видеть?

Николая Крестинского спрятали за ширму. Ленина ввели в дом на коляске. Он глянул на сестру:

— Что случилось?

Ему ничего не объяснили. Он вылез из коляски и медленно сам поднялся по лестнице в свою комнату на втором этаже.

Из дневника лечащего врача: «Надежда Константиновна снова заявила, что Владимир Ильич, по ее мнению, плохо видит. После завтрака сидел на балконе, выходящем в парк. Надежда Константиновна читала ему газету, которую он слушал с большим интересом».

Самому Владимиру Ильичу прописали очки для чтения, но он их не любил. В октябре 1922 года пришел на заседание Совнаркома в очках, которых стеснялся.

Из дневника лечащего врача: «Бледен ужасно, взгляд затуманен, плохо ориентируется в пространстве. По-видимому, что-то вроде головокружения. Посидел. Нехорошо себя чувствует, откидывается на подушку... Желает идти в уборную. Идет тяжело — ослаб... Стоять почти не в состоянии. Дошел до кровати очень плохо. Сейчас же улегся».

Один из охранников, исполняя роль парикмахера, спросил:

— Владимир Ильич, как прикажете вас подстричь?

Ленин неожиданно громко расхохотался. Санитар Владимир Рукавишников, изучивший своего пациента, показал, что следует сделать. Голову постригли машинкой. Бородку сделали клинышком, подравняли усы. Владимир Ильич повернулся на коляске и уехал к себе в спальню.

Крупская вспоминала эти последние дни: «Стало чувствоваться, что

что-то надвигается: вид стал у Владимира Ильича ужасно усталый и измученный. Он часто закрывал глаза, как-то побледнел, а главное, у него как-то изменилось выражение лица, стал какой-то другой взгляд, точно слепой. Но на вопрос, не болит ли что, отвечал отрицательно.

В субботу 19 января 1924 года вечером он стал объяснять Николаю Семеновичу, что видит плохо. Николай Семенович посмотрел его глаза, сказал, что у него конъюнктивит, надо промыть глаза борной и завести темные очки».

«Я сдал пост, — рассказывал один из чекистов. — Не успел отдохнуть, как за мной пришел снова товарищ, который меня сменил. Мария Ильинична вызывает, нужно ехать за Фёрстером. Тот сразу же, как увидел меня, выбежал из кабинета в халате. Я говорю:

— К Ленину надо ехать.

Он тут же пальто надел, поехали мы в Горки. А тут уже привезли много врачей. Вся охрана ходит пасмурно. У Ильича был приступ. Был без сознания долго. И снова пришел в себя. Дома страшная такая, напряженная обстановка, люди ходят на цыпочках».

Мария Ильинична ворчала на чекистов:

— Что вы дверями хлопаете, что вы стучите тут?

Двадцатого января, в воскресенье вечером, вспоминал Рукавишников, «у Владимира Ильича в комнате сидела Надежда Константиновна и читала ему газету — отдел партийной жизни. Владимир Ильич слушал очень внимательно. В четверть восьмого отправились ужинать. Владимир Ильич выпил чаю и съел кусочек лимона, находящийся в чае. После ужина Владимир Ильич направился к себе в комнату. Посидел спокойно немного, а потом к нему зашла Надежда Константиновна, рассказывала ему и читала».

Крупская знакомила его с материалами XII Всероссийской партийной конференции. По ее словам, Ленин стал «волноваться».

Атаки на Троцкого усиливались по мере того, как становилось ясно, что Ленин уже не вернется к работе. Партконференция осудила высказывания Троцкого. Его обвинили в том, что он создает в партии оппозицию, представляющую опасность для государства, поскольку в поддержку председателя Реввоенсовета высказались партийные организации в вооруженных силах и молодежь. Судя по всему, решения партконференции, разносящие Троцкого в пух и прах, доконали Ленина. Возможно, страдания были усугублены тем, что в периоды просветления он видел, что потерпел поражение. Он проиграл Сталину, который в полной мере воспользуется его смертью.

На следующий день, 21 января 1924 года, в понедельник, Ленину стало плохо. Вечером он ушел в мир иной.

Владимир Рукавишников: «Слабость его утренняя меня беспокоила, и я всё время прислушивался к дыханию. Профессор Фёрстер тоже беспокоился, то и дело подходил к двери и прислушивался. Но дыхание было ровное. И мы все, то есть Фёрстер, я, Надежда Константиновна, Мария Ильинична, были уверены в том, что всё обстоит хорошо, что сон исцелит, слабость, происходящая от непорядка в желудке, пройдет».

Надежда Константиновна: «В понедельник Владимир Ильич утром еще вставал два раза, но тотчас ложился опять. Часов в одиннадцать попил черного кофе и опять заснул. Когда проснулся вновь, он уже не мог совсем говорить, дали ему бульон и опять кофе. Он пил с жадностью, потом успокоился немного, но вскоре заклокотало у него в груди. Всё больше и больше kloкотало у него в груди. Бессознательнее становился взгляд».

Владимир Рукавишников: «Без пятнадцати три Ильич проснулся, не освеженный, а утомленный, слабый, пассивный, совсем нехороший. Пульс 120, температура 36,5. Меня это сильно встревожило. Сказал Осипову и Фёрстеру, что надо пойти к Ильичу и посмотреть. Мария Ильинична принесла рисовый бульон и кофе. Владимир Ильич выпил около стакана бульона и полстакана кофе. Потом опять лежал с полузакрытыми глазами.

Виктор Петрович Осипов вошел к Ильичу. Он посмотрел пульс и нашел его учащенным, но наполнения хорошего. По утверждению Надежды Константиновны, Ильич отрицательно отнесся к приходу Виктора Петровича, но я такой реакции не заметил, считаю, что он отнесся очень пассивно. Я хотел, чтобы Фёрстер хоть увидел Владимира Ильича из-за ширмы, а потом будет видней, как поступать. Мария Ильинична согласилась».

День смерти Владимира Ильича запомнился и его охране. Они увидели бегущих профессоров Фёрстера и Осипова. Обычно они приходили к пациенту в семь вечера, а тогда не было и четырех.

Профессор Виктор Осипов вошел к больному и его исследовал: «Цвет лица хороший, пульс хорошего наполнения, 86 в минуту, деятельность сердца правильная; язык Владимир Ильич не показал; был спокоен, живот слегка вздут». Профессор Фёрстер «не заметил ничего нового».

Владимир Рукавишников: «Сознание Владимира Ильича угасало. Пульс был част. Владимир Ильич тяжело дышал и был без сознания. Но мысли о конце не было ни у Фёрстера, ни у Осипова. Пульс хороший, и даже частота его уменьшилась.

Без двадцати пяти шесть я обратил внимание, что вдруг температура у

Владимира Ильича поднялась. Поставил термометр. Сразу был ошеломлен. Что я, ошибся — температура страшно низкая? Конца ртути не было видно, но нет — блестящая ниточка ртути заполняла термометр и оканчивалась у самого верха — 42,3. Профессура сразу не поверила, решили, что это ошибка. Но нет, это не было ошибкой».

Профессор Виктор Осипов: «В шесть вечера он потерял сознание, начались судороги, резкое учащение дыхания и сердцебиения и настораживающий симптом — нарушение дыхательного ритма (тип чейн-стокса), что свидетельствует о приближении конца. Термометр показал — 42,3! Выше ртуть не поднимается».

Надежда Константиновна: «Владимир Александрович и Петр Петрович держали его почти на весу на руках. Временами он глухо стонал, судорога пробегала по телу. Я держала его сначала за горячую мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо. Профессор Фёрстер и доктор Елистратов впрыскивали камфару, старались поддерживать искусственное дыхание. Ничего не вышло. Спасти нельзя было».

Его жизнь окончилась после мучительной агонии. Предсмертные мучения были ужасны. В какой-то момент казалось, что припадок кончается. Но тут прилив крови, глубокий вздох и... конец. Отмучился, как сказали бы прежде.

В 6 часов 50 минут утра профессор Отфрид Фёрстер, профессор Виктор Петрович Осипов и доктор Павел Иванович Елистратов, консультант Лечебно-санитарного управления Кремля, констатировали смерть.

Мария Ильинична Ульянова побежала к телефону. Звонили из Москвы. Она только и произнесла:

— Ленина больше нет.

Попросила одного из чекистов:

— Придется Владимира Ильича обмыть.

Надежда Константиновна писала дочери Инессы Арманд: «Милая, родная моя Иночка, схоронили мы Владимира Ильича. Еще в воскресенье мы с ним занимались, читала я ему о партконференции и о съезде Советов. Доктора совсем не ожидали смерти и еще не верили, когда началась уже агония. Говорят, он был в бессознательном состоянии, но теперь я твердо знаю, что доктора ничего не понимают».

Старой знакомой Крупская призналась, что смерть Владимира Ильича не была неожиданной. В те месяцы с мыслью о приближающейся смерти самого близкого человека она ложилась и вставала, и у нее постоянно было

чувство, словно она ходит над обрывом.

ПУЛЯ ОКАЗАЛАСЬ СМЕРТЕЛЬНОЙ

Вскрытие тела Ленина 22 января 1924 года происходило в Горках. Тело Владимира Ильича положили на составленные рядом два стола, покрытые клеенкой.

Нарком здравоохранения Николай Семашко принес и поставил на подоконник стеклянную банку с крышкой. Внутри в растворе находился извлеченный из черепа мозг усопшего. Петр Пакалн велел одному из подчиненных бдительно его охранять.

Вскрытие не выявило поражений мозга, характерных для заболевания сифилисом. Врачи ошибались! Лечившие Ленина профессора подписали заключение: «Ввиду циркулировавших слухов в России и за границей о специфическом характере заболевания покойного В. И. Ульянова (Ленина) врачи, пользовавшие покойного, заявляют, что никаких указаний на сифилис нет ни в его анамнезе, ни в результатах исследования крови и черепно-мозговой жидкости, ни в данных произведенного вскрытия тела». Так что же его погубило?

Пуля! К такому выводу пришли современные исследователи.

Ленин чудом остался жив, когда в пятницу, 30 августа 1918 года выступал на митинге в гранатном корпусе завода Михельсона. Охрана сплеховала, бдительности не хватало. Обезопасить от покушения — тоже искусство. Фанни Каплан стреляла в него с расстояния не больше трех метров. Ленин стоял к ней левым боком.

Она выпустила три пули. Одна только продырявила пальто и пиджак. Другая попала в левое плечо. Раздробив плечевую кость, застряла в мягких тканях. «Рука сразу, как крыло подстреленной птицы», — рассказывал Ленин. Ранение было очень болезненным. Но по-настоящему опасным оказалась траектория третьей пули, которая вошла в левое надплечье.

Она прошла через верхнюю долю легкого, разорвала плевру и сеть артерий, повредила главную питающую мозг сонную артерию и застряла в шее. «Точно змейка пробежала» — так Ленин описал это ощущение. Началось сильное кровотечение в полость левой плевры.

Держался он мужественно. В Кремле сам поднялся на третий этаж в свою квартиру. А потом ему стало очень плохо. О том, что в ее мужа стреляли, Крупской сообщил водитель Ленина Гиль, когда она вернулась в Кремль с работы. Она спросила:

— Вы скажите только, жив Ильич или нет?

Не поверила, пока сама не увидела его: «Ильичова кровать была выдвинута на середину комнаты, и он лежал на ней бледный, без кровинки в лице».

Он увидел жену и тихим голосом сказал:

— Ты устала. Поди ляг.

Спросил Бориса Соломоновича Вейсброда, будущего главного врача 2-й Градской больницы:

— Это конец? Скажите прямо, чтобы кое-какие делишки не оставить несделанными.

Думали, что он не переживет ночь. В ленинскую квартиру пришел председатель ВЦИК и фактический глава партийного аппарата Яков Михайлович Свердлов, как вспоминала Крупская, «с серьезным и решительным видом». К нему обратились с вопросами растерянные и напуганные соратники:

— Как же теперь будет?

Свердлов уверенно ответил:

— У нас с Ильичом всё сговорено.

Пока Ленин лежал, центр власти из Совнаркома переместился во ВЦИК. Свердлов руководил заседаниями ЦК и правительства. Каждый день приходил в кабинет Ленина и там проводил совещания. Никто, кроме Якова Михайловича, ни тогда, ни после не смел занимать ленинское кресло (см.: Российская история. 2014. № 1).

Но Ленин на удивление быстро оправился. 5 сентября 1918 года уже встал (в этот день на заседании Совнаркома всё равно председательствовал Свердлов). 16 сентября Владимир Ильич пришел на заседание ЦК. На следующий день собрал правительство. В октябре Ленин подписал распоряжение: «Ввиду перегруженности телеграфной сети республики настоящим предписывается прекратить прием и передачу приветственных телеграмм по случаю выздоровления председателя Совета народных комиссаров Владимира Ильича Ульянова-Ленина».

Крупская рассказывала, как после ранения ему старались обеспечить покой. Не докладывали о ситуации на фронтах. Ленин как-то спросил Крупскую:

— Что тебе дороже — я или партия?

Она растерялась, но быстро нашлась:

— И ты дорог, и партия дорога.

Ленин тут уже возразил:

— Партия — это всё. А так как партией руковожу я, то обязан всё знать.

Тогда писали: «Отравленные эсеровские пули, направленные в Ленина, не сломили его здоровья». Говорили, что пули были отравлены ядом кураре. Это предположение не подтвердилось. А немецкий профессор Георг Клемперер уверился, что причина постоянных приступов головной боли — отравление свинцом от застрявших в тканях плеча и надключичной области пуль. Предложил удалить обе пули. Вытащить пулю из шеи пригласили профессора Морица Борхарда, заведующего хирургическим отделением берлинской больницы Моабит. Вторая пуля сидела глубоко. Ее трогать не решились.

Двадцать второго апреля 1922 года Ленину сделали рентгенограмму грудной клетки в Институте биофизики. 23 апреля провели операцию в Солдатенковской (Боткинской) больнице. Профессор Борхард удивил российских коллег тем, что «притащил с собой громаднейший, тяжелый чемодан с инструментами, а инструментов требовалось самый пустяк». Ленина поместили в палате 44 второго женского корпуса.

Лечили его наугад. Врачи вновь и вновь ставили неверный диагноз: неврастения, то есть переутомление; хроническое отравление свинцом от попавших в него пуль; сифилис мозга... Конечно, столетие назад медицина не располагала сегодняшними средствами и методами диагностики. Трудно винить врачей. Но поразительно, что оплошали все, кого советское правительство приглашало к Ленину!

В результате его лечили от желудочных недугов, от отравления свинцом, от сифилиса, от чего угодно, только не от того, чем он страдал.

Конечно, ему судьбой была уготована крайняя степень нагрузки на физическую и нервно-эмоциональную систему, как справедливо писал академик Борис Петровский. Развилась ранняя болезнь изнашивания организма, она поразила артериальную сосудистую систему, коронарные и сонные артерии.

Долгое время считалось, что Владимиру Ильичу относительно повезло: ранения не так уж сильно ему повредили. И уверенно говорили, что пули прямого влияния на заболевание сосудов мозга не имели. Теперь ученые полагают, что не атеросклероз, с которым он мог жить очень долго, а пуля, повредившая сонную артерию, стала причиной смертельной болезни Ленина.

Вокруг левой сонной артерии проходило рубцевание пострадавших от пули тканей, и они стали ее сжимать. Профессор-невропатолог Зиновий Львович Лурье, консультант IV главного управления Министерства здравоохранения СССР, был уверен: «Левая сонная артерия была сужена не вследствие атеросклероза, а из-за стягивающих ее рубцов, оставленных

пулей, прошедшей через ткани шеи вблизи сонной артерии».

И внутри самой артерии, там, где пулей была ушиблена стенка, началось формирование внутрисосудистого тромба, пишет академик медицины Юрий Михайлович Лопухин, работавший в лаборатории при Мавзолее Ленина. Надо понимать, к началу 1921 года тромб перекрыл просвет этой главной артерии на 80 процентов. Мозгу не хватало крови. Поразительно, что Ленин столько времени отчаянно сопротивлялся подступающей смерти!

Атеросклероз левой внутренней сонной артерии привел к параличу правых верхней и нижней конечностей (перекрестная иннервация конечностей), потере речи, то есть поражен был центр Брока, располагающийся в левом полушарии головного мозга. При вскрытии обнаружилось, что позвоночные и сонные артерии были сильно сужены. Левая внутренняя сонная артерия вообще не имела просвета, что привело к поражению левого полушария мозга. Из-за недостаточного притока крови произошло размягчение ткани мозга. Непосредственная причина смерти — кровоизлияние в оболочку мозга. В современных условиях Ленина можно было бы эффективно лечить и продлить ему жизнь: сонные артерии оперируются и их проходимость частично восстанавливается.

После смерти Ленина Петроградский губернский комитет Российской коммунистической партии (большевиков) выпустил обращение:

«Ко всем рабочим, красноармейцам и крестьянам. Ко всем трудящимся!

Товарищи, братья единой рабочей семьи!

Совершилось то, чего мы так боялись...

Казалось, удастся отстоять драгоценную жизнь Ильича. Болезнь как будто уже начала сдаваться. Но новый удар подкрался неожиданно:

Нашего вождя, учителя, вернейшего друга — товарища Ленина не стало.

Десятки лет нечеловечески трудной борьбы; тяжелая нужда многих годов ссылки, тюрьмы, эмиграции; гигантская мозговая работа за всю Советскую Россию, за весь земной шар в течение небывалых в истории пяти лет; отравленная пуля убийцы и нервное напряжение свыше всякой меры и предела; сверхчеловеческая работа, работа и работа без конца, без минуты отдыха и передышки, — всё это сразу навалилось и подорвало крепчайший организм.

Человек, ставший любовью, верой и надеждой бесчисленных миллионов трудящихся, рабочих и крестьян, вождь человечества, самый гениальный и самый самоотверженный, самый простой и понятный всем,

неизменный, великий товарищ всемирного рабочего класса товарищ Ленин ушел... Костлявая, неотвратимая рука смерти внезапно схватила ледяной хваткой за сердца миллионы...

Будет радость у толстых буржуев, у жирных банкиров, у подлых хищников мирового грабежа. Но пусть не торопятся проклятые!.. Сстиснув зубы, твердо храня верность учителю, товарищу и вождю, мы будем смело и неуклонно, стальной шеренгой борцов идти к новым боям и новым победам... Мерзлые комья земли засыпят прах вождя. Но бессмертен Ленин, бессмертно дело его жизни, неминуема, неотвратима победа всемирной рабочей революции».

Среди мириада откликов на смерть Ленина один из самых необычных принадлежал перу молодого тогда писателя Михаила Афанасьевича Булгакова, чья слава была еще впереди. В журнале «Железнодорожник» он описал, как в 1921 году его, приехавшего из Киева, не прописывали в Москве. Со своей челобитной он решил дойти до самого Ленина. А попал к Крупской, которая сидела в какой-то вытертой меховой кацавейке.

Надежда Константиновна прочитала бумагу и сбоку приписала красными чернилами: «Прошу дать ордер». И подписалась: Ульянова.

«Самое главное, что я забыл ее поблагодарить, — сокрушался Михаил Булгаков. — Забыл. Криво надел шапку и вышел».

В домоуправлении, увидев подпись, ему тотчас выписали ордер. Узнав о смерти Ленина, он решил хотя бы и с опозданием сказать Надежде Константиновне доброе слово:

«Я живу. Всё в той же комнате с закопченным потолком. У меня есть книги, и от лампы на столе лежит круг. 22 января он налился красным светом, и тотчас вышло в свете передо мной лицо из сонного видения — лицо с бородкой клинышком и крутые бугры лба, а за ним — в тоске и отчаянии седоватые волосы, вытертый мех на кацавейке и слово красными чернилами —

Ульянова.

Самое главное, забыл я тогда поблагодарить.

Вот оно неудобно как...

Благодарю вас, Надежда Константиновна».

Двадцать третьего января 1924 года в девять утра тело Ленина положили в гроб. На него надели френч военного образца. На руках вынесли из дома, где он провел последние месяцы жизни, и доставили на станцию Герасимово — в четырех километрах от Горок. Спецпоезд прибыл в Москву на Павелецкий вокзал. Отсюда — и тоже на руках — донесли до Колонного зала Дома союзов. Прощание продолжалось до 27 января. В

четыре часа дня гроб отнесли на Красную площадь. Поставили на постамент.

Похороны Ленина, что бы мы сейчас о нем ни думали, были тогда событием огромного значения. В записках моего дедушки, Владимира Михайловича Млечина, который учился тогда в Высшем техническом училище, я нашел описание этого дня: «27 января я пришел на Красную площадь, где пылали костры. У костров грелись милиционеры, их было очень мало, красноармейцы, тоже немногочисленные, и люди, которые пришли попрощаться с Лениным.

Кто догадался в те дни привезти топливо и в разных местах разложить костры? Это был человек, сам достойный памятника. И не только потому, что спас от обморожения сотни, а может быть, тысячи и тысячи человек. Он показал наглядно, что должно делать даже в такие минуты, когда всё текущее, бытовое, житейское кажется неважным, преходящим, третьестепенным.

Народу было много, но никакой давки, никакого беспорядка. И милиции-то было мало. Порядок как-то складывался сам по себе. Это были не толпы, шли тысячи и тысячи граждан, и каждый инстинктивно знал свое место, не толкаясь, не напирая на других, не пытаясь проскочить вперед.

Такого, как будто никем не организованного, естественно сохранявшегося порядка я после этого уже никогда не видел — ни на парадах, ни во время демонстраций, которые с каждым годом поражали всё большим число блюстителей порядка и всё меньшей внутренней дисциплиной и самоорганизацией масс. Людей с жестоким упорством отучали самостоятельно двигаться по жизни... И по улице тоже».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВДОВА ВОЖДЯ

ОЧЕРЕДЬ К МАВЗОЛЕЮ

Гроб с телом Ленина поместили в склеп, сооруженный у Кремлевской стены архитектором Алексеем Викторовичем Щусевым.

Двадцать шестого января 1924 года II Всесоюзный съезд Советов по просьбе Петросовета переименовал Петроград в Ленинград.

Тридцатого января 1924 года комиссия ЦИК СССР по организации похорон вождя рассмотрела вопрос «О запрещении т. Дзержинским распространения издания “Завещание Ленина”». Постановила: «Запрещение подтвердить».

Партчиновники наперебой клялись в верности усопшему вождю, но его воля, выраженная столь ясно и недвусмысленно, уже ничего для них не значила. Крупская ощутит это первой.

Комиссию по увековечению памяти вождя тоже возглавил Дзержинский. Он поставил вопрос о том, что надо сохранить облик Ленина и после смерти.

Первым сохранить тело предложил нарком Леонид Борисович Красин. Он хотел его заморозить и намеревался закупить в Германии необходимое оборудование. Но молодой ученый Борис Ильич Збарский, опираясь на успешные работы профессора Владимира Петровича Воробьева, заведовавшего кафедрой анатомии Харьковского университета, предложил бальзамирование. Збарский проявил настойчивость и добился реализации своей идеи. Феликс Эдмундович его поддержал: уж если царей бальзамировали, то не забальзамировать Ленина — преступление.

Крупская возражала. На девятый день после смерти говорила: «Большая у меня просьба к вам, не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и так далее — всему этому он придавал в жизни так мало значения, так тяготился всем этим. Помните, как много еще нищеты, неурядиц в нашей стране. Хотите почтить имя Владимира Ильича — устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т. д.».

Но ее отстранили от решения этого вопроса.

У Сталина было свое мнение: «Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле товарища Ленина».

Под руководством Дзержинского в сжатые сроки построили Мавзолей. Пост № 1 караула у Мавзолея был установлен приказом командующего Московским военным округом Николая Муралова.

В июне 1924 года, когда работы были закончены, решили впервые показать забальзамированное тело. Збарский пришел к Крупской за одеждой. «Надежда Константиновна, — вспоминал он, — принесла рубашки, кальсоны, носки; руки у нее дрожали». Вечером 18 июня в Мавзолей пришли представители различных компартий, съехавшиеся в Москву на конгресс Коминтерна, и, конечно, его родные. Надежда Константиновна плакала, глядя на тело мужа.

Для нее выделили время, когда она могла приходить в Мавзолей. Возле саркофага ставили стул и оставляли ее одну, чтобы она могла побыть с мужем.

Владимир Ильич Ленин превратился в диковинку, московскую достопримечательность. Люди приезжают в столицу, идут на Красную площадь, заходят и в мавзолей. Где еще в мире бесплатно увидишь такую мумию? После смерти Ленин превратился в политический символ, товарный знак, которым ловко пользовались его наследники по партии, большинство которых Ленина не читали и не понимали.

Книги о Сталине выходят одна за другой, а о Ленине — в основном переводы. Сталин — не только знамя сегодняшних державников и государственников, но и политик, чье наследие по-прежнему определяет нашу жизнь. А что осталось от Ленина?

Может быть, его опыт свидетельствует о том, что решение проблем России — не в создании системы жесткой и жестокой власти, даже если власть принадлежит просвещенному и разумному человеку? Этот путь ведет к тому, что развитие России идет даже не по спирали, а по кругу. Заложенная Лениным система рухнула так же легко, как царский режим в 1917 году.

Да, Владимир Ильич был фанатиком власти. Ради нее был готов на всё — отдать пол-России. Он оседлал идею строительства коммунизма, счастливого общества. Хотите быть счастливыми? Значит, надо идти на жертвы. Вот миллионы в Гражданскую и погибли. Ленин ввел заложничество: детей брали от родителей в заложники, нормальный ум может такое придумать?

И всё-таки Ленин оставался человеком XIX века.

«Владимир Ильич, — объясняла Крупская академику Исааку Израилевичу Минцу, — вначале очень напирал на то, чтобы ввести у нас некоторую демократию. Например, жили мы в Швейцарии. Там очень

много таких вещей, и нам надо их перенять. Например, отсутствует бюрократизм в школьном деле. Там, например, мать не вызывают, а спрашивают мальчика: “Вы каждый день обедаете?” Тот говорит — нет, и его сейчас же записывают на обеды. Не надо доказывать государству, что сапог нет, — дают сапоги. У милиционера легкие не в порядке, его в санаторий посылают. Там очень много демократичности».

Ленин с легкостью рассуждал о необходимости расстреливать тех, кого считал врагами советской власти, но споры и политические разногласия не считал поводом для вражды и репрессий. Менял гнев на милость, если недавний оппонент превращался в политического союзника. Люди, которых он бранил, оставались его ближайшими соратниками, помощниками и личными друзьями. Он не уничтожал тех, с кем разошелся во взглядах. И соратники его не боялись.

Об этом в 1928 году на июльском пленуме ЦК партии напомнил председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин:

— Тот, кто из вас часто имел дело с Владимиром Ильичом и куда-нибудь уезжал, где дело нужно было делать, где были плохие обстоятельства, люди что-нибудь плохо сделали, — тот знает, как Ленин, например, говорил: поезжайте и расстреляйте там, расстреляйте их. Так и говорил: расстреляйте! Если бы вы его не знали, так у вас была бы уверенность, что действительно нужно было расстрелять этих людей. Буквально можно было понять именно так. Но если бы человек поехал и в точности исполнил поручение...

У сидевшего рядом Анастаса Ивановича Микояна, наркома внутренней и внешней торговли, вырвалось:

— Его бы тоже могли расстрелять.

Калинин закончил более мягко:

— Это было бы абсолютное извращение поручения Владимира Ильича...

Но Ленин заложил основы системы, которая при Сталине превратилась в кровавую диктатуру. Он писал председателю Петроградского совета Зиновьеву после убийства комиссара по делам печати, пропаганды и агитации Петрограда Володарского: «Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает».

Ленин считал, что вправе нарушать любые нормы морали и нравственности ради великой цели. Он, вероятно, полагал, что сам-то судит по справедливости. Но не мог не понимать, что отменил правосудие на территории всей страны и наделил своих соратников и последователей

беззаконным правом решать чужие судьбы.

Ленин создал систему, подавляющую свободу человека. Но вот что важно: чем дальше, тем меньше система ему нравилась! Владимир Ильич не был ни коварен, ни жесток. Ему уничтожение людей вовсе не доставляло удовольствия. Он с отвращением наблюдал за рождением советской бюрократии и советской аристократии.

«Много разговоров о смерти вождя, — записал в дневнике академик-историк Степан Борисович Веселовский. — Мне кажется, что он умер лично для себя вовремя, то есть он изжил самого себя, его время, события, вынесшие его наверх, пошли дальше. Пронесся смерч, кончился, как говорил Гастев, иллюминационный период революции, когда первенство принадлежало людям с такой патологически напряженной волей, какой обладал Ленин... Для созидательной работы он был совершенно не способен».

Трудно с уверенностью предположить, как бы он себя повел, не будь столь слаб здоровьем. Конечно же, он пребывал во власти охвативших его еще в юности идей. Не желал от них отступать. До конца своих дней думал о грядущей мировой революции. Говорил Крупской, что понадобится единый алфавит, а во всей Западной Европе придется вводить новую экономическую политику.

Однако очевидный здравый смысл и отсутствие в нем природной жестокости, возможно, уберегли бы Россию от того физического и нравственного террора, которым ознаменовалась сталинская эпоха. Потери страны были бы неизмеримо меньшими, легче было бы возвращаться на нормальную историческую колею...

Через несколько дней после смерти Ленина Крупская написала Троцкому письмо:

«Дорогой Лев Давидович,

Я пишу, чтобы рассказать Вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая Вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где Вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечитать ему это место, слушал очень внимательно, потом еще просматривал сам.

И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у Владимира Ильича к Вам тогда, когда Вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти. Я желаю Вам, Лев Давидович, сил и здоровья и крепко обнимаю».

Пройдет всего несколько лет, и на XVI съезде партии, летом 1930 года, Крупская обрушится на человека, которого они с мужем некогда так

ценили:

— Не случайность, что так быстро растаяли сейчас кадры троцкистов, что сейчас троцкисты обратились в жалкую злобствующую кучку, которая смотрит на громаднейшие проблемы социалистической революции с точки зрения своей обиды, с точки зрения своей колокольни, с которой сняты уже все колокола. «Левая», троцкистская опасность не имеет корней в массах.

А на следующем, XVII съезде партии, заявит:

— Если бы победила линия Троцкого, не было бы победы на фронте социализма, — линия Троцкого привела бы страну к гибели...

Обвинительные формулировки в устах Крупской свидетельствовали о стремительно меняющемся в стране климате; новые правила были обязательны и для вдовы вождя. «Крупская, — записал когда-то в дневнике Троцкий, — передала мне отзыв Ленина о Сталине: “У него нет самой элементарной человеческой честности”».

Двадцать шестого января 1924 года Крупская пришла на траурное заседание съезда Советов. И даже выступила. Она спешила вернуться на работу, быть на людях. Как ни трудно ей приходилось с тяжелобольным мужем, без него ей теперь было совсем тоскливо. В жизни образовалась пустота, которую некому было заполнить. Главное — не оставаться одной, не сидеть дома, где всякая вещь напоминала о нем.

Пятого февраля Надежда Константиновна впервые после смерти Ленина приехала в Наркомат просвещения. «Похудела донельзя за это время — какая-то тень, — записала в дневнике ее сотрудница. — Ей, видно, было очень тяжело от соболезающих взглядов украдкой». Надежда Константиновна старалась не давать воли чувствам. Искала спасения в работе.

«Весной 1924 года я был у Микояна, — вспоминал член ЦК комсомола Александр Иванович Мильчаков. — В беседе о внутрипартийных делах Микоян сказал мне о раздражении поведением Н. К. после смерти Владимира Ильича.

— Она вздумала не отдавать Сталину, генеральному секретарю ЦК какие-то документы, письма, — сообщил он. — Сталин считает, она много себе позволяет. Тот факт, что она — жена, не дает ей права монопольно владеть ленинскими документами, которые являются достоянием партии, даже если, как уверяет Крупская, речь идет о чисто личных письмах Ильича.

Микоян, как и многие члены ЦК, находился под сильнейшим и бесспорным влиянием Сталина и безоговорочно воспринимал его оценки людей и событий. Сталин, как видно, проявлял обостренный интерес ко

всему написанному, особенно в последнее время жизни Ильича, когда Ленин очень много думал о судьбах партии и продиктовал свое «Завещание» и другие письма.

Первый после смерти Ленина XIII съезд партии открылся 23 мая 1924 года. Крупскую в знак уважения к покойному мужу избрали в президиум. При избрании высших органов партии ввели в состав Центральной контрольной комиссии. Съезд принял решение все материалы о вожде сосредоточить в Институте Ленина. Демонстрируя свою дисциплинированность, Надежда Константиновна сдала все личные письма и материалы.

После съезда Крупская поехала в Горки. Засела за воспоминания о Ленине. В своей комнате поставила фотографии Ленина, ее самой с матерью и Инессы Арманд. В конце июля врачи настоятельно рекомендовали ей отдохнуть в Кисловодске на курорте для сердечников. Ехать ей не хотелось. Она даже всплакнула.

От вдов обыкновенно ожидают, что они полностью растворятся в воспоминаниях о муже. И обычно вдовы становятся никому не нужными. Только вдовы знаменитых людей словно надевают мантию мужа. Симпатия и сочувствие к вдове крупного политика — это нечто большее, чем сочувствие к обычной женщине. Это нечто символическое. От Надежды Константиновны в этот момент ждали проявления сверхчеловеческой силы. Все хотели, чтобы она не страдала, а демонстрировала силу духа. Неутешная вдова над могилой ушедшего мужа — наверное, самый важный символ, свидетельствующий о том, что жена, подруга и единомышленница вождя стойчески, мужественно, достойно продолжает дело Ленина, пропагандирует его идеи.

Подчиненный Крупской внешкольный отдел наркомата занимал реквизированный особняк в Штатном (Кропоткинском) переулке, доме 13. Из своего кабинета она могла ходить прямо в сад. Ее заместителем стала Зинаида Павловна Невзорова-Кржижановская. Они вместе преподавали, вместе были в ссылке, где Зинаида Павловна вышла замуж за Глеба Максимилиановича Кржижановского, верного соратника Ленина.

Библиотекари устроились в бывшем будуаре. Составляли списки книг для отправки на места, комплектовали библиотеки из той литературы, которую считали правильной. Списки просматривала сама Надежда Константиновна. Советовалась со старыми большевиками.

Летом 1924 года Крупскую включили в состав комиссии ЦК партии по работе в деревне. Надежда Константиновна занималась подготовкой пропагандистских материалов в пользу создания колхозов. Сама

редактировала журнал «Изба-читальня», созданный для просвещения крестьянских масс.

В октябре 1924 года Фрида Эдуардовна Доблер, работавшая в Московском областном отделе народного образования, получила записку от Крупской: «Очень бы хотелось, чтобы Вы пришли к нам работать. Сейчас надо повернуться лицом к деревне, и постановка библиотечного дела, в частности передвижек в деревне, имеет громадное значение. Нужен в библиотечном отделе человек, который специально отдался бы этому делу».

Крупская создала журнал «Красный библиотекарь» и сохранила его, когда закрыли многие политико-просветительные журналы. Александра Львовна Катанская, которая работала с Крупской в Смоленской школе, а потом сидела в Петропавловской крепости, стала членом редколлегии журнала «На путях к новой школе». Крупская была редактором. Каждую субботу Надежде Константиновне приносили подборку статей для нового номера. В понедельник она возвращала всё прочитанным со своими пометками. Под ее руководством издавали и журнал «Внешкольник», переименованный позже в «Организуйте детвору».

Она считала, что изба-читальня в деревне должна быть не местом отдыха, а очагом агитации и пропаганды. Еще в мае 1919 года в журнале «Народное просвещение» Крупская писала: «Пропаганда! А что же теперь представляет собой внешкольное образование, как не систематически организованную пропаганду».

В журнале «Красная молодежь» в 1924 году она перечислила задачи советского студента: учиться марксизму и ленинизму, дополнить пролетарское происхождение усвоением пролетарской идеологии и, вооружившись идеологией, преобразовать жизнь.

В 1919 году была создана Социалистическая академия народного образования, на следующий год ее переименовали в Академию социального воспитания, а в 1924-м в Академию коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской. Хотели сделать приятное вдове вождя. В академии готовили руководящие кадры народного образования. Проректором стала Людмила Рудольфовна Менжинская, сестра видного чекиста и давняя знакомая Крупской. Иногда, обращаясь к брату, она помогала выручать арестованных; в 1920-е годы с помощью влиятельных людей еще можно было кого-то спасти. В 1936 году академию преобразовали в Коммунистический педагогический институт им. Н. К. Крупской — он просуществовал до войны.

После смерти Ленина Варвара Арманд часто навещала Крупскую:

«Мы с ней просматривали периодические журналы и вырезали все фотографии Владимира Ильича, потом подбирали их и клеили в маленькие книжечки-альбомчики разного размера. Они были у нее на виду, и она постоянно их просматривала. Чтобы не оставаться наедине с непоправимым горем, она с головой ушла в партийные дела и работу в Наркомпросе».

В конце августа 1924 года Надежда Константиновна поехала в Кисловодск — вместе с плохо себя чувствовавшей Марией Ильиничной. Писала оттуда: «Тут избыток знакомых и очень толкотливо. Режим не налаживается, и я уже впала в какую-то тупую тоску. Если бы не компания, которую расстраивать не хочется, я бы немедленно повернула лыжи обратно... Начала я тут заниматься, но всё из рук валится».

«СЕМЕРКА» ДЕЙСТВУЕТ

Практически сразу же после смерти Владимира Ильича Крупская оказалась вовлечена в острую борьбу за власть. 31 января 1924 года пленум ЦК призвал членов партии «изжить создавшееся обострение и укрепить полное единство рядов». Но внутрипартийные баталии продолжались. Столкнулись правящая группа во главе со Сталиным и оппозиция, лидером которой оказался Троцкий.

В партии шли тогда еще открытые и гласные дискуссии. «Партию лихорадило, она не спала, — вспоминал Григорий Зиновьев. — Дискуссии продолжались целыми ночами. Партия была взбудоражена, как улей».

Целые партийные организации — Московская, Пензенская, Одесская, Киевская, Самарская, Челябинская — принимали резолюции в пользу оппозиции. На стороне Троцкого оказалась учащаяся молодежь, студенты, преподаватели, ученые, то есть образованная и интеллигентная часть партии. Она жаждала полнокровной политической, духовной и интеллектуальной жизни, борьбы различных мнений, Троцкий импонировал своей критикой уже успевшей опостылеть партийной бюрократии.

В ответ Сталин принял решение провести «орабочивание» партии — принять в РКП(б) за год не менее ста тысяч рабочих «от станка». А «непролетарские элементы» не принимать вовсе! К XIII съезду по разнарядке из Центра партбилеты получили почти 200 тысяч рабочих, которые об этом не просили.

«Впервые партия к своему очередному съезду более чем на половину состояла из кандидатов, — пишет историк Валентина Петровна Вилкова. — По предложению Сталина апрельский пленум ЦК предоставил всем кандидатам право решающего голоса при выборах делегатов на съезд. Это было грубейшее нарушение устава партии, однако оно давало сталинской группе возможность целенаправленно формировать такой делегатский состав съезда, которым легче было манипулировать...»

Партия менялась. Люди получали партбилеты просто потому, что это давало шанс в жизни. На пленуме Центральной контрольной комиссии в 1926 году Емельян Ярославский докладывал: в деревенских ячейках 23,4 процента партийцев не имели никакого представления о партии; 27,7 процента имели «смутное» представление...

«В результате массовых наборов 1924–1927 годов партия заполнилась

в основном маргинальными элементами», подчеркивает историк Оксана Степановна Березкина. Это порождало «внутренний дискомфорт, неуверенность в себе, поиски твердой опоры, стремление к защищенности». Безработица, тяжелое материальное положение, «приниженность и забитость» рождали страх и «слепое подчинение начальству».

Молодые карьеристы в кожанках жаждали власти и комфортной жизни и славил того, кто им всё это обещал. Жизнь советских чиновников с каждым днем всё больше отличалась от жизни народа. Потребности аппарата росли на глазах.

Второго января 1920 года Корней Чуковский побывал в Смольном у одного из начальников: «У его дверей сидит барышня-секретарша, типичная комиссариатская тварь: тупая, самомнительная, но под стать принципалу: с тем же тяготением к барству, шику, *high life*’у. Ногти у нее лощеные, на столе цветы, шубка с мягким ласковым большим воротником, и говорит она так:

— Представьте, какой ужас, — моя портниха...

Словом, еще два года — и эти пролетарии сами попросят — ресторанов, кокоток, поваров, Монте-Карло, биржу и пр., и пр., и пр.».

Корней Иванович Чуковский не ошибся в своих прогнозах.

Молодые члены партии стремительно продвигались по карьерной лестнице. Принцип «кто был ничем, тот станет всем» реализовывался на практике. Выходцы из низов становились большими начальниками.

«Партия для таких людей, — считает Оксана Березкина, — была своего рода религиозным орденом, требующим беззаветного служения и полного подчинения. В обмен партия давала ощущение твердой опоры, цели и смысла жизни... Аппарат делал безошибочную ставку на рабочих (в большинстве своем вчерашних крестьян)».

ЦК бесконечно тасовал кадры. Ответственный работник оставался на одной и той же должности не больше года. Как выразился один из старых большевиков: в ЦК работают «прямо-таки маньяки перебрасывания». Это был надежный метод борьбы с оппозицией. Делегаты партийного съезда в кулуарах оправдывали свое голосование против оппозиции страхом «попасть в Мурманск или Туркестан». Поддержка линии Сталина была необходимым условием продвижения по службе.

На местах образовали так называемые проверочные комиссии («провкомиссии») из «наиболее авторитетных» рабочих. Они безжалостно и фанатично исполняли указание Центральной контрольной комиссии — очистить партию.

«На поверхность общественной жизни, — отмечает Валентина Вилкова, — выплеснулись худшие черты тогдашнего, далеко “не чистенького”, рабочего класса. Стали культивироваться доноительство, подсиживание. Судя по документам, можно предположить, что проверочные комиссии получили негласное указание исключать из партии интеллигенцию».

Член ЦК Христиан Георгиевич Раковский, сторонник Троцкого, писал: «...в низах против оппозиции пускались главным образом аргументы неудержимой демагогии... не стеснялись выезжать и на антисемитизме, и на ксенофобии, и на ненависти к интеллигенции и т. д.».

Промышленных рабочих принимали в ВКП(б) на льготных условиях, им достаточно было представить две рекомендации от членов партии с двухлетним партийным стажем. Остальным, в том числе интеллигенции, требовались пять рекомендаций от коммунистов с пятилетним партийным стажем, то есть от тех, кто вступил в партию не позже 1917 года. Не так много их было. Под лозунгом борьбы с оппозицией из партии вымывался образованный слой. В результате у власти оказывались некомпетентные и необразованные люди.

Троцкий выступал на XIII съезде с серьезным докладом. Секретарь Нижегородского губернского комитета партии Николай Александрович Угланов с трибуны возмущался:

— Те длинные схемы, которые он нам рисует о плановом хозяйстве, они полуграмотным слоям рабочих, управляющих нашей страной, чрезвычайно трудны. Мы их не понимаем, как чрезвычайно было трудно понять и сегодняшнюю речь товарища Троцкого.

Новые партийные работники тянулись к Сталину, который отличался умением давать на все вопросы простые и однозначные ответы. Насаждалась бездумная дисциплина: подчиняйся и не задавай лишних вопросов.

Старый большевик Давид Рязанов, директор Института Маркса и Энгельса, говорил на партийном форуме:

— Все товарищи, которым приходится выступать с критикой (я, боже сохрани, далек от оппозиции), критиковать политику ЦК, попадают в затруднительное положение. Наш ЦК совершенно особое учреждение. Говорят, что английский парламент всё может; он не может только превратить мужчину в женщину. Наш ЦК куда сильнее: он уже не одного очень революционного мужчину превратил в бабу, и число таких баб невероятно размножается.

Едкого и умного академика Рязанова Сталин сначала отправит в

ссылку, а потом расстреляет...

Настроения молодежи беспокоили сталинскую группу. Иосифу Виссарионовичу очень не нравилось, что все интриги становятся известны членам партии. На пленуме ЦК в январе 1924 года генеральный секретарь недовольно говорил:

— Молодые члены партии, они ищут правды, они говорят на собраниях: «А мы знаем, как у вас на политбюро, в ЦК и ЦКК вопросы разрешаются, вы распяли на кресте товарища Троцкого»...

Генсеку вторил Анастас Микоян:

— Учащаяся молодежь пошла за оппозицией, пошла потому, что оппозиция пошла в массу со всеми запрещенными документами. Проявились попытки привить в нашей партии принципы формальной демократии, формального равенства и прочее. Применение демократии даже с ограничениями чревато величайшими опасностями.

Секретарь Нижегородского губкома Николай Угланов, приехав в Москву, побывал в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова. Рассказал на пленуме, что его неприятно поразила студенческая свобода:

— Студенты старшего курса приглашают лектора по экономическим вопросам, никого не уведомляя. Демократия демократией, а организационные формы организационными формами. Тут нужно бить по зубам. Нам нужно конкретным образом изменить отношение и к комсомольцам. Нам нужно перестать таскать их на рабочие собрания. Безобразие, разврат форменный, когда на Московской партийной конференции сидят рядом с делегатами свердловцы, которые не имеют права присутствовать на этих собраниях. Это безобразие. Не лезь, куда тебя не приглашают!

Сталин отметил готовность Углanova дать в зубы, сделал его секретарем ЦК и руководителем Московской партийной организации. Потом, впрочем, расстрелял...

Хуже всего пришлось академическим институтам и высшим учебным заведениям, откуда выкинули лучших студентов и наиболее квалифицированных преподавателей. Эта чистка самым бедственным образом отразится на состоянии отечественной науки.

Десятого мая 1924 года нарком просвещения Анатолий Луначарский жаловался наркому внешней торговли Леониду Красину: «Не буду говорить о том, что мой наркомат приведен тоже в состояние заметной дезорганизации устранением из партии нескольких ответственных наших работников, подчеркну только общее значение всего этого явления.

Я, конечно, относился с величайшим сочувствием к идее Ленинского

призыва. Я считаю чрезвычайно важным достичь благоприятного процентного соотношения пролетариев и непролетариев в нашей партии, но я никак не думал, что это будет достигаться одновременным разгромом интеллигентской части партии. Я глубоко убежден, что Владимир Ильич ни в коем случае не допустил бы до такого подхода к делу, будь он жив...

На днях Надежда Константиновна подняла вопрос о том, что, по-видимому, начинается систематическое требование удалять очень близких нам товарищей-специалистов в целях замены их коммунистами... И Вы, и я одинаково уверены, что без интеллигенции вообще новое государственное строительство пойти не может и что средний уровень нашей партии в смысле культуры и в смысле знания отдельных высококвалифицированных специальностей достаточно-таки низок...

Вообще же атмосфера, создавшаяся за последнее время в партии, чрезвычайно тягостная... Я должен сказать, что большего распада я от нашей великой партии никак не ожидал. Люди начинают бояться друг друга, боятся высказать какую-нибудь новую свежую мысль, судорожно цепляются за ортодоксию, судорожно стараются заявить о своей политической благонадежности, а часто подтвердить ее бешеными нападениями на соседей... Я не знаю, Леонид Борисович, что мы можем предпринять».

Красин вскоре уйдет из жизни, Луначарского отстранят от большой политики. От интеллигентной части партии мало что останется после борьбы против оппозиции. Ее заменят новые люди, которых вождь лично переведет в разряд интеллигенции.

Выступая на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда, Сталин говорил:

— Все наши люди состоят из интеллигенции, это надо вбить в голову. Интеллигенция у нас должна быть солью земли. Раньше издевались над интеллигенцией, что она считает себя солью земли, а на самом деле пустышка, потому что она служила не земле, а небу, не народу, а эксплуататорам. У нас, наши кадры, мало сказать, что они бывшие рабочие, бывшие крестьяне. Коль скоро товарищ Шкирятов ушел от станка и стал заниматься в Центральной контрольной комиссии, вы уже интеллигент. Я извиняюсь. *(Смех в зале.)* Никому дела нет, кем вы были десять лет тому назад, а вы сейчас интеллигент.

Шкирятов с готовностью откликнулся:

— Правильно, товарищ Сталин, я с вами согласен...

Сталин привел самый фантастический пример нового интеллигента. Матвей Федорович Шкирятов, которого вождь, извинившись, назвал

интеллигентом, служил по ведомству партийной инквизиции и вел борьбу с оппозицией. Мало того, что он был безжалостен и жесток, Матвей Федорович никогда не учился и грамотой не овладел. Сохранились некоторые его письма того периода.

Десятого октября 1927 года он писал Орджоникидзе (цитирую без правки):

«Здравствуй дорогой Серго.

Пишиш и не знаешь прочтешь ли, буду надеяться, что прочтешь. Дорогой Серго как плохо, что тебе нет вообще в данное время. Я уже работаю несколько дней, отдых провел всё время с Климом, хорошее зее кончили с удовольствием. Трепались в Крыму, приехал среду, окунулся в работу, а работы сейчас так много и не легкая. Я знаю как ты там переживаешь все эти события происходящие здесь.

Дорогой Серго. Что они делают. Если был период когда они скрывали, что они ведут фракции работу, то в данное время этого уже нет. Они не скрывают и привлекают к своей работе всякого, лиш был бы против ЦК. Они борются всяческими способами чтобы подорвать авторитет к партии и расшатать ее дисциплину...»

В 1925 году Народный комиссариат просвещения переехал в здание на Чистопрудном бульваре, 6, где Надежда Константиновна проработает до самой смерти.

В январе 1925 года Крупская перенесла новый приступ базедовой болезни. Болело и сердце. Как заметила ее сотрудница, в «связи с ленинскими днями и со всеми этими воспоминаниями она опять растравила свою душевную рану». В феврале ее свалил жестокий грипп. И вновь прихватило сердце.

В апреле 1925 года Крупская поехала отдыхать в Мухалатку, под Ялту — опять же с золовкой: «Тут хорошо: горы и море, есть где погулять, что и делаю... холод стоит добропорядочный, и все на меня удивляются, что я целый день держу окна открытыми... Я занимаюсь “естественными науками”, натащила полную комнату шишек, камней, ракушек».

Надежда Константиновна и Мария Ильинична после смерти Ленина почти не расставались. Если кто-то из них уезжал из Москвы, переписывались. Крупская шутливо подписывалась: «Твой Собакевич». Мария Ульянова в плохом настроении подписывалась просто «МУ», а в хорошем — «Твоя Маня-медведь».

«Мы называли Марию Ильиничну “медвежонком” — вспоминала Крупская, — за какую-то особую молодую застенчивость, слившуюся с громадной убежденной напористостью».

Педагог Алиса Ивановна Радченко записала в дневнике, как 12 июля 1925 года навестила Крупскую в Кремле. Показала ей три редких портрета Ильича. Надежда Константиновна стала вспоминать, где и когда они сняты. И вдруг расплакалась безутешно. Гостья ее крепко обняла. Немного успокоившись, Крупская стала в знак благодарности тихо гладить по голове свою гостью, произнося при этом по-польски стихи Адама Мицкевича «Матерь Божия». Застенчиво и очень невнятно произнесла что-то по-французски, чего Алиса Ивановна не расслышала. Поразилась: как Надежда Константиновна трогательно-застенчива в проявлениях своей нежности!

— Ох, знаете, я старая кошка стала, привыкшая к своему месту, уж никуда не хочется ехать. Мы с Владимиром ужасно не любили всяких переездов, а нам всю жизнь только и приходилось, что переезжать с места на место. Поэтому мы хоть в своей комнате никогда ничего не переставляли...

А от Крупской требовали исполнить долг перед партией, не слишком для нее приятный. В начале 1925 года американский журналист (и коммунист) Макс Истмен опубликовал книгу «С тех пор, как умер Ленин». Он хорошо говорил по-русски, женился на сестре наркома юстиции Николая Крыленко и хорошо знал ситуацию в Москве.

Макс Истмен описал интриги в высшем руководстве страны, попытки скрыть ленинское «Письмо к съезду», беспринципную травлю Троцкого, которым явно восхищался. Об остальных советских вождях писал без всякого пиетета: «Их речи и статьи... были бы выброшены из литературного соревнования даже в школе для дефективных детей». На книгу американского журналиста откликнулась марксистская печать по всему миру.

По требованию Сталина политбюро 18 июня 1925 года постановило: «Предложить т. Троцкому решительно отмежеваться от Истмена и выступить в печати с категорическим опровержением по крайней мере тех извращений, которые изложены в восьми пунктах записки т. Сталина».

Сталин настаивал на том, чтобы не только Троцкий опроверг слова Истмена как «злостную клевету», но и Крупская как вдова Ленина. Требовал, чтобы она исполнила его волю. 25 июля 1925 года писал Бухарину из Сочи, где отдыхал: «Какова судьба статьи Надежды Константиновны об Истмене, — сообщи, если не лень».

Не дождавшись ответа от Николая Ивановича, 1 августа Сталин наставлял верного Молотова: «Во-первых нужно опубликовать статью Крупской... Сообщи, наконец, какова судьба статьи Крупской об Истмене,

напечатана она в Англии или нет. Трижды запрашивал, и всё нет ответа... Я выздоравливаю. Мацестинские ванны (около Сочи) хороши против склероза, переработки нервов, расширения сердца, ишиаса, подагры, ревматизма».

Статью Крупской поместили в главном партийном журнале «Большевик».

Девятого августа Сталин напомнил Молотову: «Печатание статьи Крупской было решено семеркой, просмотр был поручен мне, Бухарину, Рыкову, Зиновьеву. Я вместе с Бухариным и Рыковым просмотрели ее и одобрили... Семеркой было решено опубликовать статью Троцкого и письмо Крупской, не открывая, однако, ни в коем случае дискуссии по этому поводу».

«Семерка» — политический термин того времени. Это шесть членов политбюро (Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский) и председатель Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Куйбышев. Семерка собиралась накануне заседаний политбюро и всё решала. На официальное заседание выносилось уже готовое решение. В результате Троцкий неизменно оставался в полном одиночестве и ни на что не мог влиять. Существование «семерки» всегда отрицалось, но в личной переписке Сталину незачем было таиться.

СРАЖЕНИЕ ЗА ГОРОД ЛЕНИНА

Надежде Константиновне Крупской не позавидуешь. Сначала у нее на руках тяжело умирал Владимир Ильич, потом на ее глазах уничтожили почти всех его соратников, которые были и ее друзьями. Она рискнула на первых порах поддержать Зиновьева и Каменева против Сталина, когда еще не понимала, насколько это опасно.

Григорию Евсеевичу не хватало качеств политического бойца. Зиновьев был человеком напыщенным, но недалеким и — главное — бесхарактерным. В минуты опасности начинал паниковать. По словам людей, знавших его, от Зиновьева исходило ощущение дряблости и скрытой неуверенности.

Зиновьев настоял на том, чтобы очередной съезд партии прошел не в Москве, а в Ленинграде. Это означало бы, что если столица и не возвращается в Ленинград, то как минимум оба города обретают равный статус. Соответственно, глава Ленинграда получает в стране дополнительный вес. Но Григорий Евсеевич недолго довольствовался своим положением. Как только с его же помощью Сталин расставил на ключевых постах своих людей, он — всего через несколько месяцев после смерти Ленина — обвинил Зиновьева в крупных ошибках и отменил решение провести съезд в Ленинграде.

Полтора года по указанию Сталина партийный аппарат сокрушал авторитет ближайшего ленинского соратника. Сопrotивлялся только Ленинград.

В ночь с 5 на 6 октября 1925 года Дзержинский отправил письмо Сталину о Зиновьеве и Каменеве, в котором сообщал: они «подняли борьбу за свою власть». И еще: «Удалось Зиновьеву предварительно, по-заговорщически, деморализовать всю официальную Ленинградскую организацию и привлечь Надежду Константиновну».

Копию письма Дзержинский сам же переписал для Орджоникидзе. Хотел послать другую копию и Крупской, но передумал.

XIV съезд партии проходил 18–31 декабря 1925 года. Это был съезд борьбы против Зиновьева и Каменева.

«Накануне съезда, — рассказывал Александр Мильчаков, — когда комсомол и его актив играли немалую роль во внутривпартийной борьбе, Сталин особенно часто беседовал с нами, секретарями ЦК. Раз он пригласил первого секретаря ЦК РКСМ Николая Чаплина и меня к себе

домой. В назначенный час мы стояли у дверей сталинской квартиры. Позвонили. Дверь открыла Аллилуева, пригласила войти, а сама ушла в другую половину квартиры.

Мы оказались в комнате, уставленной книжными полками. В глубине через раскрытую дверь виден кабинет, письменный стол, лампа. Сталин разговаривал по телефону. Он вышел к нам, поздоровался, пригласил сесть:

— И курите, не стесняйтесь.

Сталин решил в домашней обстановке, спокойно и неторопливо поговорить с нами о положении в партии. Он говорил об оппортунизме Зиновьева и Каменева и об их “штрейкбрехерстве” в Октябре, брал с полки книги, зачитывал ленинские характеристики Зиновьева и Каменева и останавливался на последних ошибках зиновьевцев, на их “вылазках” в ленинградской печати. Он едко высмеивал их отрыв от практики, от жизни, называя их интеллигентами, вельможами, ничего не смыслящими в деревенской жизни.

Далее раскритиковал Бухарина, снова привлекал ленинские оценки его теоретических заблуждений. “Досталось” Бухарину и за правый уклон, и за “всегдашнее трусливое примиренчество”, и за совпадение его взглядов с настроением Н. К. Крупской, “которая скатывается в объятия оппозиции”.

Казалось, секретарь партии учит уму-разуму молодых коммунистов, секретарей. Но не мог скрыть, да и не скрывал личной неприязни к названным лицам. Получалось, что лидеры оппозиции и “примиренцы к ним” — люди конченные, отпетые враги. Заранее известно, что в лоно партии они не вернутся, вопрос их отсеечения — лишь дело времени.

Поразил руководителей комсомола заключительный штрих в беседе. Сталин прошел в кабинет, взял со стола картонку, как оказалось, со списком членов и кандидатов ЦК и показал ее:

— Абсолютное большинство в ЦК — за генеральную линию партии, оппозиционеров всех мастей — меньшинство. Есть еще незначительная кучка людей, представляющих «болото». Таким образом — всё ясно. Оппозиционерам — крышка.

Когда Чаплин и Мильчаков собрались уходить, Сталин сказал:

— Я провожу.

Накинул на плечи меховую куртку, надел на голову шапку-ушанку и вышел с ними. Часовому показал книжечку члена президиума ЦИК СССР:

— Пропустите товарищей, они были у Сталина.

Чаплин и Мильчаков медленно шли к Дому Советов.

— Ну как, что скажешь?

— Всё бы хорошо, да уж больно он злой...

— Да, их он ненавидит.

— Он для себя, как видно, давно решил вопрос об их судьбе, из ЦК их уберут...

— А список цекистов с пометками: «за», «против», «болото»?.. Организатор он отменный, у него всё подсчитано...

— Но Ильич не хотел, чтобы лидер партии обладал такими чертами характера, как грубость, нелояльность к товарищам...

— Он их давно не считает товарищами, он и нам внушает: это — враги, враги, враги...

Николая Чаплина расстреляли в 1938 году. Александра Мильчакова в том же году арестовали. Он отсидел 16 лет...

Надежду Константиновну Крупскую избрали на съезд делегатом от Ленинградской партийной организации. Она пыталась поддержать своих личных друзей и друзей ее покойного мужа. На первом заседании с политическим отчетом ЦК выступил Сталин. На втором с организационным отчетом — Молотов. На третьем с содокладом — Зиновьев, потом дали слово Бухарину.

А на четвертом заседании, днем 20 декабря, начались прения. Председательствовал Алексей Иванович Рыков. Крупская получила слово третьей. Это была ее самая знаменитая речь. Больше она так откровенно не высказывалась. Надежда Константиновна призвала делегатов съезда и всю партию сохранить атмосферу свободного высказывания различных точек зрения:

— Товарищи работают в очень разных условиях и разных областях работы, и поэтому они видят действительность с несколько разных точек зрения. Надо как-то дать возможность этим точкам зрения выявиться. Это необходимо не только для отдельных членов партии, это необходимо для правильного нащупывания партийной линии. В борьбе с меньшевиками и эсерами мы привыкли крыть наших противников, что называется, матом. Конечно, нельзя допустить, чтобы члены партии в таких тонах вели между собой полемику. Необходимо поставить определенные рамки, научиться говорить по-товарищески. Сомнения, взгляды должны обсуждаться на страницах прессы. Последнее время этого не было, отдельные мнения не получили выражения на страницах нашего центрального органа... Я думаю, тут неправильно раздавались выкрики по адресу товарища Зиновьева, что это позор, когда член политбюро высказывает особую точку зрения. Съезду каждый должен сказать по совести, что волновало и мучило его последнее время.

Она говорила долго, превысила регламент. Председательствующий

поинтересовался:

— Надежда Константиновна, сколько времени вам еще нужно?

Раздались голоса:

— Продлить время!

И тут Крупская произнесла слова, взорвавшие зал:

— Наш съезд должен озаботиться тем, чтобы искать и найти правильную линию. В этом его задача. Нельзя успокаивать себя тем, что большинство всегда право. В истории нашей партии были съезды, где большинство было не право. Вспомним, например, стокгольмский съезд. Большинство не должно упиваться тем, что оно большинство, а беспристрастно искать верное решение. Если оно будет верным, оно направит нашу партию на верный путь.

В зале зашумели. Все поняли, что она имеет в виду. На IV (объединительном) съезде партии, проходившем еще до революции в Стокгольме, большевики имели меньше мандатов, чем меньшевики. Раздались недовольные голоса делегатов:

— Это тонкий намек на толстые обстоятельства.

Кто-то из делегатов в зале ернически обратился к Троцкому:

— Лев Давидович, у вас новые соратники.

Крупская не смутилась выкриками:

— Я думаю, тут неуместны крики о том, что то или это — истинный ленинизм. Владимир Ильич писал: «В истории были случаи, что учение великих революционеров искажалось после их смерти. Из них делали безвредные иконы, но, предоставляя их имени почет, притупляли революционное острие их учения». Я думаю, что эта горькая цитата заставляет нас не покрывать те или иные наши взгляды кличкой ленинизма, а надо по существу рассматривать тот или иной вопрос...

Вдову Ленина проводили без аплодисментов. Ее слова очень не понравились сталинской группе. Почти каждый выступавший на съезде счел своим долгом ей ответить. Укорить или осадить — в зависимости от темперамента.

Глава ЦИК Украины Григорий Иванович Петровский отчитал Крупскую:

— Надежда Константиновна сделала такое замечание, смысл которого такой: хотя вопросы и будут решаться огромнейшим большинством, но если кто-нибудь будет не согласен, — это, может быть, и не будет истина. Это не в традиции большевиков, а вы, Надежда Константиновна, должны понять, что вы заблудились.

Петровский рассказал, как Крупская приезжала к нему в Харьков.

Жаловалась, что хотела выступить со статьей в «Правде» о политике в отношении кулака, но ей не дали выступить:

— Товарищи, я прочитал статью Надежды Константиновны, и я тоже сказал, что эту статью в «Правде» помещать не нужно.

Емельян Ярославский составил список прегрешений ленинской вдовы:

— У нас на заседании президиума ЦКК тов. Крупская сказала: «Совершенно напрасно обидели Троцкого»... Зачем тов. Крупская напомнила стокгольмский съезд? Для того чтобы сказать: там тоже было решение большинства, а это решение было неправильно. Единственный смысл этого напоминания о стокгольмском съезде, — если был смысл в заявлении Надежды Константиновны, — это то, что и настоящий съезд может явиться таким же съездом. И тогда право меньшинство, — а этим меньшинством на стокгольмском съезде были большевики, — право меньшинства не подчиниться решениям съезда. Зачем об этом напоминалось? Разве мы меньшевики? Мы никому, даже Надежде Константиновне, не позволим, чтобы нас сравнивали с меньшевиками!

Зал откликнулся аплодисментами.

Серго Орджоникидзе:

— Мы должны прямо со всей откровенностью сказать Надежде Константиновне: при всём нашем глубоком уважении к ней мы не можем согласиться с тем, чтобы она намекнула кому бы то ни было, что решения XIV съезда партии могут быть нарушены так же, как нами были нарушены решения стокгольмского съезда.

Продолжительные аплодисменты.

Лазарь Каганович:

— У нас, товарищи, пытаются взять монополию на толкование ленинизма. Почему, я спрашиваю, товарищи Каменев, Зиновьев и Надежда Константиновна берут на себя монопольное право толкования ленинизма?

Михаил Томский:

— Надежду Константиновну Крупскую мы все знаем и очень ценим как старейшего партийного работника. Никто из нас, конечно, так не знает биографию Ленина, всю его жизнь, как Крупская; у нее большой партийный опыт, но она из этого опыта вынесла мало действительно необходимых знаний для практической жизни... Тов. Крупская сказала, что понятие о том, что истинно и что неистинно, — понятие субъективное. У нас же есть одно мерило — воля большинства ленинской партии...

Друзья старались отвлечь ее от грустных размышлений о перипетиях политической жизни. Старые знакомые усиленно уговаривали ее поехать с ними на дачу близ Твери. Спрашивали о ее предпочтениях в еде:

— Нам надо знать, чем вы питаетесь, чтобы ваш режим не очень расходился с нашим.

Гастрономические пристрастия Крупской были самыми простыми:

— Ем всё что угодно, кроме яиц, лука и очень сдобного мучного.

Но отвлечься надолго не удавалось.

Вечером 21 декабря 1925 года председательствовавший на очередном заседании съезда Ян Рудзутак первой предоставил слово Марии Ильиничне Ульяновой. Она тоже укорила вдову покойного брата:

— Товарищи, я взяла слово не потому, что я сестра Ленина и претендую поэтому на лучшее понимание и толкование ленинизма, чем все другие члены нашей партии.

В зале аплодисменты.

— Я думаю, что монополии на лучшее понимание ленинизма родственниками Ленина не существует и не должно существовать... И напоминать здесь, товарищи, о стокгольмском съезде нельзя. Это вредно, это опасно!

Аплодисменты и одобрительные крики:

— Правильно!

Мария Ульянова:

— Для того чтобы выполнить те крупные задачи, которые стоят перед нами, нужна полная сплоченность. И необходимость подчинения решениям съезда должны осознать не только вожди, но и все рядовые члены нашей партии!

Бурные аплодисменты.

Почему вдова и сестра Ленина разошлись во взглядах?

«Младшая сестра Ленина, по-домашнему “Маняша”, старая дева, сдержанная, упорная, она всю силу своей неизрасходованной любви сосредоточила на брате Владимире, — вспоминал Троцкий. — При жизни его она оставалась совершенно в тени: никто не говорил о ней. В уходе за В. И. она соперничала с Н. К. Крупской.

Ревность Ульяновой началась, помимо ее ограниченности и фанатизма, еще соперничеством с Крупской, которая долго и упорно сопротивлялась необходимости кривить душой. В этот период Ульянова стала выступать на партийных собраниях, писать воспоминания и пр., и надо сказать, что никто из близких Ленину лиц не обнаружил столько непонимания, как эта беззаветно ему преданная сестра.

В начале 1926 года Крупская (хотя ненадолго) окончательно связалась с оппозицией (через группу Зиновьева — Каменева). Именно в это время фракция Сталина — Бухарина всячески приподнимала, в противовес

Крупской, значение и роль М. Ульяновой».

Двадцать шестого декабря на съезде обсуждали доклад Центральной контрольной комиссии. Крупская вновь попросила слова. Это выступление носило еще более серьезный характер, потому как было направлено против всевластия аппарата:

— У нас есть оргбюро и секретариат с громадной властью, дающей им право перемещать людей, снимать их с работы. Это дает нашему оргбюро, нашему секретариату действительно необъятную власть. Я думаю, что когда будут обсуждаться пункты устава, надо с большей внимательностью, чем делалось это до сих пор, посмотреть, как разумно ограничить эти перемещения, эти снятия с работы, которые создают в партии часто невозможность откровенно, открыто выступать... Я хотела бы, чтобы съезд подумал над тем, как сделать, чтобы получить для партии возможность создания внутрипартийной демократии. Если мы будем писать резолюции о внутрипартийной демократии и в то же время создаем такие условия для каждого члена партии, что за открыто высказанное мнение он может быть перемещен на другую должность, то все наши благие пожелания о внутрипартийной демократии останутся на бумаге.

Крупской мешали говорить. Наверное, впервые она слышала от товарищей по партии столько неприятных выкриков. Не теряя хладнокровия, обратилась к председательствующему на заседании Петровскому:

— Председатель, дайте говорить спокойно. Всё время перебивают.

Григорий Иванович Петровский призвал зал:

— Товарищи, не шумите.

Не помогло.

— Бросались обвинения, что Зиновьев излагал свою книжку «Ленинизм» в кружках, — упрямо продолжала Крупская. — Я никогда не слышала, чтобы можно было поставить в укор члену партии или члену ЦК, что он книжку, открыто напечатанную...

Ее прервали:

— Не члену партии, а руководителю.

Крупская:

— И руководителю. Нельзя изложение книжки, которая напечатана открыто, не представляет ничего нелегального, считать каким-то преступлением.

Крупской аплодировала только ленинградская делегация.

Старый большевик Борис Анисимович Ройзенман, член президиума Центральной контрольной комиссии и член коллегии Наркомата рабоче-

крестьянского контроля, атаковал ленинскую вдову и пригрозил ей суровыми карами:

— Надежда Константиновна своим выступлением больше всего меня возмутила. Когда она призывает к пресловутой объективности, меня особенно это удивляет, чтобы не сказать больше. Мы должны сказать и Надежде Константиновне, и Зиновьеву, и Каменеву, вам всем, дорогие товарищи-ленинградцы, что и с вами будем поступать по всем требованиям партдисциплины и, несмотря на лица, на положения, на должности, не будем в дальнейшем прощать те ошибки, о которых здесь идет речь.

Сергей Иванович Гусев:

— План Крупской против раскола сводится к тому, чтобы иметь гарантии для меньшинства. Думаю, что для настоящего момента этот план совершенно не годится. Не о гарантиях для меньшинства должна идти сегодня речь, а о гарантиях для большинства: должна быть гарантия от новой дискуссии внутри партии.

Некоторые делегаты партийного съезда критиковали Сталина за то, что он запретил печатать статьи участников оппозиции, в том числе Крупской.

— Теперь нас хотят запугать словом «запрещение», — ответил генсек. — Но это пустяки, товарищи. Мы не либералы. Для нас интересы партии выше формального демократизма. И почему бы не запретить к печатанию статьи тов. Крупской, если этого требуют от нас интересы единства партии? А чем, собственно, отличается тов. Крупская от всякого другого ответственного товарища? Не думаете ли вы, что интересы отдельных товарищей должны быть поставлены выше интересов партии и единства? Разве товарищам из оппозиции неизвестно, что для нас, большевиков, формальный демократизм — пустышка, а реальные интересы партии — всё?

Публичные нападки на вдову Ленина носили такой откровенно злобный характер, что поползли слухи о ее желании покинуть Советский Союз. 23 февраля 1926 года ответственный руководитель ТАСС Яков Генрихович Долецкий доложил Сталину:

«Уважаемый товарищ.

В бюллетене не для печати от 16-го февраля с. г. нами передано сообщение из Лондона о прениях в палате общин по вопросу о ходатайстве тов. Крупской относительно разрешения эмигрировать в Англию. Агентство не реагировало на эту телеграмму, считая, что кампания этим одним фактом прений ограничится. Между тем сегодня получена новая телеграмма из Лондона, согласно которой английские газеты обсуждают этот вопрос.

Телеграмма гласит: “Газеты считают просьбу Крупской о выдаче ей визы для въезда в Англию дальнейшим доказательством преследований, которым подвергаются со стороны Политбюро члены оппозиции на последнем съезде РКП”.

Я полагал бы необходимым опубликовать краткое, но очень резкое заявление тов. Крупской по этому поводу в английской печати и в центральной московской. Прошу указаний относительно получения агентством подобного заявления и опубликования его в прессе».

Сталин распорядился познакомить с письмом руководителя ТАСС всех членов политбюро. От себя приписал: «Я считал бы целесообразным, чтобы т. Крупская дала соответствующее заявление в печать, в противном случае ее молчание будет истолковано как подтверждение слухов о так называемой просьбе т. Крупской насчет въезда в Англию».

Надежду Константиновну свалил сильный грипп, но 4 марта 1926 года ее вызвали на заседание политбюро. Велели дать интервью с опровержением слухов о бегстве вдовы Ленина из Советской России...

Сталин весной 1926 года лишил Зиновьева власти над Ленинградом и в нарушение устава партии распустил ленинградские партийные органы. Григорий Евсеевич верил в то, что Ленинград предан ему лично, повторял:

— Нашу крепость не взять.

Он сильно ошибался. Сталин отправил в Ленинград большую группу членов ЦК и Центральной контрольной комиссии. Они методично очищали райкомы партии и комсомола от зиновьевцев. Собrania проходили бурно, иногда дело доходило до мордобоя. В официальной истории партии борьба с ленинградской партийной организацией изображалась как избавление от зиновьевских чиновников. В реальности питерские рабочие поддерживали своих лидеров. Дольше других не сдавался знаменитый Путиловский завод. Но противостоять партийной машине было невозможно.

Лишился своих постов и московский соратник Зиновьева Лев Борисович Каменев. Он, в отличие от Зиновьева, был человеком без политических амбиций и надежным работником, за что его и ценил Ленин. Но Лев Борисович попал под влияние Зиновьева, поэтому Сталин и с ним расправился.

Отныне всякие сомнения в генеральной линии воспринимались как преступление.

В воскресенье 6 июня 1926 года бывшие сотрудники Краснопресненского райкома партии города Москвы и еще несколько десятков коммунистов собрались на даче, чтобы обсудить ситуацию в партии. Пригласили первого заместителя председателя Реввоенсовета

Республики Михаила Михайловича Лашевича, старого большевика и сторонника Зиновьева.

О собрании стало известно. Президиум ЦКК допросил участников собрания, которое трактовалось как подпольное и фракционное. Партийное следствие рекомендовало вывести Лашевича из ЦК и снять с должности. Сталин решил превратить «дело Лашевича» в «дело Зиновьева». Нанеся удар по Троцкому, он спешил избавиться и от коллеги по политбюро, еще недавно претендовавшего на первые роли.

Двадцать пятого июня 1926 года Сталин из Сочи писал:

«Молотову, Рыкову, Бухарину и другим друзьям.

Я долго думал над вопросом о “деле Лашевича”.

Группа Зиновьева стала фактическим лидером раскольничьих течений в партии, потому что: а) она лучше знакома с нашими приемами, чем любая другая группа, б) она вообще сильнее других групп, ибо имеет в своих руках Исполком Коминтерна.

Группа Лашевича является сейчас наиболее вредной, и удар должен быть нанесен на пленуме именно этой группе. Не только Лашевича нужно вывести из ЦК, но и Зиновьева нужно вывести из Политбюро... Лучше бить их по частям».

В этом же письме он вспомнил, не называя по имени, Крупскую, которую числил среди личных врагов: «Это будет разоружение группы Зиновьева и ликвидация зиновьевской линии за наглость в деле подготовки раскола — вспомните слова о Стокгольме на съезде!»

На пленуме ЦК Троцкий огласил «Заявление 13-ти». Его подписали вместе с ним Григорий Евсеевич Зиновьев, Лев Борисович Каменев, Надежда Константиновна Крупская, а также секретарь ЦК Григорий Еремеевич Евдокимов, члены ЦК Георгий Леонидович Пятаков и Иван Петрович Бакаев, кандидат в члены ЦК Михаил Михайлович Лашевич, члены Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Георгий Янович Лиздинь, Николай Иванович Муралов, Альвина Августовна Петерсон, Константин Степанович Соловьев, Петр Николаевич Авдеев.

Все они были очень известные в партии люди, большинство — выходцы из революционного Петрограда. Они протестовали против внезапной атаки на Зиновьева: «Вопрос этот, как совершенно ясно для всех, решался в той группе, руководителем которой является т. Сталин. Мы имеем перед собою новый этап в осуществлении давно намеченного и систематически проводимого плана».

На заседании политбюро 11 октября 1926 года, когда разбирались с оппозицией, Сталин обрушился на вдову:

— Насчет Крупской. Я не сомневаюсь, что Крупская, сознательно или бессознательно, я не берусь утверждать, в своей аналогии насчет Стокгольма первая бросила семя раскола, идею раскола на XIV съезде.

Ворошилов, как обычно, поддержал генсека:

— Правильно.

Сталин продолжал:

— Это факт. И это опасная ошибка, ибо она, эта ошибка, имеет тенденцию послужить почвой для идеологии раскола в нашей партии. Вы должны признать эту ошибку, если вы против раскола. Может быть, форма нашего условия не нравится — я не настаиваю на букве. Но отгородиться от идеологии раскола абсолютно необходимо. То, что она сказала, это идеология раскола в нашей партии.

Первый нарком финансов СССР Григорий Сокольников, который, как и надеялся Ленин, ликвидировал гиперинфляцию, стабилизировал денежное обращение (да и всю экономику) и вернул стране крепкий рубль, вступился за его вдову:

— Сталин говорил о фразе Крупской на XIV съезде партии о стокгольмском съезде. Как вы хотите повернуть дело? Имеете вы здесь в виду нанести удар Надежде Константиновне Крупской или хотите положить конец всяким возможностям истолкования фразы о стокгольмском съезде в таком направлении, которое пошло бы по линии раскола.

— Нанести удар идее раскола, — объяснил Сталин.

Сокольников считал нападки на нее несправедливыми:

— Я могу удостоверить, что никогда никто из нас не слышал, чтобы Надежда Константиновна Крупская была сторонницей раскола, чтобы она понимала свою аналогию с стокгольмским съездом так, чтобы этим оправдать создание другой партии и так далее. Ничего этого не было. Зачем выдумывать несуществующие разногласия, достаточно существующих. Поэтому мы говорим, что готовы осудить идею второй партии. Но если вы хотите, чтобы мы удостоверили, что Крупская является сторонницей раскола, мы не можем этого сделать, потому что она не сторонница раскола...

Вдову вновь атаковал Емельян Ярославский:

— Имеются листовки, которые распространяются среди беспартийных. Вот такая листовка организации «Права трудящихся». В ней выставляется целый ряд требований. Вот эти требования: «Огласить в газетах речи оппозиционных вождей — Зиновьева, Лашевича, Троцкого, Крупской. Каменева и других». Вот, товарищи, существует же эта

подпольная работа...

Ярославский приравнял вдову к вождям оппозиции — и это было очень опасное обвинение:

— Насчет того, что товарищ Крупская никогда не отстаивала идеи раскола. Товарищи, конечно, открыто товарищ Крупская никогда не говорила, что она сторонница раскола. Но, подписав платформу, она берет на себя ответственность за это. Изображая партию как две фракции, она санкционирует раскол. Поскольку товарищ Крупская подписала декларацию вместе с этими товарищами, с этой руководящей группой оппозиции, ответственность падает на нее. Потому что она пыталась сослаться на пример стокгольмского съезда в защиту своей позиции. Это неслыханная борьба в истории большевистской партии против ее решений. Владимир Ильич поставил бы в первый же день вопрос об исключении вас из Центрального комитета, если бы был жив Владимир Ильич...

Зиновьеву пришлось оправдываться:

— Теперь относительно истории с Надеждой Константиновной Крупской, будто она сеяла семена раскола. Совершенно ясно, что это нужно для того, чтобы натравить, терроризировать. Мы знаем, что семена раскола не бросаются и бросаться не могут Надеждой Константиновной Крупской потому, что вы все знаете Надежду Константиновну не меньше, чем мы...

От оппозиции требовали, что называется, официальных и письменных извинений и покаяний. Зиновьев соглашался лишь уточнить формулировки:

— Конечно, если аналогия со Стокгольмом кем-нибудь толкуется так, будто нынешние наши разногласия равнозначны или похожи на разногласия между меньшевиками и большевиками, против такого «толкования» мы готовы выступить в любой момент самым резким образом.

Алексей Рыков, который председательствовал на заседании, предложил формулу:

— Всякую параллель по аналогии или угрозу раскола по аналогии со стокгольмским съездом мы категорически отвергаем.

Троцкий поставил вопрос принципиально:

— Здесь есть разногласие, но разногласие не по существу, а о том, приписать или не приписать Надежде Константиновне Крупской то, что она дала сигнал к расколу или к угрозе раскола, в этом разногласие. Разногласие не в том, похоже ли теперешнее положение в партии на положение на стокгольмском съезде, не в том, допустимо или недопустимо играть этой аналогией в целях угрозы расколом, а в том, хотела или не

хотела Надежда Константиновна сказать ту мысль, которую можно истолковать как угрозу раскола. Именно поэтому мы отказываемся сказать: «Надежда Константиновна хотела выдвинуть угрозу или перспективу раскола». Эту мысль, то есть перспективу раскола, мы отвергаем категорически.

Сталин стоял на своем:

— По-моему, вообще аналогию со стокгольмским съездом надо откинуть. Это неприемлемо. Другое дело, с какой целью это сказано. Я убежден, что Крупской было поручено сказать эту вещь на XIV съезде. Крупская это не зря сказала. Она хотела будто бы поправиться потом, после своей речи, но поправилась так, что хуже вышло. Аналогия со стокгольмским съездом теперь гуляет по рядам партии. Спрашивают то и дело, что это за стокгольмский съезд... Я не против того, чтобы не упоминать здесь Крупскую, но что она ошибалась, это правильно.

Молотов поддержал генсека:

— Лучше в таком случае сказать так: товарищ Крупская, по ее заявлению, не имела в виду того-то и того-то. Я, в частности, убежден, что она имела в виду на это намекнуть.

Рыков занял миролюбивую позицию:

— Я предлагаю имени Крупской не упоминать. Всем известно, кто это сказал. Если будет сказано, что оппозиция своим заявлением категорически отрицает всякую аналогию со стокгольмским съездом, этого достаточно.

Сталин был готов удовлетвориться короткой формулой:

— Предлагаю сказать в скобках: «Смотри речь т. Крупской на XIV съезде».

Лев Каменев возражал против нелепых обвинений в адрес Надежды Константиновны:

— Вы утверждаете, что ей была дана директива, она это обдумала и так далее, а я утверждаю, что ничего этого не было. Человек во время речи вспомнил о стокгольмском съезде и сказал. Тут просто недоразумение...

Но оппозиционеров, которых заставили много раз извиняться за слова Крупской, не желали слушать. Задача состояла не в том, чтобы объясниться и договориться, а в том, чтобы от них избавиться.

Крупская взяла слово:

— Товарищи, ряд товарищей просил меня выступить и выяснить, что я хотела сказать своим примером стокгольмского съезда. Тут целый ряд ораторов указывал на то, что я чуть ли не бросила обвинение теперешнему большинству в меньшевизме, что я этим хотела сказать, что в дальнейшем будет такая же борьба, как после стокгольмского съезда. Когда товарищ

Бухарин в начале съезда обратился к большинству съезда с обращением, что вы, мол, большинство, и то, что постанавите, то будет ленинизм, то я не могла не ответить на это, что какое бы большинство ни было на съезде, всякий член съезда обязан внимательно разбираться во всех вопросах и сообща искать решений.

Сталин возмутился ее словами. Инструктировал Молотова: «Переговоры с Крупской не только не уместны теперь, но и политически вредны. Крупская — раскольница (см. ее речь о “Стокгольме”). Ее и надо бить, как раскольницу. Нельзя строить в одно и то же время две противоположные установки — и на борьбу с раскольниками, и на мир с ними».

С каждым годом вдове Ленина становилось всё более очевидным, что надо молчать.

«Несколько раз видалась с Надеждой Константиновной, — вспоминала Александра Коллонтай. — Вспоминали Инессу Арманд, работу по женотделу. Сейчас женотделы выполняют другие задачи: не сосредотачиваются на “женских делах”, а втягивают женщин в общую работу. Но женские запросы в тени...

Надежда Константиновна рассказывала мне о своем детстве и о том, что Владимир Ильич любил, чтобы дочери Инессы часто заходили. Придут, а он спрашивает:

— Это вы начерно или начисто пришли?

Начерно, значит не надолго.

На ее полке стоят портреты Инессы и Владимира Ильича рядом:

— Это был верный друг — нам и партии.

Оппозиции не касались. Обе — избегали».

Надежда Константиновна испугалась. Она не могла позволить себе открыто противостоять Сталину. Она принуждена была молчать, сидеть в президиуме и всё одобрять. Ее с Лениным ближайших соратников и друзей — Каменева и Зиновьева — предали анафеме как злейших врагов советской власти.

Двадцатого мая 1927 года Крупская покорно заявила в «Правде»: «Более близкие товарищи знают, что еще осенью прошлого года я отошла от оппозиции».

В советское время писали так: «В ходе внутрипартийной борьбы, принявшей особенно острый характер накануне XIV съезда и на его заседаниях, Надежда Константиновна допустила серьезную политическую ошибку: по крестьянскому и организационному вопросам она разделила взгляды тех, кто образовал “новую оппозицию”».

Сталин заключил союз с Зиновьевым и Каменевым, чтобы убрать Троцкого, а потом вступил в союз с Бухариным и Рыковым, чтобы избавиться от Зиновьева и от Каменева. И одного за другим оттеснил от власти ленинских ставленников.

В одном из писем Лазарю Моисеевичу Кагановичу вождь объяснил один из постулатов успеха в политике: «Нельзя зевать и спать, когда стоишь у власти!» И мало кто тогда мог распознать истинный характер Сталина.

Постановлением политбюро и президиума ЦКК 14 ноября 1927 года, за две недели до партийного съезда, Троцкого исключили из партии. Одновременно из состава ЦК и ЦКК вывели еще остававшихся там деятелей оппозиции.

На XV партсъезде в декабре 1927 года делегация от шести тысяч металлистов Сталинграда передала в президиум съезда стальную метлу. Председательствовавший Алексей Иванович Рыков взял эту метлу и сказал:

— Я передаю эту метлу товарищу Сталину, пусть он выметает ею наших врагов.

Он сам широко улыбался. Все смеялись и аплодировали. XV съезд исключил из партии около ста человек. Вдову Ленина вроде как простили. Крупскую, которая полностью отреклась от оппозиции, избрали членом ЦК.

МЕЖДУ ДРУЗЬЯМИ И ПАРТИЕЙ

Вообще говоря, Надежда Константиновна занимала крайне левые позиции. Вчитавшись в ее слова, можно понять, как Ленин относился к развитию нэпа.

Установленная после революции продовольственная разверстка требовала от крестьянина сдавать государству весь хлеб и другие продукты. Себе разрешали оставлять лишь установленную норму — для будущего сева и для того, чтобы прокормить семью. Ограбление деревни настроило крестьянство против советской власти.

В феврале 1920 года Троцкий предложил товарищам отказаться от продразверстки и ввести, как он выразился, подоходно-прогрессивный натуральный налог, чтобы крестьянину был смысл стараться. Товарищи не поддержали Троцкого. А потом еще будут упрекать в нелюбви к крестьянству...

А ведь принятие его предложения избавило бы страну от крестьянских восстаний весной 1921 года, которые по-настоящему испугали Ленина. Вот тогда Владимир Ильич сам предложил новую экономическую политику.

К счастью, в тот момент в России еще были политики, которым хватило ума остановиться. Спohватившись, занялись возмещением ущерба. Несмотря на страшные потери в Гражданскую, в стране еще оставались миллионы людей, которые хотели и умели работать. Даже частичное снятие оков с экономики и возвращение к рынку позволило им развернуться. Новая экономическая политика, разрешившая частную инициативу, быстро дала результаты: промышленное и сельскохозяйственное производство достигло довоенного уровня. Россия не только полностью обеспечивала свои потребности, но и вновь экспортировала зерно.

Вся жизнь стала меняться к лучшему — по сравнению с революционным временем.

В августе 1918 года была отменена частная собственность на жилье. Декрет Совнаркома от мая 1920 года о мерах правильного распределения жилья среди трудящегося населения наделял государственные учреждения правом переселять людей из одного жилого помещения в другое. Изгоняли владельцев и захватывали «барские» квартиры.

В январе 1921 года отменили квартплату. Раз квартиры — ничьи и ничего не стоят, то беречь их не стоит. Водопровод и канализация не работали. Пустующие комнаты превращали в туалеты. Дров на хватало,

жгли двери, мебель.

Магазины закрылись, как и рестораны. Исчезла торговля, всё стали распределять — в зависимости от должности и доступа к складам конфискованных вещей.

В январе 1921 года отменили плату за одежду, медикаменты, стричь в парикмахерских и шить одежду в ателье велели бесплатно. А что получилось? Трамваи бесплатны, но они не ходят. Лекарства бесплатны, но они исчезли из аптек. Квартиры бесплатны, но нечем топить. Обеды бесплатны, но кормят отвратительно. Бани бесплатны, но нет воды. Одежда по ордерам, но они не всем полагались.

С началом нэпа восстановили оплату жилья и коммунальных услуг. Разрешили частную торговлю, а также держать кафе и рестораны. Это было избавлением от голода. Открылись магазины, можно было что-то купить. Люди возвращались к нормальной жизни.

Какова же была реакция власти? В октябре 1924 года пленум Центральной контрольной комиссии партии отметил: «Период нэпа таит в себе опасности, особенно для той части коммунистов, которая в своей повседневной деятельности соприкасается с нэпманами. Неустойчивые элементы начинают тяготиться режимом партийной дисциплины, завидуют размаху личной жизни нэпманской буржуазии, поддаются ее влиянию, перенимают ее навыки, ее образ жизни...»

Испугались того, что нэп стал искушением не только для обычных граждан, но и для членов партии. Он рождал крамольные мысли: зачем нужно строить социализм, если всё необходимое для жизни дает свободная рыночная экономика, основанная на частной собственности?

Расцвет страны в период нэпа советские вожди воспринимали с плохо скрытым раздражением и возмущением. Эти чувства понятны: Россия нэповская могла прекрасно развиваться и без них. Жесткий политический режим только мешал экономике. Партийный аппарат и госбезопасность оказывались лишними. Так что же, большевистским вождям уходить? Они хотели оставаться хозяевами страны.

Ленин писал члену политбюро и заместителю главы правительства Льву Каменеву: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому».

В словах вождя не было противоречия с его собственным решением о переходе к новой экономической политике. Это было всего лишь вынужденное и временное отступление. Марксистская доктрина требовала отмены частной собственности и административного управления всеми сторонами жизни общества. Ленинская попытка воплотить идею в жизнь

разрушила экономику и привела к голоду. Но Ленин всё равно считал политику строительства коммунизма правильной. Надо было только изменить методы.

Отказаться от планово-административной экономики было равносильно признанию в провале коммунистического эксперимента. На это Владимир Ильич, при всей его невероятной гибкости, пойти не мог. Ведь это стало бы и признанием бессмысленности Октябрьского переворота и многолетней Гражданской войны. Потому из всех сил в стране подогревали ненависть к нэпу и нэпманам.

Надежде Константиновне не нравилось отступление от курса на строительство коммунистического общества. На политбюро 24 декабря 1924 года Крупская возмущенно говорила о том, что появился новый социальный тип «крестьян-помещиков» — они разбогатели, купили землю и теперь сдают ее в аренду и нанимают работников:

— Наблюдается совершенно недопустимое явление. На своей бывшей земле сидят бывшие помещики-дворяне, имеющие связи с белогвардейщиной. Трудовой надел получается ими часто на мертвые души и потому бывает несоответственно велик. Конечно, против прежнего их сильно урезали, но всё же у них вместо одной души имеется надел на пять, а то и на десять душ, находятся какие-то фиктивные родственники. А в особенности они себя хорошо обставляют там, где в земельных органах сидят помещики. Так, например, в Смоленской губернии сидели в земельном органе земские начальники, вице-губернаторы, прокуроры судебных палат. Когда выгнали их оттуда, они перешли в судебные органы, где защищали интересы помещиков. Особо срочных мер требует пограничная полоса, где имеется большая опасность, что в случае войны белогвардейщина станет против нас.

Товарищ Смирнов совершенно не прав, настаивая на том, чтобы выселять только бывших помещиков, лиц дворянского происхождения. Не прав потому, что мелкопоместные землевладельцы из крестьян и купцов еще больше прижимают, чем старые дворяне. К ним такое же озлобленное отношение со стороны крестьян. Поскольку у них отняли основную землю, оставив небольшие клочки, они озлоблены и являются не менее опасным элементом, чем бывшие дворяне. Ко всем этим землевладельцам надо принимать общие меры, а не разделять по сословиям. Крестьяне говорят: возвратились помещики.

Крупская возразила председателю ЦИК Михаилу Ивановичу Калинин:

— Теперь относительно того, что товарищ Калинин говорит, что

хорошо купцы и крестьяне обрабатывают землю. Я сомневаюсь в этом. Никаких образцовых хозяйств там нет. А уж если не налажены советские хозяйства, то думать, что купеческие и помещичьи хозяйства являются образцовыми, — громадная ошибка.

Калинин заметил:

— По сравнению с совхозами кулацкие хозяйства, конечно, образцовые.

Михаил Иванович до поры до времени пытался защищать интересы крестьян. И это уже вызывало раздражение. На заседании политбюро Сталин укорил Калинина:

— Защищаешь кулака.

Калинин поправил Сталина:

— Не кулака, а трудового крестьянина.

Надежда Константиновна стояла на своем:

— Продолжается только закабаление в старой форме, помещики-неодворяне кабелят крестьян не меньше помещиков-дворян, даже много хуже кабелят...

Надежда Константиновна обрушилась на Бухарина за его обращение к крестьянам — «обогащайтесь». Ей казалось, что в деревне правые дают волю кулаку, от чего страдает бедняк.

Каменев, Зиновьев, Крупская и Сокольников написали «Секретную докладную записку (Для нескольких товарищей по списку)», в которой упрекали Бухарина и его команду в терпимом отношении к середняку и государственному капитализму, в пренебрежении классовой борьбой в деревне. Бухарина критиковали за «отвращение к классовой борьбе», за «антиленинскую теорию о вращании кулака» в социализм. И получили жесткий ответ, подписанный Бухариным, Дзержинским, Калининским, Куйбышевым, Молотовым, Рыковым, Рудзутаком и Сталиным. Тогда еще Николай Иванович Бухарин входил в сталинскую группу. Но продержался в ней недолго.

Разделавшись с «троцкистами» и «зиновьевцами», Сталин занялся «правыми».

Противостояние возникло, когда в Кремле решили ограбить деревню. Зерно отбирали у тех, у кого оно было, то есть у справных хозяев. Успешных, умелых крестьян называли кулаками и по существу объявили вне закона. У так называемых кулаков забрали всё имущество, им запретили снимать деньги со своих вкладов в сберегательных кассах. Потом их стали изгонять из родных мест вместе с семьями. Больше полутора миллионов крестьян и их родных были высланы в лагеря и трудовые поселения.

Имущество ограбленных кулаков уходило в доход государства, но часть распределяли среди односельчан: люди охотно брали то, что отняли у соседей. Постыдная аморальность поощрялась властью.

Массовая коллективизация — полный разрыв с тем курсом, которым с начала XX столетия шла Россия, отказ от рекомендаций экономической науки. И самое страшное — эта политика строилась на крови крестьянина, на уничтожении деревни. Колхозная система начисто отбивала желание эффективно хозяйствовать.

Николай Иванович Бухарин с нескрываемым возмущением говорил о новой сталинской теории:

— Полное право гражданства в партии получила теперь пресловутая «теория» о том, что чем дальше к социализму, тем большим должно быть обострение классовой борьбы и тем больше на нас должно наваливаться трудностей и противоречий. При этой странной теории выходит, что чем дальше мы идем в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костями.

Николай Иванович еще не знал, насколько он близок к истине. Нескольким миллионам крестьян суждено было умереть от голода, а его самого ждал расстрел. Бухарина постоянно прерывал насмешками Серго Орджоникидзе, в ту пору главный партийный инквизитор — председатель Центральной контрольной комиссии. Бухарин не выдержал:

— Почему ты мешаешь? Хохочешь и мешаешь?

Орджоникидзе заулыбался, ища одобрения у товарищей по ЦК партии:

— Вот те и на, и смеяться запрещено. Этого закон не запрещает.

Бухарин не выдержал:

— Я знаю, что тебе и шоферов бить по морде никто не запрещает. Что ж тут, в самом деле, такого?..

Орджоникидзе обиженно замолчал.

Надежда Константиновна возражала против «обогащения» крестьян, но ей претила и жестокость политики в деревне. Крупская пыталась сохранить верность принципам, ради которых когда-то пошла в революцию. Выступая на пленуме ЦК в июле 1928 года, она предупреждала товарищей по партии:

— Мне кажется, споры о том, изжило ли себя мелкое хозяйство или не изжило, довольно праздное занятие. Тут нельзя говорить о средних цифрах. Если мы возьмем, например, Северный Кавказ и Центральную Черноземную область, то это две совершенно разные области с разным

характером. Растет стихийное тяготение к коллективистским формам хозяйствования, к коммуне. Конечно, это тяготение не повсеместно, не одинаково. Бок о бок, рядом в одной деревне Курской губернии, по словам одной крестьянки, выговорить не дадут слово «коммуна», а рядом создается коммуна...

Я всегда насчет борьбы с кулаком стояла на той точке зрения, что эту борьбу нужно вести как можно энергичнее. Но есть борьба и борьба. Есть борьба, когда мы ограничиваем эксплуататорские стремления кулаков. В этой борьбе середняк и бедняк с нами, когда мы не даем кулаку избирательных прав, даем в снабжении льготы бедняку и середняку. Но если мы нашу борьбу с кулаком организуем таким образом, что только разоряем хозяйство у кулака, задевая и хозяйство середняка и бедняка, тогда мы в классовой борьбе только спутываем карты.

Надежда Константиновна вовсе не разделяла взглядов Николая Ивановича. Но сочла необходимым вступить за него, когда «любимца партии», с которым она сама еще недавно полемизировала, внезапно перевели в разряд врагов. На пленуме ЦК 22 апреля 1929 года она пыталась остановить злобную критику в адрес «правых»:

— Перехожу к последнему вопросу — внутрипартийному положению. Всяческие мелкие обвинения друг другу, конечно, только на руку врагам партии. Поэтому я думаю, что совершенно излишне друг друга во всех смертных грехах укорять, как с той, так и с другой стороны. Нельзя во всех смертных грехах винить тех, кого называют, я скажу в кавычках, «правыми». Здесь выступали товарищи Томский, Бухарин, Рыков, Угланов. Разве они одно и то же говорили? У каждого были свои оттенки.

Владимир Петрович Затонский, один из руководителей Украины, напомнил:

— Декларация общая была.

— Декларация может быть написана и под сердитую руку, и такая декларация может быть изжита.

Затонский настаивал:

— Это и нужно сделать.

— Товарищи, вы обождите, дайте мне сказать то, что я думаю. — Крупская призывала зал к спокойствию. — Важно выслушать мнение, несколько отличающееся от общего мнения. Я думаю, партия должна выслушивать возможно полнее имеющиеся в ней настроения, это важно для принятия правильного решения. Нельзя, если кто-нибудь скажет что-нибудь неправильное, из этого сейчас же выводить какой-то уклон, да еще его оформлять. Сейчас важно посмотреть с точки зрения интересов партии:

надо ли выводить Бухарина и Томского из политбюро? Я думаю, что в интересах дела не надо.

Иван Федорович Стуруа, секретарь партколлегии Закавказской краевой контрольной комиссии, недовольно поинтересовался:

— А они что должны делать?

— Я думаю, что нельзя требовать какой-то декларации отречения. И из речи товарища Бухарина, и из речи товарища Рыкова видно, что речь идет не об основах, а об оценке момента. Жизнь поможет изжить эти уклоны. Надо и Бухарину, и Томскому работать в политбюро, потому что момент теперь самый ответственный.

Аплодисментов она не удостоилась. В отличие от Емельяна Ярославского, который возразил ей на пленуме:

— Нельзя, говорит товарищ Крупская, требовать отречения. Но мы ведь требовали отречения от неправильных взглядов у мясниковцев, у шляпниковцев, у троцкистов, у сапроновцев, — почему же от многих неправильных взглядов товарищей Томского, Рыкова и Бухарина нельзя требовать отречения?

Деревня сопротивлялась коллективизации и раскулачиванию, восставала. Это привело к росту авторитета «правых», иначе говоря, сторонников умеренной политики в городе и в деревне — главы правительства Алексея Ивановича Рыкова, партийного идеолога Николая Ивановича Бухарина, обратившегося к крестьянам с лозунгом «Обогащайтесь!», и главы профсоюзов Михаила Павловича Томского.

Сталину эти люди мешали. Политбюро заседало тогда три-четыре раза в месяц. Начинали в 11 утра, заканчивали иногда в семь вечера, но делали перерыв на обед. Приглашенные толпились в секретариате — небольшой соседней комнате; их вызывали по очереди. До осени 1929 года заседания политбюро по традиции вел глава правительства Рыков. Сталин сидел на противоположном от председательствующего конце стола, внимательно слушая выступавших. Иногда вставал и ходил по комнате, потом высказывал свое мнение.

После того как Троцкого выслали из страны, главной проблемой для Сталина был Алексей Рыков, член политбюро и глава правительства, уважаемый и влиятельный человек. Выходец из крестьянской семьи, русский Рыков многим представлялся более подходящей фигурой для руководства Россией. Сталин несколько лет подкапывался под Рыкова, пока не убрал его — вместе с Бухариным и Томским.

Кажется, в последний раз Крупская позволила себе особое мнение, когда, устранив основных соперников, Сталин всё-таки взялся за Николая

Ивановича Бухарина. В июне 1929 года упразднил пост ответственного редактора «Правды», который занимал Бухарин. Его должно было заменить бюро редколлегии из трех человек.

Смысл неловкого маневра был вполне очевиден. Не бывает газеты без редактора, и через некоторое время новый редактор появился, но уже назначенный лично вождем.

Несколько членов ЦК позволили себе выразить недоумение, в том числе Крупская. 12 июня 1929 года Надежда Константиновна отправила в секретариат ЦК ВКП(б) письмо, составленное в самой мягкой форме. Но и выражение сомнения уже воспринималось как недозволенная фронда: «В прежние времена, бывало, редакции составляются без ответственных редакторов, но возможно ли сейчас обойтись без ответственного редактора — судить не берусь. К тому же и раньше, если никто не назывался ответственным редактором, то таковой всегда фактически существовал».

В 1929 году и Мария Ульянова попыталась защитить Бухарина, с которым столько лет рука об руку трудилась в редакции «Правды»: «Вывод из политбюро трех крупнейших работников партии Рыкова, Бухарина, Томского или дальнейшая “проработка” и дискредитация их, которая приведет к тому же несколько раньше или позже, является угрозой коллективному руководству... Я считаю заслугой тт. Рыкова, Томского и Бухарина, что они ставят перед партией эти большие вопросы, а не замалчивают их».

Мнение и жены, и сестры Ленина вождя не интересовало. От правых уклонистов требовали самокритики и покаяния. Но как бы они ни признавались в совершенных ошибках, этого оказывалось мало.

Утром 13 ноября 1929 года слово на пленуме ЦК получила Крупская:

— Перехожу к вопросу, который всех так волнует. Это вопрос о заявлении Бухарина, Томского и Рыкова. С одной стороны, виден громадный шаг вперед. Но надо отметить и другое, написано это заявление, по-моему, чрезвычайно неправильно. Надо было просто кратко сказать об отказе от ошибок, а не высчитывать, кто кого обидел... Мне кажется, что это заявление очень неудачное, говоря мягко.

Раздались недовольные голоса в зале:

— Мягко, очень мягко.

Кто-то рассмеялся.

— Я понимаю всю раздраженность, которую вызывает этот документ, — продолжала Крупская. — Надо с двух сторон подходить; с одной стороны, отметить всю недостаточность этого документа, с другой — поставить подавших заявление в такие условия, чтобы они сделали

следующий шаг.

Голос из зала возразил:

— Нам некогда сейчас с ними возиться.

— Некогда возиться, а выходит возня очень большая. Нам надо самокритику развивать. То там, то сям какие-нибудь мелкие, даже не мелкие, а и крупные ошибки проскальзывают. Мы заинтересованы в том, чтобы их выправлять. Поэтому нам нужна деловая самокритика, ей мешают внутрипартийные трения. Бухарина Владимир Ильич характеризовал как любимца партии. Мы знаем положительные стороны этих товарищей. Нам трения надо свести до минимума и добиться того, чтобы все товарищи с пленума ушли с желанием напряженно и дальше работать.

Голоса:

— А как с таким заявлением выйдешь хорошо?

Станислав Косиор, кандидат в члены политбюро и генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины, уверенно произнес:

— Там, где убеждение не помогает, нужно принуждение...

Яков Борисович Быкин, секретарь Ярославского губкома, высокомерно поправил Крупскую:

— Не права Надежда Константиновна, которая говорила относительно любви и преданности. Партия не любит тех вождей, которые не выражают интересов рабочего класса. Партия любит тех вождей, которые во время наступления идут впереди масс и ведут их в бой. Надо, чтобы хребет партии был крепкий, чтобы линия была ясная, четкая, классовая. Поэтому при всём желании, которое было у пленума, не принимать никаких организационных мер, ничего из этого не получилось.

Крупская замолчала, когда поняла, что это уже не дискуссия ленинского времени, когда внутри партии свободное выражение собственного мнения грозило лишь разгромной критикой. Сталин своих критиков лишал и самой жизни. Но от нее требовали осуждения «оппозиционеров».

На XVI съезде партии, утром 1 июля 1930 года, заместитель наркома просвещения Крупская говорила на ведомственные темы. Она нарушила регламент — произносила речь дольше положенного времени. Раздался звонок председателя. Голоса из зала предложили дать Надежде Константиновне дополнительное время:

— Продолжить!

— Продлить!

Но правильно подготовленные делегаты потребовали, чтобы она

публично открестилась еще от двух недавних соратников:

— Насчет Рыкова и Томского!

Крупская пыталась избежать этого:

— Насчет Рыкова и Томского я ведь уже сказала.

Из зала настаивали:

— Мало, скажите еще.

Крупская опять пыталась завести речь о воспитании и культработе. Ее прервали:

— Скажите о Бухарине, о выступлении Рыкова и Томского.

Крупская:

— Правый уклон в данную минуту представляет собой, конечно, главную опасность, потому что он объединяет те элементы, с которыми необходима бешеная борьба. Из того, что я говорила о правом уклоне, вытекает и моя точка зрения на выступление Томского и выступление Рыкова.

Зал желал получить четкий ответ:

— Что из этого вытекает?

— Скажите точнее, яснее.

Яснее!

— Крайне недостаточно!

Крупская пыталась уклониться:

— Имейте терпение, чтобы выслушать также и о том фронте, который сейчас имеет важнейшее значение и игнорирование которого может считаться правым уклоном.

Кто-то рассмеялся. И всё равно требовали ритуального осуждения очередных врагов партии:

— Скажите насчет Томского и Рыкова!

Крупская сдалась:

— Меня не удовлетворяет ни выступление Томского, ни выступление Рыкова. Революцией нельзя руководить, не договаривая до конца. Тут нужна сплоченность рядов. Надо идти в ногу, идти сплоченными рядами...

Вот теперь она удостоилась аплодисментов.

Девятнадцатого декабря 1930 года на пленуме ЦК Рыкову фактически не давали говорить. Только что назначенный заместителем главы правительства Валериан Владимирович Куйбышев заявил, что пока Рыков руководит правительством, «это разлагающе действует на весь советский аппарат». Генеральный секретарь ЦК компартии Украины Станислав Косиор предложил освободить Рыкова от обязанностей председателя Совнаркома и председателя Совета Труда и Оборона, а на его место

избрать Молотова.

Рыкова назначили наркомом связи, в феврале 1937 года арестовали, а в марте 1938-го расстреляли — вместе с Бухариным. Жену Рыкова, Нину Семеновну, начальника Управления охраны здоровья детей в Наркомате здравоохранения, расстреляли через полгода после мужа. И с Бухариным, и с Рыковым Надежда Константиновна когда-то дружила.

Михаила Томского вывели из политбюро, убрали с поста председателя ВЦСПС. Он избежал расстрела, покончив с собой 22 августа 1936 года...

«БАРМАЛЕЙ» И «МУХА-ЦОКОТУХА»

Детский писатель Лев Абрамович Кассиль вспоминал, что Крупскую интересовали иллюстрации к детским книгам. Крупская сама рисовала и в молодости посвящала этому всё свободное время. С 1920 года в Москве существовал Научно-исследовательский институт по детскому чтению. В составе научно-педагогической секции Главного ученого совета существовала комиссия по вопросам детской книги. Но у Крупской были свои пристрастия и антипатии, которые она не таила.

«Надежда Константиновна никогда не отрицала сказку вообще, но говорила о необходимости тщательного отбора материала для детей из всего имеющегося сказочного наследия, — вспоминала педагог Вера Михайловна Федяевская. — Она выступала, в частности, против сказок, пугающих ребенка, бьющих по нервам, проникнутых враждебной идеологией, развивающих рабские чувства и религиозные настроения».

Жертвой ее вкусов стал замечательный детский поэт и тонкий литературный критик Корней Иванович Чуковский.

«Не прав будет тот, — вспоминал Луначарский, — кто подумает, что Надежда Константиновна принадлежит к разряду тех добрых женщин, которые в конце концов готовы многое спустить и на многое только с улыбкой махнуть рукой. Нет, когда она чем-нибудь недовольна, она отмечает это с достаточной определенностью и умеет бороться и даже умеет крепко сердиться».

Корнею Чуковскому вообще как-то не везло с советским начальством. Чуть ли не все дети в стране восхищенно читали его сказки, а ему то и дело доставалось от их родителей. Троцкий почему-то плохо к нему относился — еще до революции, когда это не имело значения, и после революции, когда его слова приобрели иное звучание.

Троцкий в 1922 году в «Правде» раскритиковал книгу Чуковского об Александре Блоке: «Этакая душевная опустошенность, болтология дешевая, дрянная, постыдная!» Поэт и переводчик Самуил Яковлевич Маршак иронически откликнулся на статью Троцкого:

Расправившись с бело-зелеными,
Прогнав и забрав их в плен, —
Критическими фельетонами
Занялся Наркомвоен.

Палит из Кремля Московского
На тысячи верст кругом.
Недавно Корнея Чуковского
Убило одним ядром.

На самом деле, конечно, не убило. Для Чуковского статья Троцкого была ударом, но не катастрофой, потому что военный министр высказал свое мнение (неоправданно резкое), но не велел запрещать книги Корнея Ивановича.

А вот выступление Надежды Константиновны дорого ему обошлось.

«“Крокодил” находится на рассмотрении в Главном ученом совете, — записал 29 ноября 1927 года в дневнике Корней Чуковский. — Почему-то книга попала на рассмотрение к Менжинской, которая держит ее бог знает сколько... Оказалось, что теперь мой “Крокодил” у Крупской.

Я к Крупской. Приняла любезно и сказала, что сам Ильич улыбался, когда его племянш читал ему моего “Мойдодыра”. Я сказал ей, что педагоги не могут быть судьями литературных произведений, что волокита с “Крокодилом” показывает, что у педагогов нет твердо установленного мнения, нет устойчивых твердых критериев, и вот на основании только одних предположений и субъективных вкусов они режут книгу, которая разошлась в полумиллионе экземпляров и благодаря которой в доме кормится девять человек.

Эта речь ужаснула Крупскую. Она так далека от искусства, она такой заядлый “педагог”, что мои слова, слова литератора, показались ей наглými. Потом я узнал, что она сказала: “Был у меня Чуковский и вел себя нагло”».

Корней Иванович, видно, сильно не понравился заместителю наркома просвещения, если Надежде Константиновне показалось, будто наиделикатнейший и обходительный Чуковский вел себя «нагло»!

Первого февраля 1928 года в «Правде» появилась статья Крупской с простым названием: «О “Крокодиле” К. Чуковского».

Надежда Константиновна назвала сказку «чепухой» и «буржуазной мутью». По ее словам, Чуковский вложил «в уста Крокодила пафосную речь, пародию на Некрасова». И заодно она разгромила полное собрание сочинений Некрасова, которое вышло под редакцией Чуковского и с его вступлением. Крупской показалось, что хотя вступление Чуковского «и пересыпано похвалами Некрасову, но сквозь них прорывается ярко выраженная ненависть». Заместитель наркома просвещения резюмировала:

«“Крокодил” нашим ребятам давать не надо, не потому, что это сказка, а потому, что это буржуазная муть». Это был приговор, обязательный для исполнения по всей стране.

«Только что сообщили мне про статью Крупской, — записал в дневнике Корней Чуковский. — Бедный я, бедный, неужели опять нищета? Пишу Крупской ответ, а руки дрожат, не могу сидеть на стуле, должен лечь».

После ее статьи сказки и вообще все детские книги Чуковского стали запрещать, а его самого травить. Тем более что Крупская руководила Комиссией по детской литературе Главного ученого совета.

Но за него вступился Максим Горький. 14 марта в той же «Правде» он назвал критику «отличной работы Чуковского по Некрасову слишком субъективной, а потому несправедливой». И добавил: «Помню, что В. И. Ленин, просмотрев первое издание Некрасова под редакцией Чуковского, нашел, что “это хорошая, толковая работа”. А ведь Владимиру Ильичу нельзя отказать в умении ценить работу».

«Сегодня позвонили из РОСТА, — записал в дневнике Чуковский. — Корней Иванович, сейчас нам передали по телефону письмо Горького о вас — против Крупской — о “Крокодиле” и “Некрасове”. Я писал письмо и, услышав эти слова, не мог больше ни строки написать. И не то чтобы гора с плеч свалилась, а как будто новая навалилась — гора невыносимого счастья. Бывает же такое ощущение... Вышел на улицу, купил “Красную газету” за гривенник — и там письмо Горького. Очень сдержанное, очень хорошее по тону».

Письмо Горького несколько остудило кампанию против Корнея Ивановича. За него вступились и другие писатели. На помощь Чуковскому пришел еще один талантливый детский стихотворец, Самуил Маршак. Обходительный, умеющий разговаривать с начальством, Маршак обратился прямо к Крупской. Обнаружил в ней «бездну энергии и хорошие острые когти».

Маршак внушал Надежде Константиновне, что она не рассчитала силы своего голоса, критикуя Чуковского: хотела сказать это очень негромко, а вышло на всю Россию. Крупская возразила, что Чуковский копается в грязном белье Некрасова, доказывает, что у него было девять жен.

— Не стал бы Чуковский пятнадцать лет возиться с Некрасовым, если бы он его ненавидел, — заметил Маршак.

— Почему же? Ведь вот мы не любим царского режима, а царские архивы изучаем уже десять лет, — резонно возразила Крупская.

— Параллель не совсем верная, — нашелся Маршак. — Нельзя же из

ненависти к Бетховену разыгрывать сонаты Бетховена.

Перейдя к «Крокодилу», Маршак стал доказывать, что тема поэмы — освобождение зверей от ига.

— Знаем мы это освобождение, — скептически отозвалась Крупская. — Нет, насчет Чуковского вы меня не убедили.

Но сам Маршак ей понравился.

«Тотчас после его визита к ней со всех сторон забежали всевозможные прихвостни и, узнав, что она благоволит к Маршаку, стали относиться к нему с подобострастием, — записывал Чуковский. — Таким образом, когда комиссия к шести часам собралась вновь, она была 1) запугана слухами о протесте писателей, 2) запугана письмом Горького, 3) запугана тем влиянием, которое приобрел у Крупской мой защитник Маршак, — и судьба моих книжек была решена...

Прошла “Путаница”, прошел “Тараканище”. Самый страшный бой был по поводу “Мухи-Цокотухи”: буржуазная книга, мещанство, варенье, купеческий быт, свадьба, именины, комарик одет гусаром... Но разрешили и “Муху”... Разрешили и “Мойдодыра”».

Однако же в целом статья Крупской имела для Чуковского последствия самые плачевные, тем более что бдительный надзор над детской литературой только усиливался. В октябре 1929 года Крупская подписала Инструктивное письмо Главполитпросвета «О пересмотре книжного состава массовых библиотек»:

«В течение 1929–1930 гг. провести пересмотр книжного состава всех библиотек и очистить от идеологически вредной литературы...

Привлекать к просмотру книжного состава работников комвузов, работников Главлита, представителей ОГПУ.

Мотивы, по которым книги могут быть изъяты из библиотек.

1. По общему отделу. Изъять старые библиографии, особенно общественно-политические, старые энциклопедии... Из старых массовых энциклопедий следует изъять выпуски, посвященные общественно-политическим темам и истории.

Все старые дореволюционные журналы изымаются из массовой библиотеки... Изымаются все старые календари.

2. Антирелигиозная литература. Изъять все без исключения книги религиозного содержания как дореволюционные, так и пореволюционные, хотя бы они все были изданы с разрешения Главлита.

3. Общественно-политическая литература. Изымаются идеологически вредные и неприемлемые для советского читателя книги.

4. Кооперативная литература. Подлежат изъятию книги, изданные до

1930 года (то есть книги, вышедшие до массовой коллективизации. — Л. М.)

5. История литературы. Изымаются книги, содержащие материал реакционного характера...

Из небольших библиотек должны быть изъяты:

1. Произведения, даже и значительные в отношении литературного мастерства, проводящие настроения неверия в творческие возможности революции, настроения социального пессимизма. Например, М. А. Булгаков. Дьяволиада, Е. Замятин. Неистовые рассказы...

2. Могут быть изъяты произведения неактуальные, подчас даже враждебные по своей идеологической установке, — например, произведения таких писателей, как М. Пруст, С. Цвейг...

Инструкция по изъятию детских книг будет издана особо».

В марте 1932 года оперуполномоченный 4-го отделения секретно-политического отдела ОГПУ докладывал начальству о настроениях среди писателей: «Детский писатель К. Чуковский, которого в связи со статьями Крупской больше не печатают, намеревается обратиться к Сталину, — за разрешением печататься».

Цензура вновь и вновь принималась за его детские сказки. В конце декабря 1934 года Чуковскому сказали в Главлите, что его «Крокодил» запрещен опять.

Когда сказку запретили в первый раз, писателю объяснили:

— Там у вас городской. Кроме того — действие происходит в Петрограде, которого не существует. У нас теперь Ленинград.

Чуковский переделал текст. Вместо городского в сказке получился ленинградский постовой милиционер. Не помогло.

Начальник Главлита и член коллегии Наркомата просвещения Борис Михайлович Волин мрачно объяснил детскому писателю:

— «Крокодил» — вещь политическая. В нем предчувствие Февральской революции, звери, которые «мучаются» в Ленинграде, — это буржуи... Политические дикости и несуразности «Крокодила» еще месяц назад казались невинной шуткой, а теперь, после смерти Кирова, звучат иносказательно. А потому...

Корней Чуковский бросился к наркому просвещения. В приемной услышал:

— Не может принять. Оставьте ваш телефон, вам сообщат.

«Я оставил — и жду до сих пор, — записал в дневнике детский писатель. — Черт меня дернул написать “Крокодила”».

Статья Крупской еще долго вспоминалась. Прошло 30 лет. После XX

съезда партии, на котором был развенчан культ личности Сталина, наступила новая эпоха. Тем не менее 28 октября 1959 года заведующий отделом культуры ЦК КПСС Дмитрий Алексеевич Поликарпов обратился к своему начальству — секретарю ЦК Екатерине Алексеевне Фурцевой: «Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (т. Романов) возражает против упоминания в очередном томе “Летописи жизни и творчества М. Горького” о напечатанном в “Правде” письме М. Горького, в котором он возражает против рецензии Н. К. Крупской на книгу К. Чуковского. Считали бы возможным оставить упоминание об этой рецензии, но снять строку об отрицательном отношении М. Горького к выступлению Н. К. Крупской. Просим согласия».

Фурцева, по распределению обязанностей среди секретарей ЦК ведавшая вопросами культуры, вынесла резолюцию: «Согласиться». К документу, как положено, приколота справка: «Ответ сообщен в Главное управление по охране государственных тайн. Верстка книги возвращена».

И что же в результате получилось? В «Летописи жизни и творчества М. Горького» осталась буквально одна фраза: 25 февраля 1928 года Горький пишет письмо в редакцию газеты «Правда» по поводу отрицательной рецензии Н. К. Крупской на книгу К. Чуковского «Крокодил». И всё! Какое письмо, что в нем говорится — об этом ни слова. Иначе говоря, вовсе вычеркнуть упоминание о «правдинской» статье великого пролетарского писателя не решились, но о полном несогласии с мнением вдовы Ленина предпочли не упоминать. По части иезуитства идеологические чиновники не знали себе равных.

Вся эта история Чуковскому отзывалась еще долго.

Шестого апреля 1962 года всё тот же заведующий отделом культуры ЦК Дмитрий Поликарпов доложил своему начальству о ходе обсуждения кандидатур на присуждение Ленинской премии в области литературы и искусства.

Комитет по ленинским премиям (его возглавлял поэт Николай Семенович Тихонов, секцией литературы руководил прозаик Константин Александрович Федин) склонялся к тому, чтобы дать премию Чуковскому за книгу «Мастерство Некрасова». Но вмешались влиятельные силы, для которых Корней Иванович так и остался в высшей степени сомнительной фигурой.

Поликарпов докладывал: «В письме, подписанном группой старых большевиков (Е. Д. Стасовой, А. С. Карповой, Н. Растопчиным, С. Ураловым, Е. Жаровым, Н. Поздняковым), утверждается, что К. Чуковский

не имеет права на Ленинскую премию, так как в течение многих лет он “сознательно работал против дела Ленина”, до революции “был литературным роботом кадетствующих Рябушинских”, а после революции “лавировал между революцией и контрреволюцией, нанося вред делу пролетариата”». И опять вспомнили разгромную рецензию Крупской!

Письмо отдела культуры ЦК заканчивалось так: «Просим разрешения высказать руководству Комитета, а также коммунистам — членам Комитета предложение поддержать мнение старых большевиков о нежелательности присуждения К. И. Чуковскому Ленинской премии».

Но руководители партии решили иначе. Чуковский, на творчестве которого выросли поколения советских детей, получил заслуженную премию. Слово Крупской — это всё-таки не то, что слово Ленина.

На других литераторов подобная снисходительность не распространялась. И вольное отношение не только к вождю мирового пролетариата, но и к его супруге не позволялось. 12 июня 1962 года заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам Василий Иванович Снастин донес своему начальству: «За последнее время в нашей литературе опубликован ряд произведений и воспоминаний о В. И. Ленине, в которых образ великого вождя социалистической революции, организатора и руководителя Коммунистической партии и Советского государства грубо искажается и обедняется. К числу таких произведений относится, например, трагедия И. Сельвинского “Человек выше своей судьбы”, напечатанная в журнале “Октябрь”, № 4 за 1962 год».

Илья Львович Сельвинский прочно вошел в историю советской литературы как революционный поэт. Участвовал в Гражданской войне, воевал в Великую Отечественную, был тяжело ранен и контужен. Политических претензий к нему не было. Так в чем же он провинился?

«И. Сельвинский показывает В. И. Ленина слабеньким, всё время ноющим о своей болезни интеллигентом, человеком, постоянно думающим и говорящим о старости, близкой смерти. Этому самоанализу обреченного человека, его переживаниям и скорби посвящены многие страницы трагедии:

— Да... Дело швах, Владимир Ильич. Картина ясная, тут не надейся. Месяцев восемь, пусть даже десять. Максимум год. А паралич. Пусть бы хоть год. Но болезнь? Кровать? Расстройство речи... Господи боже...

Автор трагедии не щадит Н. К. Крупскую, вкладывая в ее уста слова, свидетельствующие о непонимании задач революции и сущности коммунизма:

— Берегите людей! Уважайте в них личность! Личность — это самый ценный капитал революции. Сто пятьдесят миллионов личностей — и вот вам коммунизм...

Отдел пропаганды считает необходимым провести совещание редакторов журналов и газет, директоров издательств и руководителей Союзов писателей СССР и РСФСР, на котором подвергнуть критическому разбору имевшие место случаи искажения образа В. И. Ленина в художественной и мемуарной литературе».

Сотрудники отдела ЦК в отличие от Ильи Сельвинского сами в революции не участвовали, но были уверены, что во всём разбираются много лучше поэта. И на сей раз нашли понимание у большого начальства. Секретари ЦК Леонид Федорович Ильичев, Михаил Андреевич Суслов, Отто Вильгельмович Куусинен и Борис Николаевич Пономарев согласились. Ленин не может проявлять слабохарактерность, а Крупская считать, что главное — уважать личность...

ЛУНАЧАРСКИЙ УХОДИТ

В 1929 году сменили наркома просвещения, Луначарского отправили в отставку.

Администрирование не было его коньком. Анатолий Васильевич не в силах был совладать со своим аппаратом. Наркомат просвещения состоял из удельных княжеств, которыми руководили его заместители или начальники главков со связями. Друг с другом они не ладили. Но не это стало поводом для его ухода из наркомата.

«Нам, в нашем комиссариате, часто приходилось чрезвычайно туго, — вспоминал Луначарский. — Мы ведомство бедное. Нигде, быть может, разница между возможностями и идеалами, между возможностями и потребностями страны не рисуется с таким трагизмом. Нам часто в нашей бесконечно трудной работе не хватало помощи. Часто, даже главным образом, она приходила в виде суровой критики и недоумения по поводу того, почему не сделано то или иное».

Луначарский перестал устраивать руководство страны. Долгое время его сохраняли в кресле наркома как символ просвещенности советской власти. Тем более что полномочия Наркомпроса сильно урезали. И сам Анатолий Васильевич старался приспособиться к меняющейся жизни и пожеланиям начальства. Но полностью переделать себя не мог. Его природный демократизм и либеральные взгляды совсем уж не соответствовали эпохе.

«На Луначарском был синий френч с красным значком в виде флажка — “Член ВЦИК”, — таким его запомнила создатель детского театра в Москве Наталья Сац. — Глаза с веселым прищуром, пенсне, добродушно-насмешливая интонация, простота в обращении, пытливый интерес ко всему окружающему».

В 1930 году Луначарский выступал в большом зале Коммунистической академии на Волхонке. Многие из собравшихся послушать недавнего наркома знали, что Анатолий Васильевич встречался с генсеком и что Сталин разговаривал с ним плохо (Славяноведение. 1993. № 1).

«Выглядит Луначарский плохо, — вспоминал очевидец, — нет и обычного красноречья. Много длительных пауз. Видно, что он тщательно себя контролирует. Во всяком случае нет обычной свободы и раскованности. Все с нетерпением ждут реакции на встречу со Сталиным. Доклад подходит к концу. Напряжение в зале достигает предела. Пора уже

заканчивать, а о Сталине ни слова. Кажется, что Луначарский близок к обмороку. Наконец последняя фраза: “Мы достигнем успеха только в том случае, если объединимся вокруг товарища Сталина”. Понутив голову, весь раздавленный, Анатолий Васильевич бредет к своему месту в президиуме. Раздаются жалкие хлопки».

В Кремле не знали, куда его пристроить. Утвердили председателем Комитета по заведованию учеными и учебными заведениями (Ученый комитет) при ЦИК СССР. Комитет ведал и Академией наук.

В июле 1925 года Российскую академию наук переименовали в Академию наук СССР. Теперь она уже не подчинялась Наркомату просвещения, ее руководители могли обращаться непосредственно в Совнарком. Но академия быстро утратила последние остатки автономности.

— Надо переходить в наступление на всех научных фронтах, — призывал в апреле 1929 года недавний заместитель Луначарского в Наркомпросе Михаил Покровский. — Период мирного сожительства с наукой буржуазной изжит до конца!

В 1932 году Луначарского перебросили на дипломатическую работу. Назначили заместителем, а затем главой советской делегации на Всеобщей конференции по разоружению. Разоружаться никто не собирался, но представительство на международной арене следовало достойно.

Анатолий Васильевич был одним из немногих, кого можно было посылать на заграничные публичные мероприятия. Его облик, манеры, знание иностранных языков, репутация интеллектуала производили благоприятное впечатление на иностранных партнеров. Да и его устраивало дипломатическое поприще. По крайней мере они с женой могли много времени проводить в Европе, что им обоим нравилось всё больше и больше.

В 1933 году Луначарского назначили полпредом в Испанию, которая казалась тогда спокойной гаванью — гражданская война еще не началась. Но до Мадрида он не доехал. В начале года ему в Берлине сделали глазную операцию. Осенью Анатолий Васильевич лечился в санатории в Париже, но врачи мало что могли сделать. 26 декабря 1933 года он умер в Ментоне, на юге Франции.

В Москве на его похоронах выступила Крупская.

— Мы, наркомпросовцы, — говорила Надежда Константиновна, — относились к нему с горячим чувством уважения, видели в нем борца за дело вооружения масс знаниями, за дело вооружения масс всеми достижениями в области искусств.

Через несколько лет задним числом покойному наркому стали предъявлять серьезные политические обвинения. 15 июня 1937 года заведующий отделом науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК Карл Янович Бауман и заместитель заведующего отделом печати и издательств ЦК Павел Федорович Юдин доложили в политбюро об арестах «контрреволюционных националистических элементов, связанных с японо-немецко-троцкистско-правой бандой».

Речь шла о тех, кто занимался переводом письменности некоторых народов СССР на латинизированный алфавит. В чем они провинились? «Под прикрытием разговоров о якобы “международном характере” латинской основы протаскивали ориентацию на буржуазную культуру». В записке двух отделов ЦК говорилось: «Инициатором постановки вопроса о переводе русской письменности на латинскую основу являлся бывший нарком просвещения РСФСР Луначарский». Но он уже был недоступен ни для чекистов, ни для чекистов.

Луначарского на посту наркома просвещения сменил Андрей Сергеевич Бубнов. Член ЦК и свой человек среди нового руководства, в аппаратных делах новый нарком был влиятельнее Луначарского, на которого молодые партийные секретари давно смотрели с изумлением: как это он до сих пор остается в правительстве?

Андрей Бубнов родился в Иваново-Вознесенске в семье управляющего текстильной фабрикой, окончил реальное училище и учился в Московском сельскохозяйственном институте. Партийная кличка Бубнова — Химик. В первую русскую революцию он занимался изготовлением бомб. После революции Бубнова утвердили членом коллегии Наркомата путей сообщения. Он входил в правительство Советской Украины, был членом Реввоенсовета Украинского фронта, 14-й армии, Северо-Кавказского военного округа.

В 1922 году Бубнова приблизил к себе Сталин — назначил заведующим агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии. На следующий год поставил его во главе «Правды». Как только умер Ленин, симпатизировавшего Троцкому начальника политуправления Красной армии Антонова-Овсеенко сняли с должности. Его место занял Бубнов и провел чистку командных кадров армии от сторонников Троцкого (см.: Военно-исторический журнал. 2001. № 10).

Бубнова в ту пору никто не включал в сталинскую группу, потому что Андрей Сергеевич в 1923 году подписал «заявление 46» видных большевиков, протестовавших против ущемления демократии в партии. Но Бубнов довольно быстро открестился от своей подписи, о чем написал

короткую статью в «Правде».

— И в тот же день, — рассказывал впоследствии Бубнов, — не кто иной, как товарищ Сталин позвонил мне по телефону и по этой статье умозаключил, что я на всех драках с Центральным комитетом в тот период поставил крест, и точка.

С этой минуты Сталин знал, что завоевал себе еще одного сторонника и мог твердо рассчитывать на Бубнова. В апреле 1925 года он даже сделал его секретарем ЦК партии. Но, видимо, решил, что это слишком большой пост для Бубнова и в декабре перевел его кандидатом в члены секретариата ЦК, зато включил в состав оргбюро ЦК. Это обеспечило начальнику политуправления РККА высокий статус в партийном аппарате и возможность влиять на кадровые решения.

Начальник политуправления и с наркомом обороны вел себя на равных. Запросто мог осадить Климента Ефремовича Ворошилова: «Оценка у тебя неправильная. Потому, что информация у тебя не полная». Впрочем, с наркомом Бубнов всё-таки держался по-товарищески, писал ему: «Приезжай скорей, а то не с кем живого слова сказать по острым вопросам. Мы с тобой хоть и ругаемся, но всё же толк от этого явный».

Бубнов не сошелся с Крупской во взглядах. Или, точнее, в методах. Андрей Сергеевич требовал жестко проводить в жизнь сталинскую линию. Крупскую излишняя жесткость пугала. Глеб Иванович Будный, который редактировал журналы «Изба-читальня» и «Культпросветработа в колхозах и совхозах», вспоминал, что Надежда Константиновна хотя и робко, но возражала против жестокостей при раскулачивании:

— Нельзя допускать, чтобы детей кулаков не принимали в школы, в детские сады, не пускали в библиотеки, клубы, избы-читальни. Детей раскулаченных надо перевоспитать.

Она вообще держалась осторожно. Летом 1928 года ростовчане просили у нее благословения на новую учебную программу.

— Мы ничего советовать вам не можем, — ответила Надежда Константиновна. — Вам на местах виднее. Дело это новое. Важно, как это практически выйдет. Хорошо выйдет — похвалим, плохо — поругаем...

Вечером 10 июля 1928 года Крупская получила слово на пленуме ЦК:

— Товарищ Варейкис очень энергично говорил о борьбе с кулаком в Саратовской области, где он работает. Я знаю, как там бывало, по довольно объективным письмам ребячьим, которые мимоходом дают крайне живую фотографию того, как это происходит на самом деле. В Саратовской губернии борьба против кулака задевала и бедноту. Мальчонка описывает: у кого деньги есть, платят, а те, у кого денег нет, у тех берут «теленков» и

«козленков». Описывает сцену: козу поставили в сельсовете на стол, все стоят и хохочут, а крестьянин-бедняк, хозяин козы, плачет, и крестьянка плачет. Это как будто не очень-то значит бить по кулаку. Мы вели борьбу за революционную законность, она не вошла еще в плоть и кровь, и вот сейчас, когда мы лозунг даем о нажиме, то должны учитывать, что перегиб будет неизбежно. Как конь, услышав трубу, начинает вытанцовывать известным шагом, так призыв нажать оживляет старые приемы. Поотвык крестьянин от нажима и особенно чутко относится к такой издевке, когда ставят отнятую козу на стол и смеются... Поднажали, переборщили, перенажали...

Известный в те годы партийный деятель Иосиф Михайлович Варейкис, с которым осторожно полемизировала Крупская, прославился еще в годы Гражданской войны, когда совсем молодым человеком был избран председателем Симбирского губкома. Не прошло и месяца, как Варейкис возглавил огромную Центрально-Черноземную область. В нее вошли: Воронежская, Тамбовская, Курская, Липецкая, Белгородская и Орловская области. Варейкис принадлежал тогда к числу сталинских любимцев. Вождь сделал его членом ЦК. Иосиф Михайлович выступал на съездах и конференциях, вообще был очень заметным в стране человеком.

И на пленуме ЦК в апреле 1929 года Крупская всячески поддерживала коллективизацию, но вновь призвала к осторожности и постепенности:

— Сейчас мы имеем явления чрезвычайно сложные, и нужно, чтобы товарищи на местах ясно и четко отдавали себе отчет, что чрезвычайные меры — от худой жизни, что от хорошей жизни чрезвычайные меры не проводятся. Нужно смотреть за нашим низовым аппаратом, потому что в нашем прошлом есть очень длительная полоса, когда мы вынуждены были применять эти меры. Теперь очень часто бывает так, что работник где-нибудь на месте, не очень разбирающийся в общей политике партии, действует как конь, слышавший трубу, — «ах, чрезвычайные меры — теленка в колодец». Тут нужно, чтобы не только политбюро, но и товарищи на местах смотрели бы хорошенько за своим аппаратом и боролись бы с перегибами.

Тринадцатого ноября 1929 года на очередном пленуме ЦК Крупская опять заговорила об опасности жестких методов.

— Мы созывали недавно избачей по хлебозаготовкам. Упрощенчества пришлось наблюдать достаточно. Избач сибирский говорит: «Разве можно разговаривать с кулаками, с лишенцами? Прямо в суд, а разговоров никаких не допускайте, это правый уклон». Потом, когда мне пришлось говорить с товарищами, я увидела, что так смотрят не только избачи, а что это взгляд

довольно распространенный, что дело сейчас не в убеждении, никакого убеждения не надо, передайте в суд — и дело с концом.

Словами Надежды Константиновны аппарат был крайне недоволен. Ощущая это, Крупская старалась показать товарищам, что вполне одобряет то, как идет коллективизация. На комиссии ВЦСПС по работе в деревне восхищенно рассказывала:

— Поехала я смотреть женский колхоз. Живут на голой земле, постарше живут в овине, а молодежь — прямо на поле. А энергия в глазах колхозниц такая, что видно — мир завоюют.

Но если задуматься: как можно восхищаться тем, что людей заставили жить на голом поле?..

Крупская подготовила книгу «Что говорил Ленин о колхозах и о мелком крестьянском хозяйстве». Но на партийной конференции Бауманского района Москвы Андрей Бубнов буквально обрушился на Крупскую, призывавшую к осторожности при проведении коллективизации:

— Крупская — это не тот маяк, который приведет к добру нашу партию.

И в том же, 1929 году Сталин внезапно переводит Бубнова на пост наркома просвещения РСФСР, куда менее значимый, чем его прежняя должность главного армейского политработника.

Теперь Крупская оказалась замом Бубнова. Надо было продемонстрировать лояльность новому начальнику: «Партия поставила на роль наркома просвещения человека, которому его предыдущая работа, весь предыдущий опыт борьбы обеспечивал широту партийного кругозора, привычку подходить к делу не формально, а вникая в его суть, умение настойчиво добиваться своей цели, вникать во все мелочи, проверять исполнение».

И Бубнов, со своей стороны, показывал, что ценит своего заместителя.

Федор Иванович Кузнецов, депутат горсовета из Орехова-Зуева, в составе делегации приехал к Крупской осенью 1929 года — приглашать к себе в город. Крупская тут же согласилась. Потом спохватилась:

— Мне поездку нужно согласовать с коллегией Наркомпроса.

Позвонила наркому. Андрей Сергеевич попросил делегацию зайти и отчитал гостей:

— Нехорошо заманивать к себе Надежду Константиновну. Прошу вас не тревожить ее: у нее слабое здоровье.

«На заседании коллегии наркомата выступала Надежда Константиновна, — вспоминала одна из сотрудниц. — Точка зрения ее и

тогдашнего наркома, Андрея Сергеевича Бубнова, не совпадали. Во время доклада Крупской Бубнов непрерывно подавал реплики, но Надежда Константиновна никак на них не реагировала и спокойно продолжала. Бубнов, который по натуре был очень вспыльчивый, в резкой форме начал высказывать свою точку зрения, полагая, видимо, что Крупская изменит свою позицию. Но она продолжала в том же духе, только спокойно сказала:

— Андрей Сергеевич! Что думаю, то скажу.

Бубнов, на которого спокойствие и выдержка Крупской произвели впечатление, разразился громким смехом и воскликнул:

— Вас, Надежда Константиновна, не переспоришь. Пусть будет по-вашему! В этом деле вы специалист, а не я.

Всех нас тогда поразила необычайная выдержка Крупской, сила ее логики, непреклонная воля, стремление правильно разрешить обсуждаемый вопрос, независимо от того, что ее мнение разошлось с мнением наркома и это могло ухудшить их взаимоотношения».

НАРКОМПРОС СДАЕТ ПОЗИЦИИ

Бубнов как опытный аппаратчик держался очень осторожно. Надежда Константиновна иногда позволяла себе некоторую самостоятельность.

Андрея Януарьевича Вышинского в 1928 году утвердили членом коллегии Наркомата просвещения РСФСР и поставили заведовать Главным комитетом профессионально-технического образования (Главпрофобром). В 1931 году партийное бюро наркомата проверило программы, разработанные Главпрофобром, в сфере общественных наук. Обнаружило там ошибки. Партбюро потребовало наложить партийное взыскание на Вышинского. Нарком Бубнов был категорически против. Даже не пришел на заседание. Бубнов чувствовал, что карьера Вышинского только начинается.

Крупская же поддержала мнение коммунистов наркомата и отправилась на бюро Бауманского райкома партии, которое должно было вынести окончательное решение.

Наркомат просвещения переживал трудные времена. Еще в 1928 году подготовку кадров высшей, средней и низшей квалификации из ведения Наркомпроса стали передавать отраслевым наркоматам. Главпрофобр ведал уже только университетами и педагогическими учебными заведениями. В 1931 году главк и вовсе расформировали. Вышинского без дела не оставили. Утвердили прокурором республики, что до крайности изумило Крупскую и многих старых партийцев.

Вышинский в годы политической юности совершил поступок, который другим стоил бы жизни. После Февральской революции он стал комиссаром 1-го участка милиции Якиманского района Москвы. Потом в районе появилась управа, и Вышинского избрали председателем 1-го участка Якиманской управы. В октябре 1917 года председатель Якиманской управы, как и все другие руководители местной власти, получил подписанное министром юстиции Временного правительства Павлом Малянтовичем распоряжение: «Постановлением Петроградской следственной власти Ульянова-Ленина Владимира Ильича надлежит арестовать в качестве обвиняемого по делу о вооруженном выступлении третьего и пятого июля в Петрограде. Ввиду сего поручаю Вам распорядиться о немедленном исполнении этого постановления в случае появления названного лица в пределах вверенного Вам округа. О последующем донести».

Вышинский распорядился развесить эти объявления у себя в районе, не предполагая, что всю остальную жизнь будет проклинать себя за этот поступок. Старые большевики вообще удивлялись, как Вышинский остался на свободе, если его прежних товарищей-меньшевиков уже отправили за решетку. Они не знали одного важного обстоятельства в жизни Андрея Януарьевича.

Когда молодой меньшевик Вышинский — партийная кличка Юрий — в 1908 году сидел в бакинской тюрьме, в одной камере с ним оказался большевик весьма угрюмого вида. В документах он значился Гайозом Нижарадзе. Сокамерники именовали его Кобой. Настоящая его фамилия была Джугашвили. В партийной печати он писал под псевдонимом Сталин. Отбывая срок, изучал модный тогда среди революционеров искусственный международный язык эсперанто (что не помешало ему впоследствии уничтожить эсперантистов как иностранных шпионов).

Вышинскому молодая жена приносила вкусные и обильные передачи из дома, и он подкармливал Кобу. Тот ел с удовольствием, правда, «спасибо» не говорил. Вышинского неблагодарность сокамерника не обижала — видел, какой сложный характер у Кобы. 4 ноября 1908 года Вышинский, отбыв четырехмесячный срок, вышел на свободу. Через 17 дней покинул тюрьму и Сталин. У него срок был посерьезнее. Его выслали на три года в Вологодскую губернию, в Сольвычегодск.

Когда десять лет спустя они вновь встретились, Вышинский ни полсловом, ни намеком не позволил себе напомнить Сталину о том, что тот вроде как в долгу. Это и спасло ему жизнь. Андрей Януарьевич нашел верный тон в отношениях со Сталиным — только на «вы», с почтением и даже благоговением, без малейшей попытки напомнить о прежних дружеских и равных отношениях. Это Сталину понравилось. Тем, кто безоговорочно понимал и принимал его величие и превосходство, он покровительствовал.

Сталин избавлялся от старых большевиков, которые когда-то были с ним на равных. Предпочитал людей, которых преследует страх и которые поэтому превращаются в лакеев. Бывший меньшевик Вышинский, поставивший летом 1917-го свое имя под приказом об аресте Ульянова-Ленина, знал, что уцелел только милостью Сталина.

Вышинский был юристом, прекрасно образованным, разносторонне одаренным, с блестящей памятью, с ораторским даром. Сталину нужен был не законник, не юрист-крючкотвор, не педант, который заботится о строгом соблюдении закона, а стряпчий-пройдоха, который любому сомнительному дельцу способен придать законную форму. Вышинский с его хорошо

организованным и дисциплинированным умом оказался очень полезен — он умел то, чего не могли другие с куда большим партийным стажем.

На XVII съезде партии Сталин обрушился на тех руководителей, которые думают, что «партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков». Вышинский лучше других понял сталинскую мысль: репрессии должны быть прикрыты законами. Важно создать видимость полной законности, а делать то, что нужно власти.

Вечером 10 апреля 1928 года Крупская — последней — получила слово на пленуме ЦК, который продолжался несколько дней. Говорила она скучно и без меры часто ссылаясь на Владимира Ильича. Посетовала для начала, что партия проморгала опасных врагов.

— Владимир Ильич говорил: «Мы победили врагов, победили капиталистов, а теперь этот враг среди нас, но мы его в экономической обыденщине не видим». Вот это как раз шахтинское дело. Врага не заметили.

Упомянутое Крупской печально известное «шахтинское дело» («вредительская организация буржуазных специалистов в Шахтинском районе Донбасса») придумал крупный чекист Ефим Григорьевич Евдокимов.

Двенадцатого марта 1928 года «Известия» писали: «На Северном Кавказе, в Шахтинском районе Донбасса, органами ОГПУ при прямом содействии рабочих раскрыта контрреволюционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности этого района...

Следствием установлено, что работа этой контрреволюционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злом саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольной промышленности методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижении качества продукции, повышении себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов».

Дело, придуманное северокавказскими чекистами, должно было показать стране, что повсюду действуют вредители, они-то и не дают восстановить промышленность и вообще наладить жизнь. А вредители — бывшие капиталисты, дворяне, белые офицеры, старые специалисты. Некоторые из них — прямые агенты империалистических разведок, которые готовят военную интервенцию.

Даже нарком обороны Ворошилов заподозрил неладное и написал записку побывавшему там члену политбюро Михаилу Томскому: «Миша!

Скажи откровенно: не вляпаемся мы на открытом суде в Шахтинском деле? Нет ли перегиба в этом деле местных работников, в частности, краевого ОГПУ?»

Томский счел нужным ответить, что дело ясное. Но, выходит, и Ворошилов чувствовал, что всё это липа... Крупская сомнений себе не позволяла.

Надежда Константиновна вышла на трибуну пленума ЦК, чтобы отстаивать интересы своего ведомства. В свое время все учебные заведения в стране подчинили Наркомату просвещения. К концу 1920-х верх взяли сторонники передачи ряда учебных заведений Высшему совету народного хозяйства. Наркомпрос отчаянно сопротивлялся. Крупская, опытный человек, понимала, как устроен государственный аппарат. Наркомат, у которого что-то отбирают, теряет влияние и значимость, с ним перестают считаться.

Крупская отстаивала позиции своего ведомства:

— Когда принимали программу партии, мы говорили о политехнической школе, о необходимости теснейшей связи, теснейшей увязки всего просвещения с производством. Если мы посмотрим на Европу, на Америку, мы увидим, что там эта связь идет не только по линии высших учебных заведений. Наркомат просвещения борется с первых шагов за связь с производством. Если это не осуществлялось, то потому, что навстречу не шли хозяйственники, ВСНХ не шел.

Возьмем частный вопрос — о практике студентов. Наркомпрос бьется за эту практику. А что студенты рассказывают, как у них практика проводится? На них смотрят враждебно. Студент-текстильщик, например, должен работать у станка, а ему вместо этого администрация предлагает три раза в день смотреть на градусник, какая температура в мастерской. Это же издевательство, а не помощь от ВСНХ!

Нам на пленуме предлагают проект передачи вузов. Куйбышев, Косиор, члены президиума ВСНХ, которые заняты по горло вопросами производства, должны будут ими заниматься. Они должны будут свой Главпрофобр создать. Почему они думают, что тот Главпрофобр, который они у себя в ВСНХ создадут, целесообразнее поставит эту работу?

Когда приходишь с чем-нибудь, требуют план, а тут ВСНХ требует, чтобы ему на слово поверили, что он лучше поставит вузы. А практических предложений никаких не вносит. Практические предложения выдвигались в свое время Наркоматом просвещения. Учитывалась книжка Тейлора, которую сугубо советовал Владимир Ильич. Тейлор развивает целую систему, как надо воспитывать инженеров, как инженер должен на

производстве работать у станка, какие работы на фабрике выполнять. Всё это разработано в систему. Но не проводится в жизнь: ах, это дело Наркомпроса, мы вам помогать не будем. Это ваше дело, как хотите, так и делайте...

Еще в 1921 году Крупская опубликовала статью «Система Тейлора и организация работы советских учреждений» с критикой уже сформировавшегося советского бюрократизма. Она пересказала идеи своего мужа.

Ленина увлекла книга американского инженера и классика теории управления Фредерика Уислоу Тейлора «Научная организация труда». В России среди поклонников американца оказался видный социал-демократ, а затем меньшевик Осип Аркадьевич Ерманский (Коган). После Февральской революции его избрали членом ВЦИК, после Октября депутатом Моссовета. А в августе 1920 года арестовали. Правда, через месяц выпустили, но охоту заниматься политической деятельностью отбили. Хорошо образованный человек (учился в Цюрихе), он стал преподавать в Московском университете.

Госиздат выпустил книгу Осипа Ерманского «Научная организация труда и производства и система Тейлора». Ее прислали Ленину. Он с интересом ее прочитал и поделился впечатлениями с женой. Но американские теории — даже с подачи Ленина и Крупской — в стране победившего социализма не приживались.

Тридцать первого декабря 1928 года на политбюро рассматривался вопрос о работе Донугля (Донецкого государственного каменноугольного треста по производству и продаже каменного угля и антрацита).

Докладывал Георгий Ипполитович Оппок (партийный псевдоним Ломов). Дворянин и выпускник юридического факультета Московского университета, он рано присоединился к большевикам. Осенью 1926 года уехал на Украину руководить добычей угля в Донбассе. Его избрали членом ЦК. А в 1937-м арестуют и расстреляют.

Выступила и Крупская. Она опять заговорила о больной для Наркомата просвещения проблеме — о том, что систему высшего образования выводят из ее ведомства:

— Товарищ Ломов говорил о том, что техникумы не работают, нет умелых техников. Все вопят насчет отсутствия среднего персонала, который мог бы быть передатчиком от инженера, который дает общие установки, к рабочему. На заводе АМО прекрасный чертеж при передаче к рабочим, которые должны были произвести по чертежу зубья, техник перепутал. Маленькая ошибка, вытекающая из плохой подготовки техника,

а в результате — громадный убыток заводу. И у нас постоянно будут такие прорывы, такие промахи повсюду, если не будет подготовленного среднего технического персонала. Инженер — это высший командный состав, а среднего командного состава, офицерского состава, руководящего десятниками, низшим руководящим составом, унтер-офицерами, у нас нет. В техникумах у нас стараются расширить программу под инженеров, а практического умения не дают. Я бы хотела воспользоваться этим случаем, чтобы обратить внимание политбюро, что здесь у нас самое слабое место. Насчет вузов мы говорим очень много, а насчет техникумов и практиков мы ничего не делаем, а тут нужно что-то сделать.

Она не упускала ни одной возможности, говоря современным языком, пролоббировать интересы своего ведомства. 16 ноября 1929 года Крупская получила слово на пленуме ЦК партии. Опять выступила против передачи высших учебных заведений из ведения Наркомата просвещения:

— Средние кадры, техники и агрономы средней квалификации, — наилучшая гарантия против вредительства. Ведь у нас когда вскрывается вредительство? Когда вредители уже навредили, когда уже испортили, тогда начинается устрашение. А надо вовремя предупреждать, не давать вредить.

— Как только начал вредить, — прервал Крупскую генеральный секретарь ЦК компартии Украины Косиор.

Станислав Викентьевич Косиор напрасно так рьяно требовал борьбы с «вредителями». Его родной брат уже стал жертвой репрессий. Владимир Викентьевич Косиор после Гражданской войны руководил на Украине профсоюзами, редактировал газету «Труд», был представителем Внешторгбанка во Франции. В 1928 году за участие в левой оппозиции был исключен из партии. Его сослали в Минусинск.

Старший брат руководил Украиной, а над младшим просто измывались. Владимир Викентьевич просил Станислава о помощи: «Зимой меня выселили с одной квартиры на другую, затем в срочном порядке выбросили с вещами в холод и дождь на улицу, и я пару месяцев с товарищем-женой, больной туберкулезом, жил в сарае с навозом, где помещались лошади и свиньи».

В 1936 году Владимира Косиора посадили в Усть-Печорский лагерь НКВД. Брат и пальцем не пошевелил, чтобы ему помочь. В январе 1938 года Сталин перевел Станислава Косиора в Москву. А младшего Косиора тогда же расстреляли. Но и старший недолго оставался на свободе. В мае 1938 года его арестовали, в феврале 1939 года тоже расстреляли...

— Предупредить вредительство, сделать его невозможным — это

лучше всего могут техники средней квалификации, — продолжала Крупская. — Рабочие чувствуют очень часто, что что-то неладно, но формулировать этого не могут, потому что у них нет точных сведений о том, что делает инженер, нет необходимых знаний. Технику же приходится проводить план, инженером составленный. Он видит, в чем вредительство. Если бы имели кадры хороших средних специалистов, у нас не было бы того вредительства, которое есть.

Мы какую линию берем? Гони всех в вуз. Никто не хочет идти в техникумы, все хотят идти в вузы, потому что вуз дает известное положение, выводит в люди. Все хотят идти в вузы, а о том, что есть на свете техникумы, многие не знают. У нас в школах второй ступени идет борьба со старыми специалистами. Мы им говорим: нашу программу надо так строить, чтобы она была легко усвояема рабочим молодняком и деревенским бедняцким и батрацким молодняком. А наши специалисты стремятся насовать в программы старый, ненужный хлам, тащат назад к буржуазной средней школе. То же самое и в рабфаках. Когда слышишь, как на рабфаках проходят героев Тургенева, то думаешь: для того ли ехал рабочий в рабфак, бросил работу, чтобы этим делом заниматься? Нет того отпора старому, который нужен по всей линии.

Каганович ее поддержал:

— Товарищ Крупская совершенно правильно говорила здесь, что нам нужно ускорить подготовку среднего технического персонала. Я совершенно согласен с этим. Может быть, в резолюции надо об этом крепче сказать.

Но принципиально вопрос был решен. Технические и вообще специализированные учебные заведения передавали в ведение Высшего совета народного хозяйства, Наркомата путей сообщения и других отраслевых комиссариатов. Роль Наркомата просвещения была сведена к учебно-методическому руководству.

Индустриализация нуждалась в подготовленных технических кадрах. В 1932 году комиссия, которой руководил секретарь ЦК и заведующий организационно-инструкторским отделом Павел Петрович Постышев, проверяла систему высшего и среднего специального образования и осталась недовольна постановкой дела в Наркомпросе.

Девятнадцатого сентября 1932 года появился Всесоюзный комитет по высшей технической школе при ЦИК СССР. 16 октября председателем комитета (в ранге союзного наркома) назначили старого друга Крупской — вице-президента Академии наук Глеба Кржижановского. Небольшие вузы сливали, число высших технических учебных заведений за четыре года

уменьшилось вдвое, а число студентов выросло. Открыли новые, крупные центры технического образования. Сократили количество специальностей, которые можно было получать, внедрили новые учебники.

Создание комитета было ударом по Наркомпросу, хотя лично к Крупской отношения не имело. Положение в высшей школе взялся проверять секретарь ЦК Андрей Александрович Жданов, которому Сталин поручил вопросы идеологии, культуры и образования. Академик Кржижановский ушел. Его недолго просуществовавшее ведомство преобразовали в новое. Появился Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совнаркоме. 21 мая 1936 года его возглавил Иван Иванович Межлаук, который активно участвовал в Гражданской войне, потом руководил металлургическим заводом в Донбассе, работал секретарем ЦК в Туркмении, секретарем Тамбовского окружкома партии и заместителем управляющего делами Совнаркома. Его поставили руководить всем высшим образованием страны (за исключением военных академий и образовательных учреждений в сфере искусства). Подчиненная ему Высшая аттестационная комиссия постановлением правительства от 20 марта 1937 года получила право утверждать присвоение ученой степени доктора наук и ученых званий профессора и доцента (в начале 1930-х сообразили, что всё это нужно вернуть и восстановить саму систему защиты диссертаций). Комиссия же разработала правила приема и учебы в аспирантуре, которые действовали десятилетия.

Иван Межлаук просидел в своем кресле всего год с небольшим. 19 ноября 1937 года его сняли с должности и арестовали — «за шпионаж и теракты против руководителей Советской власти». 28 апреля 1938 года военная коллегия Верховного суда приговорила его к смертной казни. На следующий день Межлаука расстреляли.

Новым председателем Всесоюзного комитета по делам высшей школы сделали молодого сотрудника аппарата ЦК партии Сергея Васильевича Кафтанова. После войны он станет министром высшего образования.

Министр Кафтанов вошел в историю, подписывая приказы об увольнении из университетов страны крупных ученых-генетиков, презиравших «народного академика» Трофима Денисовича Лысенко. Он обязал университеты «в двухмесячный срок пересмотреть состав всех кафедр биологических факультетов, очистив их от людей, враждебно относящихся» к теориям Лысенко. Таковую же чистку министр провел в сельскохозяйственных, медицинских, зоотехнических и зооветеринарных институтах. Это предопределило отставание отечественной биологии на многие десятилетия. Не говоря о том, что кафтановские списки сломали

судьбы выдающихся ученых.

ЦК ПЕРЕУСТРАИВАЕТ ШКОЛУ

Крупская активно помогла созданию пионерской организации. Когда готовили первый Всесоюзный слет пионеров, председателем комитета содействия слету Крупская уговорила стать формальным главой государства Калинина. Зато когда возник вопрос, кто из больших начальников примет делегатов слета, Михаил Иванович обратился к Надежде Константиновне:

— Мы вас попросим переговорить со всеми наркомками и нужными руководителями. Вы умеете всех уговаривать. А им будет трудно вам отказать.

Открылся слет на стадионе «Динамо», по Тверской улице пионеры прошли маршем. С балкона Моссовета пионеров приветствовали Крупская и Горький. «Она появилась на трибуне как-то незаметно, — вспоминала Анна Алексеевна Северьянова, председатель Центрального бюро Детской коммунистической организации. — Говорила она тихо и очень приглушенно».

В 1925 году в Крыму был создан пионерский санаторный лагерь «Артек». Крупская предложила посылать туда ребят разных национальностей, чтобы они знакомились с традициями, культурами народов Советского Союза.

Надежда Константиновна, вспоминала писательница Лидия Николаевна Сейфулина, рассказывала, как сильно в пионерах чувство моральной ответственности перед советским обществом и государством, и не только за себя, но и за своих родителей.

Пионерка, отца которой критиковали на работе, восклицала в отчаянии:

— Как же я с ним жить буду, если он не исправится?

Крупской это нравилось. Но если вдуматься, как отвратительно настраивать детей против родителей...

«Одевалась Надежда Константиновна просто, — вспоминала ее личный секретарь Вера Дридзо, — темно-синее, черное или коричневое платье с закрытым воротом и длинными рукавами, чаще такой же окраски сарафан-безрукавка с темной кофточкой. Летом та же безрукавка, но только серого цвета со светлой кофточкой. Ботинки или закрытые туфли на низком каблуке, летом коричневые сандалии. Серые волосы гладенько зачесаны назад».

Такой же ее увидела секретарь окружного общества «Друг детей» из

Ставрополя Татьяна Сергеевна Ридзинь на съезде в Малом Гнездиновском переулке: «Она сидела, подперев голову рукой. На руке простые часы, надетые так, что циферблат приходился с внутренней стороны руки. Простота одежды Надежды Константиновны всё же меня поразила. На ней был серый сарафан и белая в полоску блузка из хлопчатобумажной ткани, на ногах — самые обыкновенные сандалии и простые чулки. Тогда уже входили в обиход роговые очки, но Надежда Константиновна предпочитала стальную оправу».

Крупская участвовала и в создании Российского коммунистического союза молодежи. А ЦК комсомола, в свою очередь, командировал своих сотрудников в Наркомат просвещения. Одной девушке поручили быть представителем ЦК в подотделе школ рабочих подростков отдела единой трудовой школы Наркомпроса:

— Отстаивай нашу линию, невзирая на лица.

— Ну, дитя мое, — ободряюще сказала комсомолке Крупская, — будем работать вместе, когда дружно, а когда и «поцапаемся».

Комсомольцев она спрашивала:

— Вы работаете среди подростков. Как практически вы осуществляете коммунистическое воспитание?

Пятого июля 1928 года на пленуме ЦК обсуждалась программа Коминтерна. Слово дали Крупской:

— Возьмем хотя бы вопрос о том, что такое коммунизм. Об этом сказано, но в довольно прохладных тонах — о том, что не будет при социализме религии, суеверий. Но характеристика социализма не представляет чего-то ценного, спаянного, зажигающего. Поговорив с иностранцами, приходится это почувствовать. Я не говорю о коммунистах, а вот те, которых мы хотим разagitировать, сделать коммунистами. Первый вопрос, который у них проскальзывает во всём: что такое коммунизм? Почему он лучше капитализма? Что он даст? Вот у них в стране всё как будто лучше налажено, и здания красивые, и хозяйство хорошо поставлено, и наука процветает, почему нужно бороться за коммунизм?

В 1929 году отмечался юбилей Крупской. Ей вручили грамоту ВЦИК: «Многоуважаемая Надежда Константиновна!

В связи с 60-летием со дня Вашего рождения в Президиум ВЦИК от многочисленных культурных и общественных организаций поступили предложения и пожелания о награждении Вас орденом Трудового Красного Знамени...

Ваша чрезвычайно многообразная творческая работа в области политического и культурного просвещения трудящихся масс на протяжении

десяти лет дала значительные результаты. При Вашем руководящем участии создан новый тип советской трудовой школы, организован Главполитпросвет. Вами даны основные творческие идеи в области внешкольного образования и внешкольного воспитания; Ваши громадные заслуги в деле антирелигиозного воспитания, неустанное внимание, уделяемое пионерскому и комсомольскому движению, — вот необъятное поле Вашей деятельности за последнее десятилетие.

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, исполняя горячие пожелания рабочих и крестьянских масс, в заседании своем от 11 марта 1929 года постановил: наградить Вас орденом Трудового Красного Знамени».

В августе 1930 года Мария Ульянова и Крупская отправились отдыхать в Крым, в Мухалатку. Надо полагать, Мария Ильинична уговорила Надежду Константиновну. Одна бы Крупская не поехала — не любила отдыхать. Тяготилась бездельем.

«Надежда Константиновна остается себе верна, — вспоминал Дмитрий Ульянов, — вытащить ее в Горки страшно трудно, она предпочитает провести воскресенье в своем кабинете за письменным столом. При жизни Владимира Ильича она ездила в Горки только для него».

В январе 1931 года Крупская приехала в Ленинград. 20 января посетила Смольный, памятный ей по 1917 году. Новый первый секретарь обкома Сергей Миронович Киров, сменивший старого ленинского друга Зиновьева, был занят. Вдове Владимира Ильича Ленина пришлось ждать там, где перед ней когда-то гостеприимно распахивались все двери. Потом Киров появился в приемной, увел гостью к себе в кабинет. Крупская осталась очень довольна встречей.

«Вечером, — рассказывал корреспондент «Учительской газеты», — взволнованной встречами и нахлынувшими воспоминаниями, ей не хотелось ехать в гостиницу, и она решила поехать по старым, знакомым местам. Вот мы на Охте, на том месте, где в квартире инженера Роберта Эдуардовича Классона Надежда Константиновна познакомилась с Владимиром Ильичом».

Надо было возвращаться в Москву, а билета заранее не взяли. Выяснилось — мест в поезде нет. Пришлось сговариваться с одним членом ВЦИК, который взял себе целое купе, чтобы тот потеснился и пустил к себе вдову вождя.

В 1931 году Крупская последний раз побывала в Горках. Потом перестала туда ездить, чтобы не вызывать в памяти печальные воспоминания. Предпочитала дом отдыха ВЦИК «Архангельское». Как

правило, ездила вместе с Марией Ильиничной. Водитель у нее остался прежний, ленинский — всё тот же Степан Казимирович Гиль. По дороге они распевали революционные песни.

Летом 1931 года в Советский Союз приехал писатель Бернард Шоу с женой леди Астор, она была первой англичанкой — депутатом парламента. В Горках их приняли Надежда Крупская и Мария Ульянова. Шоу рассказал, что на встрече с рабочими на Электрозаводе леди Астор говорила, что и в Англии неплохо живется. Но рабочие твердо отвечали, что в Англии хорошо живется только богачам, но не беднякам и безработным. И протестовали против клеветы на СССР в британской прессе.

Бернард Шоу со смехом поведал, что под влиянием рассказов о голоде в СССР они взяли с собой еду. Но их так кормят, что пришлось выбросить все запасы... Бернард Шоу — не единственный иностранец, который в 1930-е годы, побывав в Советском Союзе по приглашению власти, так ничего и не понял.

Четвертого сентября 1931 года — неожиданно для Наркомата просвещения — ЦК принял постановление «О начальной и средней школе», в котором говорилось, что средняя школа не дает юношам и девушкам достаточный объем знаний. Идея политехнизации привела к тому, что молодое поколение не получало необходимых фундаментальных знаний.

Что имели в виду первые руководители наркомата Луначарский и Крупская, затеявая трудовую школу? Им виделась такая картина: юноши и девушки не только грызут гранит науки за школьной партой, но и на практике изучают машины и станки, приобретают трудовые навыки, что позволит им сразу начать работать на заводе или поступить в один из технических вузов.

«Приближаясь к идеалу, — настаивал Луначарский, — школа должна преподавать ученику главные приемы труда: столярное и плотничье дело, токарная резьба по дереву, формовка, ковка, отливка, токарная обработка металла, закаливание, сверлильные работы, работы по коже, печатание и др. В деревне, разумеется, центром, вокруг которого группируется преподавание, является столь разнообразное сельскохозяйственное дело».

Крупская боролась против «старой буржуазной школы» за широкое внедрение политехнизации. Ее стараниями открыли сеть фабрично-заводских училищ и школ крестьянской молодежи. С одной стороны, учиться стали те, кто раньше оставался за пределами системы образования. С другой — они заведомо могли рассчитывать лишь на весьма низкий уровень знаний, недостаточный для современного производства.

Создали Научно-исследовательский институт политехнического образования (в 1938 году он вошел в состав единого Института школ Наркомпроса).

В «Женщине-работнице» Крупская писала: «Школа в социалистическом обществе, конечно, не будет похожа на теперешнюю школу. В будущей школе ученики будут приобретать гораздо больше знаний, они будут в то же время приучаться и к производительному труду, а главное, школа будет воспитывать из них полезных, энергичных граждан».

В учебные планы включали занятия по труду. Заводили школьные мастерские с примитивными слесарными и столярными инструментами (где детей учили в основном делать табуретки). Крупская считала необходимым расширять школьные мастерские, специально готовить преподавателей труда. В конце 1927 года предложила создать «Общество содействия техническим школьным кружкам». Она настаивала: «Надо спешить строить политехническую школу», и доказывала, что организация общественно полезного труда в школе и летних лагерях позволит превратить каникулы «в кусок интересной, захватывающей, увлекательной жизни».

У Крупской было немало сторонников. Через два десятилетия после смерти Надежды Константиновны ее идеи хотел взять на вооружение новый руководитель партии Никита Сергеевич Хрущев: «Наша общеобразовательная школа страдает тем, что мы очень много взяли от дореволюционной гимназии, ставившей своей целью дать выпускникам определенную сумму абстрактных знаний. Если у нас в первые годы после революции, когда вопросами народного образования занималась Н. К. Крупская, большое внимание уделялось политехнизации школы и делались усилия в этом направлении, то после известных постановлений ЦК о начальной и средней школе (эти постановления были приняты в 1931–1935 годах по предложению т. Сталина) была взята за основу программа старой классической гимназии.

Сейчас вызывает сомнение, что это было сделано правильно. Какова направленность средней школы, когда она готовит человека на аттестат зрелости? Это — приобретение определенного курса академических знаний, не связанных с производством».

Хрущеву была близка идея школы как ремесленного училища, которое готовит квалифицированных рабочих. Однако еще в 1930-е годы стало ясно, что уроки труда в средней школе оказались заведомо примитивными. Впустую растрачивалось учебное время. Нарком просвещения Бубнов отменил трудовое обучение в школах...

Он же установил продолжительность школьного урока — 45 минут, после чего перемена. Определил и время летних, зимних и весенних каникул.

Кроме того, ЦК потребовал покончить «с оторванным от жизни прожектёрством». В 1929–1931 годах пытались внедрить в школе «метод проектов», позаимствованный в США. Школьники брались сами выполнить какое-то практическое задание (проект), чтобы в ходе работы получить необходимые навыки. Учителю оставалась роль консультанта.

Взяли на вооружение «Дальтон-план» (бригадно-лабораторный) — американский метод, когда школьники сами планировали свою учебную работу, советуясь с учителем. Крупская ценила развитие самостоятельности учеников. Учителя же были недовольны, доказывая, что страдает учебный процесс, да и сама система противилась излишней свободе школьников.

Одновременно партийное руководство выразило недовольство недостаточным уровнем политического воспитания молодежи. Требовало сконцентрировать усилия на развитии социалистического соревнования, военно-патриотического воспитания и антирелигиозной пропаганды.

Второе Всесоюзное партийное совещание по народному образованию в апреле 1930 года, выражая идеи Наркомпроса, высказалось за преобразование старших (с восьмого по десятый) классов средней школы в техникумы, где делался бы упор на политехническую подготовку.

Но постановление ЦК от 26 августа 1932 года «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» потребовало преобразовывать семилетние школы в десятилетние, чтобы молодежь получала полноценное образование. Это же постановление покончило и с послереволюционной вольницей в организации учебного процесса. А через полгода, 12 февраля 1933 года, появилось еще одно постановление ЦК — «Об учебниках для начальной и средней школы».

На местах разрабатывали собственные учебные программы и создавали свои учебные пособия, которые утверждались краевыми и областными отделами народного образования. В соответствии с новыми постановлениями ЦК по всей стране унифицировались учебные программы и писались единые учебники.

А 15 мая 1934 года последовало еще одно постановление — «О структуре начальной и средней школы в СССР»: начальная школа — четыре класса, неполная средняя — семь, полная — десять. Эта структура сохранится на многие десятилетия.

Десятого мая 1935 года в аппарате ЦК была составлена записка, которую разослали членам и кандидатам в члены политбюро:

«Обследованиями ЦК и КПК вскрыты крупнейшие недостатки как в области учебной, так и особенно воспитательной работы в школах, свидетельствующие о крайне неудовлетворительном состоянии школьного дела и руководства им. Наркоматы явно недостаточно руководят делом воспитания кадров для нужд своей отрасли, а отсутствие единого организующего союзного центра по школе и разбросанность школьного дела по ведомствам и республикам затрудняет партийный контроль».

По решению политбюро 13 мая 1935 года в ЦК был образован отдел школ. Его возглавил Борис Михайлович Волин, недавний цензор, переведенный в партийный аппарат из Главлита. Он спешил доказать свою бдительность и разоблачить промахи предшественников. 14 декабря 1935 года он отправил Сталину записку с грозным названием «О преступлениях Наркомпроса РСФСР в отношении русского языка»: «Преступные эксперименты, которые проводились Наркомпросом РСФСР в отношении школы, в особенности в преподавании русского языка, привели к ужасающей безграмотности. Студенты высших учебных заведений в своей значительной части — малограмотны, делают очень большое количество орфографических ошибок в простейших письменных работах и совершенно не владеют элементарными познаниями в области русского языка. Такая же картина и в техникумах.

При моем посещении школ я лично опрашивал учеников 9–10 классов относительно их грамотности. В классе оказывалось один-два ученика, пишущих грамотно, три-четыре более или менее посредственно, остальные плохо с большим количеством грубейших ошибок.

Я считаю, что важнейшей причиной безграмотности является преступная политика Наркомпроса. Насаждалась безграмотность и постоянным сокращением количества часов русского языка в учебных планах школ, и нелепыми программами, и безграмотными грамматиками. Наркомпрос занимался “левацким” прожектерством, искоренял глубокое изучение языка в школе, выбросил всё ценное, что было накоплено дореволюционной школой.

Ни Наркомпросом РСФСР, ни его местными органами никто не привлечен к ответственности и даже никому не вынесено порицания за преступное отношение к русскому языку. Прошу поставить на Политбюро ЦК доклад т. Бубнова. Пусть т. Бубнов ответит перед ЦК за все творящееся в школе безобразия и за преступное отношение Наркомпроса к русскому языку».

Третьего сентября 1935 года появился еще один документ ЦК: «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной,

неполной средней и средней школе».

Партийное начальство выражало недовольство самостоятельностью педагогов: «Учебные планы и программы подвергаются ежегодным изменениям, чем нарушаются устойчивость и систематичность прохождения основ наук в школе... Расписания классных уроков перегружены трудными для усвоения предметами... Не изданы правила поведения учащихся в школе и вне школы, не выработан также и нормальный школьный устав, который должен определять твердый внутренний распорядок в школе».

Этот набор партийных решений поставил точку в эпохе послереволюционных экспериментов и исканий, попыток создать современную школу, более всего соответствующую стремительно развивающемуся миру. По всей стране шла жесткая регламентация жизни. Странно было бы, если бы школа осталась вне поля зрения партийно-государственного аппарата, прежде всего требовавшего порядка.

Зато отменили, наконец, ограничения на прием в высшие учебные заведения по социальному признаку. Дети бывших лишенцев тоже получили право учиться.

Двадцать седьмого января 1934 года Крупская выступала на XVII съезде партии. Поскольку фрондерства она себе больше не позволяла, встретили ее бурными, продолжительными аплодисментами. Надежда Константиновна спешила присоединиться к общему хору:

— Товарищи, партия, рабочие, колхозники, вся страна с волнением ждали XVII съезда и с особенным волнением ждали доклада товарища Сталина, потому что для всех было ясно, что этот доклад будет не просто отчетным докладом, — это будет подведение итогов того, что сделано в осуществление заветов товарища Ленина. Каждый знает, какую громадную роль в этой победе играл товарищ Сталин (*Аплодисменты в зале.*), и поэтому то чувство, которое испытывает съезд, вылилось в такие горячие приветствия, в горячие овации, которые съезд устраивал Сталину.

Крупская заговорила о библиотеках. Напомнила: «Мне сейчас приходится работать на библиотечном фронте». Закончила тем, что еще раз обрушилась на уже разгромленных «правых уклонистов»:

— В школьном деле правый уклон выражается в попытке протащить в школу старые, осужденные наукой методы преподавания, протащить антимарксистское понимание основ наук. Наркомпрос дает отпор этим попыткам. Сказывается правый уклон и в попытках оторвать учителя в школе от общественной жизни. Мне вчера попала записка контрреволюционера Шумского товарищу Кагановичу, где он писал о том,

что необходимо учителя разгрузить от всякой общественной работы. Оторвать учителя от участия в строительстве социализма — это нечто совершенно недопустимое.

Александр Яковлевич Шумский еще недавно был коллегой Крупской, руководил Наркоматом просвещения Советской Украины. Но когда-то он принадлежал к левым эсерам, которых на Украине именовали боротьбистами (печатным органом левых эсеров стала газета «Боротьба»). В 1920 году партия самораспустилась и влилась в ряды большевиков. Некоторые боротьбисты получили высокие посты. Но ненадолго. Шумского в 1927 году сняли с поста наркома. Несколько лет его перебрасывали с одной должности на другую в Ленинграде и Москве, а в 1933 году посадили по обвинению в принадлежности к антисоветской организации. После окончания ссылки, в сентябре 1946 года, убили.

На XVII съезде Крупскую избрали членом ЦК. Но Надежда Константиновна всё равно оставалась под подозрением у правоверных партийных секретарей. 14 августа 1934 года Лазарь Каганович, который в отсутствие вождя оставался на хозяйстве, докладывал отдыхавшему на юге Сталину о подготовке первого съезда Союза советских писателей: «Настроение у Горького, видимо, неважное. Например: заговорил о детях, что вот-де воспитание плохое, неравенство, вроде как разделение на бедняков и богатых, у одних одежда плохая, у других хорошая, нужно бы ввести одну форму и выдавать всем одинаковую одежду. Дело, конечно, не в том, что он заговорил о трудностях в этом отношении, а в том, с каким привкусом это говорилось. Мне эти разговоры напомнили т. Крупскую».

Наркомпрос по-прежнему руководил не только образованием, но и театрами, и кино, книгоизданием, библиотеками, музеями, клубами, парками культуры и отдыха. Но в начале 1936 года полномочия Наркомата просвещения опять сократили. Управление сферой культуры передали Всесоюзному комитету по делам искусств при Совнаркоме СССР.

ВЫСТРЕЛ В КРЕМЛЕ

В ноябре 1932 года Крупская, как и остальные обитатели Кремля, испытала потрясение. Покончила с собой жена вождя Надежда Сергеевна Аллилуева. Застрелилась из дамского пистолета «вальтер», привезенного ей в подарок братом Павлом из Германии.

Последствия этого рокового выстрела стали ясны не сразу. Сначала показалось, что это чисто семейное дело.

В тот день Сталин и Аллилуева побывали в Большом театре. Надежде Сергеевне вроде бы показалось, что муж уделяет слишком много внимания одной из балерин. Увлечение балеринами было модным в советском руководстве. Потом супруги отправились ужинать к наркому обороны Ворошилову. По давней традиции 7 ноября, после парада и демонстрации, члены политбюро и высшие командиры Красной армии собирались у Климента Ефремовича. У него была в Кремле большая квартира.

Жена Ворошилова в своем дневнике ностальгически вспоминала те времена: «Песни, танцы. Да, да — танцы. Плясали все, кто как мог. С. М. Киров и В. М. Молотов плясали русскую с платочком со своими дамами. А. И. Микоян долго шаркал ногами перед Надеждой Сергеевной (Аллилуевой), вызывая ее танцевать лезгинку. Танцевал он в исключительном темпе и азарте, при этом вытягивался и как будто становился выше и еще тоньше. А Надежда Сергеевна робко и застенчиво еле успевала ускользнуть от активного наступления А. И.

Климент Ефремович отплясывал гопака или же, пригласив партнершу для своего коронного номера — польки, танцевал ее с чувством, толком, расстановкой. А. А. Жданов пел под собственный аккомпанемент на рояле. Пел и Иосиф Виссарионович. Были у И. В. любимые пластинки с любимыми ариями из опер и песнями. Особенно ему нравилось смешное».

Обедали, выпивали. Все пришли с женами. Вечеринка затянулась, веселились до упаду, много выпили. Сталин пребывал в превосходном настроении, чему способствовало не только привезенное с Кавказа красное вино, но и приятное общество.

Потом утверждали, что Сталин вроде бы уделил особое внимание жене одного из военачальников. Это не прошло незамеченным для окружающих, прежде всего для Аллилуевой. Обычно скупая в эмоциях и даже несколько суховатая, Надежда Сергеевна не могла сдержать своих чувств. Разгоряченный вином и самой атмосферой удавшейся вечеринки, Сталин

не придавал значения ревности жены. Увидев, что она недовольна, бросил ей в тарелку корку от апельсина и в своей грубоватой манере обратился к ней:

— Эй, ты!

Аллилуева вспылила:

— Я тебе не «эй ты»! — И вышла из комнаты.

За ней последовала Полина Семеновна Жемчужина, жена Молотова. Аллилуева и Жемчужина долго вдвоем гуляли по осеннему Кремлю. При Сталине он был закрыт для посещения. Никого, кроме охраны, там не было.

Жемчужина расскажет потом, что Надежда жаловалась на мужа. Она ревновала Сталина и считала, что у нее есть для этого основания. Дочери вождя Светлане Полина Семеновна впоследствии говорила:

— Твой отец был груб, ей было с ним трудно — это все знали; но ведь они прожили уже немало лет вместе, были дети, дом, семья, Надю все так любили... Кто бы мог подумать! Конечно, это не был идеальный брак, но бывает ли он вообще?

Во время прогулки Аллилуева вроде бы успокоилась и пошла домой. О том, что произошло позже, можно только догадываться. Сталин и Аллилуева спали в разных комнатах. Она у себя. Он — в кабинете или в небольшой комнате с телефоном возле столовой. Там он и лег в ту ночь после банкета. В те роковые часы, часы отчаяния, тоски, сжигавшей ее ревности, Надежда Сергеевна осталась совсем одна.

Если бы Сталин, вернувшись, зашел объясниться или вообще посмотреть, как там жена, она, возможно, осталась бы жива. А он вернулся от Ворошилова в прекрасном настроении и, надо полагать, не хотел его портить неприятными объяснениями с женой. Утром Надежду пришла будить экономка и обнаружила ее мертвой.

Писательница Галина Серебрякова вспоминала: «Скромность Надежды Сергеевны Аллилуевой граничила с застенчивостью, сдержанность и внешнее спокойствие сопутствовали ей всюду. Красота ее была не броской, а строгой и классически совершенной. Знакомый нам по древнегреческим фрескам точеный нос, высокая шея, большие карие глаза. Смотрела она прямо, подолгу не опуская густых ресниц, редко смеялась, умела молчать и слушать и, несмотря на отрочески худенькую фигуру и по-детски сжатые плечи, казалась физически крепкой...

Не только к Владимиру Ильичу, но и к Крупской была она горячо привязана. Долгое время Аллилуева даже одевалась так же, как и Надежда Константиновна, предпочитая темный шерстяной сарафан и белую простенькую блузочку всем иным нарядам. Помню, весной — в Мухалатке

— Надя часто повязывалась пуховым платком крест-накрест, поверх кофты, так же, как это любила делать Надежда Константиновна...»

Крупская тяжело переживала смерть молодой Аллилуевой. 16 ноября 1932 года «Правда» поместила личное письмо Надежды Константиновны Сталину. Вдова обращалась к вдовцу: «Дорогой Иосиф Виссарионович, эти дни всё думается о Вас и хочется пожать Вам руку. Тяжело терять близкого человека. Мне вспоминается пара разговоров с Вами в кабинете Ильича во время его болезни. Они мне тогда придали мужества. Еще раз жму руку».

Она сильно лукавила, чтобы сделать приятное Сталину. Публичное выражение сочувствия не спасло ее от постоянного недовольства вождя. Вдовец по-прежнему испытывал к вдове Ленина плохо скрываемую антипатию. Но не мог отказать Крупской в том, что ей полагалось по номенклатурным правилам.

«Внешне, — вспоминал Лев Троцкий, — ей оказывались знаки уважения, вернее, полупочета. Но внутри аппарата ее систематически компрометировали, чернили, унижали, а в рядах комсомола о ней распространялись самые нелепые и грубые сплетни. Что оставалось делать несчастной, раздавленной женщине? Абсолютно изолированная, с тяжелым камнем на сердце, неуверенная, в тисках болезни, она доживала тяжелую жизнь».

Седьмого марта 1933 года Крупская в числе других видных женщин-партиек была награждена орденом Ленина — «За выдающуюся самоотверженную работу в области коммунистического просвещения рабочих и крестьянок».

Мария Ильинична Ульянова побывала в Татарии на слете колхозников-ударников. Там ей передали для Надежды Константиновны испеченный ими пирог с надписью: «Н. К. Крупской. Национальный по форме, зажиточный по содержанию».

Приближался ее юбилей. Общество старых большевиков решило отпраздновать 28 февраля 1934 года 65-летие Крупской. Но она заявила, что возражает против всяких юбилеев. Когда Крупскую спросили, как ей понравилась книжка Людмилы Сталь о ней (Людмила Николаевна Сталь прежде работала в женотделе ЦК, потом стала заместителем председателя Всероссийского общества «Долой неграмотность»), Надежда Константиновна ответила:

— Неприятно читать свой собственный некролог.

Партийный работник Татьяна Федоровна Людвинская предложила действовать через старую подругу Крупской Зинаиду Павловну Невзорову-Кржижановскую. Но и у Зинаиды Павловны ничего не получилось. Она

ответила:

«Дорогой товарищ Людвинская!

Говорила с Надеждой Константиновной, но, как и ожидала, она всеми силами протестует против празднования юбилея, желает уехать в Ленинград, спасаться. Говорит: “Пусть имеют терпение подождать до 75-летнего юбилея!” Как это Вам кажется?! Я лично ничего не могу с ней поделать, хотя и старалась ей выявить общественную сторону этого юбилея. Может быть, кто-то лучше сумеет к ней подойти? Или, может быть, надо было начать с переговоров с ЦК? А не с ней?»

Всё-таки Крупскую уговорили. Торжественный вечер организовали в Обществе старых большевиков, располагавшемся в переулке Стопани, где потом устроили Дом пионеров Бауманского района. Открыл вечер Емельян Ярославский. Поздравить Надежду Константиновну приехал болгарский коммунист и член Исполкома Коминтерна Георгий Димитров. Он руководил берлинским бюро Коминтерна. В 1933 году нацисты обвинили его в поджоге рейхстага вместе с двумя другими видными деятелями болгарской компартии — Благоем Поповым и Василом Таневым.

Но суд в Лейпциге всех троих оправдал, после чего они уехали в СССР, который предоставил им советское гражданство. Благой Попов уже в 1920-х годах жил в Советском Союзе и в 1929 году окончил Академию коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской. В 1937 году Попова арестовали и держали в ГУЛАГе до 1954 года. Васил Танев погиб во время Второй мировой войны. Счастливо сложилась только судьба Димитрова....

В тот вечер и его, и Надежду Константиновну приняли в почетные пионеры.

— Миллионы молодых комсомольских и пионерских рук доведут наше дело до конца, — сказала растроганная Крупская, но пообещала: — И мы, старики, еще постараемся.

Два крупных прозаика — Валентин Петрович Катаев и Лев Вениаминович Никулин — опубликовали в «Известиях» 8 марта 1934 года панегирик вдове Ленина: «Большая радость слушать замечательного революционера, женщину, жизнь которой может быть высоким образцом для нашей молодежи. Вот почему молодежь с такой теплотой встретила на трибуне эту скромную, мудрую, простую женщину с орденом имени ее соратника, товарища и друга — с орденом Ленина на груди».

Крупская редактировала руководящий орган женотдела ЦК журнал «Коммунистка», пока он существовал с 1920 по 1931 год. Статьи, написанные для журналов «Коммунистка» и «Работница», собрала в книжку «О работе среди женщин», которая вышла в 1926 году. Она

призывала женщин устраивать «культурно-бытовые походы» за создание новых клубов, столовых, общежитий, яслей. На совещании в женотделе ЦК говорила:

— Женщина должна стараться, если она настоящая коммунистка, воспитать и своего мужа, и своих детей, и своих братьев и сестер коммунистами...

В разгар коллективизации Крупская писала женщинам в коммуну «Ленинская искра» в Курской губернии: «Вести, которые приходят из Германии, Польши, Англии, Северной Америки, говорят о том, что рабочие там организуются для борьбы. Наши успехи на фронте коллективизации будут воодушевлять их, помогать им».

В мае 1934 года Надежду Константиновну посетили американские педагоги. Крупская рассказала им, что с начала года получила больше восьми тысяч писем. Кстати, среди них было послание из Донбасса. Ее просили написать женам шахтеров, чтобы они разводились со своими мужьями, если те не будут работать как ударники...

В июле Крупской сделали операцию на глазах. Она почти всегда писала от руки, отказываясь от стенографисток и машинисток, это вредило и без того слабому зрению.

Седая, болезненная с виду, сутулившаяся, с узелком зачесанных и заколотых на затылке белых волос — такой увидела Крупскую в 1934 году Мариэтта Шагинян. Писательницу поощрили мандатом депутата Моссовета. Мариэтта Сергеевна, как и другие депутаты-новички, не очень понимала, чем ей предстоит заниматься. Крупская им объяснила.

«Она говорила о снятии какой-то тумбы с какого-то проезда, о трамвайных висунах, о горячих завтраках, — вспоминала Шагинян. — В перечне этих мелочей и была заложена самая суть нашей будущей работы — реальные нужды москвичей... Надежда Константиновна ввела нас в великий ленинский стиль работы, в культуру настоящего большевизма».

А если вдуматься, что же вытекало из слов Крупской? Депутатам-москвичам позволяли заниматься лишь какими-то мелочами, а не реальными проблемами огромного города.

Двадцать третьего августа 1935 года Крупская отправила Сталину письмо:

«Иосиф Виссарионович!

Я как-то просила Вас поговорить со мной по ряду текущих вопросов культурного фронта. Вы сказали: “дня через четыре созвонимся”. Но нахлынули на Вас всякие дела, так и не вышло разговора...»

Сталин не принял вдову Ленина. Переслал ее письмо Николаю

Ивановичу Ежову, недавно избранному секретарем ЦК: «Прочтите приложенное письмо т. Крупской и двиньте вперед затронутые в нем вопросы... Посылаю именно Вам это письмо потому, что у Вас обычно слово не расходится с делом, и есть надежда, что мою просьбу выполните, вызовете т. Крупскую, побеседуете с ней и пр.»

Надежда Константиновна вставала очень рано, еще до шести и садилась работать. Писала статьи, выпускала книги. В частности, подготовила сборник «Что писал и говорил Ленин о библиотеках». Решила разослать только что вышедшую книгу членам политбюро. Помощник Крупской обратил ее внимание на то, что в сборнике упущено одно важное высказывание вождя. Она велела срочно перепечатать эту цитату на машинке и сама вклеила ее в экземпляры, предназначенные для членов политбюро. Продолжая популяризировать наследие своего мужа, подготовила, например, книгу «Ленинские установки в области культуры». Часто выступала на предприятиях.

В 1936 году Крупской без защиты присудили степень доктора педагогических наук. Она сама просматривала учебные планы школ для взрослых. Прочитав один из них, дала негативный отзыв: «Программа аполитична, никак не связана с задачей строительства социализма, с необходимостью овладеть техникой, не вскрывает классовый характер борьбы за индустриализацию».

В апреле 1936 года Корнея Чуковского пригласили на съезд комсомола. «На съезде все эти дни бывала Н. К. Крупская, — записал он в дневнике. — Наши места оказались рядом. Мы разговорились. Она пригласила меня к себе побеседовать. Очевидно, хочет загладить свою старую статью о моем “Крокодиле”. А мне хочется выложить ей — всё, что у меня накопело по поводу преподавания словесности в школе. Бубнов и она воображают, что в этом деле виноваты какие-то “методы”. Нет, в этом деле раньше всего виноваты они, Бубнов и милая Н. К., — виноваты тем, что у них-то у самих нет подлинной внутренней любви к поэзии, к искусству». Но высказать всё это Крупской он не решился...

Художник Татьяна Николаевна Жирмунская знала Крупскую, потому что с ней дружила ее мать Ольга Алексеевна Филатова (в замужестве Яковлева), они вместе преподавали в Смоленской вечерней воскресной школе. «Я видела ее уже старой, седой, сильно ссутулившейся, а передо мной вставал тот образ: юная девушка в простом черном платье, со скрещенными на груди руками, с глубоким целеустремленным взглядом светлых, чуть косо поставленных глаз», — вспоминала Жирмунская.

«Еду на шестое сегодня заседание, не помню, как меня зовут, —

шутливо говорила мне Надежда Константиновна в 1936 году».

«Одевалась она более чем просто. Помню ее шерстяной сарафан, который она носила много лет. И еще вспомнилось: майский летний день 1936 года в Москве. Весь город словно окутан нежно-зеленым пушистым туманом — лопнули весенние почки, распускаются первые листья, солнце припекает. По улицам спешат люди в летних платьях. Подъезжает машина. Надежда Константиновна выходит в старенькой шубке».

— Что это вы в такую жару в шубке? — поразилась Татьяна Жирмунская.

— Знаю, что тепло, Танечка, да некогда искать летнее пальто. Мария Ильинична уехала в командировку и куда-то запрятала ключ от шкафа.

Выступая, Крупская делилась опытом жизни без любимого человека:

— Книгу за книгой, статью за статьей, его речи — я перечитала всё, что написал Владимир Ильич. Я никогда не теряла ощущения присутствия его. Его мысли как бы вновь приобрели для меня новизну, я значительно глубже стала познавать их и часто ловила себя на том, что я как бы продолжала с ним беседу. При этом я представляла себе его выражение. Вот так я привыкла коротать свободное от работы время.

Но в разговоре с глазу на глаз призналась:

— Все просят меня поделиться воспоминаниями о Владимире Ильиче. И никто не хочет понять, как мне это тяжело!

Знакомому библиотекарю рассказывала, что Ленин всегда предоставлял ей лучшую комнату. Так было в их квартире в Кремле, так было и в Горках:

— Владимир Ильич никогда не соглашался жить в большой комнате. Он считал, что мне нужно больше солнца, больше воздуха.

Одиночество ее мучило. Крупская говорила Нине Исааковне Стриевской, сотруднице «Учительской газеты»: «Все хорошо, дело идет на лад, социализм будет построен, и люди растут прекрасные, а меня иногда берет за сердце тоска: я знаю, что никто не позвонит мне на работу и не скажет:

— Надюша, приезжай домой, я без тебя не сяду обедать».

НОВЫЙ НАРКОМ

В 1926 году состоялась первая Всесоюзная перепись населения, которая показала, что в СССР проживает 147 миллионов человек. На XVII съезде партии в 1934 году Сталин заявил, что население достигло 168 миллионов и каждый год увеличивается на три с лишним миллиона. В таком случае в 1937-м советских людей должно было бы стать 180 миллионов. А перепись 1937 года дала значительно меньшую цифру — 162 миллиона.

Сказались коллективизация и раскулачивание, то есть уничтожение деревни, массовые репрессии. Перепись сочли «дефектной», и ее материалы засекретили.

Грамотными в стране считали себя 86 процентов мужчин и 66 процентов женщин. Верующими — 45 процентов мужчин и 77 процентов женщин. В марте 1937 года Крупская откликнулась на эти данные в газете «Известия»: «Недавняя перепись показала, что массы, и особенно женщины, были встревожены параграфом опросного листа, касающегося религии. Большинство тех, кто давно не придерживается обрядов, не решились написать “неверующая” и в конце концов написали “верующая”».

Хотя скорее было наоборот: удивительным образом при накале антирелигиозной пропаганды и репрессий против церкви столько людей назвали себя верующими! Но лицемерие давно восторжествовало, писали и говорили то, что считалось правильным.

Григорий Иванович Петровский, еще недавно — председатель Всеукраинского ЦИК Советов и кандидат в члены политбюро ЦК ВКП(б), встретил Крупскую в 1937 году, когда его лишили высокого поста и перевели в Москву на унизительно маленькую должность заместителя директора Музея революции по хозяйственной работе.

«Печально смотрели на меня ее милые грустные глаза», — вспоминал Петровский много позже. А что она могла ему сказать? Даже сочувствие исключалось, это могло быть воспринято как сомнение в правоте партии. Вспомнил ли Петровский в тот момент, как он сам когда-то на партийном съезде высокомерно отчитывал Крупскую, позволившую себе непозволительную крамолу? Не все ли они собственными руками сооружали режим, жертвами которого потом и стали?

Старшего сына Петровского Петра Григорьевича, редактора

«Ленинградской правды», арестовали. Он умер в заключении. Младшего — Леонида Григорьевича, профессионального военного — уволили из Красной армии. Перед войной вернули на службу, и он погиб в Великую Отечественную войну.

Тем временем закончился жизненный путь старых друзей Надежды Константиновны — Зиновьева и Каменева. В последние годы они не виделись.

Льву Борисовичу Каменеву принадлежит крылатая фраза: «Марксизм есть теперь то, что угодно Сталину». Но Лев Борисович одним из первых отказался от политической борьбы против генерального секретаря. Сталин дал указание государственному издательству: «Можно помаленьку издавать сочинения Зиновьева и Каменева (антитроцкистского характера) и платить им гонорар тоже помаленьку».

Зиновьев недолго проработал в Наркомате просвещения, рядом с Крупской, и был отправлен в ссылку в Кустанай. Потом его вроде бы простили, вернули в Москву, назначили членом правления Центросоюза, ввели в редколлегию журнала «Большевик». Каменева тоже вернули из ссылки. Лев Борисович с удовольствием взялся руководить Институтом мировой литературы им. А. М. Горького и книжным издательством «Академия». По его совету Зиновьев тоже писал статьи на литературные темы и даже сочинял сказки.

Григорий Евсеевич и Лев Борисович наивно надеялись, что черта под прошлым подведена и больше претензий к ним не будет. Но Сталин не мог успокоиться, пока не добивал противника, даже если тот не сопротивлялся. Через две недели после убийства Сергея Мироновича Кирова в декабре 1934 года Зиновьева, Каменева и еще несколько человек, прежде входивших в ленинградское руководство, арестовали. Политическую оппозицию приравнивали к террористам, уголовным преступникам.

Зиновьев не понимал, что происходит. Из тюрьмы писал Сталину: «Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, что я понял всё, что я готов сделать всё, чтобы заслужить прощение, снисхождение?»

Сталина такие послания только веселили. Сентиментальным он никогда не был. В августе 1936 года военная коллегия Верховного суда приговорила Зиновьева и Каменева к смертной казни. Ночью их расстреляли.

Репрессии шли и в Наркомате просвещения. Брали сотрудников и

подчиненных Крупской. Андрей Сергеевич Бубнов как нарком должен был санкционировать их арест. Он обрек несколько сотен сотрудников наркомата на лагеря или тюрьму. Но верная служба генсеку не спасла Бубнова. Кресло под ним зашаталось.

Пятого июля 1937 года Крупская обратилась к Сталину: «Власть наркома в наркомате безгранична... Нельзя, чтобы нарком грозил не только уволить с работы, но и исключить из партии. Это безмерно усиливает бюрократизм, подхалимство, и без того процветающие в наркомате... Получается атмосфера подсиживания друг друга, сплетен... получается безысходная склока... Всё это пагубно отражается на деле».

В августе 1937 года руководитель сектора горьковского отдела народного образования Эле Исаевич Моносзон получил вызов в Москву. Выяснилось, что его переводят на работу в Наркомат просвещения первым заместителем начальника управления начальных школ. А он не хотел покидать город Горький. Пошел советоваться с заместителем заведующего отделом школ ЦК Иваном Андреевичем Каиловым (будущим министром просвещения и президентом Академии педагогических наук РСФСР). Тот сказал, что решение принято наркомом и отделом школ ЦК и не обсуждается, а его ждут в Кремле, в секретариате председателя Совнаркома РСФСР.

Правительство России только что возглавил Николай Александрович Булганин, которого ждало большое будущее.

«В первом часу ночи меня пригласили в кабинет Н. А. Булганина, — вспоминал Моносзон. — Он подробно познакомился со мной; спросил, где я работал раньше, попросил кратко охарактеризовать состояние школьного дела в Горьковской области. В заключение он спросил, сколько мне лет, на какую должность намечает меня Бубнов».

И вдруг бдительно поинтересовался:

— А как у вас насчет биографии? Нет в семье репрессированных?

Моносзон машинально ответил:

— Пока нет.

Булганин вскипел:

— Что значит “пока”?!

Пришлось извиниться за случайно оброненную фразу.

— Вам, вероятно, непонятно, почему предсовмина лично занимается комплектованием руководящих кадров Наркомпроса? — спросил Булганин. — Дело в том, что мы не доверяем Бубнову.

Провинциальный просвещенец поразился: казалось, ничто не предвещало падение столь крупной фигуры. А 13 октября 1937 года

появился указ: «Снять с поста народного комиссара просвещения товарища Бубнова как не справившегося со своей задачей и систематически срывавшего работу по просвещению, несмотря на колоссальную помощь со стороны органов советской власти». Формула, явно продиктованная самим Сталиным: это его язык, его лексика. Обычно такие указы пишутся иначе.

Арестовали Бубнова 17 октября 1937 года. В Наркомпросе недавние подчиненные на собраниях привычно клеймили уже бывшего наркома. Репрессии бедственным образом сказались на состоянии учительского сообщества.

Особый отдел ЦК 4 декабря 1937 года разослал всем членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) письмо за подписью Сталина: «На основании неопровержимых данных Политбюро ЦК ВКП(б) признано необходимым вывести из состава членов ЦК ВКП(б) и подвергнуть аресту, как врагов народа: Баумана, Бубнова, Булина, Межлаука В., Рухимовича и Чернова, оказавшихся немецкими шпионами, Иванова В. и Яковлева Я., оказавшихся немецкими шпионами и агентами царской охраны, Михайлова М., связанного по контрреволюционной работе с Яковлевым, и Рындина, связанного по контрреволюционной работе с Рыковым, Сулимовым. Все эти лица признали себя виновными. Политбюро ЦК просит санкционировать вывод из ЦК ВКП(б) и арест поименованных лиц».

Каждый из членов ЦК писал «за» и расписывался. «Против» — не было. Крупская тоже должна была поставить свою подпись. Письма возвращались во вторую часть особого отдела ЦК, через который шли все секретные документы.

Первого августа 1938 года военная коллегия Верховного суда приговорила Бубнова к расстрелу с конфискацией имущества за участие в мнимом заговоре «правых» с целью убить Сталина. Приговор привели в исполнение в тот же день. Посадили и его жену, она умерла в заключении. В 1944 году арестовали дочь, Елену Андреевну, которая училась на четвертом курсе университета. Тогда группу молодежи, 12 человек, обвинили в подготовке покушения на Сталина....

Неожиданно для Крупской новым наркомом просвещения РСФСР 26 октября 1937 года назначили Петра Андреевича Тюркина, ее недавнего подчиненного.

Тюркину было 40 лет. Он окончил реальное училище, подрабатывал репетиторством, поэтому считался профессиональным педагогом. После революции поступил в промышленный экономический институт, но и года не проучился. В Самаре Тюркина определили в губернский отдел

народного образования, который он вскоре и возглавил. В 1926 году его пригласили в Москву, в центральный аппарат наркомата — заместителем начальника главного управления по социальному воспитанию. А в 1929-м отправили руководить отделом народного образования в Нижегородскую губернию. В 1933-м утвердили директором Горьковского механико-машиностроительного (позднее индустриального) института. Нижним Новгородом руководил молодой Андрей Александрович Жданов, будущий хозяин Ленинграда.

В июне 1935 года Наркомат тяжелой промышленности перевел Петра Тюркина в город на Неве — руководить Ленинградским индустриальным институтом. В ту пору это был крупнейший в городе и стране технический вуз, в нем училось 40 с лишним процентов всех ленинградских студентов.

Начальство Петра Андреевича ценило. В приказе главного управления учебными заведениями Наркомата тяжелой промышленности говорилось: «Сочетая строгую требовательность к организации учебного процесса и к успеваемости с внимательным отношением к нуждам профессорско-преподавательского состава и студенчества, Тюркин добился ощутимых результатов в качестве директора самого крупного вуза тяжелой промышленности — Ленинградского индустриального института».

Приказом наркома просвещения Бубнова Петра Андреевича Тюркина премировали автомашиной «М-1». Роскошный по тем временам подарок.

Ленинградом руководил Андрей Жданов, помнивший Тюркина по Нижнему Новгороду. В июне 1936 года Тюркина как опытного чиновника поставили заведовать областным отделом народного образования. На следующий год сделали заместителем председателя Леноблисполкома.

А 31 августа 1937 года Тюркин внезапно оказался главой всей Ленинградской области. На заседании исполкома обсуждалась готовность школ к новому учебному году. Но это оказалось не единственным вопросом, который прямо затрагивал Петра Андреевича. В тот день освободили от должности председателя Леноблисполкома Алексея Петровича Гричманова. Его назначили заместителем наркома финансов СССР. Когда он приедет в Москву, то будет арестован и уничтожен. Исполнять обязанности председателя поручили Тюркину.

Опыта для того, чтобы управлять экономикой края, у Тюркина не было. Но на этом высоком посту Петр Андреевич не проработал и полутора месяцев. 12 октября он уже стал наркомом и поехал в Москву. А экономику и хозяйство области поручили Петру Сергеевичу Попкову, выпускнику Института инженеров коммунального строительства. Он на многие годы станет председателем Леноблисполкома.

Кто же раскладывал этот кадровый пасьянс?

Несложно предположить, что Тюркина на пост наркома предложил член политбюро Андрей Александрович Жданов, который не только руководил Ленинградом, но и был секретарем ЦК. В этой роли ведал всеми кадрами идеологической сферы.

В предвоенные годы Сталин симпатизировал Андрею Александровичу. Жданов был веселым и компанейским человеком, играл на гармонии и на рояле, пел. Когда Сталин устраивал ужины, он сажал рядом с собой Жданова и назначал его тамадой. Правда, всякий раз говорил ему, когда и за кого пить, а иногда и буквально диктовал текст тоста.

Жданов активно переводил в Москву ленинградские кадры. Годом позже, 1 января 1939 года, по его рекомендации союзным наркомом текстильной промышленности стал Алексей Николаевич Косыгин. А заместитель председателя горисполкома Николай Алексеевич Вознесенский возглавил в Москве Госплан.

В марте 1939 года Андрей Александрович Жданов, выступая на XVIII съезде партии, с гордостью говорил о своих выдвиженцах:

— Если несколько лет тому назад боялись выдвигать на руководящую партийную работу людей образованных и молодежь, руководители прямо душили молодые кадры, не давая им подниматься вверх, то самой крупной победой партии является то, что партии удалось, избавившись от вредителей, очистить дорогу для выдвижения выросших за последний период кадров и поставить их на руководящую работу.

Кто мог тогда предположить, что наркомом Петр Тюркин пробудет всего три года, после чего 1 марта 1940 года его столь же неожиданно освободят от министерской должности. Ему предложили пост директора Московского инженерно-экономического института им. Серго Орджоникидзе, а через три месяца вернули в город на Неве на прежнее место. Сменилось только название — теперь это был Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина.

Во время блокады Ленинграда генерал-майор Тюркин был начальником политуправления Ленинградского фронта. После войны — заместителем председателя Ленгорисполкома, директором областного Института истории партии.

В автобиографии Тюркин уверенно писал: «За время своего непрерывного пребывания в рядах членов партии Ленина-Сталина я никогда не имел каких-либо колебаний, не примыкал к каким-либо антипартийным группировкам — наоборот, всегда активно боролся со всеми врагами партии, неуклонно осуществляя в своей практической

работе генеральную линию партии».

Но он стал жертвой печально знаменитого ленинградского дела, когда после смерти Жданова уничтожались его кадры. 19 ноября 1949 года Тюркина арестовали. Министерство государственной безопасности обвинило бывшего наркома просвещения в том, что он «в период своего пребывания на руководящей советской работе поддерживал близкую связь с участниками антипартийной группы, существовавшей в г. Ленинграде, и проводил враждебную ВКП(б) и советскому правительству деятельность».

Бывший нарком и полгода не прожил в заключении. Петр Тюркин умер 2 мая 1950 года в тюремной больнице. 25 июня 1954 года следственное управление КГБ при Совете министров СССР прекратило дело за отсутствием состава преступления...

Никому не ведомо его будущее. Назначенный наркомом Петр Тюркин начал с того, что, разоблачая своего предшественника Бубнова, отправлял в ЦК одну докладную записку за другой, сигнализируя о «вредительской работе врагов народа, пробравшихся в Наркомпрос РСФСР и его местные органы».

Наркомат просвещения при Тюркине, как и все центральные ведомства, работал по графику, подогнанному под ритм жизни вождя, — до глубокой ночи. Никто не решался уйти, пока хозяин на месте. Хотя от такой работы проку было немного.

В 1937 году Тюркина и Крупскую избрали депутатами Верховного Совета СССР. Верховному Совету формально принадлежала законодательная власть в стране. Он утверждал правительство, принимал законы и бюджет. Но собирался всего два раза в год на несколько дней. Никаких речей, помимо одобрительных, не звучало. Депутаты, проголосовав за всё, что им предлагали, разъезжались. Да и заседания комиссий обеих палат (Совета Союза и Совета национальностей) носили ритуальный характер. Повлиять на судьбу страны, что-то изменить в законе или бюджете депутатам было не под силу. Депутатский значок был просто важным знаком отличия. Высоким чиновникам он полагался по должности.

Тюркин и Крупская исправно посещали сессии, благо они были короткими. Обыкновенно сессии проходили самым скучным образом. Но иногда случались сюрпризы. 17 января 1938 года на сессии выступил депутат Верховного Совета СССР Мир Джафар Багиров, первый секретарь ЦК компартии Азербайджана. Он обрушился с критикой на союзного наркома юстиции Николая Васильевича Крыленко, хорошо известного Крупской еще с революционной поры:

— Если раньше товарищ Крыленко большую часть своего времени

уделял туризму и альпинизму, то теперь отдает свое время шахматной игре. Нам нужно всё же узнать, с кем мы имеем дело в лице товарища Крыленко — с альпинистом или наркомом юстиции? Не знаю, кем больше считает себя товарищ Крыленко, но наркомюст он, бесспорно, плохой. Я уверен, что товарищ Молотов учтет это при представлении нового состава Совнаркома.

Зубодробительное выступление Багирова вовсе не было его личной инициативой. Кто бы позволил бакинскому секретарю критиковать союзного наркома! Это Сталин любил такие игры. Он мог бы просто избавиться от Крыленко. Но предпочел всё обставить должным образом. Раз нарком подвергся критике со стороны депутатов, его придется освободить от должности. Вскоре Крыленко арестовали и расстреляли.

Чуть не каждый день исчезали люди, которых Крупская знала десятилетиями. На судебных процессах ораторствовал ее недавний подчиненный в Наркомате просвещения Андрей Януарьевич Вышинский. Очередную обвинительную речь заканчивал так:

— Враг коварен! Коварного врага щадить нельзя. Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодействе. Весь народ трепещет и негодует. И я как представитель государственного обвинения присоединяю свой возмущенный, негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов!.. Взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного!

И обвиняемые покорно признавали свою вину. В марте 1938 года начался процесс над так называемым правотроцкистским блоком. На скамье подсудимых оказались бывший член политбюро и «любимец партии» Николай Иванович Бухарин, бывший глава правительства Алексей Иванович Рыков, бывший наркомвнудел Генрих Григорьевич Ягода, бывший секретарь ЦК, а в последние годы заместитель наркома иностранных дел Николай Николаевич Крестинский и другие видные советские руководители...

Подсудимые обвинялись в том, что они «составили заговорщическую группу, поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, расчленение СССР».

Подсудимые в попытке сохранить себе жизнь подтверждали самые нелепые обвинения. Лишь один человек, хорошо известный Надежде Константиновне и высоко ценимый Владимиром Ильичом, посмел нарушить установленный сценарий. Бывший полпред в Германии Николай Крестинский, который, когда болел Ленин, исправно снабжал его

лекарствами и присылал немецких врачей, заявил, что не признает себя виновным:

— Я не троцкист. Я никогда не был участником «правотроцкистского блока», о существовании которого я не знал. Я не совершил также ни одного из тех преступлений, которые вменяются лично мне, в частности, я не признаю себя виновным в связях с германской разведкой.

Председательствовавший на процессе армвоенюрист Василий Васильевич Ульрих объявил перерыв. На следующий день Крестинский всё покорно признал. Каково всё это было слышать Крупской? О чем она думала, слыша, как близкий их семье человек «признается» в невероятных преступлениях?

После смерти Сталина и XX съезда партии начальник санитарной части Лефортовской тюрьмы дал такие показания: «Крестинского с допроса доставили к нам в санчасть в бессознательном состоянии. Он был тяжело избит, вся спина его представляла из себя сплошную рану, на ней не было ни одного живого места».

Николая Николаевича Крестинского расстреляли. Его жену — главного врача детской больницы им. Н. Ф. Филатова — отправили в лагерь.

Арестовав еще одного старого знакомого Крупской — бывшего секретаря ЦК Леонида Петровича Серебрякова, Вышинский занял его дачу на Николиной Горе. До ареста он часто гостил у Серебряковых, хвалил их дом. Имущество осужденных подлежало конфискации в пользу государства, но государство решило, что Вышинский заслужил право обосноваться на Николиной Горе...

Надежду Константиновну сделали членом президиума Верховного Совета СССР, который принимал все решения между сессиями. Точнее, оформлял. Решения-то принимало партийное руководство. Но в секретных протоколах политбюро, оргбюро и секретариата ЦК делали пометку: «Оформить в советском порядке». Это означало, что назначение на высокий пост или награждение будет произведено Верховным Советом СССР. Решение политбюро оставалось тайной, а в газетах печатался указ президиума Верховного Совета. Голосовали всегда единогласно. Иногда, если торопились, и президиум не собирали. Секретарь президиума прикладывал к указу факсимиле председателя.

Долгие годы председателем Центрального исполнительного комитета, затем председателем президиума Верховного Совета СССР был Михаил Иванович Калинин. Формально у него в руках была высшая государственная власть. В эпоху Большого террора Сталин санкционировал

арест жены Калинина. Ее обвинили в антисоветской деятельности и связях с троцкистами и правыми и отправили в лагерь. В Свердловске в пересыльной тюрьме писательница Галина Серебрякова встретила много москвичек, осужденных как члены семьи изменника родины.

— Вы знаете, кто вон там в углу сидит на мешке с вещами и пьет кипяток? Не узнаете? — спросила ее одна из давнишних знакомых.

Серебрякова внимательно посмотрела на высокую худую простоволосую женщину:

— Не знаю.

— Да что вы? Это же Екатерина Ивановна Калинина, жена Михаила Ивановича.

Калинин не посмел замолвить за жену словечко. Боялся, что и его посадят. Знал, что у чекистов заготовлены материалы о его мнимых связях с «правыми», которых уже расстреляли.

Сталин писал Молотову: «Что Калинин грешен, в этом не может быть никакого сомнения. Всё, что сообщено о Калинине, — сущая правда. Обо всём этом надо осведомить ЦК, чтобы Калинину впредь неповадно было путаться с пройдохами».

И вождь со свойственным ему иезуитством распорядился ознакомить всесоюзного старосту с материалами госбезопасности, дабы тот понимал, на каком крючке сидит...

Став наркомом, Петр Тюркин заботился о бесплатной раздаче учебников, о формировании единых школьных программ, о подготовке самих преподавателей — десятки тысяч учителей получали высшее образование заочно. Еще в 1936 году в системе народного образования ввели персональные звания. Нарком Тюркин подписывал молодым преподавателям аттестаты о присвоении звания, например, «учитель начальной школы».

В составе Наркомата просвещения было управление детскими домами и специальными школами, но оно не справлялось со своими задачами, потому что не располагало достаточными материальными ресурсами.

После раскулачивания и последовавшего затем голода беспризорных и безнадзорных детей оказалось слишком много. Сохранилась служебная записка школьного сектора Наркомата просвещения от 17 мая 1933 года, адресованная Наркомату рабоче-крестьянской инспекции: «В Смоленске и Брянске были высажены прямо на улицу из поезда 40–45 чел. беспризорных, среди которых были дети дошкольного возраста, которые были подобраны заведующим облоно. По сообщению инспектора охраны детства Горьковского края т. Наумовой, в Горьковский дом заключения в

это же время был направлен 91 человек детей в возрасте 16 лет.

Такие случаи неорганизованной отправки детей без всякого согласования с отделами народного образования и оставление детей в состоянии, явно угрожающем им беспризорностью, вполне совпадает с сообщением инспектора Центрального управления охраны т. Родичева, который заявил инспектору Наркомпроса, что он получил предписание вывезти в края и области тысячу человек детей помимо принимаемых Наркомпросом 250 чел. Считая такие действия уголовно наказуемыми, школьный сектор Наркомпроса просит расследовать это дело, установить виновных и привлечь их к строгой ответственности».

В 1935 году закрыли существовавшее десять с лишним лет общество «Друг детей», как было заявлено, ввиду ликвидации беспризорности. Но репрессивный аппарат государства продолжал плодить сирот. В 1936 году в детских домах находилось 174 тысячи воспитанников.

В октябре 1962 года писатель Виктор Петрович Астафьев рассказывал критику Александру Николаевичу Макарову: «Сейчас я пишу повесть о детдомовцах (“Кража”). Годы сложные — 37-й в основном. Хочется написать правду, а правда тех времен страшная. Особенно страшна она была для детей, которые совершенно не понимали, что происходит, и, лишившись родителей, кричали: “Спасибо любимому...”».

В детских домах жилось несладко, дети бежали. Государство жестко обращалось с несчастными беспризорниками и сиротами. Детские учреждения больше напоминали колонии. Детские приемники-распределители принадлежали НКВД, и нравы там были тюремные.

Нарком просвещения Петр Тюркин считал, что незачем долго держать сирот в детских домах — пусть те, кого неласково именовали «переростками», работают. В подчиненном ему управлении детскими домами сформировали комиссию по трудоустройству детей, оставшихся без родителей. Среди воспитанников детских домов с каждым днем становилось всё больше детей репрессированных родителей.

Нарком внутренних дел Николай Иванович Ежов подписал приказ № 00 486:

«Жены осужденных изменников родины подлежат заключению в лагеря на сроки, в зависимости от степени социальной опасности, не менее 5–8 лет.

При производстве ареста жен осужденных дети у них изымаются и вместе с их личными документами в сопровождении специально наряженных в состав группы, производящей арест, сотрудника или сотрудницы НКВД, отвозятся:

а) дети до 3-летнего возраста — в детские дома и ясли Наркомздравов;
б) дети от 3 — до 15-летнего возраста — в приемно-распределительные пункты;

в) социально опасные дети старше 15-летнего возраста в специально предназначенные для них помещения...

Наблюдение за политическими настроениями детей осужденных, за их учебной и воспитательной жизнью возлагаю на наркомов внутренних дел республик, начальников управлений НКВД краев и областей».

Детей ждала печальная судьба родителей: тех, кто постарше, отправляли в исправительно-трудовые колонии, маленьких отдавали в детские дома. Зачем Сталину понадобилось так жестоко расправляться с семьями репрессированных? Не хотел, чтобы жены и дети арестованных оставались на свободе, жаловались соседям и коллегам и рассказывали о том, что их мужья и отцы невиновны. Зачем позволять им сеять сомнения в правильности сталинских решений?

В начале марта 1938 года нарком просвещения Петр Андреевич Тюркин и заместитель наркома внутренних дел СССР старший майор государственной безопасности Семен Борисович Жуковский подписали совместный секретный приказ «О порядке выпуска и трудоустройства переростков — детей репрессированных родителей»:

«1. Трудоустройство переростков производится Наркомпросами АССР и краевыми, областными отделами Народного образования. Последние должны представить на утверждение Управлениям НКВД списки трудоустраиваемых с указанием места трудоустройства.

2. Трудоустройству подлежат после окончания учебного года переростки, достигшие 15-летнего возраста, и в том случае, если они учатся не выше пятого класса. Детям, обучающимся в настоящее время в шестых, восьмых и девярых классах, должна быть предоставлена возможность окончания неполной средней и средней школы.

Наркомам просвещения АССР и зав. крайоблоно разрешается оставлять в детских домах, в виде исключения, отдельных детей, отлично окончивших в 1937/38 учебном году семь классов средней школы, предоставив им возможность окончания 10 классов средней школы.

Детей репрессированных родителей, представляющих социальную опасность, систематически нарушающих порядок и дисциплину, хулиганствующих и не поддающихся исправлению в условиях детского дома обычного типа, привлекать к ответственности и направлять в трудовые колонии и лагеря НКВД в установленном порядке».

Старший майор (это генеральское звание) Жуковский и до конца года

не доработает в Наркомате внутренних дел. Николай Иванович Ежов попал в опалу, и началась чистка в его ведомстве. В октябре 1938 года Жуковского арестовали, через год расстреляли. Приказ относительно несчастных детей, которых власть лишила родителей, остался в силе.

Двадцатого декабря 1938 года нарком Тюркин и его заместитель Крупская приехали на торжественное открытие Исторической библиотеки. В тот же день Тюркин доложил Сталину: «Постановление ЦК ВКП(б) — об организации в Москве Государственной Публичной Исторической библиотеки выполнено. Библиотека располагает в настоящее время книжным фондом в 1 200 000 книг, составившимся из бывшей Исторической библиотеки при Государственном Историческом музее и Объединенной библиотеки бывшего Института Красной Профессуры. 700 000 книг к моменту открытия специально отобраны и обработаны для выдачи читателям.

Библиотека имеет общий читальный зал на 160 мест, специальные читальные залы: по истории ВКП(б), Истории СССР и Всеобщей истории (на 76–100 мест), постоянный выставочный зал. При каждом читальном зале сформированы специальные подсобные и справочные библиотеки. Для обслуживания читателей имеется картографический зал и справочно-библиографическое бюро. Библиотека с 21 декабря с. г. открывает индивидуальный абонемент с выдачей читателям на дом книг по истории партии».

В ноябре 1937 года пленум ЦК принял решение об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей. Наркомпросу поручили разработать учебные планы и программы.

В архиве Крупской сохранилась незавершенная статья «Об обязательном изучении русского языка в национальных школах». Она задним числом свела счеты с оппонентами, которые уже не могли ей возразить: «Еще при Луначарском была попытка дать такое указание, что взрослые должны учиться грамоте лишь на родном языке. Я тогда перебила всю посуду, говоря, что взрослые могут учиться грамоте на том языке, на каком они хотят. Удалось отстоять свою точку зрения. Приходилось вести яркую борьбу со Скрыпником, который “родным языком” считал не материнский язык, а язык предков учащихся и требовал, чтобы мы детей украинцев, которые давно уже живут в РСФСР и ни слова не знают по-украински, учили только украинскому языку».

Николай Алексеевич Скрыпник был членом ЦК и наркомом просвещения Украины. Его травили за мнимый «национал-уклонизм». В том же 1933 году, когда умер Луначарский, Скрыпник застрелился.

«Для нацменов очень важно было организовать добавочные занятия по русскому языку, так как без этого они не могли учиться не только в вузах, но даже в техникумах и средних школах, — писала Крупская. — В прошлом году я одно время заменяла Бубнова, и мне пришлось ознакомиться с азбуками для различных национальностей. Пришлось ругаться всячески. Из азбук выбрасывалось всякое содержание... Но за месяц трудно было что-то исправить».

Высказываться на такую тему без санкции вождя непозволительно было даже вдове Ленина. 7 марта 1938 года Крупская обратилась к Сталину:

«Дорогой Иосиф Виссарионович, по обыкновению пишу Вам о волнующем меня вопросе.

Мы вводим обязательное обучение русскому языку во всём СССР. Это хорошо. Это поможет углублению дружбы народов. Но меня очень беспокоит, как мы это обучение будем проводить.

Мне сдается иногда, что начинает показывать немного рожки великодержавный шовинизм. Например, я считаю вредным введение преподавания письма и чтения на первом году обучения не только на материнском, но и на русском языке, считаю вредным введение единого букваря для всех народностей, букваря, переведенного с русского... Среди ребят появилось ругательное слово “жид”, малышка говорит: “Дедушка, я не хочу быть латышкой”. Правда, пока это отдельные случаи, но всё же нужна известная осторожность».

Тональность посланий Крупской превращается в просительную. Даже воспоминания о муже она вынуждена согласовывать с вождем. Надежда Константиновна только позволяет себе по старой памяти обращаться к нему по имени и отчеству.

Пятнадцатого октября 1938 года Крупская вновь пишет Сталину:

«Иосиф Виссарионович,

Я хочу уточнить вопросы, по которым мне необходимо поговорить с Вами.

О своей работе над высказываниями Ленина по вопросам культуры и просвещения. Я работала над таким сборником всё лето. Хотелось создать сборник, где бы эти высказывания давались в тесной связи со всей работой партии по указанным Вами периодам, взять всё, что говорил Ильич за каждый период по этим вопросам... О казанском и самарском периоде учебы и деятельности Ильича. Тут очень много интересных моментов...

Очень хотелось бы, чтобы со мной поговорили».

Послания вдовы досаждали генсеку. Вместо личной беседы

последовало решение политбюро: «Предложить т. Крупской, согласно заключению врачей, ограничить время работы не более 4 часов в сутки при работе 4 дня в шестидневку; летом отпуск 3 месяца и диетпитание».

Врачи всегда были у нее под рукой — из Лечебно-санаторного управления Кремля. Что касается хлеба насущного, то с 1920-х годов сложилась система пайков для высшего чиновничества — еду им раздавали по символическим ценам. Первую столовую для высшей номенклатуры открыли в Кавалерском корпусе Кремля. В начале 1930-х ее перенесли на улицу Грановского, там обедало большое начальство. Тогда же появились талоны на обед и ужин, чтобы продукты можно было брать домой. Филиал столовой лечебного питания открыли в Доме на набережной, еще один — для старых большевиков — в Большом Комсомольском переулке.

Надежда Константиновна с Марией Ильиничной ездили на Северный Кавказ. Лечились в санатории в Железноводске. Но в июне 1937 года Мария Ульянова умерла от кровоизлияния в мозг. Надежда Константиновна осталась совсем одна.

СМЕРТЬ НАКАНУНЕ СЪЕЗДА

В Партиздате вышел сборник статей Крупской «Женщина Страны Советов — равноправный гражданин». Ярким публицистом Надежда Константиновна никогда не была. Но прежде в ее статьях было реальное содержание, теперь же остались штампы, кочевавшие из одной статьи в другую. Читать это просто невозможно. И не читали. Функционеры просматривали текст в поисках руководящих указаний, убеждались, что новых формул не появилось, и успокаивались.

Она продолжала много работать, несмотря на уговоры врачей побереечь себя.

Третьего января 1939 года лечащий врач записал в ее истории болезни: «После прогулки на воздухе в Архангельском наблюдалось помутнение в глазах. Головной боли нет». Рекомендовал: «Сократить рабочие часы до трех часов в день и запретить всякие выступления» (Коммерсантъ-власть. 2009. 21 февраля).

К рекомендациям Надежда Константиновна не прислушалась.

Одиннадцатого января в истории болезни появилась новая запись: «Работает по четыре-пять часов в день. Выступает, проводит небольшие совещания. На ослабление рабочего режима не согласна, от осмотра отказывается».

Пятнадцатого января Крупская выступала на совещании младших командиров Московского гарнизона, — о воспитательной роли армии.

Двадцать второго февраля Крупская в своем кабинете на Чистых прудах принимала художника Петра Васильевича Васильева, который со временем получит Государственную премию. Он много рисовал Ленина. Надежда Константиновна говорила ему:

— Когда мне показывают скульптуры и картины о Ленине, я очень переживаю, что не нахожу Ильича. Меня недавно упрекали, что я очень придирчива. И я даже обещала не давать больше советов работникам искусств. А вот сейчас нарушаю это слово...

Она посоветовала художнику изображать Ленина динамичным, живым, в действии, например, выступающим на собраниях, беседующим с людьми, читающим газету. Пожаловалась:

— В эти дни я чувствую себя плохо. Устала, видимо.

Крупская была избрана делегатом XVIII съезда и собиралась пойти на партийный форум. Но не дожила.

Двадцать третьего февраля на заседании Совнаркома РСФСР рассматривался третий пятилетний план в области народного образования. Крупская говорила о развитии сети культурных учреждений на селе, о необходимости строительства новых клубов и библиотек.

Двадцать четвертого февраля, в выходной, старые знакомые собрались в Архангельском — накануне дня рождения Крупской. Устроили как бы предпразднование ее семидесятилетнего юбилея. Но вечером ей стало плохо, появились сильные боли в животе, рвота, поднялось давление. Врач ошибочно предположил сердечный приступ. Но ей становилось всё хуже: «Резкие боли в животе. Пульс 110–120. Ввиду подозрения на острый воспалительный процесс вызваны на консультацию проф. М. П. Кончаловский и А. Д. Очкин. Доложено по телефону замнач. Лечсанупра».

Консилиум поставил более точный диагноз: «Весьма плохое общее состояние с резко учащенным неправильным пульсом, с посинением губ, носа и конечностей. При исследовании отмечены сильные боли в животе, особенно в нижней половине справа. Считаясь с наличием острых воспалительных явлений брюшной полости (заподозрен аппендицит) и общего тяжелого состояния больной, решено больную срочно госпитализировать в Кремлевскую больницу».

А время шло. На больничную койку ее доставили только под утро. Врачи вновь осмотрели. Диагностировали «закупорку склерозированных сосудов кишечника, омертвление части кишечника и последующее общее воспаление брюшины». По мнению медиков, это неминуемо ведет к кишечной непроходимости, потому требует срочного оперативного вмешательства. Терапевтическое лечение при таком диагнозе не поможет. Но вызванные известные хирурги — Спасокукоцкий и Очкин положить Крупскую на операционный стол не решились.

Сергей Иванович Спасокукоцкий — академик, руководитель кафедры 2-го Медицинского института. Памятник профессору Алексею Дмитриевичу Очкину стоит во дворе Боткинской больницы. Выдающиеся врачи. Почему же они не сделали Надежде Константиновне операцию? Надо полагать, боялись, что она умрет прямо на операционном столе. А им скажут: вы зарезали вдову Ленина.

В эти последние часы Крупской было очень плохо. Она страдала от боли. Похоже, обезболивающие препараты вводили скуповато. Врачи теперь уже точно диагностировали разлитый перитонит. Новый консилиум тоже отказался от операции. В истории болезни записали: «Больная по-прежнему находится в состоянии, близком к бессознательному. Значительная синюха. Похолодание конечностей. Липкий пот. Пульс

аритмичный. Общее состояние остается крайне тяжелым, не исключающим возможность близкого печального исхода».

Она ушла из жизни 27 февраля 1939 года. Как и ее муж, ранним утром — в 6 часов 15 минут. Вскрытие установило, что причина смерти — острый аппендицит и тромбоз сосудов брюшной полости.

Врачи Лечсанупра, предполагая, какие вопросы им могут задать, составили документ на имя генерального секретаря ЦК ВКП(б) Сталина и председателя Совнаркома Молотова: «По опыту хирургов, излечение после операции наблюдалось исключительно редко у крепких людей. В данном случае при глубоком поражении всех важнейших органов и в возрасте 70 лет операция была абсолютно недопустима».

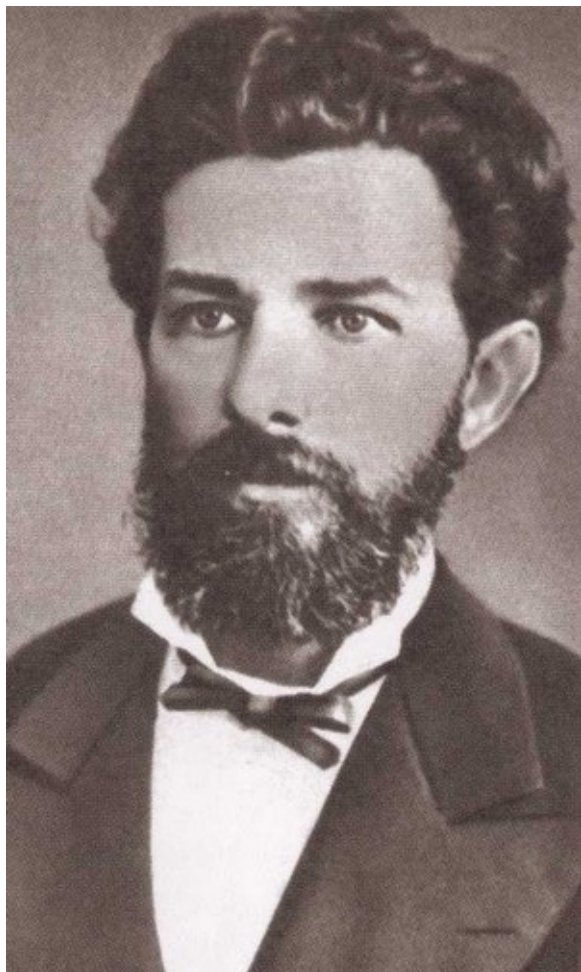
Двадцать восьмого февраля 1939 года газета «Правда» написала: «Смерть тов. Крупской, отдавшей всю свою жизнь делу коммунизма, является большой потерей для партии и трудящихся Союза ССР».

Прах Надежды Константиновны Крупской захоронили у Кремлевской стены, позади Мавзолея. И после смерти она осталась в тени своего великого мужа. Упокоиться рядом с ним — последняя земная милость — ей не было суждено. Владимир Ильич Ленин всё еще не похоронен.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Елизавета Васильевна Крупская — мать Надежды

Константин Игнатьевич Крупский — отец Надежды

Наде пять лет

Наде Крупской семь лет

У Надежды были очевидные способности к рисованию, но она выбрала иную стезю

Страница из школьной тетради по естествознанию Нади Крупской

Надежде Крупской 17 лет

Дом за Невской заставой, где находилась вечерняя воскресная школа для рабочих

Владимир Ленин. 1897 г.

Надежда Крупская. 1897 или 1898 г.

Дом в Шушенском, где жил во время ссылки В. И. Ленин

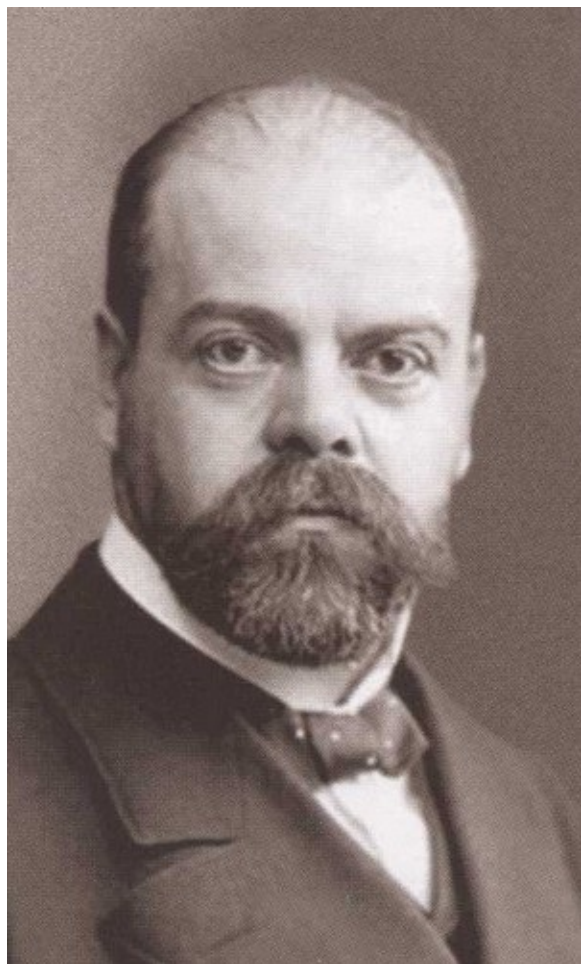
Инесса Арманд

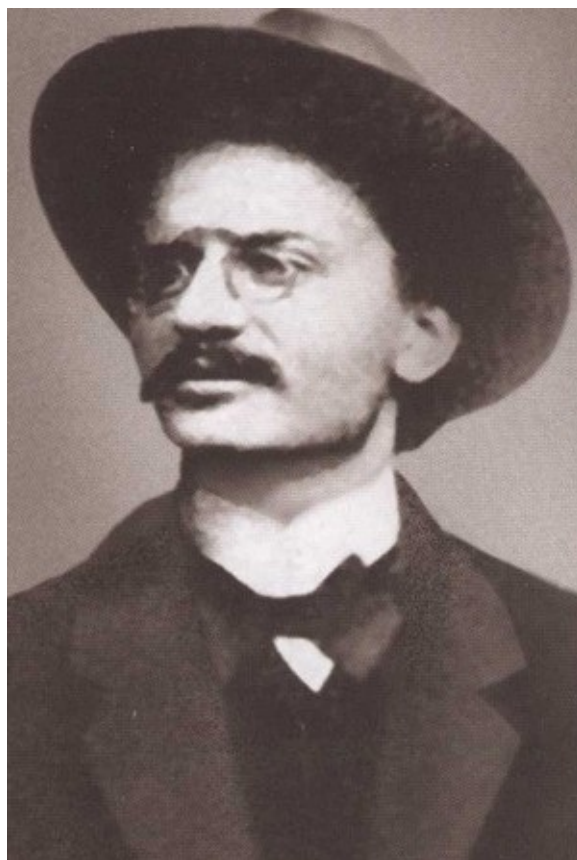
Владимир Ленин. 1900 г.

Надежда Крупская с матерью Елизаветой Васильевной. 1898 г.

Парвус

Лев Троцкий. Лондон, 1902 г.

Парвус, Троцкий и Лев Дейч в тюрьме. Петербург, 1905 г.

Редколлегия газеты «Искра»: В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, А. П. Потресов; технический секретарь редакции Н. К. Крупская. 1901 г.

Юлий Мартов

*Надежда Константиновна под видом работницы Агафьи Атамановой.
Петербург, 1917 г.*

*В. И. Ленин, Н. К. Крупская и М. И. Ульянова уезжают с Ходынского
поля после военного парада в честь 1 Мая. Москва, 1918 г.*

*Ленин и Крупская выходят из Дома Союзов после заседания I
Всероссийского съезда по внешкольному образованию. Москва, май 1919
г.*

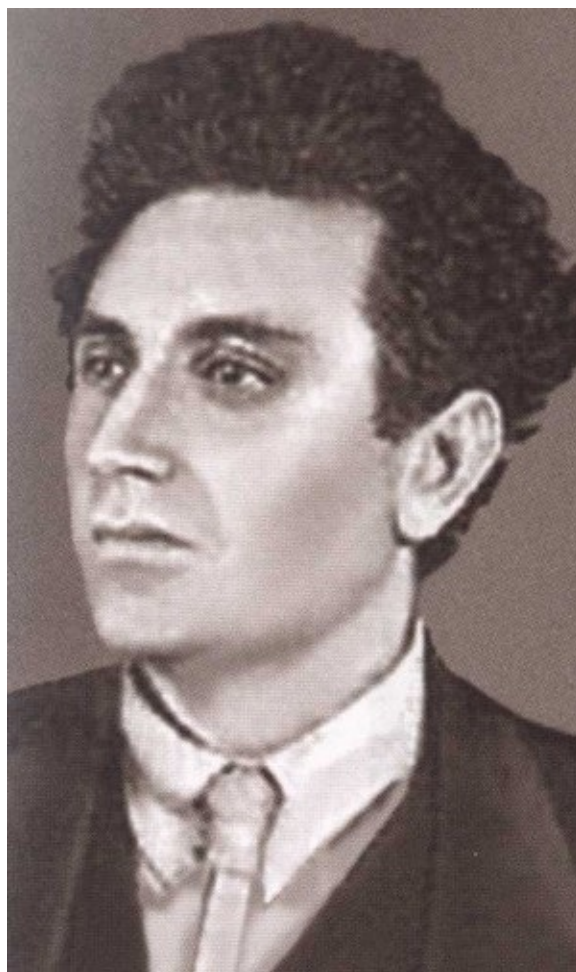
*Надежда Константиновна выступает на митинге во время поездки на
пароходе «Красная звезда». 1919 г.*

Ленин и Крупская в Горках. Август — сентябрь 1922 г.

*С племянником Ленина Виктором и дочерью рабочего Верой в Горках.
Август — сентябрь 1922 г.*

Григорий Зиновьев

Лев Каменев

Иосиф Сталин

Николай Бухарин

Крупская среди пионеров — детей рабочих кирпичного завода им. Л. М. Книпович. Станция Лобня под Москвой, 1928 г.

Крупская с детьми. Железноводск, 1929 г.

Н. К. Крупская и Клара Цеткин. 1931 г.

Один из последних снимков знаменитого семейства — Мария Ильинична Ульянова, Дмитрий Ильич Ульянов и Надежда Константиновна Крупская в кремлевской квартире. 1936 г.

*Надежда Константиновна на совещании в Народном комиссариате
просвещения. Москва, 1938 г.*

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. К. КРУПСКОЙ

1869, 14 (26) февраля — родилась в Санкт-Петербурге.

1887, ноябрь — после окончания гимназии начинает преподавательскую деятельность.

1889, сентябрь — поступает на Высшие Бестужевские женские курсы в Петербурге.

1891 — учительствует в вечерней воскресной школе для рабочих.

1894, февраль — знакомство с В. И. Ульяновым-Лениным.

1895 — вступает в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

1896, август — арестована по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

1897, декабрь — осуждена на три года ссылки.

1898, май — приезжает к Ленину в Шушенское.

10 июля — венчается с Лениным.

1900, февраль — Крупская переезжает в Уфу, где отбывает оставшийся срок ссылки.

1901, апрель — после освобождения из ссылки едет к мужу в Мюнхен, где становится секретарем редакции газеты «Искра», затем других газет, которые редактировал Ленин.

1905, ноябрь — вместе с Лениным возвращается в Россию, где началась первая революция.

1907 — уезжает с Лениным за границу во вторую эмиграцию, где преданно помогает мужу в революционной работе.

1913, июнь — острый приступ базедовой болезни заставляет прибегнуть к хирургической операции, после чего Крупская возвращается к повседневной работе.

1917, апрель — вместе с Лениным возвращается в Россию. Работает в секретариате и бюро печати ЦК.

1 Июнь — избирается депутатом Выборгской районной думы по списку большевиков.

Ноябрь — назначена заведующей отделом внешкольного образования Народного комиссариата по просвещению.

1918, март — май — исполняет обязанности заместителя наркома просвещения.

Июнь — утверждена членом коллегии Наркомпроса.

1919, июнь — август — участвует в агитационной поездке по Волге и Каме.

Декабрь — избирается членом Всероссийского центрального исполнительного комитета. Утверждена членом президиума Государственного ученого совета, научно-методического центра Наркомпроса.

1920, июнь — назначена редактором журнала «Коммунистка».

Август — избрана членом Международного секретариата по работе среди женщин при Коминтерне.

Ноябрь — назначена председателем Главполитпросвета.

Декабрь — избрана членом ВЦИК.

1921 — избрана председателем научно-педагогической секции ГУС.

1922, декабрь — избрана членом ЦИК СССР. Назначена редактором журналов «Коммунистическое просвещение» и «На путях к новой школе».

1923 — ухаживает за тяжелобольным мужем.

1924, 21 января — умер Владимир Ильич Ленин.

Май — на XIII съезде партии Крупскую избирают членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б). Пишет воспоминания о Ленине.

1925, декабрь — делегат XIV съезда партии, член президиума съезда, вновь избрана членом ЦКК.

1927, декабрь — XV съезд партии избирает Крупскую членом ЦК.

1929, март — награждена орденом Трудового Красного Знамени в связи с 60-летием.

Декабрь — назначена заместителем народного комиссара просвещения.

1931, февраль — избрана почетным членом Академии наук СССР.

1933, март — награждена орденом Ленина.

Июнь — избрана членом Центрального совета Всесоюзного общества старых большевиков.

1935, май — утверждена заместителем председателя Совета при наркомпросе просвещения.

1936, февраль — Высшая аттестационная комиссия Наркомпроса РСФСР присвоила ей степень доктора педагогических наук.

1937, декабрь — избрана депутатом первого созыва Верховного Совета СССР и членом его президиума.

1939, 26 февраля — «Правда» помещает приветствие ЦК и Совнаркома Н. К. Крупской в связи с 70-летием.

27 февраля — Н. К. Крупская скончалась.

ЛИТЕРАТУРА

Блонский П. П. Наркомпрос. ГУС // Педагогика. 1995. № 2. Дневники дежурного врача В. И. Ленина в 1922–1923 гг. // Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 40–56; Кентавр. 1991. № 4–6. С. 100–114, 1992. № 3–4. С. 117–136.

Дневник лечащего врача Ленина А. А. Кожевникова. РЦХИДНИ. Ф. 16. Оп. 2. Д. 13.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1989.

Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1957.

Крупская Н. К. Последние полгода жизни Владимира Ильича // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 169–178.

Лилина З. И. Ленин как человек. Л., 1924.

Национальное образование в России: концепции, взгляды, мнения. 1905–1938 гг. Сборник документов: В 2 ч. Ч. 2. 1917–1938 гг. М.: ИНПО, 2002.

Очерки истории российского образования. К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: В 3 т. М., 2002.

Ульянова М. И. О Владимире Ильиче (Последние годы жизни). РЦХИДНИ. Ф. 16. Оп. 3. Д. 20 // Известия ЦК КПСС. 1991. № 6.